

Г.А. ОЛДИ
А. ВАЛЕНТИНОВ

АРМАГЕДДОН БЫЛ ВЧЕРА

Г.А. ОЛДИ
А. ВАЛЕНТИНОВ

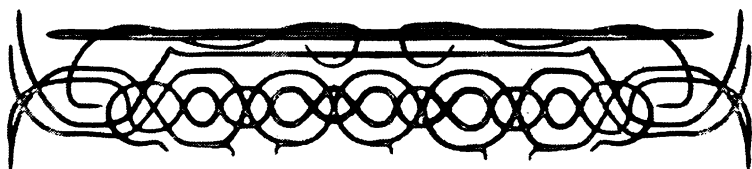

АРМАГЕДДОН
БЫЛ ВЧЕРА

НАМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ

АРМАГЕДДОН БЫЛ ВЧЕРА

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

НАМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ

Книга первая

АРМАГЕДДОН БЫЛ ВЧЕРА

ЭКСМО-ПРЕСС
1999

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4.
О 53

Оформление книги разработано художником *Ангу*
при содействии его агента *Николая Симкина*

Олди Г. Л., Валентинов А.

О 53 Нам здесь жить. Книга первая. Армагеддон был
вчера: Роман. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс,
1999.— 448 с.

ISBN 5-04-001669-7

...Белые буквы барашками бегут по голубизне экрана, врываются в городскую квартиру архары-спецназовцы, ловят убийц Первач-псы, они же «Егорьева стая», они же «психоз святого Георгия», дымятся на газовых конфорках-«алтарках» приношения утопцам и исчезникам, и звучит в эфире срывающийся вопль: «Всем! Всем, кто нас слышит! Мы — Город, мы гибнем!..» Удивительное соавторство Г. Л. Олди и Андрея Валентинова — и удивительный роман «Нам здесь жить», где играют в пятнашки быть и небыль...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-001669-7

© Олди Г. Л., Шмально А. В., 1999 г.
© Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО-Пресс», 1999 г.
© Иллюстрации. Ангу, 1999 г.

Миру — мир!
(из лозунгов)

Вместо предисловия

ВТОРНИК, ТРИДЦАТОЕ ИЮНЯ,

или

Одни имеют пару слов

Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется...

Ф. Тютчев

Это было недавно; это было давно, очень давно, потому что год жизни в эпоху перемен считается не за два, не за три... он просто считается.

На дворе бродил весенний 1995-й, превращаясь из сусла в легкое, чуть-чуть кисловатое вино. До бума на фантастику отечественного разлива, когда народ не Говарда и не Желязны умного — Лукьяненко с Дяченками с базара понесет; до сладостной осени 1996-го оставалась целая вечность. До статей в «Литературной газете» и журнале «Арт-Лайн», до дифирамбов и ушатов помоев, до целой вереницы кризисов и взлетов, конвентов и форумов...

Впрочем, за окном стоял март, любимый месяц Олдей, в котором оба соавтора умудрились родиться под одним и тем же знаком Овна, то бишь барана, годного в равной степени на шашлыки и Золотое Руно. Небо голубело себе помаленьку, коты орали на крышах, взыскав любви, а мы удирали от забот домашних в далекую Элладу XIII века до нашей эры, начиная книгу «Герой должен быть один».

На бумаге в клеточку, шариковой ручкой, и лишь иногда — с помощью вручную собранного

одним из наших друзей компьютера «Специалист», подлого агрегата ударно-нажимного действия.

Компьютера мы боялись — он имел свойство самовольно стирать эпизоды, противоречащие его электронно-эстетическим взглядам.

Вот тогда-то, поперек всей работы, и родился кусок текста, который вы сейчас имеете удовольствие (или неудовольствие) держать в руках. Он не имел ничего общего с ахейцами в бронзовых шлемах (что мы Гекубе, и что нам Гекуба?!); он пришел сам, нагло расположившись в мозгах и душах, как у себя дома; он возник сразу и надолго, для первого знакомства обозвав сам себя условным названием «Город наизнанку». Если кто-то не верит, если сочтет эту честную исповедь блефом, творческой шуткой авторов-мистификаторов — пусть достанет (купит, найдет, выпросит почитать... необходимое вписать самостоятельно) первое, барнаульское, издание «Героя...». Где в предисловии, положив руку на сердце, однозначно заявлено:

«Действие романа, которым сейчас забавляется юный шалун Олди, будет развиваться в середине двадцать первого века. Впрочем, это будущее не назовешь отдаленным, а сам роман не назовешь ни фэнтези, ни научной фантастикой. Все в нем шиворот-навыворот: на ритуальной конфорке газовой плиты возносятся жертвы водопроводным божествам, двухколесные кентавры доводят гоплитов из ГАИ до инфаркта, город мало-помалу восстанавливается после катаклизмов Большой Игрушечной войны...»

Мы были тогда искренне уверены, что в самом ближайшем времени... увы, благими намере-

ниями вымощена дорога в одно, не шибко приятное, место.

Текст возник, обосновался — и не пошел.

Замерз, прочно упершись в глухую стену.

Ну не получалось у нас, никак не получалось писать два романа одновременно — не получалось настолько, что мы даже сгоряча, в порыве вдохновения (никогда, никогда не принимайте решений в порыве!) решили: «Город наизнанку» станет продолжением (чуть ли не третьей книгой!) «Героя...». Не случайно ведь все в том же барнаульском издании в финале стоит не «КОНЕЦ», а «КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ». Боги Эллады и сопредельных территорий, внемлите! — мы честно уверяли себя, что будет и третья! Этакий «Герой должен быть один-два». Мудрый дядюшка Аид пытается противостоять надвигающемуся Армагеддону ахейскими методами, устраивает очередную «операцию по пересадке душ» — и столь полюбившиеся нам герои (Алкид с Ификлом и, конечно же, их отец Амфитрион) обретают новую жизнь, оказываясь на нашей грешной земле образца XXI века, дабы противостоять легионам самого Сатаны! Для начала мы решили закончить древнегреческую часть романа, подвести итог — и уж потом, собравшись с мыслями и силами...

Верую, ибо нелепо; а также — суждены нам благие порывы.

Мы сосредоточились на «Герое...», которого писать в итоге пришлось почти год в четыре руки; а о времени, понадобившемся на предварительную проработку материала, и говорить-то бо-язно. Роман закончился, был издан два раза подряд, потом еще разок переиздан... и продолжаться отказался наотрез.

Герой все-таки должен быть один.

Добавим лишь: именно тогда, когда мы разрывались между «Героем...» и «Городом...», произошло одно важное, не побоимся этого слова — историческое знакомство.

Смеетесь? Зря — потому что наш новый знакомый оказался не только коллегой-фантастом, не только земляком-харьковчанином, но и кандидатом исторических наук, доцентом университета.

Как вы уже, наверное, догадались, речь идет об Андрее Валентинове, у коего на настоящий момент вышло полтора десятка авторских книг, написанных большей частью в редком жанре «криптоистории», который Валентинов в значительной мере сам и создал. В принципе жанр этот можно считать одной из разновидностей исторической фантастики: этакий странный сплав «Fantasy», НФ, «альтернативной истории», мистики, истории реальной, детектива и еще много чего...

Впрочем, мы отвлеклись. На тот момент Андрей еще был никому не известным автором, а из публикаций за ним числились лишь научные статьи.

Зато, как вскоре выяснилось, диссертацию Андрей защищал как раз по античности, причем специализировался именно на интересующей нас крито-микенской культуре того самого периода, в котором происходило действие нашего «Героя...». Так что в итоге Валентинов сильно помог нам и литературой, и консультациями. Мы же, в перерывах между написанием очередных глав «Героя...», запоем читали его романы — тогда еще в исчерканных вдоль и поперек машинописных распечатках, — критикуя, редактируя и споря до хрипоты...

Господа, кстати, как вам еще одно «историческое» совпадение — родиться Андрей Валентинов ухитрился тоже во второй половине марта, в День Парижской Коммуны.

Случайно ли?!

Итак, знакомство состоялось, роман понемногу двигался вперед — и в конце 1995 года был благополучно завершен. Взяв новогодний таймаут и честно отгуляв праздники, со второй половины января нового, 1996 года мы единогласно постановили: беремся за отложенный до поры до времени «Город наизнанку»! Пришла наконец пора выпить холодного...

Пора-то, конечно, пришла — но разве что пора еще немного побиться головой о приснопамятную стенку. Текст ухмылялся и прирастал огрызками. Персонажи ожили, организовали подпольное сопротивление, по-партизански закладывали мины под рельсы фабулы, пуская под откос целые главы, и, что самое главное, готовы были умереть, лишь бы не примерять греческие хитоны и гиматии. Если гайшники поначалу согласились называться гоплитами (знали, зар-разы, что согласие притворное!), кентавры прижились сразу — то всякие там эринии, нимфы и сатиры в упор не желали вселяться в наш Город. Реальность пружинила, категорически боясь данайцев, дары приносящих! Да и былой сюжет начал скабрёзно подмигивать банальностями: Восставшие из Ада против Князя Тьмы!

Тошно, господа.

Скучно.

Тупик.

И мы снова отложили ма-ахонький кусочек готового текста до лучших времен — а сами уселись воспитывать «Пасынков Восьмой Заповеди».

А где-то наш Валентинов? Валентинов, ау?! Оказывается, Андрей тоже времени даром не терял: наконец-то его произведениями заинтересовались издатели (да еще как заинтересовались, пришлось чуть ли не аукцион устраивать!), в очередном выпуске серии «Перекресток» вышел его роман «Преступившие», а сам доцент-историк тем временем трудился над «Овернским клириком» — одним из его лучших произведений, опубликованных на сегодняшний день.

Но вернемся к нашим баранам, то бишь к Олдам-Овнам.

Закончив «Пасынков...», мы с некоторой опаской покосились на коварный задел «Города...», внесли в него две-три малозначащие правки и... спрятали в долгий ящик. Любовь не складывалась. Отказываться от замысла мы не собирались, да и не имели такой возможности — герои успели ожить, бродя по комнатам наших квартир, буяня в пьяном виде и настоятельно требуя продолжения — но... потом.

Нас уже ждал «Мессия...» (который очищает диск). И мы сбежали от назойливых «персонажей в поисках автора» в Поднебесную XV века (нашей, теперь уже точно нашей (!) эры).

Но там, за спиной, вместе с вредным Хайнлайном, считавшим одним из признаков профессионализма умение *обязательно* доводить рукописи до конца, все равно маячил беспокойный призрак неправильного, сюрреалистического, требующего нашей крови «Города наизнанку».

Шло время, год шел за два или за три, вскипел океанским цунами долгожданный бум отечественной фантастики, и мы, и Андрей наконец обзавелись нормальными компьютерами, понемногу к ним привыкнув; выходили книги, вручались

премии, коллеги-фантасты вкупе с нами, грешными, жарко спорили на конвентах о перспективах развития любимого жанра — а «Город...» все ждал своего часа. Регулярно мы возвращались к нему, чтобы один абзац дописать, а другой вымарать — и вновь уткнуться лбом в стену бессилия.

Текст не давался.

Конец 1996 года. Только что завершен роман «Дайте им умереть». Вещь для нас (для нас образца 1996-го!) весьма неожиданная, болезненная, писать которую было мучительно и чудесно, страшно и празднично... мы и сами-то не заметили, как отложенный в долгий ящик «Город...» ассоциативно замаячил за спиной. И вдруг — словно некий «прокол сути»! Выплеск брошенного на произвол судьбы текста, взрыв незавершенной сюжетной линии, да еще и второстепенной, обрывок в квадрате: островок Стрим-Айленд у побережья Южной Каролины, старый выходец с Фиджи, акулий бог Н'даку-ванга, его мистическая связь с юношей-эмигрантом, кровавая развязка... Повесть «Вложить душу». Словно плотная завеса приоткрылась на миг — и это было все, что мы успели разглядеть за ней. Повесть ушла в печать лишь по одной причине: на тот момент мы были втайне уверены, что «Городу...» не быть никогда. Король умер, не родившись; да здравствует король! Почему же не высказаться хотя бы вполголоса, шепотом, если на большее не хватило порошу?..

Если б еще знать самим, из каких дебрей подсознания явилась финальная фраза повести, парус на горизонте:

«И почти никто еще не понимал, что это — только начало».

Но, опять же, всему свое время.

Год 1997-й.

Весна. Опять весна. Пора безумства котов и эпидемии дней рождения (вы ведь еще помните, что Олди и Валентинов родились именно в этом месяце?!). Уже почти год, как у нас с Андреем появилась идея: сообразить что-нибудь «на троих». Идея в достаточной мере абстрактная. У каждого хватало своих собственных проектов. Идею отложили до поры до времени. Но той памятной весной...

«Вот кусок текста. Три с хвостиком листа. Никак не можем продолжить. Уперлись. Прочти. Увидишь брешь — будем писать вместе».

- Андрей объявился дней через десять.

И выдал.

Мы переглянулись и поняли: плотина наконец прорвана, и хорошо бы не утонуть в начавшемся половодье. Впереди замаячил свет в конце тоннеля, который, правда, вполне мог оказаться фарами встречного поезда. Опять же, попытка реально сотворить из трех человек (и двух авторов) некоего общего голема, с общей манерой и общим литературным языком — дело заведомо безнадежное. Вспоминалась незабвенная телега, в которую впрячь не можно коня и трепетную лань, а также лебедя, рака и щуку... Притирка требует долгого, очень долгого времени, это мы успели испытать на собственной шкуре. И здесь опять вмешалась судьба.

Симпатичный издатель из Прибалтики, обладатель элегантной бородки и ироничных глаз, предложил издать часть книг Олди на литовском языке (забегая вперед, скажем: свое обещание он выполнил и продолжает выполнять). Подписы-

вая договор, мы обратили внимание на красный цвет печати и название издательства: «*Pragaro ratai*».

— Что бы это значило? — безобидно поинтересовались мы хором.

— Круги Ада, — улыбнулся издатель, вздергивая бровь. — Нет, нет, не беспокойтесь, кровью подписываться не обязательно...

На обратном пути из чужих пенат в родной Харьков мы подумали: круги литературного Ада или хотя бы Чистилища — смотреть, как некто творит с твоим миром и героями свою мистерию, и знать, что вмешаться ты сможешь лишь после того, как тебе на время уступят место.

В очередь, сукины дети — демиурги, в очередь!

Так родилась идея: не смешивать манеры (бессмысленно и пагубно!), не усреднять язык (гильотина — не средство от насморка!), вообще не подстраиваться друг под друга (что, гордые, да?!) — а писать крупными частями, от лица разных героев, имея общими только стратегическое пространство и идею.

Для начала предложили Андрею сотворить свою часть «нетленки» — Олди свою, как говорилось ранее, написали черт знает когда. Однако и у Валентинова, и у нас в то время шла работа над сольными романами. «Пусть пока поварится в голове. Вот закончу свое — тогда и засяду», — решил педантичный историк.

Закончил.

Засел.

И уперся лбом в нашу старую знакомую стенку!

Текст не пошел, словно заколдованный.

Время от времени мы встречались, обговари-

вали пришедшие в голову варианты (которых с избытком могло хватить на полное собрание сочинений!), прикидывали, примерялись, кипятились и спорили — и расходились в унынии. Мы продолжали писать «Черного Баламута», отнимавшего все силы без остатка, Андрей — очень трудно дававшуюся ему «Печать на сердце твоём»; а «Город...» все ждал.

Знал, умница, — дождется.

Весна 1998 года.

Только что отшумел «Интерпресскон», мы вернулись в родной Харьков; Андрей начал делать первые наброски к новому роману, мы тоже без дела не сидели — писать начали еще до конвента, задел был — садись да продолжай! Что писать — известно, подробно обговорено на несколько ходов вперед и даже поделено...

И вдруг вопрос встал лезвием у горла: откладываем все в сторону и пишем «Город...»! Немедленно, без экивоков и творческих депрессий; сегодня и сейчас!

Час мужества пробил на наших часах; шаги Командора гулко отдались на нашей лестнице; текст проснулся от спячки и взял нас за шкуру.

Новое название родилось спонтанно: «Нам здесь жить». Сам собой вплелся в ткань повествования давно придуманный образ «Легатов Печатей», все разрозненные куски встали на свои места, вынырнул из атлантических далей уже почти забытой к тому времени повестушки зубастый Н'даку-ванга — и мы, все трое, вцепились в работу, как оголодалые псы в овечью требуху.

Сами собой ушли в небытие гоплиты и эринии, нимфы и сатиры... удивительное дело: зато двухколесные кентавры остались! И только воз-

мушались время от времени, когда какой-нибудь герой-славянофил обзывал их «китоврасами»: «...Сам ты китоврас, и все вы там китоврасы!...»

Белые буквы барашками бежали по голубому экрану, выстраиваясь в строки, абзацы, главы, врывались в городскую квартиру архары-спецназовцы, резал океанские дали треугольный плавник, дымились приношения на жертвенных конфорках-«алтарках» газовых плит, об урожае огурцов молились равноапостольному царю Константину, а о покровительстве льноводам — равноапостольной царице Елене; упорно раскручивала запутанную нить невероятных, невозможных даже в этой сдвинутой реальности событий старший следователь городской прокуратуры Эра Игнатьевна Гизело — а мы работали запоем.

Что называется, пили горькую.

Круги Ада заворачивались спиралью, но когда мы наконец увидели, как обретает плоть голый до поры до времени скелет книги, как разноцветные черепки начинают складываться в единственно правильный, законченный узор... Мы уже жили этим текстом, при встречах то и дело пересыпая речь любимыми словечками своих героев, шутили так, как могли бы шутить *они*; и когда во время работы пару раз отключали электричество, первой мыслью было: «Где тут у меня булка и постное масло? Сейчас воскамлаю — и все заработает!»

Наверное, только сейчас, когда роман завершен, мы можем наконец вынырнуть из пучины текста и взглянуть на него чуть со стороны. О чем эта книга? Нет, мы не будем отвечать на этот вопрос. Не умеем, даже никогда и не пытались.

И все же...

Конец второго тысячелетия — а тут, как грибы после дождя, расплодились секты и конфессии, религиозные и эзотерические общества. По улицам нестройными толпами бродят старейшины мормонов, свидетели Иеговы, шейхи и пасторы, батюшки и матушки, вайшнавы, гуру и дзэн-патриархи, бабаисты-новоделы и хасидские реббе! — причем любой святее Папы Римского, Вселенского Патриарха, Любавичского ребе, а также Кришны, Будды и Магомета! Повальный интерес к эзотерике, ясновидению, парапсихологии, черной и белой магии, спиритизму, астрологии; соберись втроем выпить водки — один колдун, второй хиромант, третий по материнской линии народный целитель, а по отцовской — записной ведьмак!

И, наконец, то, что куда ближе нам, как писателям-фантастам: откуда эта волна интереса к *Fantasy* с мистикой-хоррором, при однозначном падении спроса на «старую добрую» научную фантастику? Можно сколько угодно стенать по этому поводу, но факты — вещь упрямая...

Возможно, мы просто уже живем с вами в совершенно новом мире, в совершенно новой реальности, где прежние правды лгут, бывшие ответы издеваются, а вчерашние сказки приходят и располагаются, как у себя дома.

Будем спорить?

Не будем?

Промолчим?..

Армагеддон был вчера.

Генри Лайон ОЛДИ

Пролог

Выстрелы только что отгремели. Негромкие, больше похожие на хлопки, они никого не напугали — в пустом, зияющем выбитыми окнами городе почти не осталось людей.

Живых.

Живые уходили на юг — пешком, цепляясь за поручни автобусов, держась за борта буксующих в ранней мартовской распутице грузовиков. Люди еще не знали, не успели понять, что сила, убивавшая Город вакуумными бомбами, сжигавшая его термитными снарядами, сгинула сама, превратясь в черную спекшуюся гарь и оплавленный металлолом.

Город — дома, кварталы, улицы — уцелел. Земля выстояла. Не выдержало небо, но живых, способных увидеть это, отучили смотреть вверх с праздным любопытством, а мертвым небо было уже ни к чему.

Здесь, на огромном, заваленном обезображенными обломками пустыре, погибли еще не все. Бензин, вылившийся из разорванного в клочья вертолетного бака, догорал, оставляя после себя липкую жирную грязь. В этой грязи тонули ошметки изувеченных человеческих тел и бесполезного, изуродованного оружия. Холод весеннего воздуха вместо привычного запаха огурцов, каким славится март, был отравлен вонью бензина и приторным духом сторевавшей плоти.

Те, кто еще не погиб, стояли лицом к лицу.

Худая усталая женщина в модном пальто, невысокий широкоплечий мужчина лет тридцати пяти и несуразный парень в старой куртке и тапочках на босу ногу.

Женщина упала первой. Она была ранена в грудь, но на дорогой темной ткани кровь проступила не сразу. Только когда первые капли упали на чудом уцелевший островок ноздреватого снега, стало ясно: пуля, посланная широкоплечим, не прошла мимо.

Хотя, видит Бог, широкоплечий очень хотел этого.

Несуразный парень в тапочках до сих пор стоял, хотя по грязной майке, поверх которой была поспешно накинута старая куртка, всюду расплывалось кровавое пятно. Дрожащая рука сжимала стопку испачканных принтерной краской листов. Их было много — целая кipa. Раненый упорно не хотел падать, и в его пустых, похожих на провалы окон, глазах не отражалось ничего.

Ни боли, ни страха.

Тот, кто стрелял, явно ожидал другого. Пистолет с навинченным на ствол глушителем дрогнул, опустился вниз.

— Стрела! Р-ради Бога! Стрела!..

На моложавом, красивом лице широкоплечего странно смотрелись глаза: серые, блеклые, словно потерявшие цвет. Глаза старика. Только что в них полновластно царил охотничий азарт, теперь же во взгляде мужчины сквозил ужас.

— Ирина! Господи, Ирина!..

Широкоплечий склонился над женщиной, коснулся окровавленной ткани, застонал. Затем, резко выпрямившись, шагнул к тому, кто упорно не желал падать.

В сером волчьем взгляде вспыхнула ненависть.

— Т-ты, гад, это из-за тебя!.. Сволочь, п-подонки!

И тут заговорила женщина. Бледное, искаженное болью лицо дрогнуло, шевельнулись бесцветные губы:

— Не надо, Игорь! Пожалуйста! Не надо!

Шепот прозвучал еле слышно. Трудно сказать, услышал ли его широкоплечий. Рука с пистолетом чуть заметно дернулась, палец лег на спуск...

И вновь выстрел был похож на хлопок, на одинокий хлопок, сорвавшийся с галерки. Они упали одновременно — широкоплечий с волчьими глазами и парень в тапочках на босу ногу. Бумажный листок, бабочкой отделившись от пачки, на секунду завис в воздухе и мягко лег в грязь рядом.

Женщина застонала и опустила руку с браунингом.

Никто не звал на помощь — звать было некого.

И каждый умирал в одиночку.

Смерть не спешила. Женщина была еще жива и даже пыталась поднять голову, но на большее сил не хватило. Нелепый парень оказался удачливее — он сумел приподняться, стать на колени, но не удержался и вновь упал на островок грязного снега. Упал, выгнулся раздавленным червем — и пополз, время от времени надрывно охая. Пальцы намертво вцепились в бумагу, словно эти листки, испачканные принтерной краской, были самым важным, что оставалось в его жизни.

Парень полз.

Но, странное дело! — не обратно к дому, а вперед, вперед, к догоравшим обломкам деревян-

ного сарая. Снежный островок кончился, и под локтями у раненого чавкала липкая, пахнувшая бензином жижа.

Он полз долго, замирая, опуская лицо прямо в горячий пепел. Наконец руки ткнулись в блеклое пламя. Парень застонал, попытался отодвинуться, но не смог. Медленно-медленно разжались окровавленные пальцы. Стопка бессмысленной бумаги легла в грязь.

Дрожащая рука с трудом подняла первый листок. Пламя жадно облизало бумагу, на миг став ярким, почти кумачовым. Затем в огонь вместе с рукой, упавшей под тяжестью, легло все остальное. Бумага занялась с краев, потемнела, обуглилась...

Парень умирал. Испачканное грязью и кровью лицо на какое-то мгновение ожило, скривилось в жалком подобии улыбки, чтобы секундой позже ткнуться в землю.

На пустыре воцарилась тишина.

Надолго.

Почти навечно.

Но вот послышался еле различимый стон.

Женщина в модном пальто зашевелилась, ее рука протянулась вперед, к лежащему поодаль листку бумаги. Последнему, оброненному парнем; к глупой бабочке, не дождавшейся лета. Пальцы не слушались, хватали пустоту. Наконец рука дотянулась, сжала, скомкала бумагу — и замерла.

Та, что не хотела умирать, в последний раз взглянула вверх, на странное, непривычное небо, широко рассеченное золотой полосой. Белые губы беззвучно шевельнулись, словно в мире еще была сила, способная помочь умирающей в этот бесконечный миг ее ухода.

Шевельнулись — и застыли.

Остыли.

Пальцы разжались.

Листок, выпущенный на свободу, дернулся и, гонимый толчками легкого холодного ветра, заскользил по грязи. Его несло вперед, туда, где догорали обломки сарая, где порхал пепел его собратьев, — прямо в пламя, упрямо ждавшее свою законную добычу. Однако внезапный порыв у самой черты огненного погребения отбросил листок в сторону, прижал к земле, как будто неведомая сила не пускала, не желала предать остаток жертвы огню.

Листок лежал, чуть подрагивая на ветру; ждал, пока где-то там, над разорванной голубизной неба, решалась его судьба.

Он ждал, и огонь ждал, и небо застыло в ожидании.

Уходящее солнце мимоходом осветило мятую, забрызганную грязью и кровью бумагу. Осветило — и отшатнулось, уйдя за кровли полуразрушенных пустых домов.

Листок вновь дрогнул, настойчиво пытаясь оторваться от земли, но не смог, словно тяжесть букв навечно придавила его к обезображенной тверди.

Еще раз.

Еще.

Мелкий черный шрифт, ровная строка заголовка — и поверх корявая надпись от руки. Пляшущие буквы, почти неразличимые в сиреневых предзакатных сумерках марта:

НАМ... ЗДЕСЬ... ЖИТЬ...

На шаткой границе огня и грязи.

АРМАГЕДДОН БЫЛ ВЧЕРА

LXXXVI. Чтоб больной, которому нет надежды выздороветь; который мучится сам и в тягость другим, скорее скончался.

1. Рекомендовано молиться Преподобному Афанасию Афонскому (1000. 18 июля). Такую молитву Афанасий приносил каждый раз, когда предвидел, что больной не выздоровеет, а умрет. Тогда преподобный служил всенощное бдение, и к утру больного уже не было в живых. (Молит. 152-а).

Сборник молитвословий, издательство «Либрис», Москва, 1995 год, по благословению настоятеля Иоанно-Златоустовской церкви; тираж не указан.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПРОЖЖЕННЫЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ,
или
Откройте пещеры невнятным сезамом
Среда,
одиннадцатое февраля

*Мы с Овидием обижаем Ерпалыча * Перцовый пластырь для души * Кенты и жорики * Тайны портянок деда Житня * Вперед, спасатели! * Люди в белых халатах * Был схвачен я ужасом бледным*

1

Городское неугомонное утро вступало за окном в свои права, свет в очередной раз победил тьму и был этим весьма доволен, а я лежал под одеялом, не раскрывая глаз, и повторял один малоизвестный подвиг Геракла — это когда еще совсем юному герою якобы пришлось выбирать между Добродетелью и Пороком, явившимися ему на перепутьях Киферона.

Порок, обольстительно усмехаясь, убеждал меня, что на дворе зима (и это правда), а под одеялом вечное лето (это тоже правда), и я вполне могу встать через час, а то и через два (чистая правда!), и так далее, и тому подобное, одна правда, только правда и ничего, кроме правды.

Добродетель же возводила руки к потолку, заменявшему небо, и безмолвно бичевала Порок, причем так скучно и неубедительно, что я — ну не Геракл я, каюсь! — повернулся к ней отнюдь не самой добродетельной частью тела и опять заснул.

Снилась мне какая-то дрянь.

Будто иду я по нашему переулку, иду себе и иду, собираюсь свернуть на Павловку — а навстречу мне шлепает старик Ерпалыч, псих наш местный. Через подъезд от меня живет, на третьем этаже, как и я. Дядька он безобидный, денег никогда не клянчит, а если и разживется где гривной-другой, так тут же конфет на них закупит и в почтовые ящики накидает.

Пацанам.

Короче, сближаемся мы с Ерпалычем, а я дивлюсь: форма на нем служивого-жорика, полушубок из казенной овчины, шапка-ушанка с Победоносцем на кокарде, пояс наборный с латунными бляхами, табельный палаш по уставу слева от пряжки, кобура с пистолетом прям-таки в бок вросла...

— Ерпалыч, ты чего? — спрашиваю.

— Ничего, — отвечает. — А вы, Олег Авраамович, чего? В редакцию за авансом собрались?

Какой я ему Олег Авраамович?! Алик я ему...

— Слышь, Ерпалыч, — говорю, а сам чую, что не то говорю, — дай из пистолета стрельнуть!

— Не дам, — отвечает Ерпалыч. — Во сне из пистолетов стрелять не положено.

— Ладно, — соглашаюсь я. — А наяву положено?

Что-то он мне ответил, только не запомнил я, потому как проснулся.

И встал сразу.

Уж больно мне сон про Ерпалыча в форме не понравился.

Умываться холодной водой не хотелось, а газовая колонка упрячилась, наотрез отказываясь воспылать — ее не устраивал напор воды в трубах. Проклятия и физическое воздействие результата не возымели, так что пришлось, стелая, тащиться на кухню, ставить в красном углу одно-разовую иконку св. Никиты Новгородского, а после еще и возлагать на жертвенную конфорку-«алтарку» кусок сдобной ватрушки с творогом и изюмом (просвиры у меня вчера закончились). Для пущей убедительности я вдобавок, когда возжег огонь, капнул постным маслом каплю на плиту, каплю на пол и две капли в кухонную раковину-мойку.

Ватрушка горела плохо, с дымом и чадом. Я полез на подоконник и, уже распахивая форточку, услышал за спиной бульканье, сдавленное оханье в стояке и счастливое гуденье заработавшей колонки.

Лик Никиты потемнел, полиграфический глянец брызнул во все стороны сетью морщин-трещинок, как бывает всегда при удавшемся молении; и еще подумалось мимоходом — надо бы забежать в соборный ларек, запастись образками на будущее.

— Ура! — завопил я, спрыгивая на пол. — Аллилуйя!

И побежал умываться.

Вода бритвой по щекам, я придумал четыре строчки:

Откройте пещеры
невнятным сезамом;
о вы, лицемеры,
взгляните в глаза нам!

Все. Больше не придумалось. Вернувшись в комнату, я записал этот бред на обрывке газеты и сунул в рабочий блокнот.

На всякий случай.

Рядом с блокнотом валялся эскиз обложки к третьему переизданию моей книги. Его мне вчера всучили для домашнего просмотра в местном издательстве «Эйпус-Грамм». Заковыристое имечко досталось бедолагам-издателям от предыдущих владельцев, никто не мог выяснить, что сей «Эйпус...» означает хоть на каком-нибудь языке — а вот поди ж ты, прижилось!

Можем, когда хотим.

Откинув злобно шуршащую кальку, я лишний раз полюбовался, как на фоне закатного солнца бородатый имбецил страдает зоофилией. Вкупе с крупным рогатым скотом ярославской породы. Им обоим на головы сыпались угловатые буквы из пористого кирпича, отскакивая и образуя заголовков.

«Бык в Лабиринте».

Мое же старое, самое первое название, которое я в очередной раз титанически пытался пробить в печать — «Люди, боги и я», — редакцию не устраивало категорически.

Читатель, видите ли, не купит, а купит, так обидится...

Я еле сдержался, чтоб не сунуть проклятый лист в пламя жертвенной конфорки — вот уж не знаю,

кого подобное приношение устроило бы?! — и сел за стол, раздумывая над вариантами завтрака: яичница простая или яичница модифицированная, с майонезом?

Так и не придя к окончательному выводу, я вспомнил, что в районной поликлинике у врача-окулиста вчера должен был состояться розыгрыш лотерейного молебна Гурию и Варсонофию, Казанским чудотворцам. Надо бы заглянуть, справиться о результатах. До чертиков надоело очки носить, от контактных линз у меня воспаление, а на персональный молебен я денег сроду не наскребу. Конечно, рассчитывать влететь в «трех праведников из тысячи» не слишком умно, но что делать? Так, яичница доедена, несмотря на отсутствие окончательных выводов, билет с двойным профилем Гурия-Варсонофия в кармане, теперь оденемся потеплее и шарф запахнем по-маминому...

Вот.

Короткий взгляд на стенной календарь сообщил мне: сегодня рекомендуется из энвольтования, изготовления пентаклей и иных действий того же рода следующее — стричь ногти, чтоб не слоились, лечить нестоячку и доить свинью для здоровья.

Благополучный день, короче.

Через десять минут я уже шел по Пушкинской, изо всех сил стараясь не поскользнуться. Время было светлое, центр города, согласно уверениям стариков вроде Ерпалыча, и задолго до Большой Игрушечной войны считался местом тихим и безопасным, так что газовый баллончик я брать не стал и ничего такого брать не стал,

кроме бумажника, ключей и постоянного билета на все виды транспорта.

Странное дело: на момент катастрофы я имел честь уже заканчивать первый курс института — стало быть, прекрасно должен был помнить и предыдущие времена (согласно традициям, старые и добрые). А вот не сохранилось; так, обрывки, эпизоды... ветошь. Шухер помню, разруху помню, восстановление помню — нас, студиязов, аборигенов Бурсацкого спуска, тогда гоняли на стройработы и крестные хода чаще, чем на лекции. Зато счастливая пора детства благополучно выветрилась из памяти. Бывает: один по пьяни все стрельбу из любимой рогатки вспоминает, другой об институтских пьянках балабонит, третий про службу, четвертый про баб, пятый все на будущее загадывает...

Выборочная амнезия, однако. Говорят, у моих сверстников-земляков у всех так... последствия катастрофы, влияние потрясения на неокрепшую психику.

Эх, ать-два, не тужи, завей память веревочкой!

Выворачиваем на улицу, идем, шевелим ногами...

Только далеко я не ушел. Потому что встретил — кого б вы думали? — кого б вы ни думали, а встретил я нашего реликтового друга Ерпалыча. Возле кинотеатра, рядом с афишей фильма «Икар и Дедал», на которой были изображены двое мужчин резко выраженного гомосексуального типа с крыльями. Один из них пикировал на другого с вождением во взоре, а жертва летела вниз головой, с тоской косясь на злополучного Ерпалыча.

Зря, в общем-то, косился — уж чего-чего, а сочувствия он не дождался. Наоборот, Ерпалыч прямо-таки брызгал слюной на ворот своего знаменитого кожаного из тибетской далай-ламы, и каждый волос встопорщенной бородачки старика излучал негодование.

— Рукоблуды! — бушевал Ерпалыч. — Художнички, хреновы! Мазилы-изобразилы! Руки-ноги за такую афишу! Кисть по самые гланды! Холстом по морде!..

Народ вокруг вяло толпился и подначивал Ерпалыча на новые словесные подвиги. Пора было вмешиваться — пусть старого ругателя в нашем районе каждая собака знает, и ни один служивый сроду не потянет Ерпалыча в кутузку, и по шее ему никто не даст, а кто даст, того живо пьянчужки местные вразумят... Не в этом дело. Просто после таких выступлений Ерпалыч на скамеечке часа два отходит, воздух ртом хватает, сердобольные бабульки его чаем из термоса отпаивают, с валерьянкой пополам. А однажды, когда Ерпалыча в нашем дворе приступ трепал и вокруг никого, кроме нас, растерявшихся студентов-третьекурсников, так помню я: Тот из стены вышел. Мы врассыпную, а Тот подошел вперевалячку и лапу корявую Ерпалычу на лоб положил. Враз старика отпустило, а Тот-исчезник постоял минутку и опять в стену спрятался.

Мы тогда еще тряслись, что он Ерпалыча с собой заберет; кукиши ему издалека крутили, как полагается, хотели штаны спустить да голые задницы показать для умиротворения... не успели.

Так обошлось...

Раздвинул я толпу, послал кого надо куда надо и беру Ерпалыча за плечи. Худой он оказался, чисто скелет в кожухе! — а пошел сразу, словно ждал, что его кто-то увести отсюда должен.

— Пошли, Ерпалыч, — говорю, а сам с ним уже за угол сворачиваю, — чего зря разоряешься?! Мужик ты у нас грозный, это все знают, а что Икар на афише рожей не вышел, так это нам без разницы, ты только поскальзываться не вздумай, у меня у самого ботинки скользкие, не удержу я тебя, Ерпалыч...

— Алик, — бормочет старик мне в ухо, — вы же умный парень, Алик, вы же книжки пишете... это же символ, Алик, нельзя же так!.. Опасно это, Алик, а у нас вдесятеро опаснее...

— Нельзя, — соглашаюсь. — Никак нельзя и даже опасно, ни к чему символ поганить, крылья ему косо пририсовывать... да ты ноги-то переставляй! У меня крыльев нету...

Он тут как вцепится в меня, как тряхнет! Ну, думаю, здоров старик — а он чуть ли не хрипит:

— Нету! Нету крыльев! Нету и никогда не было! Не было крыльев! Не было!..

Я руки его костлявые от себя отрываю, соседям киваю — все в порядке, мол, сам справлюсь!

В первый раз, что ли?!

— Как это, — отвечаю, — крыльев не было?! Ты, — отвечаю, — Ерпалыч, говори, да не заговаривайся! Любой дурак знает: Дедал крылья изобрел, себе и сыну Икару приспособил, потом улетели вместе... Ты чего, Ерпалыч?

Говорю, а сам себя полным кретином чувствую: на улице, в снегу по уши с Ерпалычем о

крыльях Дедаловых спорю! Кому сказать — не поверят!

— Дурак-то знает! — кричит Ерпалыч. — Дурак знает, потому что он — дурак! Не было крыльев, Алик! Это не Дедал крылья придумал — это ты ему их придумал! Ты да Овидий! Вот вам!

Завелся я.

Не выдержал.

— Какой Овидий?! При чем тут Овидий?! То же мне, нашел виноватых — меня с Овидием! Делать нам с Овидием больше нечего — крылья твоему Дедалу придумывать!

— Не было крыльев! — У Ерпалыча аж опять слюна на воротник клочковатый потекла. — Не было! Парус был, Алик! Парус! Парус он изобрел, косой парус для маленьких суденышек! И на двух парусных лодках ушел вместе с сыном с Крита! А гребной флот Миноса не догнал их! Вот, выкусите!.. Дураки вы с Овидием! Дураки! Афиши вам рисовать!

Вот тут я ему и поверил.

Считайте меня кем угодно, плюйте мне в лицо — поверил. Стоят два психа на улице, снег метет, век на дворе даже стыдно сказать какой — а я Ерпалыча за пуговицу беру и нежно так:

— Пошли, старик, ко мне в гости. Чайку выпьем...

— Нет, — шепчет Ерпалыч, а сам зимний-зимний такой, белеет просто на глазах, — пойдете, Алик, лучше ко мне. И еще... у вас деньги есть, Алик?

— Есть, — говорю. — Деньги есть. Сейчас я на угол в магазин сбегая... ты домой иди, а я мигом...

За водкой я ходил неожиданно долго. Дело, в общем, не в водке — две бутылки перцовки я взял сразу, на углу, как и собирался. Сначала хотел выпендриться, «Менделейки» купить: дорожкой, с голограммой самого Преподобного Дмитрия на этикетке, при нимбе, бороде и улыбке архипастырской. «Менделейка» у нас в основном идет на экспорт, за бугор; но спасибо родному ликероводочному! — и о своих земляках печется, не забывает. Впрочем, почти сразу я устыдился тщеславия суетного, решил не выпячивать грудь и взял перцовой «Олдевки», посчитав из каких-то соображений, что Ерпалыч должен любить именно крутые напитки, пусть даже и с утра. Собственно, это даже не перцовка, а жгучий бальзам о семнадцати компонентах («Семнадцать мгновений весны» — шутили любители), но и собственно перца там — то ли пять, то ли шесть видов, включая экзотический «*Chilli-Black*».

Задержка же у меня вышла близ фонтана, не работающего с осени и по самый парапёт заваленного слипшимся снегом. Остановился я, стою, в каждой руке по бутылке, и думаю: куда зимой водяница из фонтана девается? Очень уж меня вопрос такой волновал, когда я еще в институте учился и с лекций бегал пиво во дворах пить, под «*молитву об отроке неудобовоспитанном*». Потом забылось как-то, а сейчас вот опять приспичило.

Дружок мой, Ритка (его родители от большого ума Ричардом назвали, Ричардом Родионовичем, чтоб жизнь малиной не казалась, а мы все — Ритка да Ритка), который сейчас в жориках, старший сержант патруля — тот, помню, любил к работягам из горводтреста цепляться, когда они фонтан

ремонтировать приходили. Он цеплялся, а они его посылали. Я давно заметил — Тех-ники, особенно дипломированные, если по долгу службы с Теми напрямую работают, а не просто так, по схеме «моление — воздаяние», очень не любят об этом деле ласы точить. «Они, мол, Те, а мы — Эти». И все. Вали, парень, отсюда, а то по шее схлопочешь.

Отца я вдруг своего вспомнил. Ни с того ни с сего: Как сидели мы с ним на кухне перед самым его отъездом в Штаты, коньяк «Ахтамар» лимоном заедали, а я его спрашивал: «Пап, а до Большой Игрушечной — были Те или нет?» Отец морщился, глядел в рюмку, цедру лимонную без сахара жевал... «А шут их знает», — отвечал. «Ну ты же должен помнить!» — «Должен. Должен, Алик... А вот не помню. Кажется, были, только мы еще не понимали, что они — Те. Нам, людям, все лишь бы свалить на кого... Вот и валили — на барабашек, на полтергейсты, на пришельцев, на маньяков, в конце концов! Ты знаешь, Алик, незадолго до Большой Игрушечной — ты тогда совсем пацаном был — паром «Эстония» затонул. Странно как-то затонул: еще все по телевизору удивлялись, что огромное плавсредство, тыщи человек народа, спассистемы мирового уровня — и даже пискнуть не успели! Никто, по-моему, не спасся... Потом чуть ли не полпарома в двадцати километрах от места гибели нашли, будто рванул кто-то «Эстонию» со зла! Тоже после свалили на погоду и невыясненные обстоятельства... Давай лучше еще по одной тяпнем, а?.. Ты только к маме на могилку захаживай, не забывай...»

И, под фортепьянный наигрыш, глядя мимо клавиш блестящими глазами:

Запах акации, шум ребятни,
Мягкий и тихий за окнами свет,
Звуки курантов (хотя без пяти!),
Мучает скрипку мальчишка-сосед,
В кухне жара; недочитанный том,
Краски и кисть в беспорядке лежат.
Все это, всё это, все это — дом,
Дом,
Из которого я не хотел уезжать...

Может, зря я тогда с тобой не поехал, папа? Пашку ты таки увез, Павла свет Авраамовича, потому что Авраамович и потому что в тринадцать лет право голоса куцее... Глядишь, и мне за океаном прилепиться удалось бы? Мыл бы сейчас посуду в детройтских кафешках или куковал на вашем острове близ южнокаролинского побережья, пил бы виски да акул считал, и знать не знал козла-редактора, и не снились бы мне по ночам пасквили в «Независимой Газете» — дескать, автор небезызвестного «Быка в Лабиринте» вознамерился выехать одновременно на «умняке» и дешевой забойности, а поскольку в одну телегу впрячь не можно, особенно учитывая, что истинный талант по гроб жизни обязан быть голодным и остервенелым...

Он для кого-то небросок и прост,
Черточки-годы на краске ворот —
Это мальчишкой я мерил свой рост,
Вырос, и вот — от ворот поворот.
Дождь еле слышно шуршит за окном,
Капли на листьях, как слезы, дрожат.
Все это, все это, все это — дом,
Дом,
Из которого я не хотел уезжать...¹

¹ Здесь и далее: «Дом, из которого я не хотел уезжать» — стихи С. Ладыженского.

Ладно, хватит рефлексировать, пора «Олдевку» пить!

И я пошел пить ее, родимую. Шагов через двадцать ноги у меня поехали в разные стороны, я чудом извернулся, спасая бутылки — и краем глаза увидел у фонтана босую девушку в легком платьице, глядящую мне вслед с каким-то неприятным сочувствием. Снег падал на золотистые волосы, на хрупкие, почти детские плечи, превращая Ту в стройного снеговика, я невольно передернулся, глядя на это незамерзающее чудо, а потом водяница шагнула в фонтан и исчезла, а я вздрогнул и побежал к Ерпалычу.

Никуда она, оказывается, не девается, даже если фонтан зимой и не работает! Вот ведь как...

3

...Нет, все-таки он — псих. А то я вдруг начал в этом сомневаться.

Поначалу все было просто: Ерпалыч сидел в дряхлом плетеном кресле, скособочившись и тяжело дыша, а я суетился вокруг журнального столика с исцарапанной инкрустацией, раскладывая на этом антиквариате нарезанное ломтиками сало и бутерброды с рыбой-шпротой. Или с рыбом-шпротом; кому как больше нравится. Закуску я принес с собой из дому — спохватился-таки по дороге — и правильно сделал, потому что Ерпалыч явно питался воздухом. Рюмки у него были свои, но все разные, так что я подбирал их по размеру, а эстетику пришлось отодвинуть в сторону. После я разлил перцовый бальзам, плеснул немного на порог — квартирнику...

И тут Ерпалыч вдруг бодро вскочил, кинулся

к стоявшему в углу на футляре от швейной машинки магнитофону (катушечный «Садко», динозавр вымерший!) и запустил, мягко выражаясь, музыку.

Трудно понять, как Ерпалычу удалось дожить до старости, слушая сей выкидыш муз. В магнитофонных динамиках звенело, топало, через неправильные промежутки времени раздавался лязг и молодецкие выкрики; я машинально проглотил перцовку, даже не заметив вкуса, и уставился на счастливого Ерпалыча, cedящего свою порцию мелкими глоточками (что само по себе было ненормально).

— Что это, Ерпалыч? — прохрипел я.

Не думаю, что он меня услышал — скорее, по губам догадался.

— «Куреты» это, Алик, — Ерпалыч придвинулся ко мне почти вплотную и радостно захлопал старческими белесыми ресницами. — Группа такая. Да вы не волнуйтесь, к ним быстро привыкаешь...

Сомневаюсь, чтобы мне хотелось привыкать к этим оглушительным «Куретам».

— А-а... зачем?

— Надо, — строго сказал Ерпалыч и пальцем мосластым погрозил. — Надо, Алик! Вы мне лучше вот что скажите...

Я даже не успел сообразить, что он меня до сих пор на «вы» величает, как Ерпалыч уже налил по второй и удрал из комнаты. Вернулся он с потрепанной книжкой в руках, в которой я с удивлением узнал своего собственного «Быка в Лабиринте».

Еще первого издания, покет-бук в мягкой обложке.

Пять тысяч тиража.

— Скажите, Алик, — вопрошает Ерпалыч тоном матерого инквизитора, замыслившего расколоть еретика на «сознанку», — вы сами додумались вести рассказ от имени Минотавра? От первого лица?

— Не знаю, — искренне отвечаю я. — Может, сам... а может, читал где-то или видел — вот оно и отложилось. Борхесы там всякие, Олдя, Бушков с Валентиновым... хрена теперь вспомнишь!

— Вы честный человек, Алик, — Ерпалыч сказал что-то еще, но я из-за «Куретов» не расслышал. — Давайте выпьем за ваш талант.

Я хотел было возразить — но он уже выпил. И салом заел. Так что пришлось присоединяться. А после третьей гляжу: или «Куреты» вроде тише стали, или я и впрямь к ним привыкать начал, только сидим мы хорошо, рыбу-шпроту кушаем, и я Ерпалычу рассказываю, как «Быка» писал, как по ночам в зеркало глядел, боялся, что рога Минотавровы прорастают, а потом рога проросли-таки, бросила меня Натали к свиньям хреновым, и я Миньку-бедолагу за неделю убил, то есть не я, конечно, а Тезей, только Тезей у меня такой сукой вышел, что самому противно, а читатели и не заметили, что Тезей — сука, и Ариадну он сам бросил, нечего на Диониса валить, и пора по четвертой или по пятой, не помню уже...

«Куреты» брякают, я трезвый вдруг оказался, только тяжелый, а Ерпалыч меня спрашивает:

— Скажите, Алик, вы случайно Тех не боитесь?

— Нет, — отвечаю, — что я, сумасшедший? Чего мне их бояться? Жертвую я исправно, молюсь по графику, службы все в квартире работают, оберег-манок на месте, раз в месяц заговорщика вызываю — подновлять... С кентаврами я вообще на коротком колесе, маньяков давно Первач-псы повывели, спасибо им!.. Нет, Ерпалыч, не боюсь.

— Кому «им» спасибо-то, Алик? Псам или маньякам?

Я смеюсь, «Куреты» орут, а Ерпалыч бороду в кулаке крутит, ногу за ногу забросил, брючина, обтрепанная, чуть ли не до колена задралась, голень старческая, сухая, в пятнах каких-то синих...

— Ладно, — смеется старый хрыч, — оставим Тех в покое. И мольбы по графику — за компанию. Лучше скажите мне, Алик, что вы сейчас пишете?

— Скажу, — отвечаю. — Сейчас скажу. Только яичницу поджарю.

Яиц десяток я тоже с собой принес. Забрал их из сумки — одно треснуло, зараза, но не потекло вроде — и пошел на кухню. Сковородка у Ерпалыча почему-то в холодильнике стояла. Пустая, чистая и под самой морозилкой. Вынул я ее, на плиту поставил, огонь зажег, яйца быю — и только на пятом яйце соображаю, что плита-то у Ерпалыча четырехконфорочная, старого образца, без «алтарки»! Интересно мне стало: что старик сделает, когда у него, к примеру, труба потечет? Шпагатом с наговоренным узелком перевязывает? Или к соседям идет? А может, на обычной горелке жертву приносит? Одной ведь молитвой, как известно, дом не ставится... да и шпагатик

течь в лучшем случае неделю удержит. То-то у него кухня такая обшарпанная, краны все текут, и форточка выбитая целлофаном затянута.

Вернулся я в комнату, стали есть яичницу, и начал я Ерпалычу на жите-бытие жаловаться. Хорошо он слушать умел — я и сам не заметил, как от старого «Быка...» с Тезеем-зоофилом к новому, свеженькому перескочил, к заветным, мать их, «Легатам Печатей»! Терпеть ненавижу о недописанных вещах под водку трепаться, особенно когда текст второй месяц виснет, да только язык мой — враг мой! Зря я, конечно, через слово ругался по-черному, но уж больно разобрало! Некому мне выговариваться, сижу над «Легатами» в тоске душевной, дерьмо в себе коплю яко во месте отхожем, травлю душу злостью, будто кислотой... раньше хоть перед Натали распинался — все, глядишь, полегче становилось.

— Любопытно, любопытно, — бормочет Ерпалыч, — даже очень... Говорите, Легаты Печатей?.. Ангелы-Хранители?

— Скорее уж вредители, — отвечаю; и по памяти, полуприкрыв глаза: — «И воскликнул он громким голосом к четверем Ангелам, которым дано вредить земле и морю, говоря...»

— «...Не делайте вреда, — мигом подхватил Ерпалыч, счастливо жмурясь сытым котярой, — ни земле, ни морю, ни деревьям, доколе не положим печати на челах рабов Бога нашего!» Ишь ты — ангелы-вредители... Вы; Алик, это тоже сами придумали или как?

— Или как, — говорю. — Книжки умные читал.

— А позвольте поинтересоваться — какие?

— Разные, — говорю. — «Шахнаме» в пересказе Розенфельда. «Откровение...» в адаптированном варианте «Новой Жизни». Мифы Древней Греции — еще старые, куновские... потом эту, как ее?... Младшую Эдду, вот.

— А вы, Алик, — перебивает Ерпалыч, — небось любите фильмы порнографические смотреть? Как там кто-то кого-то углом ставит? Так сказать, любовь в доступной форме?!

Обиделся я. Яичницей даже подавился.

— Старый ты придурок, Ерпадлыч, — говорю. — Был бы ты молодой придурок — дал бы я тебе по роже. Я еще сам кого хочешь углом поставлю! А фильмы твои поганые...

Он вдруг обрадовался — с чего только, неясно.

— Да не мои, Алик, не мои, а ваши! Ведь говорите, что сами можете, без голубого экрана, а «Шах-наме» в пересказе читаете. Тем более в пересказе идиота со справкой, господина Розенфельда! Вы погодите, Алик, я сейчас... я вам для начала подышу...

И опять удрал из комнаты.

Подошел я к магнитофону, посмотрел, как «Куреты» внутри «Садко» скачут, подумал, что пора и домой валить, — а тут Ерпалыч возвращается. С деревянной шкатулкой в руках. Крышку откинул и книгу достает. В мягком переплете, зеленовато-болотном; и издание незнакомое. Потрепанная книжица, клееная; вернее, была клееная, а сейчас все развалиться норовит.

— Что это? — спрашиваю, а он уже книжку мне протягивает.

Читаю на обложке: «Мифологическая библиотека». Чуть выше имя написано: Аполлодор. Автор небось.

Мифологический библиотекарь.

Откладываю книгу, беру шкатулку.

Стою, моргаю, шкатулку в руках верчу. Хорошая шкатулка, вместительная. И резьба на крышке обалденная: хоровод голых мужиков в шлемах с гребнями. А за ними вроде как море плещется. Редкая вещь. Антикварная. Как столик. Как сам Ерпалыч.

— Пойду я, Ерпалыч, — говорю.

— Да, да, Алик, — засуетился Ерпалыч, — конечно, идите!.. И книжку с собой возьмите. Да, вот еще...

Полез он в тумбочку, по плечи в нее зарылся и бухтит оттуда:

— У вас, Алик, магнитофон есть?

— Есть, — отвечаю. — Кассетник.

— Отлично! — кричит Ерпалыч и вылезает с какой-то кассетой в руках. — Вот вам, Алик, нужная музыка! Вы, когда Аполлодора читать станете, обязательно ее включите. А в особенности ежели мне после прочтения позвонить надумаете. Включайте звук погромче — и звоните. Договорились?

— А... что за музыка?

Он даже удивился.

— Как — что? «Куреты», Алик, это и дураку ясно...

Дураку, может, и ясно...

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Древесный палочник с хитренькой мордочкой черепахи Тортилы, занывавшей Золотой Ключик и от сямки Буратино, и от пахана Карабаса. Неожиданно грустные глазки часто-часто моргают, го-

няют морщинки от уголков, и тоненькие «гусиные лапки» ручейками вливаются в океан впадин, складок, бугров и ямочек, теней и света, из которых время слепило это подвижное лицо, коему место скорее в музее, под стеклом, на пыльном листе бумаги с неразборчивой подписью типа: «Рембрандт. Возвращение блудного сукина сына. Эскиз соседа на заднем плане» — нежели в обшарпанной квартире за рюмкой перцовки.

И еще: руки.

Пальцы скрипача на пенсии.

Вот он какой, Ерпалыч...

Уже в дверях стою и чувствую: чего-то мне не хватает. Постоял, подумал — и дошло до меня: магнитофон старик выключил. Точняком как я на пороге встал и за замок взялся.

Ни секундой раньше.

4

Вернувшись домой, я быстро разделся, плюхнулся на незастеленную кровать (ура моему разгильдяйству!) и почти сразу заснул.

Снилось мне, будто я листаю полученный от Ерпалыча раритет, ничего в нем понять не могу — то ли пьяный я, то ли во сне ничего понимать и не положено — короче, листаю, злюсь ужасно, а из книги все листики в клеточку сыплются. Надоело мне их с пола подбирать, сунул я листики эти клетчатые не помню куда, книгу на стол бросил и сплю себе дальше.

Плохо сплю.

Коряво.

Или даже не сплю, потому что звенит где-то.

В ушах? А теперь гроыхает. Гроза, должно быть. Зимняя. В подъезде. На моей лестничной клетке. Сперва гремела, а теперь опять звенит. В звонок звенит. В мой дверной звонок. А вот опять гром бьет. В дверь. Сапогом, похоже. На литой подошве. Сильно бьет. Видать, разошлась гроза не на шутку.

Муть у меня какая-то в голове, мысли козлами скачут, и темно вокруг. Не то чтобы совсем мрак, но темнеет. Потому что вечер. Наверное.

— Сейчас! — кричу. — Открываю!

А сам часы нашариваю. Нашарил. Без шести шесть. Все-таки вечера, надо полагать. Рано у нас зимой темнеет. А светлеет — поздно. Вот ведь какие чудеса природы...

— Открываю!

В дверь снова зазвонили и застучали. А я сижу на кровати, тупо смотрю на часы и стрелок ни черта не вижу. Только что видел, и вот — не вижу.

— Кто там? — кричу.

— Да я там! — отзывается гроза. — Ты что, заснул, что ли?! Открывай, придурок!

Кто такой этот «я», шумевший за дверью, понять было сложно, но я — который сидел на кровати — решил дверь все же открыть.

Открыл. С трудом, но открыл.

На пороге стоял Ритка. В смысле Ричард Родионыч, старший сержант патруля. Жорик-служивый и мой школьный товарищ. Злой в данный момент до чрезвычайности.

— Да ты и вправду спишь! — изумляется Ритка-жорик.

— Сплю, — виновато, развожу руками я.

И вдруг просыпаюсь!

И Ерпалыча вспомнил, и две бутылки перцовки, и «Куретов» громогласных, и книжицу зеленую, и самое главное — что обещал познакомить сегодня Ритку с моим приятелем из Дальней Срани, кентавром Фолом, для чего мы все трое должны были встретиться около пяти в «Житне».

— Ты извини, Ритка, — мямлю я, невпопад моргая слипающимися веками. — Мы тут утром с Ерпалычем... под Икара и Дедала...

5

— ...Ну ты даешь! — вопил Ритка, бегая по всей квартире и грохоча сапожищами. Он недавно сменился с дежурства, так что до сих пор был в полушубке (правда, без погон) и казенных сапогах — только табельное оружие сдал и ушанку с кокардой сменил на легкомысленный вязаный «петушок».

— Нет, ну ты даешь! Алька-голик! С утра! С Ерпалычем! С горла! «Олдевку»! Не зря тебя Фима Крайц «прожженным интеллигентом» называл! Золотые слова!..

Великий умник и магистр всяческих наук Ефимушка Гаврилович Крайцман — а в просторечии Фима Крайц по кличке Архимуд Серакузский — еще в школе обозвал меня «прожженным интеллигентом». И на мой резонный вопль: «А ты?!» не менее резонно ответил: «И я!»

— И он таки прав! — заискивающе ухмыляюсь я.

— Прав?! — орет Ритка поставленным командирским голосом. — А то, что твой Фол у подъезда битый час мерзнет — это кто прав?! Ерпалыч?! Или Фима?!

Оказывается, мой друг-кентавр с Риткой уже успели познакомиться и слиться душами в ожидании «этого разгильдяя Алика, вывесившего фонарь обоим (конец цитаты)». Я давно заметил: когда вместе с кем-то от души ругаешь одного и того же человека, сходишься с коллегой-ругателем необычайно быстро.

Так что мой пьяный сон не пропал втуне: извечные антагонисты — кент и жорик — нашли общий язык, а я выспался и стал вполне готов к употреблению.

В качестве амортизатора — ибо жорики-служивые и городские кентавры друг друга, мягко выражаясь, не любят. Что вполне объяснимо. Служивые — они стражи порядка, а там, где собираются кенты в количестве, большем, чем двое (пожалуй, и одного-то много!), порядка быть не может по определению. Так уж эти двухколесные оболтусы устроены. То гонки затеют, да такие, что светофоры вслед мигают от обалдения, а дорожники из ГАИ валидол спиртом запивают; то старушек по вечерам пугают; то между собой передерутся, а драка у кентов — дело долгое и совершенно невыносимое, даже если со стороны смотреть.

Плюс слухи: как кентавры винный магазин разнесли (а с их здоровьем что-нибудь разнести — дело плевое) или случайную прохожую всем табуном до смерти изнасиловали. Не станешь же через прессу объяснять народу, что для насилия над гражданкой до смертельного исхода вовсе не требуется целый табун — одного Фола за глаза хватит. И гражданки — они всякие встречаются,

иной и табуна мало. Видал я, как тот же Фол от таких гражданок во все колеса улепetyвает.

Чего тоже в прессе не разъяснишь.

Только и кентов понять можно. Я, например, понимаю. Катишь себе по городу, ну, быстро катишь, ясное дело, и не то чтобы всегда по проезжей части катишь — случается и по тротуару. Кенту ведь знаки дорожные без разницы, не то что обычному водиле: ежели стоит «поворот запрещен», значит, и захочешь повернуть, так руль сам из рук вывернется. Или там ограничение скорости: написано «60 км», и больше из машины, хоть лопни, не выжмешь! А кент даст восемьдесят — лови ветра в поле! Ну, у жориков, как и у «Скорой» с «пожаркой», казенные обереги имеются, для нарушения в связи со служебной спецификой — так тут не специфика, тут кент-сволочь, антиобщественный элемент...

На авторынке, правда, такими оберегами уже вовсю «из-под полы» торгуют, для частных лиц. Только если поймают — штрафом не отделаешься: у покупателя права забирают, а у торговца — лицензию. Трудно служивым, сплошная маета: поди разберись, оберег-нелегал это или просто чертик на цепочке болтается? Рамка-детектор стопроцентной гарантии не дает; вот и вымещают злобу на кентаврах. Едва разгонится двухколесный, а тут сзади сирена воет, мигалки сверкают, и жор всякий в мегафон базарит: «Немедленно остановитесь! Вы создаете опасную ситуацию! Остановитесь и поднимите руки!..» Ну какой болван после этого остановится?! Только болван и остановится! Ты, понятное дело, ходу — а они следом, создавая свою любимую «опасную ситуа-

цию», а когда ты от них окончательно отрываешься, хватаются за стволы...

Стволы-то в городе (если не считать мелкашек в тире) только у служивых, да еще иногда у работников прокуратуры. Потому как ствол-нелегал от Тех не укроешь — из-под земли достанут. И под землю упрячут. А уж если под облавный молебен угодишь, с водосвятием, когда месячные чистки... Отец говорил: до Большой Игрушечной стволов левых было — хоть в бочках соли! А сейчас поперек проспекта Свободы десятков стрелялок разложи — никто и не позарится. Разве что самоубийца какой. Или ребенок без родителей. Или дебил из психушки.

И тот через час в канализации сгинет. Исчезники — они свое дело знают... про утопцев я и не говорю.

Нюх у них на пушки...

Ладно, не в стволах дело, а в том, что Ритка давно меня просил свести его с кентаврами. Видит ведь, что вокруг творится — уже и дамочки нервные при виде кентов к подъездам жмутся, а мужики с искрой в глазах, кто покрепче да позадиристей, из-за пазухи кистень тянут. А жорики тоже люди — Ритка говорил, будто их патруль за последнюю неделю дважды стрельбу открывал. Хорошо хоть, не попали ни в кого... Обошлось.

Это я и Фолу сказал: дескать, друг мой, сержант Ритка, хочет, чтоб и дальше обходилось — для того и встречи ищет...

— Ну ты идешь или нет?! — возмутился Ритка, и я обнаружил, что полностью одет и стою в коридоре, вертя в руках ключи.

— Иду, — ответил я, нахлобучивая шапку.

И пошел.

Фол потихоньку катил слева от меня, скрипя снегом и с трудом принаравливаясь к нашему шагу, Ритка бухал сапогами справа; и оба они бубнили мне в уши всякие гадости — для стерео-эффекта, надо полагать.

Причем в слове «писатель» оба делали ударение на первом слоге.

Я слушал все это с некоторым мазохистским удовольствием и сам не заметил, как мы добрались до известного в городе пивбара «Портянки Деда Житня», в народе именуемого просто «Житнем». Это было одно из немногих заведений вне Дальней Срани, куда без проблем пускали кентавров.

Даже специальный наклонный пандус имелся, рядом с обычными ступеньками.

Смотрю: вывеска мигает, Василий Новый, который в «питейных домах для торговли», над входом улыбается душевно, музыка изнутри гремит, мужской гогот и девичий визг вперемешку — словом, веселье в самом разгаре. И мотоцикл Риткин тройной цепью у дверей прикован. Это правильно — машина хоть и служебная, а все равно увести могут. Особенно вечером.

Фол затормозил, привстав на дыбы, повертелся на заднем колесе, искоса разглядывая Риткина «Судзуки», хмыкнул что-то в бороду (по-моему, одобрительное) и зашуршал по пандусу, обмахиваясь хвостом.

А мы последовали за ним и, ступенька за ступенькой, оказались внутри.

Все столики, понятное дело, были забиты до упора. Но хозяин «Житня» Илья Рудяк (по слу-

хам, не то парикмахер, не то патологоанатом в отставке) мигом выставил нам запасной стол в дальнем — наиболее тихом и обособленном — углу заведения. Это был далеко не первый случай на моей памяти, когда Рудяк буквально читал мысли. Иногда я даже начинал подозревать, что он из Тех. Только дудки — из Этих был мосластый Илюша в неизменной меховой жилетке независимо от погоды, из Этих, просто хороший он хозяин, уважающий постоянных клиентов.

Несколько человек помахали нам руками и недружелюбно покосились на Фола. Пьющий у стойки пиво гневной кентавр с похабной татуировкой на плече махнул Фолу хвостом и недружелюбно покосился на нас, а мы гордо задрали носы и с достоинством проследовали к своему столу, возле которого на полу уже был расстелен коврик для Фола и поставлены два стула.

Для нас с Риткой.

Подручный Рудяка — вездесущий и обаятельный брюнет Гоша — принял у нас верхнюю одежду, мигом отправил ее в гардероб и вновь оказался рядом, ослепительно улыбаясь.

— Добрый вечер, господа! Сколько изволите?

Гоша не спрашивал — «чего». Он спрашивал — «сколько».

И правильно делал.

— Для начала дюжину, Гоша. И воблочки — посуше.

Гоша развел руками, исчез и сразу возник на прежнем месте, грохнув на стол дюжину пенящихся кружек. Следом он с ловкостью фокусника подбросил в воздух блюдо с рыбой — так что оно чуть не разбилось о столешницу, в послед-

ний момент придержанное пальцами вездесущего Гоши, прозванного в свое время Спрутом Великим.

Впрочем, сей фокус я имел честь видеть неоднократно. И поэтому наблюдал не за Гошиным жонглерством, а за тем, как Фол устраивается на коврике. Как укладываются кентавры, я тоже видел не в первый раз — и все-таки...

Фол аккуратно втянул в себя оба ороговевших колеса, одновременно разворачивая их в горизонтальной плоскости, и мягко опустил на эти два диска, своеобразным постаментом поддерживающие мускулистый торс кентавра. Как при этом должны были перекрутиться мышцы, приводящие колеса в движение, что должно было случиться со связками и костными «осями» — понятия не имею, господа! И не думаю, что найдется медицинское светило, которое сдвинет белую шапочку набекрень и похвастается подробным знанием анатомии кентавров. До сих пор умники яйцеголовые в затылках стетоскопами чешут: откуда взялись кенты, да еще сразу после Большой Игрушечной?! Город знают, как всю жизнь здесь прожили, говорят без акцента, старожилов по имени-отчеству и вообще... Собирались исследовать, за сдачу анализов чуть ли не денежные премии сулили — потом обломилось. Пришлось теоретическими версиями пробавляться: визуальный сдвиг восприятия, мутация рокеров, а также лиц цыганской национальности, адаптация «группы риска» в связи с катастрофой, метаболизм крышей поехал...

Это в старых мультфильмах да на картинках кенты на лошадиных ногах бегают. А на самом

деле — полюбуйтесь! Лежит себе этакое чудо поперек колес, хвостом рубчатые их края трет и грудь полуголую обеими руками чешет — аж волосы встают дыбом!

А что ржет иногда — так и мы не без того...

Ритка тоже, забыв обо всем, следил за эволюциями Фола. Потом они с кентавром встретились взглядами — и бравый сержант смущенно отвел глаза, зардевшись, аки майская роза. Фол чуть заметно усмехнулся и придвинул к себе ближайшую кружку.

Мы со служивым не замедлили последовать его примеру.

— Ну что, — говорю, — как я понимаю, вы уже успели познакомиться. И даже неплохо провести время, перебивая мои косточки.

Фол в ответ опять хмыкает, а Ритка молчит.

— Итак, друзья мои, я наконец с вами, кости мои отмыты добела, и мы можем открыть наше маленькое пивное совещание.

При слове «совещание» наш сержант заметно морщится, темнея лицом.

— Кончай, Алька! — Ритка вдруг становится до неприличия серьезным, превращаясь в Ричарда Родионовича, и хлопает увесистой ладонью по столу.

Кружки дребезжат и слегка подпрыгивают, едва не расплескав свое содержимое.

— Я тебя знаю — ты еще целый час трепаться можешь. А мне не до трепа сейчас. Потому что я буду разглашать служебную информацию, а за это меня с работы попрут в два счета. Только работа работой, а...

Я как-то сразу заткнулся. Редко доводилось

видеть Ритку в таком состоянии, и если доводилось — дело всякий раз пахло жареным. Горелым дело пахло. Особенно когда Ритка свою службу работой называет.

— Совещание у нас было, — буркнул Ритка, глядя мимо Фола. — Только не пивное, а для младшего комсостава. И то, по-моему, не для всех, а для тех, у кого характеристики — комар носу не подточит. Начуправ выступал, а-я и не помню, чтобы господин Хирный перед унтерами речи держал. Ничего особо конкретного: усиление бдительности, обстановка в городе, у церкви Георгия Победоносца амбар обчистили, да не простой, а с казенными валенками... замок взломали, и запорное слово взломали. Короче, со следующей недели нам при выходах на патрулирование будут выдавать автоматы. С полным боекомплектom. Все подразделения — в повышенную боевую готовность. Вне работы разрешено носить личное оружие. Двоих прапоров, не сдавших зачет по «скобарю», и одного за «гноение табельного палаша посредством ржи» — подвергнуть взысканию. А в самом конце было сказано, что намечаются провокации и мы должны быть готовы дать достойный отпор.

— С чьей же стороны намечаются провокации? — очень спокойно поинтересовался Фол, наматывая на палец кончик хвоста.

— Угадай с трех раз.

— С нашей, — так же невозмутимо кивнул Фол.

— Угадал. Более того, под занавес встал какой-то рыжеусый полкан в общевойсковой форме, но с Михайлой-архаром на петлицах и ска-

зал, что при малейшей провокации со стороны кентавров и иных преступных элементов (как вам формулировочка?!), в случае угрозы жизни и здоровью мирных граждан нам разрешено действовать согласно параграфу «Низвержение». Слышали, что это за параграф?!

— Нет, — ответили мы с Фолом одновременно.

— Это разрешение открывать огонь на поражение без предупредительных выстрелов.

Скуластое лицо Фола отвердело.

— А... Первач-псы? — еле слышно выдохнул кентавр. — Они что, простят?! Простят, да?!

Тут уж задумался и я. Ведь почему разборки по городу полно, особенно в темное время, о Дальней Срани я вообще не говорю, — а убитых, почитай, нет? Одни раненые... Потому что — Первач-псы. Разборки, раненые, кражи, грабежи, аферы всякие — это дела людей, то есть Этих. А за убийствами Те следят. Тут тюрьмой не отделаешься. Сто раз в кино видел, как варнака Первачи преследуют, а один раз живьем сподобился. Вечером, на улице. Потом месяц кричал во сне — все лицо его снилось.

Ритка рассказывал — для того и учат служивых палить по конечностям, чтоб не убить кого ненароком. Ну а если шлепнул при исполнении — до заката солнца беги в ту же церковь Георгия Победоносца, где рядом амбар с валенками, хватай попа за бороду!.. Пусть разбирается, запрашивает сводку и, если не было превышения, исповедь принимает. Первачи не разбирают, жорик ты или хрен с бугра... А если они за тобой хоть час погоняются — исповедуйся после,

не исповедуйся, все одно ты теперь не человек, а студень трясущийся.

В лучшем случае.

В худшем же — пацаны малые и те знают: нашли под забором или в подвале труп с синюшным цветом лица и разрывом аорты — значит, звони «02», сообщай, что убийцу нашел, после кары заслуженной.

Приедут, подберут...

Местные «акулы пера» (редкие привозные газеты-журналы именовали Первач-псов не иначе чем «психоз Святого Георгия», уделяя им внимание наравне с последствиями ультранаркотиков, не более) — так вот, местная пресса регулярно запускала «жареных уток». Дескать, криминальные умы нашего разлива наконец открыли-таки способ мочить ближнего своего, обходя неусыпное внимание Первачей. Нюх им, мол, сбивали: то ли заговором «Табак-зелье, удвой везенье...», то ли кощунственным молением, где надо на деревянный крест вниз головой подвешиваться... Утка грузно взлетала и шлепалась в клоаку перманентных сплетен. «Братва» по-прежнему ходила без стволов (кому охота рисковать, здесь не пофартит — зоной не отделаешься!), а мирное население, гуляя темными переулками, если и тряслось за собственную шкуру, так этот интерес-трясучка был опять же чисто шкурный, не жизненный.

В дайджесте «Версия» опубликовали на днях годовой процент убийств по Москве, Нью-Йорку и Токио — ужас! Конец света! Никогда туда не поеду... да я ли один?!

— Знамение, полковник сказал, было, — с от-

вращением процедил сквозь зубы Ритка. — То ли стены управы сизыми пятнами пошли, то ли образ Галактиона Вологодского кровью возрыдал — короче, намекнули нам, что дело богоугодное, а Те закроют глаза на лишнее рвение.

— Вот как, — эхом отозвался Фол. — Ясно. Наши, конечно, хвост к небу задерут — и на автоматы. Прав был ваш начуправ — будут провокации. И стрельба будет. Я среди своих не последний, но... Не со мной тебе встречаться надо было, Ричард Родионыч, сержант-чистоплюй! Со старшинами нашими — вот с кем!

— Нет, — жестко отрезал Ритка. — Сам им расскажешь. Я в пивбаре сижу, пиво пью с другом детства, знать ничего не знаю, не ведаю — а если кент с нами оттягивается, так он Алика приятель, а не мой! Соображаешь, Фол?

Тут мне дико захотелось курить. Вообще-то я курю редко, хотя сигареты в кармане обычно таскаю. А сейчас... неладное что-то затевалось в городе, о чем говорил Ритка, что носилось в воздухе уже давно, постепенно сгущаясь, приобретая конкретные формы; я почувствовал, как волнение и страх закипают внутри меня, и попытался сбить эту волну при помощи привычного «транквилизатора» — сигареты.

Я сунул руку во внутренний карман. Вместе со спичками и початой пачкой «Атамана» там обнаружилось больше десятка клетчатых тетрадных листков, мелко исписанных незнакомым почерком. Труды Ерпалыча, что ли? Мемуары? Я поспешно чиркнул спичкой, прикурил и прочел наугад:

«АКТ ТВОРЕНИЯ»

(страницы 1—3)

...Вы не поверите, Алик, но все началось с телевизора.

Во всяком случае, для меня.

С банального телевизора «Березка», не помню уж сколько сантиметров по диагонали, который упрямо не желал работать больше получаса. Вспыхивал, трещал, экран становился белым — и все. Приходилось его выключать и включать заново. Еще на полчаса. Кто только из моих технически образованных знакомых не лазил в телевизионные потроха! Слышались непонятные слова типа «блок развертки» и «строчность», менялись детали, на которые уходила львиная доля моей мизерной зарплаты, стирались до основания отвертки... Все тщетно. Он не хотел работать.

Вы понимаете меня, Алик? О, это чувство беспомощности перед капризами техники!.. Ну да, вы ведь и сами — несчастный гуманитарий.

В конце концов я махнул на проклятый телевизор рукой, поставил его на кухне поверх холодильника и лишь изредка, в приступе душевного расстройства, напевал при виде вечно голубого экрана:

— Некому березку доломати...

Года три спустя мы сидели на кухне с одним моим приятелем — имя его вам ничего не скажет, тем паче что во время Большой Игрушечной он погиб под развалинами собственного дома. Сидели, пили водочку, заедали маринованными баклажанами. Говорили о возвышенном, поскольку дам поблизости не наблюдалось и можно было дать волю языку. Слово за слово, спросил он у меня про телевизор. Я объяснил. Ну а он от водочки раскраснелся, сме-

ется — хочешь, спрашивает, починю? Только не пугайся и не считай меня душевнобольным.

Не успел я кивнуть, как он уже телевизор ладошкой поглаживает. Пыль стер, забормотал что-то, потом баклажан взял и давай экран натирать. Ну и постного масла за решеточку динамика капнул.

Ничего удивительного, скажете? Это для вас, Алик, ничего удивительного, потому что немалую часть сознательной жизни вы прожили уже после Большой Игрушечной! А тогда за такие манипуляции смирительную рубашку надевали. Мало ли, сегодня он телевизор взасос целует, а завтра с топором на ближнего кинется! Ну да неважно... Короче, включаем мы чертов агрегат и сидим себе дальше. Работает. Час работает, два, три... изображение такое — любое японское чудо техники от зависти сдохнет!

Вот так я впервые и познакомился с сектантами Волшебного слова. Впрочем, к тому времени их почти никто не звал сектантами, особенно в кулуарах не так давно организованного НИИПриМ. Института Прикладной Мифологии.

Через неделю приглашают меня...

* * *

Словно издалека до меня донесся голос Ритки:

— Так что лучше на время вообще уматывайте в пригородную зону. Рассосетесь по области, глядишь, через пару месяцев уляжется... Только все сразу не ломитесь, чтоб не создавать ажиотажа — сперва женщины и дети, потом старики, потом остальные. И пусть эти остальные хотя бы в ближайшую неделю из Дальней Срани не высовываются, чтоб нашим не к чему придраться было. Понял?

— Понял, — это уже Фол. — Попробуем. А с фермерами мы издавна на коротком колесе — перезимуем... впрочем, какая зима! — март месяц на носу...

Дальше я их не слушал.

Что ж это творится, господа хорошие?! Крыша у меня совсем поехала, что ли? Выходит, Ерпалыч книжицу свою дурацкую мне подсовывал, только чтобы я это письмишко прочитал? Да еще с наказом: ежели опосля ему звонить вздумаю, так непременно под «Куреты» вопиющие, дабы враги не подслушали часом, как я губами шевелить буду?! Ну знаете...

— Алик, извините, но вас просят к телефону!

Я поднял голову.

— Что? А, Гоша... да, иду, иду!

Телефон стоял в подсобке, позади стойки. Уже беря трубку, я предчувствовал, что ничего хорошего от сегодняшнего вечера я не дождусь. Но голос, который я услышал...

— Алик, ради Бога... извините за назойливость, но не могли бы вы сейчас зайти ко мне?

И после долгой шемящей паузы:

— Я вас очень прошу...

Гудки толкались в мембрану, шипя и отпихиваясь плечами, а я все стоял столбом и глядел мимо услужливо улыбающегося Гоши.

Я знал, что выполню эту просьбу.

7

— Послушайте, мужики...

Не слушают.

— Мужики... Вы тут обождите, а я на полчаса-ка домой слетаю. Хорошо? Ну надо мне!..

— Если надо, то по коридору налево, в белую дверь с большой буквой «М», — отозвался бесчувственный Ритка, прекрасно зная все мои заскоки и давно к ним привыкнув. — Тебя подбросить?

— Да ну, тут пять минут ходьбы... Лучше закажи мне у Рудяка филе в грибной подливке — жрать хочется до зарезу! — да скажи, что для Алика. Луку пусть много не кладет. Ну, я пошел?

— Я его доставлю, — вмешался Фол, мигом выворачивая колеса и вставая во весь свой немалый рост. — У тебя, Ричард Родионыч, мотоцикл на привязи, пока ты цепь отомкнешь... А я всегда «на ходу»!

— Да у меня с пол-оборота... — завелся было Ритка, но мы с Фолом уже пробирались к гардеробу за моей курткой. В итоге наш бравый жорик-ренегат махнул рукой и принялся за пиво, явно намереваясь с пользой дожидаться моего возвращения.

Выбравшись на улицу, я запахнул куртку и с наслаждением вдохнул сухой морозный воздух.

— Садись, — Фол хлопнул себя по... ну, короче, по спине, покрытой джинсовой попоной, из-под которой валил пар.

Кентавр раньше подвозил меня несколько раз, так что я, нимало не смущаясь, вмиг устроился поверх попоны и ухватился за горячие мускулистые плечи. Торс Фола был затянут лишь в футболку с надписью «Халки» (что сие означало — убей, не знаю). Верхней одежды кенты не носят, да и не нужна она им. Неизвестно, жарко ли им летом, но зимой они ничуть не мерзнут — это

факт. Такие уж они удались горячие. И вовсе не потому, что в венах у них солярка и шерсть у них внутри, под кожей, не растет — чушь это, сказки дураков и для дураков.

Фол рванул с места и помчался по улице, забывая притормаживать на поворотах. Ездят кентавры почти беззвучно, если песен не горланят, и скорость у них при этом — куда любому служивому на мотоцикле! Короче, кататься на них верхом — одно удовольствие, только мало кто об этом знает.

Видел я, как они детей человеческих из Дальней Срани на себе катают; да детишки те не чета обычным центральным чистоплюйчикам... А взрослые даже там не напрашиваются. В детстве пробовали, потом выросли — все, отрезало. Боятся. Или стесняются.

А мне — плевать. Друзья мы с Фолом. Я его семь лет назад у подъезда своего подобрал и не знаю, как в одиночку к себе на третий этаж затащил. Раненый он был. Жорики в него стреляли: Фол с дружками по молодости витрину расколотиматил, а рядом с витриной банк какой-то был, сигнал оттуда пошел, что кенты банк грабят, вот служивые не разобрали сгоряча и пальнули вдогонку. Память о Большой Игрушечной тогда совсем свежей была, не запеклась-заросла, любой шухер — светопреставление... А жорики — тоже люди. Две недели я Фола выхаживал, вместе с Натали (она по тем временам еще со мной жила и о ребенке мечтала), чудом спасли — Натали у меня с медобразованием, а в храм-лечебницу или там к батюшке мы обращаться боялись.

Свечку Марону-Сирийцу ставил за болящего,

если жар долго не спадал, а на большее духу не хватило. Вот с тех пор я все думаю — может, это Ритка в Фола стрелял?

Может, и Ритка.

Чего уж теперь...

Доехали мы за пару минут. Фол плавно притормозил у моего подъезда, и я соскочил на снег.

— Тебя подождать? — спросил Фол.

— Нет, не надо. Не заставляй Ритку долго пить в одиночестве. А я скоро вернусь. Не уходите без меня, хорошо?

Фол кивнул и чуть ли не со свистом умчался, подняв за собой целую метель.

А я, набрав полные ботинки снега и прыгая через ступеньки, вихрем ворвался в подъезд (только не в свой) и отдышался лишь у обитой ветхим дерматином двери, за которой и обитал странный человек — псих Ерпалыч.

«Алик, ради Бога... извините за назойливость, но не могли бы вы сейчас зайти ко мне? Я вас очень прошу...»

Еще спустя пять минут я очень хорошо понял Ритку. Потому что на сотый призыв хриплого звонка никто в сотый раз не откликнулся.

Я сел на ступеньку, обмахиваясь краем шарфа — и до меня донесся какой-то приглушенный звук.

Не то стук, не то стон.

Я прислушался — да нет, все тихо... а вот опять повторилось. И еще раз, но уже совсем еле слышно. Я вскочил, приложил ухо к двери, по-

стоял так с минуту, но больше ничего не услышал.

Попробовал дверь — крепкая, однако...

Ломать, конечно, не строить, только хорош я буду — явился на ночь глядя, хозяина дома не застал, так дверь ему сломал... да и не потяну я один эту штуковину.

За моей спиной раздалось шелканье замка и металлический лязг цепочки. Я обернулся и увидел приоткрытую дверь соседней квартиры. Из образовавшейся щели торчал острый старушечий носик. Очень знакомый носик. Только я больше привык видеть его не торчащим из щели, а склоненным над быстро мелькающими спицами. Вечный атрибут нашего летнего двора, три старушки с вязаньем на скамеечке, три Мойры с клубками из нитей жизни... и одна из Мойр была сейчас передо мной.

— Здравсьте, тетя Лотта! — сказал я.

— Алик? — Носик сморщился, принюхиваясь. — Ты один?

— Один я, один, тетя Лотта. — Я говорил добродушно и нарочито весело, держа руки на виду и пытаясь излучать добропорядочность.

Словно зверька успокаивал.

Дверь на миг захлопнулась и почти сразу же открылась полностью, пропуская на площадку тетю Лотту — сухонькую бабульку в ситцевом халатике и войлочных шлепанцах. Руки ее были мокрыми (готовила, должно быть, или стирала), она держала их на весу, и впрямь напоминая поднявшегося на задние лапки зверька.

— Алик, — еще раз сказала тетя Лотта, и мелкие черты ее морщинистого личика сложились в

удивленно-радостную гримасу. — Ты чего тут шумишь, Алик? Забыл что-то у Ерпалыча, да? Я знаю, ты утречком сидел у него, небось водку хлестали, я все знаю, Алик, даром что старая...

— Забыл, тетя Лотта, — я решил не вдаваться в подробности. — Ты не знаешь, где Ерпалыч?

— Да где ж ему быть, как не дома? Я целый день, почитай, никуда не выходила, только мусор выбрасывала — слыхала бы, когда б он дверью хлопал... Дома он, Алик, дома! Ты позвони-ка еще разок, он откроет...

Я машинально нажал на кнопку звонка. В Ерпалычевой квартире злобно захрипело, забулькало — и минутой позже что-то упало на пол.

Что-то тяжелое и мягкое.

Во всяком случае, звук был именно такой.

И тогда я принял решение.

— Ты, тетя Лотта, постереги тут, а я мигом. — И я сорвался вниз по лестнице, перепрыгивая по полпролета, споткнувшись о наружный порожек и кубарем выкатившись во двор, со всей возможной скоростью несясь по слабо освещенной улице и жалея только об одном — что я не кентавр.

* * *

На обратном пути я уже не жалел об этом, потому что мчался верхом на Фоле, второй раз за сегодняшний вечер по одному и тому же маршруту, а следом за нами раненным в задницу Калидонским вепрем ревел Риткин «Судзуки», надрываясь под суровым сержантом-жориком и плюя на все ограничения скорости — хорошая машина, служебная, заговоренная... Мокрый снег сек наши лица, редкие фонари испуганно шараха-

лись в стороны, всплескивая суматошными тенями — а позади недоуменно гудела толпа в дверях «Житня», и Илюша Рудяк в меховой безрукавке объяснял новичкам, что это Алик-писака, значит, нечего зря нервничать и студить заведение, пошли внутрь, и все пошли, кроме гнедого кентавра с похабной татуировкой на плече, который все стоял, окутанный метелью, и смотрел нам вслед со странным выражением лица...

8

Дверь вынес Фол.

С одного удара.

Только что он скакал впереди всех по лестнице, развернув колеса поперек туловища и совершая такие немыслимые телодвижения, что бедная тетя Лотта при виде этого ужаса вжалась в стену, забыв дышать, — и вот Фол уже разворачивается на крошечном пятачке лестничной площадки, чудом не зацепив старушку, и с места берет крейсерскую скорость, набычившись и вытянув хвост струной.

В дверь он вписывается правым плечом. Раздается дикий треск — и я едва успеваю подхватить тетю Лотту, а набегающий сзади Ритка зачем-то сует ей под нос своё синее удостоверение, чем сразу приводит бабку в чувство, похлеще нашатыря.

— Алик! — благим матом ревет Фол из недр квартиры. — Давай сюда! Со стариком плохо!..

И я «даю сюда» — поскольку тетя Лотта теперь в состоянии стоять сама. Я врываюсь в памятную комнату, больно ударяясь коленом о журнальный столик, блюдечко с одиноким ломтиком

сала сваливается на-пол и разбивается вдребезги, я шиплю от боли и вижу опрокинутое плетеное кресло, возле которого лежит недвижный Ерпалыч.

Мне хорошо видно его лицо. Поэтому сперва мне кажется, будто старик хитро подмигивает нам. Лишь потом я понимаю, что злая судорога стянула левую половину лица Ерпалыча — и лицо оказалось в этой нелепой асимметрии клоунской маски.

Ритка отталкивает меня и падает на колени рядом со стариком, прикладывая пальцы к тощей жилистой шее.

— Жив, — говорит Ритка. — Похоже на инсульт, но — жив.

Фол у окна перестает напряженно всматриваться в темноту и беззвучно подъезжает к телефонному аппарату, стоящему на тумбочке в углу.

— Звони в «Скорую», — запоздало бросает ему Ритка.

Фол поднимает трубку, перетянутую синей изолентой, чертит знак соединения, долго вслушивается... и кладет трубку обратно на рычаг.

— Не работает, — зло рычит он и грозит кулачком в окно, словно там, в снежном мраке, стоит и ухмыляется кто-то, виновный во всем.

— Я сейчас, я мигом, — слышим мы из коридора, — я от себя позвоню.

Выглянув наружу, я вижу прихожую тети Лотты (дверь ее квартиры распахнута чуть ли не настежь, и безработная цепочка возмущенно раскачивается); я вижу, как старушка семенит к телефону, снимает трубку, набирает номер... еще раз... чертит знак с приговоркой...

И возвращается, виновато помаргивая.

— Шумит там, — оправдывается тетя Лотта. — Шумит и урчит, ровно зверюка, а гудков нету... Может, я к соседям сбегая? Сбегать, Алинька? Или заговором пугнуть?! Детвора со двора до сих пор пристаёт: как без монетки с автомата звонить?..

Я молчу. У меня нет никаких причин подозревать Тех в причастности к инсульту Ерпалыча, но я молчу. Почему-то мне кажется, что в телефонных аппаратах соседей завелся тот же зверь, что и в аппаратах Ерпалыча с тетей Лоттой.

Заговаривай, не заговаривай...

Фол наклоняется и берет Ерпалыча на руки. Старик лежит на бугристых руках кентавра, как ребенок, как костлявый подмигивающий ребенок в заношенном халате, и пояс халата распустился, волочась по полу. Ритка по-прежнему стоит на коленях и лишь поднял взгляд на Фола.

В глазах Ритки горит молчаливое недоумение.

— Поехали, — коротко бросает Фол. — В «неотложку».

И собирается выкатиться в коридор, но я заступаю ему дорогу.

— Ты что, добить старика решил? — интересуюсь я. — Он же полуголый! Кент ты безмозглый!..

Фол с непониманием глядит на меня. Хвост его изогнут вопросительным знаком, но спустя мгновение до Фола явно доходит смысл моих слов, вопросительный знак становится просто хвостом, и кентавр бережно опускает Ерпалыча на продавленный диван.

Жалобно скрипят пружины.

— Одевайте! — командует Фол.

Одевать, надо полагать, должен я.

Я оглядываюсь по сторонам, но меня выручает тетя Лотта.

Она уже выходит из соседней комнаты, неся белье, пахнущее цветочным мылом, и костюм старомодного покроя на пластмассовых плечиках.

— А кожух-то в коридорчике, на вешалке, — спокойно говорит она и принимается хлопотать над бесчувственным Ерпалычем, умело переворачивая его, как если бы обряжение тел парализованных стариков было первейшей и ежедневной обязанностью тети Лотты.

— В коридоре кожушок, Алик. Тащи его сюда. И шарфик с шапкой не забудь. У-у, старый, зря я тебе стирала, раз ты помирать собрался, обидел ты меня, Ерпалыч... ты уж поживи еще маленько, а вернешься — я тебе обед сготовлю, из трех блюд, а потом пойдем мою Чапу выгуливать, я ж знаю, ты любишь ее выгуливать, и она тебя любит, псих ты старый...

Руки тети Лотты снуют легко и сноровисто, а губы уже бормочут привычное: *«Едяго естное переносное, с раба крещеного, с крови на кровь — сухотку, ломотку, корючку, болючку... пусть слово тако скотко жрет-подавится, больной поправится...»* Я приношу кожух и вытертый шарф с облезлой шапкой, помогаю приподнять Ерпалыча — он кажется мне легким и пустым, словно внутри у него ничего нет, — и тетя Лотта застегивает последнюю пуговицу, удовлетворенно причмокивая.

— Эй, хвостатый, — через плечо бросает она Фолу, — бери-ка... Да не растрясина-то, его нельзя

трясти сейчас! Ишь, какой ты вымахал здоровуший, на тебе воду возить...

И случается невозможное: Фол подкатывает к дивану и, прежде чем взять Ерпалыча на руки, неловко целует тетю Лотту в щеку, а она треплет могучего кентавра по лохматому затылку, как дворового мальчишку, выросшего у нее на глазах.

— Довезешь? — спрашивает Ритка у Фола.

— Довезу.

И я понимаю — да, довезет.

До «неотложки», а если понадобится — то и дальше.

Куда надо будет, туда и довезет.

9

Храм неотложной хирургии находился на другом конце города, в трех автобусных остановках от Горелых Полей. С северо-запада он примыкал к лесомассиву, достаточно благоустроенному, чтобы летом там было полно влюбленных и выпивох — ценителей природы, кучковавшихся в укромных беседках; на восток от «неотложки» располагался колоссальный яр, за которым уже начиналась Дальняя Срань.

Я взбежал по ступенькам, слыша за спиной тяжелое дыхание Фола и лязг цепи, которой Ритка наскоро приковывал свой мотоцикл к врытой в землю скамейке; распахнулись стеклянные двери, укоризненно глянул сверху Спиридон-чудотворец, епископ Тримифунтский, осуждая суету в святом месте, — и я оказался в просторном холле.

В пяти метрах от меня за столом восседала молоденькая дежурная: пухленькое, в меру симпа-

тичное существо в накрахмаленном халатике и таком же чепчике с красным крестом вместо кокарды.

Брошюру листала: «Влияние ворожбы на эфферентную иннервацию»... небось зимнюю сессию завалила!

— Дежурная сестра милосердия... — привычно затараторила она и осеклась, когда следом за мной въехал курящийся паром Фол с Ерпалычем на руках.

Появление же хмурого Ритки в засыпанном снегом казенном полушубке без погон, казенных сапогах и цивильном вязаном «петушке» ввергло сестру милосердия в ступор.

Она даже моргать перестала.

Ритка замер у двери, словно по служивой привычке собираясь на всякий случай блокировать выход. Фол уложил Ерпалыча на кушетку у стены и принялся разминать уставшие руки, нервно подергивая хвостом; и я понял, что пора разряжать ситуацию.

— Вы понимаете, девушка, — вежливо улыбаясь, я безуспешно пытался заслонить собой кентавра, — мы до «Скорой» не дозвонились, вот и пришлось своим, так сказать, ходом...

Нет.

Она по-прежнему не моргала.

— Больного принимай, — буркнул от дверей Ритка-сержант. — Чего вылупилась-то?..

Вмешательство Ричарда Родионовича лишь ухудшило положение.

— Я на улице подожду, — догадливый Фол покотил к стеклянным дверям, но они раскрылись сами. И, отодвинув Ритку, в холл вошел вы-

сокий черноусый мужчина лет сорока пяти, одетый в дорожную дубленку, из-под которой снизу торчали полы белого халата.

— Идочка! — зарокотал он, привычно крестясь в сторону красного угла на другом конце фойе. — Ну почему в челюстно-лицевом вместо Пимена Печерского-Многоболезненного опять Агапиту Печерскому кадят?! Я же вас просил перезвонить! До каких пор...

Начальственный рык мигом вернул сестру Идочку на нашу грешную землю.

— Генрих Валентинович! — лепечет она, поглядывая то на черноусого, то на Ритку с Фолом (я и Ерпалыч как бы не в счет). — Генрих Валентинович, тут... ой, тут такое!..

Но великолепный Генрих Валентинович уже видит все, что должен был увидеть.

К его чести, первым делом он направился к кушетке с Ерпалычем. Проверил пульс, заглянул под веки, расстегнул кофуж и приложил ухо к груди старика — после чего повернулся ко мне.

Фола и Ритку он демонстративно игнорировал.

— Ваш родственник? — строго интересуется черноусый.

— Нет, — почему-то смущаюсь я. — Так... сосед.

— Ясно. Документы на него есть?

— Какие документы?! — не выдерживает Ритка. — Вы что, не видите: человек умирает!

Генрих Валентинович не видит.

Ослеп.

— Я — старший сержант патрульно-постовой службы! Вот мое удостоверение, и в случае чего я

подам на вас рапорт в областные органы! Вы слышите меня?!

Генрих Валентинович не слышит.

Оглох.

— Я — заместитель главврача, — говорит он мне. — У больного, по всей вероятности, инсульт. Без документов я не могу узнать, какие обряды больной совершал в последние шесть месяцев, но... Идочка, я пройду к себе, а вы оповестите реанимацию. Хорошо? Пусть готовят отдельную палату, капельницу и алтарь в западном крыле.

Идочка бросается к телефону, а Генрих Валентинович покидает нас. Впрочем, не сразу — проходя мимо красного угла, он вдруг останавливается, словно собака, услышавшая хозяйский окрик, с минуту глядит в стену и наконец уходит, но шаг Генриха Валентиновича уже не столь уверен, как раньше.

Мы ждем.

Дежурной бригады, или кто там должен был явиться за стариком, все нет и нет. Я спиной чувствую, как начинает закипать Ритка, сестра Идочка сидит как на иголках — и с облегчением выдыхает воздух, когда возвращается Генрих Валентинович.

Лицо его строго и спокойно, дубленку он снял и теперь сияет кафельной белизной; он чист и холоден, как зима за окнами — только ноздри породистого носа с горбинкой раздуваются чуть больше обычного, портя общую картину.

— Мы не можем госпитализировать больного, — тихо говорит Генрих Валентинович, и голос его чрезмерно спокоен для того, чтобы быть таким на самом деле. — Его надо в неврологию с

реанимационным блоком, а там нет свободных мест. И опять же — документы... я не имею права, основываясь только на вашем заявлении... необходимо сообщить, уведомить, а пока...

Ритка устраивает безобразную сцену. Он кричит, угрожает, топает сапогами и размахивает своими синими «корочками», порывается звонить непонятно куда, но это не важно, потому что в телефонной трубке урчит знакомый нам зверь — а я смотрю на бесстрастного Генриха Валентиновича, который предлагает везти больного в окружную храм-лечебницу, но все машины сейчас в разъезде по вызовам, и посему... я смотрю на бледную Идочку, на вспотевшего Ритку, на Фола — и кентавр понимает меня без слов.

Он неторопливо подкатывает к кушетке, проехав так близко от Генриха Валентиновича, что замглаврача умолкает и невольно отшатывается, застегивает на Ерпалыче кофух и вновь берет старика на руки.

После чего выезжает через стеклянные двери.

Промокшая насквозь джинсовая попона лежит на спине кентавра с достоинством государственного флага, приспущенного в знак скорби; и прямая человеческая спина Фола красноречивей любых воплей и скандалов.

Я иду за ним. У входа я оборачиваюсь и вижу замолчавшего Ритку. Ритка стоит и смотрит на Генриха Валентиновича, смотрит долго и страшно, и я начинаю опасаться, что белый халат зама сейчас начнет дымиться под этим взглядом.

— Я т-тебя, с-сука...

Ритка вдруг начинает заикаться, не договаривает и, резко повернувшись, почти бежит за нами.

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Наверное, годам к пятидесяти он малость обрюзгнет, обзаведется лишним жирком, складки на талии обвиснут за ремень, и бритый затылок в жару придется часто промокать платком, сопя и отдуваясь. Но все это случится потом, если случится. А сейчас он по-хорошему широк в кости, массивен без тяжеловесности, при желании легок на ногу; и ранние залысины на висках, да еще глубокая морщина между бровями — они тщатся, пыжятся, из кожи вон лезут, и все никак не могут придать солидности его курносому лицу.

И еще: привычка закладывать большие пальцы рук за ремень, покачиваясь с пятки на носок.

Вот он какой, старший сержант Ритка...

Последнее, что я вижу: сестра милосердия Идочка что-то взхлеб говорит черноусому, а тот глядит мимо нее, и глаза Генриха Валентиновича полны болью и страхом.

«Откройте пещеры невнятным сезамом, — бормочет кто-то у меня в голове, — о вы, лицемеры, взгляните в глаза нам!.. взгляните, взгляните, в испуге моргните, во тьму протяните дрожащие нити...»

Голос затихает, я вздрагиваю и выхожу за Фоллом в снег и ночь.

10

На автобусном кругу, метрах в пятистах от проклятой «неотложки» и сволочного Генриха Валентиновича, мы остановились.

Снег перестал идти. Небо блестело холодны-

ми искрами, вокруг было тихо и пустынно. Следы наши на этой девственной белизне выглядели уродливо и нелепо: две колеи от колес Фола и Риткиного «Судзуки», две цепочки обычных следов, моих и Риткиных, поскольку бравый жорик шел пешком, ведя мотоцикл за рога, и дорожка крестиков, оставленных любопытной вороной, скакавшей за нами от самой храм-лечебницы.

Фол наклонил голову, прислушался, дышит ли старик, и обеспокоенно нахмурился.

— Я поеду через яр, — тоном, не терпящим возражений, заявил кентавр, — а ты, Алик, обойди по мостику... Знаешь, по какому?

Я знал — по какому. В первый раз, что ли?

— Встретимся на той стороне у бомбоубежища, — продолжил Фол, — и оттуда ко мне. Договорились? Посидишь со стариком, а я по Срани помотаюсь. Что у нас, своих лекарей не найдется?

— А я? — недоуменно спрашивает Ритка. Одинокый фонарь раскачивается над ним, и тень сержанта елозит по снегу, словно пытаюсь освободиться и убежать. — Я с вами!

— Не надо тебе с нами, Ричард Родионыч, — Фол в упор глядит на Ритку, и в голосе кентавра звучит уверенность пополам с симпатией к собеседнику. — Никак не надо. Наши не тронут, раз ты со мной, — так ваши не простят. Кто тогда этого Генриха достанет? Я? Или Алик? Вот оно как, сержант...

— Ночью, через яр... — бормочет Ритка, с сомнением кусая губы. — Ты, Фол, не опасаясь, а?

— Не опасаясь, — улыбается Фол.

— Ну а когда там... Снегурки да Деды-Отморозки пьяные гуляют? Захороводят ведь?!

— Так ведь и я там не всегда трезвый гуляю, — уже откровенно смеется Фол, но я его не слушаю, потому что никак не могу избавиться от ощущения, что за нами наблюдают.

Желтый свет фар мечется по улице, и из-за проволочного ограждения вокруг «неотложки» показывается приземистый «микро» специализированной «Скорой помощи». Открываются ворота — хотя я не вижу возле них ни одного человека — и машина, ворча и разбрасывая снег, приближается к нам.

Останавливается.

Хлопает дверца.

«До чего же мне осточертели белые халаты!» — думаю я, глядя на высунувшегося из машины парня.

— Чего надо? — неприветливо интересуется Ритка.

— Я сейчас открою заднюю дверцу, — вместо ответа сообщает парень, — так вы его туда и заносите... На койку положите, она в стену встроена.

Потом, наконец, до парня доходит.

— Я — заведующий кардиологическим отделением, — торопливо добавляет он. — Мне Идочка сейчас звонила... В общем, наплюйте вы на Генриха. Известный перестраховщик. Морду бы ему набить — да нельзя.

— Жалко, — понимающе кивает Ритка.

— Кого жалко? Генриха? Вот уж кого ни капельки...

— Жалко, что нельзя. А то я уж было решил, что можно.

Парень смеется. Смех у него хороший, ис-

кренний, и я сам не замечаю, как начинаю улыбаться в ответ. Фол тем временем объезжает машину и, судя по звукам, принимается загружать Ерпалыча внутрь. Слышен приглушенный лязг (инструментов, что ли?) и женский немолодой голос:

— Юлик! Готовь шприц! И помоги мне снять с него этот жуткий кожух...

Фол выкатывается из-за машины. Руки его пусты, и в первый момент это мне кажется ненормальным. Потом я замечаю, что руки кентавра слегка дрожат. Фол тоже замечает это, хмурится — и руки перестают дрожать.

— Завтра с утра можете зайти в кардиологию, — говорит паренек, — в седьмой корпус. Узнаете на входе, какая палата и разрешены ли посещения. Спокойной ночи!

Он кивает плечистому шоферу, сидящему рядом с ним и за все это время не произнесшему ни слова. Машина трогается с места, начиная разворачиваться.

— Хороший парень, — подводит итог Ритка. — Не то что этот гад Генрих! Вот кого надо в главврачи...

Ворона, затаившаяся при появлении машины, вновь осмелела, подскакала поближе, клацнула клювом и полетела прочь, хрипло хохоча над нами и всем сегодняшним сумасшедшим днем.

11

На обратном пути меня прихватило. Я ехал позади Ритки на его мотоцикле — Фол хорохорился, но было ясно, что он здорово устал, — я то и дело тыкался лицом в овчинную спину служи-

вого, как слепой кутенок тычется в безразличную мамашу; мне было нехорошо, все время казалось, что кто-то невидимый вцепился сзади в мою тень и дергает ее изо всех сил, пытаюсь оторвать или на худой конец просто скинуть меня с мотоцикла... Я понимал, что это бред, но меня по-прежнему дергало, и я все крепче вцеплялся в Ритку.

А он ехал медленно и осторожно — видимо, что-то чувствовал.

Они проводили меня до самого дома. И правильно сделали: дважды нас останавливал патруль, и оба раза это оказывались Риткины приятели-знакомые, так что мы ехали дальше без хлопот; а подозрительные личности, попадавшиеся нам по дороге, отступали в переулки, понимая, что им придется за нами гнаться либо с нами драться, либо и то и другое последовательно, а опыт подсказывал подозрительным личностям, что лучше не рисковать, нарываясь на трех взрослых мужиков, один из которых не мужик даже, а кентавр, и второй тоже не мужик, а, похоже, жорик, ну и третий тоже вроде бы не очень-то мужик, ишь, телепается... да пошли они все к чертям собачьим!

У моего подъезда мы остановились. Я слез с мотоцикла и тут же ухватился за Риткино плечо, потому что меня повело в сторону.

Фол озабоченно посмотрел на меня, подергал себя за бороду и, словно решившись, полез под попону и извлек оттуда пластмассовую фляжку с завинчивающимся колпачком.

Горлышко сего сосуда было красиво оплетено цветной проволокой, а ниже плетенки на цепоч-

ке болталось человеческое ухо. Маленькое, с ноготь. Шутники хреновы...

— Хлебни-ка, — Фол протянул мне фляжку.

— Не хочу, — чувство равновесия мало-помалу возвращалось ко мне, и только глотка кентовского самогона мне сейчас не хватало!

— А я не спрашиваю, хочешь ты или не хочешь! Я говорю — хлебни. Только немного, иначе стошнит. Домой придешь и спать ляжешь... а спиртного до завтра не пей. Короче, пока совсем не проспишься. Понял?

Если у вас есть выбор: спорить с кентавром или биться головой об стенку — смело начинайте искать ближайшую стенку. Я отвинтил колпачок и осторожно припал губами к фляжке. Питье было безалкогольным, кисловатым и слегка отдавало перечной мятой. После первого глотка я почувствовал, как по моим мозгам прошлись наждаком, сдирая накопившуюся за день плесень, и по телу пробежала освежающая волна. Второго глотка я сделать не успел — Фол отобрал у меня фляжку и спрятал под попону.

— Обопьешься, — грубовато буркнул он. — А теперь — спать.

— Тебя проводить? — машинально поинтересовался Ритка у кентавра.

— Ага, — весело отозвался Фол, стряхивая хвостом снег с ближайшего куста. — Чтоб наши подумали, будто я под арестом. Или что я — извращенец. Спокойной ночи, Ричард Родионыч!

И без лишних слов умчался прочь.

— Я тебе завтра позвоню? — Ритка взгромоздился на мотоцикл и вопросительно посмотрел на меня.

— Позвони, — согласился я, прислушиваясь к новым ощущениям в себе. — Только не очень рано.

Ритка пнул ногой стартер, а я повернулся к моему другу спиной и побрел к подъезду.

Уже стоя у двери в квартиру и нащаривая в кармане ключи, я услышал робкое повизгивание и обернулся, ожидая чего угодно.

На лестнице, ступенек на шесть выше моей площадки, сидел пес. Большая такая собачина, не меньше овчарки, серая с подпалинами и ужасно несчастная. Шерсть на звере была мокрая и слипшаяся, язык не умещался в пасти и выпадал наружу, как штандарт сдающейся крепости; и сидел этот серый побродяжка неуклюже, боком, сильно перекосившись налево.

— Здорово, — удивленно сказал я.

Пес закричал и полез по ступенькам вверх, жалобно поскуливая, — надо полагать, от греха подальше.

— Тебя как зовут-то? — спросил я вслед.

Пес взвизгнул что-то вроде: «Ну чего тебе от меня надо?!» — и лег на следующей площадке, отвернув голову.

Впрочем, уши его настороженно торчали. Мало ли, может, я побегу следом и буду пинаться ногами...

— Колбасы хочешь? — поинтересовался я.

Учуяв жалость в моем голосе, пес соизволил повернуться и заскулил, протяжно-тоскливо ропща на судьбу.

— А ты не кусаешься, приятель?

«Ни в коем случае!» — метровыми буквами было написано на его морде.

Я открыл дверь и приглашающе махнул рукой.

— Заходи, серый, гостем будешь!

Пес не тронулся с места.

— Ну, как знаешь. — Я зашел в квартиру, оставив дверь открытой.

И как в воду глядел: не прошло и минуты, как на лестнице раздалось сбивчивое цоканье когтей о ступеньки, и в дверь просунулась собачья морда.

Я к этому времени уже успел сходить на кухню и вооружиться изрядным куском колбасы. Видимо, это оказалось решающим аргументом — не сводя глаз с вожденной еды, пес прохромал в прихожую (заднюю левую лапу он сильно подволакивал) и приступил к ритуалу знакомства: обнюхиванию моих рук, дружелюбному ворчанию, вилянию хвостом, подсовыванию своего мокрого затылка под мою левую ладонь для поглаживания, деликатному пережевыванию колбасы и так далее.

Доев колбасу, пес подошел к дверям и остановился в ожидании.

— Уйти хочешь?

Пес лег у дверей, положил голову на передние лапы и прикрыл глаза. Я запер дверь — никакой реакции. Как всю жизнь тут провалялся.

— Сторож... ну, спи пока, а завтра решим, как с тобой быть. Ричарду тебя отдам — будешь служебно-розыскной собакой!

«Ага, разогнался!» — сонно проворчал мой сторож, а я вернулся на кухню и снова полез в холодильник.

Есть не хотелось, но на верхней полке обнару-

жился стакан с водой, и это было как нельзя кстати. Я захлопнул дверцу, жадно припав к стакану, и лишь когда половина стакана оказалась выпита, я понял, что это не вода. Водка это была — но настолько ледяная, что спиртовой запах практически не ощущался, да и вкус...

Не помню, дошел ли я до кровати.

12

...Я был медной наковальней, падающей с неба.

Я падал десять дней и ночей, розовоперстая Эос с завидной регулярностью выходила из мрака и в него же возвращалась, ветер пронзительно свистел в ушах (наличие ушей у меня-наковальни почему-то казалось совершенно естественным), и нахальная ворона с профилем Фимы Крайца все кружила рядом, вереща дурным голосом о том, что сейчас я пробью землю насквозь и попаду в геенну огненную, а после буду лететь дальше еще десять дней и десять ночей, и вот тогда-то начнется самое интересное...

Но до самого интересного я не долетел.

Вместо этого я неожиданно оказался в очень темном и сыром месте, где пахло грибами, и шагах в двадцати от меня коренастый дядька с блекло-рыжими волосами и бородой присел на корточки, сосредоточенно ковыряя землю коротким мечом.

Лица дядьки я не видел.

«Вступи ты в Аидову мглистую область», — прозвучало у меня в голове, и я вздрогнул, когда воздух вокруг наполнился чеканной поступью воинов, ровными рядами шагающих туда, откуда не возвращаются.

— ... вступи ты в Аидову мгlistую область,
Быстро бежит там Пирифлегетон в Ахероново лоно
Вместе с Коцитом, великою ветвью Стикса; утес там
Виден, и обе под ним многошумно сливаются реки...

И впрямь поверх сидящего на корточках землекопа проступила громада мрачного утеса, тенью дремлющего великана нависнув над дерзким; и брызги ударили о замшелый каменный бок, шумом подземных рек вторгаясь в тишину этого места, где пахло грибами, а еще — забвением.

А дядька все копал и копал.

«Слушай теперь, и о том, что скажу, не забудь...» — прошептал кто-то совсем рядом и вдруг зашелся сухим, лающим смехом, прозвучавшим подобно святотатственной клятве.

— Слушай теперь, и о том, что скажу, не забудь: под
утесом,
Выкопав яму глубокую, в локоть один шириной
и длиною,
Три соверши возлияния мертвым, всех вместе призвав их:
Первое — смесью медвяной, второе — вином
благовонным,
Третье — водою, и, все пересыпав мукою ячменной,
Дай обещанье безжизненно веющим теням усопших:
В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей
много

Бросить...

Меня бросило в жар. Ни с того ни с сего мне показалось, что дядька, сидящий на корточках у ямы, больше похожей на разверстую могилу для карлика, — это я, хотя мы были совершенно не похожи друг на друга. Это я сидел сейчас, собираясь с духом и загоняя страх куда-то в живот, где он и скапливался холодной лужей, это я готовился совершить неслыханное приношение в невиданном месте, не боясь грома небесного и ка-

ры за грехи; а если б Те узнали, чего я хочу, то они содрогнулись бы и кинулись сюда, пытаюсь...

Пытаюсь — что?!

— После (когда обещание дашь достославным умершим)

Черную овцу и черного с нею барана — к Эребу

Их обратив головою; а сам обратясь к Океану, —

В жертву теням принеси; и к тебе тут немедля великой

Придут толпою отшедшие души умерших; тогда ты

Спутникам дай повеленье, содравши с овцы и барана,

Острой зарезанных медью, лежавших в крови перед вами,

Кожу, их бросить немедля в огонь, и призвать

громогласно

Грозного бога Аида и страшную с ним Персефону;

Сам же ты, острый свой меч обнаживши и с ним перед

ямой

Сев, запрещай приближаться безжизненным теням

усопших

К крови...

Теряя сознание, проваливаясь в дурман безумия, растворяясь в окружающей сырости, я слышал гул волн, разбивающихся об утес, и в этом гуле звучали странно-знакомые слова: «*Был схвачен я ужасом бледным... ужасом... ужасом... бледным... был схвачен... я... я... я...*»

Суббота, четырнадцатое февраля

*Не щипайте галлюцинацию за бок * Эра Гигантовна *
Сортирный исчезник мешает Акту Творения * Архаров
заказывали? * Фима-Фимка-Фимочка * Дурные манеры Деда
Банзя * О Выворотке и не только*

1

Городское неутомонное утро вступало за окном...

Нет, это уже было.

Я лежал под одеялом, не открывая глаз...

И это уже было.

А чего тогда не было?

Память насмешливо фыркнула и свернулась колючим клубком.

Сесть на кровати удалось лишь после изрядного усилия. Должно быть, поэтому я не сразу заметил, что одет. Я никогда не спал одетым. Тем более в шерстяных рейтузах, блузе с капюшоном и теплых носках.

Носки вообще были не мои. Не могло у меня быть таких отвратительных рябых носков грубой вязки, да еще с черными заплатами на пятках. Владелец подобной мерзости небось склонен к суициду.

И пьет натошак.

Нашупав тапочки, я встал и, придерживаясь за стены, направился в коридор, собираясь доташиться до ванной и плеснуть водой себе в лицо.

Желательно очень холодной водой.

Увы, в коридоре меня ждал очередной сюрприз — из ванной комнаты доносился плеск и бодрое мурлыканье. Голова немилосердно кружилась, но я все-таки ускорил шаг, распахнул дверь санузла и понял, что до сих пор вел неправильный образ жизни, дурно сказавшийся на психике.

Спиной ко мне, оттопырив пухленькую попку, еле прикрытую смешной оранжевой комбинашкой, умывалась галлюцинация.

— Гав! — зачем-то прохрипел я.

— Пшел на кухню! — не оборачиваясь, отозвалась галлюцинация.

Я подумал и ущипнул себя за бок.

Не помогло.

Тогда я подумал и ущипнул за бок галлюцинацию.

Результат превзошел все мои ожидания: раздался оглушительный визг, в ванной на миг стало тесно, я оказался награжден оплеухой, взяшей вытолкан в коридор и мог только ошалело слушать, как с той стороны злобно лязгает крючок.

Пнув дверь ногой, я поплелся обратно в комнату. В углу обнаружился чужой матерчатый чемодан, до половины набитый всяким барахлом. Из шкафа торчал цветастый подол, придавленный дверцей, на тумбочке валялись электрощипцы для завивки волос; рядом со щипцами сиротливо притулился «Помазанник Божий», крем для снятия макияжа с добавлением освященного миро. На стене, бок о бок с моим календарем, добавился еще один календарь — глянцевого, канареечный, согласно которому мне сегодня рекомендовалось класть присухи на любовь, а также орать в поле, дабы на нивах не было плевел. Я скромно опустил взор и увидел наконец самое невероятное: полы были вымыты и натерты мастикой до совершенно неприличного блеска.

Женился я во сне, что ли?!

Глядя на себя в зеркало (вид у меня был еще тот!), я понял, что ничуть не удивлюсь, если сейчас в комнату влетит сопливый оболтус и кинется ко мне на шею с воплем: «Доброе утро, папочка!»

— Доброе утро! — послышалось сзади. — Как вы себя чувствуете, больной?

— Твою д-дивизию... — непроизвольно вырвалось у меня.

— Что?

— Ничего... — я обернулся, всмотрелся. — Добрейшее утро, Идочка!

— Вы меня помните, больной?

— Еще бы! Дежурная сестренка милосердия в этой... этом... хре... хра... «неотложке»! Влияние ворожбы на референтную консервацию! Слушайте, хорошая моя, а где ваш роскошный Генрих Валентинович?! На кухне? Завтрак мне готовит?!

Идочка засмущалась и шмыгнула вздернутым носиком, одергивая полы халатика.

— Чай пить будете? — еле слышно спросила она, забыв добавить «больной». — А я вам все-все расскажу... вы только переоденьтесь, ладно?..

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Все округлости чуть круглее, чем требует нынешняя мода на женщин-мальчиков; малый рост вынуждает ее смотреть почти на любого собеседника снизу вверх, доверчиво хлопая ресницами и едва ли не заглядывая в рот — многим это нравится, и видно, что да, многим... Волосы цвета осенней листвы собраны на затылке в узел, румянец играет на щеках, а нижняя губка капризно оттопырена, намекая на способность обидеться без повода и простить без извинений. Хочется погладить, почесать за ушком, мимоходом рассказав о чем-нибудь веселом, наверняка зная: она откликнется смехом, утирая слезы и сама стесняясь этого.

И еще: из таких получаются превосходные бабушки.

Вот она какая, сестренка милосердия Идочка...

Рассказ Идочки потряс меня до глубины души. Я даже не сразу обратил внимание, что пью жиденький чаек с белыми сухариками, в то время как сестра милосердия лопает пельмени, обильно

поливая их острым кетчупом. До кетчупа ли, когда выясняешь, что без малого три дня провалялся в горячке?! Ну Фол, ну лекарь двухколесный... Впрочем, он ведь честно предупреждал меня, дуrolома, чтоб не пил спиртного.

— Я из-за вас с Генрихом вдрызг разругалась, — излагала тем временем девушка, не переставая жевать. — Во-первых, выговорились от души, а он этого не любит. Во-вторых, самовольно в кардиологию позвонила; в-третьих... Короче, с утра он меня уволил. Я в общежитие — комендантша, стерва крашенная, говорит: выписывайся в двухдневный срок и шевели ножками! Потом самосвал этот, на проспекте... иду по улице, плачу, тушь потекла, не вижу ничего — а тут рев, визг, люди какие-то кричат, и водитель кроет меня на чем свет стоит! Подбегает патруль, спрашивает, я плачу, водитель орет... смотрю — в патруле знакомый ваш!

— Ритка! — догадываюсь я, незаметно ворую у разволновавшейся Идочки один пельмень.

— Ага, он самый, Ричард Родионович... положите пельмень, вам нельзя! Ой, и мне нельзя, я и так толстая, вся в маму... Короче, друг ваш уволок меня оттуда, а когда узнал, что уволенная я и жить мне негде, то привел к вам.

Здравствуй, Ритка, Дед Мороз! Век не забуду, благодетель!..

— Приходим, а вы не отпираете. Ричард Родионович сильно ругаться стали, еще хуже того оглашенного водителя, а потом проволочкой в замке поковырялись, открыли — смотрим, вы на полу валяетесь. И стонете. Тут Ричард Родионович мигом великомученику Артемию свечку, за телефон, в поликлинику позвонили, рывкнули на них,

желудочники за полчаса приехали, очистку вам провели — и постельный режим прописали. Хотели госпитализировать: дескать, заболевание странное — так Ричард Родионович воспротивились. Сказал, что девушка — я то есть — здесь останется и приглядит, ежели что!

Я даже не очень заметил, что Идочка говорит о Ритке то в единственном, то во множественном числе. Выходит, вот это пухленькое наивное существо три дня подряд меняло на мне потную одежду и выносило булькающее судно! А я ее за бок, придурок...

— Да вы не смущайтесь! — безошибочно поняла меня добрая самаритянка. — Я ж медработник, для меня больной — не мужчина. До определенного момента.

— Спасибочки на добром слове, — буркнул я, чувствуя, что напоминаю цветом спелую помидорину.

Спас меня звонок в дверь.

Идочка помчалась открывать, а я сидел за столом, макал сухарики в кетчуп и меланхолично отправлял в рот.

До определенного момента... это до какого? Пока не помрет?

— Олег Авраамович, это вас! — закричала Идочка из прихожей и после некоторой паузы добавила:

— Из прокуратуры!

Сухарь застрял у меня в горле.

2

Еще спустя минуту я выяснил, что сегодня мне везет на женщин.

Потому что гость, предполагаемый суровый

представитель суровых органов, оказался представительницей. И ничуть не суровой, а очень даже милой дамочкой средних лет, одетой под стильным пальто в серый классический костюм — узкая юбка и жакет, плюс туфли на шпильках.

Хотя на улице зима. Значит, пришла она в сапогах, а туфли эти стильные принесла с собой.

В сумочке.

Вместо пистолета, надо полагать.

— Вы Залесский Олег Авраамович? — На щеках у следовательши заиграли обаятельнейшие ямочки, и вопрос показался чуть ли не началом объяснения в любви.

— Да, — вместо меня неприязненно ответила Идочка, выглядывая из-за плеча следовательши.

Я только руками развел.

— Я старший следователь горпрокуратуры Гизело Эра Игнатьевна. Вы разрешите присесть?

По лицу Идочки было видно: она бы ни в жизнь не разрешила.

Я указал на кресло (стоит у меня на кухне этакая развалюха в стиле ампир, еще от родителей осталась), и Эра Игнатьевна грациозно опустилась в него, закинув ногу за ногу.

Ноги у нее были — дай Бог всякому.

Прокурорские.

— Мне бы хотелось познакомиться с вами, уважаемый Олег Авраамович, поближе. Ну и задать несколько вопросов, если вы не возражаете против неофициальной обстановки. — Эра Игнатьевна смотрела на меня с нескрываемым интересом, который при других обстоятельствах мог бы прийтись по душе. — Впрочем, если вы наста-

иваете, я могу предъявить свои верительные грамоты. И даже удалиться. До поры до времени.

Я не хотел.

— Тогда скажите: вы близко знакомы с гражданином Молитвиным Иеронимом Павловичем?

— Нет, — честно ответил я. — Вообще не знаком. Не сподобился чести.

— Ай-яй-яй, Олег Авраамович, — наманикюренный пальчик лукаво погрозил мне, — нехорошо врать тете! По имеющимся у меня сведениям, вы не просто знакомы с гражданином Молитвиным, но и доставили его третьего дня в храм неотложной хирургии. Было?

До меня понемногу начало доходить.

— Было, тетя Эра. Доставлял. Соседа своего, Ерпалыча. Вы его, надо полагать, в виду имеете?

Хлебнув чая, я подумал, что и в страшном сне не представлял старого психа Ерпалыча гражданином Молитвиным Иеронимом Павловичем.

— Между прочим, Олег Авраамович болен, — вмешалась Идочка, вызываясь фыркнув. — Ему вредно волноваться.

— А я и не собираюсь его волновать, — ответила Эра Игнатьевна таким тоном, что я живо переименовал ее в Эру Гигантовну. — Просто именно мне поручено курировать дело об исчезновении Молитвина Иеронима Павловича, так что опрос свидетелей — моя святая обязанность. И, зная, что Олег Авраамович болен, я пришла к нему, вместо того чтобы вызвать к себе. Девушка, почему я вам так не нравлюсь? Вы ревнуете?

Пунцовая Идочка умчалась в комнату, а я мысленно поаплодировал следовательше.

После чего принялся подробно излагать, как

Фол вынес дверь Ерпалычевой квартиры, как мы нашли бесчувственного старика на полу, как везли в «неотложку» своим ходом, как ругались с Железным Генрихом и как потом милейший парень-кардиолог забрал у нас Ерпалыча и увез...

В запале словесного поноса я чуть было не помянул утреннюю перцовку, «Куретов» и мифологического библиотекаря Аполлодора, но вовремя прикусил язык.

Еще сочтет, что мы с Ерпалычем — одного поля ягоды...

— Вот и мне хотелось бы узнать, куда ваш милейший парень его увез. — Эра Гигантовна, спросив разрешения, налила себе чайку и неторопливо сделала первый глоток. — Понимаете, Олег Авраамович, все дело в том, что в нашей «неотложке» кардиоотделением заведует женщина. Ваша ревнивая пассия может подтвердить мои слова: ведь именно она той ночью названивала кардиологичке и поругалась с нею, не дождавшись ответных действий.

Я бросил короткий вопрошающий взгляд на вернувшуюся было Идочку. Щеки моей ревливой пассии из бутонов весеннего шиповника разом превратились в поздние осенние георгины; сестренка милосердия закусил губу, судорожно кивнула и вновь изволила удалиться.

На сей раз — чеканным шагом королевы, шествующей на эшафот.

Во всяком случае, самой Идочке явно так казалось.

— Короче, — продолжила следовательша, — заводделением клятвенно заверяет: да, дежурила, нет, никуда не выходила и никакого старика с инсультом не принимала. Записи в регистраци-

онном журнале подтверждают ее показания. Опять же у меня есть письменное заявление заместителя главврача: о неких подозрительных личностях, мигом умчавшихся с бесчувственным стариком под мышкой, едва он принял меры к выяснению обстоятельств. Лозунг «Люди, будьте бдительны!» во плоти. Выходит, что машину за вами никто не посылал. Вы случайно не могли бы мне описать этого белохалатного «бога из машины»?

Я задумался. Парень как парень, симпатичный, доброжелательный, особенно после общения с гадом Генрихом. Выходит, он вовсе и не врач?! Тогда кто?

Ерпалыч, кому мы тебя отдали?!

Век себе не прощу...

В прихожей послышался негромкий скрежет, словно кто-то царапался к нам со стороны лестничной площадки, потом шелкнул замок — и мгновенно раздалось Идочкино сюсюканье:

— Вот он, наш маленький, вот он, наш серенький! Ну заходи, заходи, не студи квартиру...

Наш маленький и серенький не заставил себя долго упрашивать — и мигом оказался в кухне. Было видно, что подобранный мною пес времени даром не тратил. Отъелся, надо сказать, прилично. Лоснился и сиял. А также держал хвост трубой, морковкой и пистолетом.

Ткнувшись по дороге мордой мне в колено и приветственно гавкнув, наглый экс-бродяга улегся в углу, заняв добрую треть кухни. После чего устоялся на ноги Эры Гигантовны таким взглядом, что на щеках следователши выступил легкий румянец.

— Овчарка? — спросила она.

«Овчарка-овчарка», — умильно облизнулся пес.

— Кобель, — дипломатично ответил я.

Объявившаяся следом за собакой Идочка энергично закивала.

— Не то слово, Олег Авраамович! Всем хорош: и гуляет сам, и дома не гадит, и жрет что ни дашь, хоть мясо, хоть морковку... Зато как я мыться соберусь, так проскользнет, подлец, в ванную и не уходит! Я уж его и тряпкой, и словами — ни в какую...

Похоже, сексуально-собачьи проблемы Идочки нисколько не взволновали Эру Гигантовну. Она задала мне еще пяток совершенно пустых вопросов — и собралась откланяться.

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Сухие, породистые черты доберманши из элитного питомника. Возраст еще не тяготит, лишь добавляя опыта и умения оседлать ситуацию столь же легко, как выбранного на ночь мужчину в постели. Косметики мало, лишь рот чуть тронут перламутром помады, и тушь на длинных ресницах практически незаметна. Ей пошли бы очки, дымчатые стекла в тонкой оправе из золота-обманки, но очков нет, и карие глаза смотрят коротко, остро, будто опытный кровельщик вбивает гвозди в черепицу.

И еще: машинальная отточенность жестов — мелких, вмятных, как у актрисы, привыкшей играть крупным планом.

Вот она какая, Эра Гигантовна, старший следователь прокуратуры...

Вот тут-то и раздался очередной требовательный звонок в злосчастную дверь моей квартиры: Оказывается, визиты на сегодня не закончились;

более того, у меня возникло странное предчувствие, что они только начинаются!

Идочка, мой добровольный швейцар и ангел-хранитель, уже сражалась с замком — и в прихожей почти мгновенно воздвигся бравый сержант-жорик Ричард Родионыч. А следом за Риткой из клубов морозного пара высунулся обширнейший нос, под которым обнаружилась широченная ухмылка моего однокашника Ефимушки Гаврилыча Крайцмана, кандидата... нет, с недавних пор доктора биохимии!

Похоже, я никогда не смогу привыкнуть к очевидному для всех и невероятному для меня: Фима-Фимка-Фимочка, Архимуд Серакузский, теперь доктор!

Мой пес немедленно принялся к свертку в Фимкиных руках и, радостно повизгивая, уставился мне в глаза со всей возможной преданностью.

— Ну уж тебя-то не обойдут! — успокоил я серого проглота, и псина с веселым лаем бросилась встречать гостей, едва не сбив при этом с ног зазевавшуюся Идочку.

— Очухался, очухался, алкаш хренов! — заорал с порога Ритка, обличающе тыча пальцем в мою сторону. — Гляди, Фимка, гляди, что творит! Полный дом баб навел, чаем их поит!

Это я, значит, навел...

— Ты, Алик, не устаешь нас поражать, — подержал Крайцман мерзавца-служивого. — Насколько известно науке в моем лице, ты единственный, кому удалось допить до трехдневного беспробудного бодуна!

Жизнь становилась прежней. Все происходи-

ло само собой без всякого моего вмешательства. Я только стоял, слушал их беззлобную болтовню, наблюдая, как мои приятели отряхивают снег и разоблачаются — и вот они гурьбой набились в кухню, бесцеремонно разглядывая следовательно, строящую им глазки, а Ритка жорским чутьем угадывает профессию (а может, и звание) моей гостьи, вытягиваясь по стойке «смирно», но Эра Гигантовна благосклонно машет ему ручкой, а тут вдобавок Фимка отодвигает нашего сержанта в сторону и запоздало лезет ко мне обниматься. Идочка выходит из ступора и скачет вокруг нас с писком: «Отпустите! Немедленно отпустите больного! Вы септический!», и Фима отпускает меня, Идочка успокаивается, все, кроме Ритки, рассаживаются и дают мне отдышаться, а заодно и задуматься о будущем.

Впрочем, о будущем позаботились без меня — судя по Риткиной фразе: «Мы тут тебе... в смысле, вам с Идочкой пожрать принесли».

— Вот именно, — подтверждает Фима, шурша оберточной бумагой.

В принесенном пакете обнаруживается ветчина, при виде которой мой пес неприлично визжит от радости, сыр, хлеб, апельсины, один лимон, полулитровая банка с подозрительной мутной жидкостью («Бульон», — успокаивает Крайц) и прочие дары волхвов в ассортименте.

Фимка еще шуршит и достает, а взбесившийся дверной звонок вслух предупреждает меня, что «предчувствия его не обманули»!

Это пришла тетя Лотта, радостно всплеснув озябшими ручками при виде меня в добром здра-

вии — и чуть не уронив из-за этого судок с борщом и котлетами.

Зазывая старушку в комнату и уговаривая ее не стесняться, я обнаруживаю, что пес обрадовался тете Лотте гораздо больше, чем принесенной Фимой ветчине.

Знает он ее, что ли?

В смысле, знает тетю Лотту, — в том, что пес знает ветчину, сомнений не было.

В квартире воцаряется полный бедлам: все наперебой осведомляются о моем самочувствии и дают разные полезные советы, от которых Идочка только фыркает и шепчет мне на ухо, чтобы я не вздумал этим советам следовать, если хочу дожить до старости; мне предлагают съесть и то, и другое, и еще вот это, — я послушно киваю и жую то и другое, и еще вон то, пытаюсь одновременно говорить, а все делают вид, что понимают меня, хотя ни хрена они не понимают, потому что я и сам себя не очень-то понимаю. А понимает меня один только серый пес, которого я потихоньку кормлю обрезками ветчины. Ритка гудит о предстоящем то ли в субботу, то ли в воскресенье (правда, непонятно, на какой неделе!) санкционированном митинге кентавров, который явно грозит нарушить установившуюся в городе относительную тишину; Фима проклинает свою промышленную экологию и поганые биофильтры, которые все время летят, но после целевой заутрени и вмешательства окраинных утопцев фильтры перестало клинить, зато заклинило Фиму, несмотря на его замечательную докторскую степень. Тетя Лотта сперва увлеченно рас-

сказывает о двух батюшках-отступниках, на позапрошлой неделе едва не сорвавших службу в Благовещенском соборе и даже грозивших предать анафеме прихожан вкупе с самим владыкой; потом она без видимого перехода начинает сокрушаться о пропавшем Ерпалыче, пес лижет ей руки, а следовательша из прокуратуры очень внимательно слушает старушку и даже что-то записывает. Короче, я и не заметил, как кто-то притащил из холодильника водку.

«Столпер-плюс», с портретом Столпера-равноапостольного на этикетке — люблю ее, она лавровым листом отдает, на послевкусии.

Увы, Идочка безошибочно вычислила виновного, набросившись на Фимку, — поскольку, по ее словам, я еще не оправился от болезни и в ближайшие лет пятьдесят не оправлюсь, если у меня такие друзья! — я развожу руками, встаю и, дабы не впасть в искушение, отправляюсь в туалет.

— На прошлой неделе одного дурака-рэкетира брали, — доносится до меня веселый бас Ритки, и я задерживаюсь в коридоре, чтоб послушать. — Долги под заказ из должников вышибал. Способ, дескать, колдовской разведаль, чтоб без проблем. Я у него, когда наручники нацепил, спрашиваю: что за способ? А он мне серьезно так: очень просто, служивый! Берут два яйца двумя пальцами, протыкают иглой трижды с двух сторон...

Первым хрюкнул Фима-Фимка-Фимочка.

— ...с двух сторон, значит, потом опускают яйца в кипящую воду с солью и перцем...

Деликатный смешок — это следовательша; и

почти сразу меленько захихикала тетя Лотта, старая заговорщица.

— ...потом дверь на замок, ключ в кипяток, и поешь фальцетом: *«Черт приносит того, кто просит! Замок я закрыла, долг в яму зарыла, забрала у пакостника иль убила!..»* Ну, дальше я не помню. И напоследок...

— Чего это вы все хохочете? — слышен мне обиженный возглас Идочки. — Нет, правда, что тут смешного?!

— А главное, напоследок, — заканчивает Ритка, весь сотрясаясь в пароксизмах. — Главное в том, что ключ с яйцами вареными надо снести на могилу с именем должника, а замок от двери — на могилу с именем кредитора! Я у него спрашиваю: и что, впрямь никаких проблем? Кивает, зар-раза... если, говорит, гостинцы на могилы снести не забудешь, то никаких...

Ухмыляясь, покидаю коридор.

Ну, Ритка, ну, шалолай...

Заперев дверь туалета на задвижку и отгородившись ею от слабо доносившегося из комнаты гула голосов, я вздохнул с облегчением. Ну и денек сегодня! Одно могу сказать: Идочка — молодец. И как сестра милосердия, и вообще... Или это наша первая встреча в ванной так на меня подействовала? Вряд ли: что я, голых баб не видел?! Видел. Да и не голая она была, хотя и пес на нее как-то так косится, и я — тоже кобель еще тот...

Тоненькая пачка листков в клеточку вываливается из моего кармана на кафель пола, я вспоминаю, откуда у меня взялись эти листки, — и по-

сколько сидение в туалете располагает к чтению, по новой углубляюсь в письмишко Ерпалыча.

Мысль отдать листки Эре Гигантовне возникает несколько позже, и убедительностью эта мысль не обладает.

«АКТ ТВОРЕНИЯ»

(страницы 3—9)

... Вот так я впервые и познакомился с сектантами Волшебного слова. Впрочем, к тому времени их почти никто не звал сектантами, особенно в кулуарах городского филиала НИИПриМ.

Института Прикладной Мифологии.

Через неделю приглашают меня на Космическую, 28, в этот самый ПриМ, к трем часам дня. Попросили рукопись почитать — дескать, знают, что я в часы досуга литературкой балуюсь, и намереваются издать. Ничего, что не по профилю, ничего, что у них не издательство, зато лицензия есть. Вы только не удивляйтесь, Алик, но я тогда вроде вас был, графоманил помаленьку. Целый романище нарисовал. Финал один остался. Разве что вы с «Быка в Лабиринте» начали, а меня с самого начала на Геракле заиклило. Павшие там всякие, жертвы, Семья Олимпийская... Одно удивительно, Алик: с такой скудной подготовкой, как у вас, прийти к сходным взглядам на Элладу XIII века до нашей эры можно было лишь... одно скажу — талант! Матерый вы человечийце!.. Не обижайтесь, шучу. Короче, почитали в ПриМе мое бумагомаранье, посетовали, что не до конца дописано, поговорили со мной по душам и работу предложили. Завалили по уши всякими Аполлодорами, Павсаниями, Ферекидами, Диодорами Сицилийскими в ассорти-

менте; а от меня требовалось — «сумасшедшие допуски и сумасшедшие выводы»! Комнату мне выделили, то бишь кабинет, компьютер поставили. Меня еще удивляло поначалу — какого рожна я, словоблуд-эллинист, им зандобился? Потом уже понял: синтетиков у них не хватало. Информации валом, а непредвзятых голов, которые способны на любое безумное допущение, на синтез несовместимого — этого не было.

Забегая вперед, добавлю: книжку мою они таки издали. Гонорар выдали, неплохой гонорар по тем временам, в придачу десять авторских экземпляров, которые я за три дня друзьям раздарил... Спрашивал: почему в нашем городе книга не продается? Сказали, что книготорговцы весь тираж увезли за кудыкины горы, где цены выше. И то дело — не отвечать же мне, дураку, что десятью экземплярами все издание и ограничилось! Не для того Молитвина Иеронима Павловича на работу брали...

Отдел, по ведомству которого я числился и даже зарплату получал, назывался «МИР». В смысле «МИфологическая Реальность». Не самая удачная аббревиатура, но сойдет. Слышал я, хотели сперва «Мифрел» назвать, но у одного британского профессора уже похожее слово проскальзывало.

Решили, видимо, что нашим осинам дубы Ее Величества — не указ.

Приятель мой, что телевизор умасливал, там же вкалывал. Он мне и поведал (после того, как взяли с меня подписку о неразглашении), каким образом в нашем городе окопалась секта Волшебного слова. Прорвало в середине 90-х городские очистные сооружения. Город почти все лето без воды, эпидемия грозит — тут дюжина отчаянных голов и ре-

шила: прадеды, когда с озером случались нелады, шли на поклон к водянику, когда с домом — проблемы, домовому кланялись, если в лесу — беда, лешему мед или там девок носили-водили... Отчего не попробовать? Термин придумали: болевые точки окружающей среды. Вроде иглоукалывания. Для них леший не леший, а персонифицированная активизация саморегулятора лесомассива, воздействовать на которую путем локальных приношений... Не пугайтесь, Алик, я дальше не буду, самому больно было-всю эту дребедень слушать. Поначалу не выходило ничего, хоть полдома баклажаном измажь, а там глядь — сперва по мелочам, дальше больше: канализация фурычит, электроприборы на «ять», про ремонт квартир и думать забыли!

Вот так впервые к Тем и достучались; я имею в виду — к городским Тем, поскольку к Тем природным пращуры наши достучались еще во время оно.

Достучались — и в конечном счете угробили практически всех.

Только не считайте, что наши с вами соотечественники самые умные. Секте Волшебного слова, как я понял, еще на тот день лет сорок было, не меньше. И ареал распространения — широчайший. От черных кварталов Чикаго (этим жизненный прагматизм еще не всю веру в Вуду вытравил) до неоновых реклам Токио, где не раз в канализации видали водяного-каппу с темечком, полным воды. Просто помалкивают они: кому охота рай обетованный на психушку менять?!

И удивляться не стоит. Город — он ведь тоже среда, вроде природной... чем мы хуже предков? Тем, что умнее? Так поглупеть — дело недолгое! Оглянись, горожанин: кругом свои скалы и озера,

свои солнце и звезды, свои засухи и наводнения! Нарушили баланс — и загнулись! Причем никакого самовосстановления, как в природе, не наблюдается, и даже наоборот! Приходится все время поддерживать нормальный режим существования, быть рабом среды, пахать на нее, родимую... Познакомился я там с одним старичком, из профессоров кислых щей, тема у него была — «Акт творения». Он мне и рассказал, что в классических мифологиях актов творения мира фактически два: глобальный и локальный, вторичный. Первый, абстрактный, — это когда мышка бежала, хвостиком махнула, Яйцо Браммы и раскололось; или там Небо с Землей инцесты почему зря крутят. Второй Акт, конкретный, — это уже потоны, извержения, род людской на краю гибели и начинает все сызнова. Умный был старичок, дотошный, одного понять не мог: почему у тех замов-завов, кто его работу курировал, выправка армейская? Очень уж его это дело волновало... а еще его волновало, что если момент превращения крупных мегаполисов в окружающую среду, аналогичную природной, можно считать первым Актом творения (мир, в котором можно жить, созданный конкретным Творцом(ами) — остальное сути не меняет), то когда и каким образом произойдет второй Акт нашей драмы?

Я же интерес его считал исключительно умозрительным, под чаек из термоса.

Он мне и позвонил, когда Большая Игрушечная шарахнула. Только и успел в трубку крикнуть:

— Акт творения! Ах, сволочи...

Это потом, Алик, все свалили на террористов. Будто бы игра такая была у подростков: игрушечные бомбы по городу прятать и с электронным де-

тектором искать потом и обезвреживать — а проклятые террористы в дюжину-другую бомбочек краденого урану напихали! Действительно, была такая игра, модная до чрезвычайности, пацанва с ума сходила, да и бомбочки безопасные были — пшикнет фейерверком, и все!

Может, и террористы.

А мне все думается, что прав был старичок: эксперимент над нами поставили, Алик! Второй Акт творения в одном, отдельно взятом за задницу, городе! Уцепить обывателя за шкурку, как неразумного кутенка, сунуть за грань выживания и заставить искренне, истошно, до поросычьего визга поверить в Тех пополам со святыми, ибо больше верить не во что. Своими-то силами городскую инфраструктуру нипочем не восстановить, у правительства в амбарах шаром покати, а на переезд в другой город не у каждого деньжатта найдутся! Вы вот, возможно, уже плохо помните, а я как сейчас вижу: весь квартал в руинах, местами радиацией трещит-подмигивает, а в одном-разъединственном доме и свет тебе, и вода горячая, и отопление, и развлекательное шоу по телевизору! Тут уж во что хочешь поверишь! И всех дел — мольбы вовремя возноси да жертвуй исправно! Жми на болевые точки среды и заставляй саму себя лечить!

Православная церковь у нас первой поняла, что значит истинная вера высшей пробы, особенно когда мольба подтверждается сиюминутным результатом и результат можно пощупать, потрогать и в рот сунуть. В самом скором времени на газовых плитах объявились «алтарки», в продаже возникли справочники со сноской внизу, прямо на обложке: «Какому святому в каких случаях следует молить-

ся»... Алик, до смешного доходило, до курьезов! Вы вот не помните, а мне доводилось видеть и такие абзацы: «XXXVII. Кто идет в лес или лесопосадку. Взывать к царю Соломону (до Р. Х.) — и поможет тебе. (Молит. 228)». И зывали: туристы кросс вдоль березнячка чешут и хором:

— Царю Соломоне, премудрый бывый, охраняй от гнуса болотного, от растяжения связок...

Ладно, не будем прошлое ворошить.

Мы ведь до сих пор на карантине, Алик, вся область закрыта. Негласно, правда. Эмигрировать из города можно: отец ваш уехал, и мои некоторые знакомые — ведь о жизни нашей кому рассказать, никто не поверит; зато приехать к нам далеко не всякий сумеет. Сейчас это и не особо важно: те, кто к моменту Большой Игрушечной только взрослеть начинал, вроде вас и младше, в любом нормальном городе жить и не сумеют! Куда вам ехать?! Вы к кентаврам привыкли, к лотерейным молебнам по графику, к заговорам от короткого замыкания! Вас ночью подымы с постели, вы наизусть, как попка, отбарабаниваете, кому за что свечка положена: Луке-евангелисту (кто идет в огород садить), мученику Вонифатию (исцеление от запоя), святителю Митрофану (в заботе о должности)... Я прав?! Вам моя центральная квартира с плитой без «алтарки» уже странной кажется, а в другом каком городе все квартиры, все плиты пока что такие! Ведь все живут в реальности обыденной, а мы с вами примерно десятилетие живем в реальности мифологической! Другие законы, другие правила игры, другой образ существования и сосуществования! Нам Минотавр какой-нибудь или там трудоустроенный утопек из горводслужб по-

нятней, чем брат родной, живущий за пару сотен километров от нашего города! Ведь в любом нормальном месте любой нормальный человек отчетливо представляет, что вокруг только Эти; а у нас и Эти, и Те! Мы даже не замечаем, что у нас город навыворот! Ну вот мы и пришли к самому главному.

Кое-что мне мой старичок еще тогда...

...И вдруг мои сумбурные чтения в «кабинете задумчивости», совмещенном с ванной комнатой, были прерваны самым неожиданным образом.

Кафельная плитка на стене справа от меня начала вспучиваться, словно даже плавиться, и из нее высунулась жилистая склизкая ручища с обломанными ногтями. Лапа эта попыталась за что-нибудь ухватиться, я отшатнулся, не успев еще испугаться — и тут толстые пальцы вцепились в трубу, ручища напряглась, и из стены выбрался тощий голый человек со спутанной гривой бесцветных волос.

Выбрался и в упор воззрился на меня.

Нет, не человек.

Исчезник.

Тот, что в стене сидит.

— Абрамыч, — сказал исчезник, пришепетывая и воровато озираясь. — Здорово, Абрамыч.

— Здорово, — машинально отозвался я, чувствуя себя, мягко выражаясь, не в своей тарелке: сижу, понимаешь, на унитазе со спущенными штанами и с исчезником ласы точу!

И кукиш ему в рыло ткнул: для налаживания контакта.

Зад-то и так у меня голый, чего уж дальше заголять?!

— Ты вот что, Абрамыч, — забормотал исчезник, не обращая ни малейшего внимания на приветственный кукиш, а также на мой непрезентабельный вид, — ты это, значит... Не ищи ты старикашку, ладно? Забудь. Дрянной он старикашка! Совсем дрянной. Хуже некуда.

Он подумал и поправился:

— Есть куда. Станешь его искать, разговоры ненужные разговаривать — тебе, Абрамыч, ой куда хуже будет! Живот не болит? Очень болеть станет. И не только живот.

В дверь что-то заскреблось — и тут же в коридоре раздался оглушительный лай.

Исчезник дернулся, отскочил поближе к стене, присел на корточки, в упор глядя на меня пронзительными немигающими глазищами без зрачков... Неуверенный он какой-то был. Неправильный. Уж больно смахивал на воришку, которого вот-вот поймают на горячем.

Снаружи слышались возбужденные голоса, пес лаял не переставая, и почти сразу гроыхнул Риткин бас:

— Алька, с тобой все в порядке?

— Думай, Абрамыч, — исчезник наполовину втиснулся в стену, облизал черным языком края безгубого рта. — Крепко думай. Чаше в нужники ходи.

И исчез.

Бесследно.

Как и положено исчезнику.

В следующую секунду дверь с грохотом и треском распахнулась, отлетевшая задвижка, чуть не

выбив мне глаз, срикошетила от крышки мусорного ведра и булькнула в таз с водой, забытый Идочкой в ванне.

— Ну запор у человека, — буркнул доктор наук Крайцман, обращаясь к толпящимся у него за спиной гостям. — Обожрался с голодухи, а вы сразу: ломай, Фима, двери...

3

ОПЫТ СЮИТЫ ФОРС-МАЖОР ДЛЯ ДВУХ ПРИДУРКОВ С ОРКЕСТРОМ

I. OUVERTURE

— Телефон, — глупо улыбаясь, сказал я.

Если вам смешно, пораскиньте мозгами: сумел бы кто-нибудь на моем месте улыбнуться с умом? Особенно когда в голове до сих пор эхом отдается назойливое пришепетывание: *«Абрамыч... ты это, Абрамыч... живот не болит?»*

Приладившийся было чинить вырванную с мясом задвижку, Фима нетерпеливо отмахнулся, Ритка вообще звонки проигнорировал — одна Идочка метнулась в комнату, и спустя миг оттуда послышались ее возгласы:

— Алло! Ну алло же! Говорите, я вас слушаю!

Я подтянул штаны, смущенно распрощался со следовательшей — Эре Гигантовне, как оказалось, было пора, и никакой чай не мог задержать ее даже на секундочку — запер за ней входную дверь и нос к носу столкнулся с вернувшейся Идочкой.

— Наверное, не туда попали, — она виновато глядела в пол, словно чувствовала себя ответст-

венной за то, что не сумела докричаться до кого-то в трубке.

— Наверное, — утешил ее я.

Кто бы меня утешил?

Телефон зазвонил снова.

Придержав за пухлое плечико сестренку милосердия, собравшуюся продолжить односторонние переговоры, я подошел к аппарату и снял трубку сам.

— Да? — бросил я в шипение и треск.

— Немедленно вали из дому, — хрипло ответили из трубки. — Понял? Еще помнишь, что у Икара никогда не было крыльев? Буду ждать тебя там, где ты это понял. Только быстро!

И шипение восторжествовало.

— Кто это? — вид у Идочки был крайне озабоченный. Я косо глянул на нее, потом в настенное зеркало, увидел в его омуте бледного как смерть Залесского Олега Авраамовича и понял причину беспокойства моей сиделки.

— Ошиблись номером, — я попытался ободоряюще подмигнуть, и это у меня не получилось.

Я узнал голос в трубке.

Это был Фол.

Вот только откуда кентавру известно, что у Икара не было крыльев?! Я и сам-то услышал это от Ерпалыча, когда уводил старика от разозлившей его афиши... Стоп! Выходит, Фол ждет меня там? И уверен, что мне необходимо валить из дому, причем немедленно?! Что же это получается: срывайся и беги незнамо куда, потому что моему двухколесному приятелю взбрела очередная чушь в его лохматую голову?!

Да. -

Срывайся и беги, потому что, когда Фол хрипнет, ему надо верить.

II. MENUETTO

На лестничной площадке раздался гулкий топот множества ног — я слышал его отчетливо, стоя у смежной с подъездом стены; — резкий выкрик, похожий на команду, грохот, лязг металла... «Похоже, сегодня день выносимых дверей», — мелькнула судорожная мысль, и почти сразу в голове стало пусто, а в квартире тесно.

Пятнистые комбинезоны с меховыми воротниками, засыпанными тающим снегом, вязаные шапочки-капюшоны с круглыми прорезями для глаз и рта, отчаянный скулеж моего пса, ударенного в брюхо носком кирзового сапога. «По какому праву?..» — это Фима, а Ритка молчит, что само по себе удивительно, и Фима уже молчит, захлебнулся и смолк, а плечистый мужик толкает меня в грудь и ревет быком: «На пол! Все на пол, лицом вниз!» Ложусь на пол, послушно, даже угодливо, рядом падает Идочка, грудью тесно прижавшись к моей щеке, и при других обстоятельствах это мне могло бы понравиться, но сейчас я не слишком хорошо представляю, что могло бы понравиться мне настолько, чтобы...

Нет, героя из меня не получится.

Этакого рубахи-парня, прошедшего огонь, воду и медные трубы, способного плавать в любых обстоятельствах, как карп в пруду, и при помощи зубочистки расправляться с агрессией... нет, не получится.

Это уж точно.

— Будьте любезны, поднимитесь.

— Я?

— Ну разумеется, вы.

Поднимаюсь.

Вместо маски-шапочки передо мной обычное человеческое лицо: круглое, добродушное, щекастое, совсем не страшное, голубые глаза улыбаются, сопит заложенный с мороза вздернутый нос, оттаивают рыжие усы щеточкой, и единственное, что портит общую приятность, — полковничья форма.

Если не задерживаться на лице и опустить взгляд.

Лицо парит над формой, над звездчатыми погонами, как воздушный шарик над тяжелым танком.

И Михайло-архистратиг на петлицах: крылач с воздетым мечом.

Ритка в «Житне» что-то говорил о полковнике с такими петлицами... спецназ, архистратиги, прозванные в народе сперва архаровцами, а там и просто архарами — для краткости.

— Имеет ли смысл спрашивать: вы Залесский Олег Авраамович? — смеется воздушный шарик, собирая морщинки-трещинки в уголках нарисованных глаз.

Пожимаю плечами.

Наверное, не имеет.

— В таком случае, соблаговолите одеться и проехать с нами.

— Я... я арестован?

— Скажем иначе: вы задержаны. Для выяснения некоторых интересующих нас обстоятельств. Или вы предпочитаете быть арестованным?

Я не предпочитаю.

Архары в комбинезонах грязными снеговиками застыли по углам комнаты, поигрывая длинными дубинками с маленькой поперечной рукоятью. Я иду одеваться, вижу до сих пор лежащих на полу Ритку и Крайца, над ними стоят трое, курят и лениво стряхивают пепел в любимую мамину вазочку, а тетя Лотта скорчилась на кухне в кресле и трясется мелкой дрожью — сделали-таки старушке послабление, не ткнули мордой в паркет, пожалели... Рукава какие-то узкие, жестяные, я никак не могу попасть в них, Идочка помогает мне с разрешения доброго полковника, шарф тычется мохеровым ворсом в рот, и это неприятно, но запахнуться по-человечески почему-то не получается, пока полковник не выходит в коридор и не командует поднимать задержанных и вести вниз, в машину.

Идем по лестнице.

III. GIGUE

На улице светло-светло, тысячи разноцветных искр весело гуляют по сугробам, оттесненным работающими дворниками к самому краю тротуара. Прогуливающая толстого карапуза мамаша аккуратно обходит нас и шествует дальше как ни в чем не бывало, а ее пацан все оборачивается, все смотрит на странных дядей, блестит глазенками из вороха пуховых платков — ну интересно ему, ему сейчас все интересно, в отличие от меня!

Пацану влетает по попе, и дяди больше не замечают его воображения.

Забавное дело: ведь сто раз придумывал, как главный герой попадает в переделку — и сразу

все понимает, сразу ориентируется в обстановке и начинает действовать: этому пяткой в глаз, тому кулаком по шапочке, потом заячьей скидкой в подворотню и заборами, проходняками, мусорками...

Куда?

Зачем?

Может быть, я не главный герой? Второстепенный кинется заячьей скидкой — а ему даже и не пулю в спину, а сапогом в задницу! Лежи, козел второстепенный, сопи в две дырки и не рыпайся, пока солидные персонажи делом занимаются!

Только тут я соображаю, что у ворвавшихся ко мне ребят на поясах висят массивные кобуры; и предположение, что там они держат соленые огурцы под закуску, не кажется мне убедительным. Значит, не подставка; значит, власти. Раз легальные стволы; раз Те не берут пятнистых за душу — значит, у пятнистых все в полном порядке. Это у меня не в порядке. То стариков больных невесть кому отдаем, то на следовательские ножки заглядываемся, письмишки странные на унитазах читаем, с исчезником по сортирам душевно беседуем, а вот еще и задержанным нам быть не нравится, странные мы люди, однако...

Все происходит настолько быстро, что я толком не успеваю ничего сообразить. Бесшумным призраком выныривает из-за угла Фол, отработанно смыкаются вокруг меня, закрывая обзор, пятнистые комбезы, визжит Идочка где-то сбоку — и над самым ухом бешеной вьюгой взвивается дикий рев Фимы Крайца, когда доктор всяческих наук принимается расшвыривать парней

из группы захвата, давая кентавру возможность прорваться ко мне. Потом — несколько очень коротких мгновений, состоявших из сплошной мешанины рук, ног, тел... оскаленный Ритка с чьей-то дубинкой в руке размазывается между двумя опаздывающими архарами — и медленно вырастает из крутящегося снега громада растрепанного Фола в неизменной футболке со странной надписью «Халки»; на самом деле, конечно, не медленно, а очень даже быстро, но время вдруг стало резиновым, как дубинки пришедших за мной безликих людей, и в эти резиновые секунды до истукана по имени Алик все-таки доходит, что мои друзья дерутся *за меня*, а я стою и моргаю, вроде я тут ни при чем. Так что до того, как Фол обхватил меня своими ручищами и силком зашвырнул себе на спину, я все-таки умудряюсь съездить по скуле ближайшего архара, никак не ожидавшего от меня такой прыти, а когда гад почему-то не захотел падать — искренне пытаюсь добавить ногой в пах. Но полюбоваться эффектом этих действий мне не дает Фол, и, наверное, правильно не дает, драчун из меня...

Морозный воздух обжигаяще свистит, когда Фол рвет с места, сразу развив предельную, на мой взгляд, скорость. Я судорожно хватаюсь за его покатые плечи и, оглянувшись, успеваю увидеть: пятнистые сбили с ног Ритку и сосредоточенно топчут его сапогами, рядом сгибается в три погибели мой конвоир, у которого «в паху дыханье сперло», а Фима, в разорванном пальто, без шапки и с окровавленным лицом, еще держится, прижавшись спиной к их же машине, и по каменеющей физиономии Крайцмана я понимаю, что

если ребята вежливого полковника не свалят Фимку в ближайшие несколько секунд, то потом им останется только убивать его — когда у Фимы в горячке боя «упадет планка»...

IV. SARABANDE

Фима Крайц — это особая история.

Он пришел в наш класс, когда мы разменивали двенадцатый год жизни на тринадцатый. Разменивали бурно, утирая юшку из носов и гордо дымя ворованными у родителей сигаретами. Самое дурное время: гормоны в крови стенка на стенку ходят, круче нас только яйца, мочу возьми на анализ — сплошные пузырьки, как в шампанском!

А тут Фима-Фимка-Фимочка! Толстенький, низенький, носатенький, очкастенький; не человек — удовольствие для оболтусов, пометивших вокруг всю территорию и уже в силу этого преисполненных всяческого орлизма по отношению к чужакам.

Фима стоял, поставив к ноге такой же пузатенький, как и он сам, портфельчик, и блестел себе по сторонам лупатыми глазками-сливами, а судьба уже шла к нему, судьба в лице величайшего из великих, что было не раз доказано в кровавых схватках между вождями мальчишечьих племен.

Величайшего тогда еще никто не звал Ричардом Родионовичем.

— Здорово, ворона! — бросил Ритка и ухватил двумя пальцами Фиму за шнобель.

Я на правах Риткиного одноколясочника и друга детства протиснулся вперед, растолкав сла-

дострастно ахающую толпу, и стал ждать продолжения.

Продолжения не было. Ритка почему-то замолчал, пальцы его ослабли и касались Фиминого носа едва ли не ласково, словно боясь раздавить нечто хрупкое до невозможности, а конопатое лицо величайшего из великих медленно наливалось дурной кровью. Только когда из Риткиного рта донеслось что-то вроде сдавленного мычания, я догадался опустить глаза — и меня чуть не парализовало. Толстенская лапка новичка находилась у величайшего Ритки в области... ну, мягко скажем, в области промежности, и лапка эта благополучно успела сжаться в неприятный кулачок, твердый даже на первый взгляд.

Продолжая сжиматься дальше.

— Меня зовут Фимочка, — сказал новичок.

Ритка судорожно кивнул.

Так и стал: Фима-Фимка-Фимочка, а уж потом, после первых ответов у доски, — Архимуд Серакузский.

Вечером того же дня, после уроков второй смены, Фимочку пришли забирать его родители. Гаврила Крайцман, длинный, как жердь, тощий и нескладный очкарик, и Фиминая мама, весьма похожая на сына — приземистая и плотная, словно литая.

Они очень смешно смотрелись рядом.

Но Ритка не смеялся, а без него мы не решились.

Назавтра, на уроке физкультуры, Фима не смог ни разу подтянуться на турнике. Дергался, корячился — ни в какую. Наш учитель, двухметровый плечистый осетин с наголо бритой головой, за

что получил банальнейшую кличку Фантомас, долго смотрел на Крайцмана и укоризненно поджимал губы.

— Не стыдно? — спросил Фантомас.

— Нет, — ответил честный Крайцман и встал в строй.

Мы загалдели.

— Разговорчики! — прикрикнул Фантомас. — Всем по двадцать отжиманий!

Отжавшись пятнадцать раз, я упал и с удовольствием ощутил под собой твердый и холодный пол спортзала. Рядом пыхтел Ритка, набирая лишний десяток сверх нормы.

А потом мы еще долго смотрели на Фимочку, продолжавшего сгибать и разгибать ручки.

Плотное тельце пружинисто металось взбесившимся домкратом, и конца-краю этому безобразию не предвиделось.

— Девяносто пять... — выдохнул Ритка.

— Девяносто шесть, — поправил его Фимочка и продолжил.

Фантомас отыскал журнал и нашел в нем Фимкину фамилию. Ткнул в нее толстым прокурённым ногтем, погладил сизую макушку, нахмурился.

— Марта Крайцман ваша родственница? — спросил Фантомас.

— Родственница. — Фима прекратил отжиматься и неторопливо встал. — Мама. А на турнике... у меня запястье было сломано. Срослось неудачно.

— Это неважно, — кивнул Фантомас, думая о чем-то своем. — Теперь неважно.

И, помолчав, добавил:

— Передавайте Марте-сэнсей большой привет. Скажете, от Анвара... она помнит.

...Когда Ритка через четыре года готовился к поступлению в училище — к экзамену по рукопашному бою (который уже тогда начали официально называть «скобарем»), его готовили двое: преподаватель юридической академии Марта Гохэновна Крайцман, в девичестве Марта Сакумото, и ее сын Фима-Фимка-Фимочка.

Которого давно уже никто не пытался ухватить за его знаменитый нос.

А когда я издевался над очередным Риткиным синячищем, он отшучивался: «Тетя Марта приласкала...»

V. BOURREE

Я очень надеялся, что до смертоубийства не дойдет, но сделать ничего не мог, а через несколько секунд нам с Фолом стало вообще не до того — позади истошно завывала сирена, по переулку заматались цветные сполохи счетверенной «мигалки», и из-за угла вылетела приехавшая за нами машина. Проклятье, от служебной тачки и на кенте не очень-то уйдешь!.. Фол рывком оглянулся, зло выругался сквозь зубы и прибавил скорость, хотя, казалось, это было уже невозможно. Ветер превратился в завесу из тонких ледяных игл, сквозь которую мы с трудом прорывались, этому мучению не было конца, и я прижался к человеческой спине кентавра, стараясь уберечь свое лицо.

Поворот.

Еще один.

Шапка слетает с головы и вспугнутым нетопырем уносится в метель.

Фол не сбавляет скорости, укладываясь на виражах чуть ли не в сугробы, я захлебываюсь снежной пылью, и внутри у меня все обрывается — никогда мы с Фолом не ездили *так*!

Навстречу прыгает фонарный столб, приглашая к близкому знакомству, но кентавр в последнее мгновение уклоняется, разойдясь с бешеным столбом на какие-то сантиметры.

Пронесло!

Вой сирены позади на мгновение смолкает.

«Оторвались», — мелькает шальная мысль, но тут со стороны Павловки выворачивает новая машина, горбатый «жук» с невероятной турелью огней на крыше. Вой сирены снова ударяет в уши, мечется по переулку в поисках выхода, бьется о стены домов, как вихрь в ущелье, — и вслед за «жуком» в переулок влетают первые преследователи.

Проклятье, что же стало с Риткой и Фимой?! Где они? Катаются, связанные, по полу одной из машин? Или, избитые и брошенные, понемногу приходят в себя у подъезда моего дома? Или...

Я запретил себе думать об этих сволочных «или».

Фол проскальзывает между киосками и вырывается на проспект. В спину нам раздаются ошальные свистки постовых жориков, тонущие в переливах сирен; Икар с афиши уголовного кинотеатра сочувственно подмигивает мне — дескать, у меня крыльев не было, но и тебе, дорогой, сейчас перышки-то поощиплют!.. Минутой позже впереди вспыхивает вывеска «Житня»: на улице день, но

Рудяк не поленился зажечь свою рекламу — и правильно, народ надо привлекать, хотя народ разный бывает, иные вот от властей драпают...

Мы со свистом проносимся мимо, и у вышедших на свежий воздух посетителей отваливаются челюсти.

— Эй, Пирр, — кричит Фол, чуть притормозив, знакомому гнедому кенту с похабной татуировкой на плече, — у нас жор на хвосте! Мотай к Папе, перекрывайте объезд! А мы через яр, напрямую, поверху!

И снова несется вперед, прежде чем я врубаюсь в смысл его слов.

Каюсь, до меня не сразу дошло, *что* сказал Фол. А когда дошло, было поздно — мы во всю мочь гнали по Горелым полям и сворачивали к яру за «неотложкой». Я с ужасом вспомнил шаткий узкий мостик, по которому и летом ходить-то, придерживаясь за перила, — сущее наказание, а мчаться верхом на кентавре, скользя по обледенелым доскам...

Эй, бдительный Генрих ибн Константин! — надевай белый халат, оповещай родимую реанимацию, готовь отдельную палату с видом на морг, капельницу и алтарь в западном крыле!

Мы спешим к тебе в объятья, мы торопимся, сломя голову, шею и всяко-разное... мы здесь!

В следующее мгновение под колесами Фола уже отчаянно скрипели не вовремя помянутые доски, по бокам замелькали покосившиеся перила, кое-где связанные веревками, а позади бор-машиной сверлил уши дикий визг тормозов.

Кентавр немного сбавил скорость, но это особо ничего не меняло: доски трещали, мостик рас-

качивался, и конца-краю ему не предвиделось; я молча молился священномученику Ермогену (во время бедствия и нашествия), и царю Давиду (об укрощении гнева начальников), и всем, кого мог вспомнить по сходным поводам, ветер иглой ковырялся в ушах, и было совершенно непонятно, что за странное тарыхтение раздается сзади — словно кто-то пытался завести мотоцикл со снятым глушителем. Лишь когда совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, кусок прогнувшихся перил вдруг разлетелся в щепки, запорошив мне глаза мерзлой древесной трухой, мне наконец стало ясней ясного: в нас стреляют! Из автомата и; может быть, даже не из одного!

Вот тогда мне стало страшно по-настоящему.

В меня ни разу в жизни не стреляли: стреляют лишь в кино, да еще в опасных преступников, предварительно освятив санкцию прокурора, а я...

В какое дерьмо мы все влипли?!

У огромного старого дуба, к которому крепился мостик посередине яра, Фол вильнул, вписываясь в поворот — и могучий ствол скрыл нас от архаров, сделав дальнейшую стрельбу бессмысленной.

Дальше Фол поехал чуть медленней, и только тут я заметил, как тяжело вздымаются его бока и человеческая грудь.

— Кажись, оторвались, — пробормотал кентавр, переводя дух. — Ну, Алька, ну, орел... Я думал, свалишься! Они, понятное дело, в объезд ломанутся, и шиш им! — ничего у гадов из этого не выйдет. Папа там сейчас такой завал устроит, что, пока они его разгребут, мы три раза город по кругу объехать успеем!

— А куда мы вообще едем? — поинтересовался я, задним числом думая о том, какое же это счастье: наконец чувствовать под собой твердую надежную землю вместо жуткого мостика, грани между центром и Дальней Сранью!

— В одно место, — буркнул Фол и умолк, а я понял, что, пока мы не приедем в это самое «одно место», он больше ничего не скажет. Интересно, не то ли это место, куда обычно посылают своих оппонентов не обремененные вежливостью собеседники?..

Мы со средней скоростью катили по пустырю — после предыдущей сумасшедшей гонки любая скорость казалась средней. Впереди выростало городское подбрюшье — многоэтажные трущобы Срани, до глобального восстановления которых у городских властей никогда не доходили руки (о чем неизменно сообщалось в желтой прессе). Фол облегченно вздохнул и чуть не подавился своим облегчением, когда откуда-то сбоку снова послышалось приближающееся завывание сирены.

— Жизнь мою через хребет, до чего же жор ушлый пошел! — в сердцах выругался кентавр. — Нет чтоб по дамбе в объезд, как все — напрямую через Хренову Гать поперли! Кто ж мог знать... больно догадостные попались, твари пятнистые!

Последние слова я скорее угадал, чем слышал, потому что Фол вновь включил «третью космическую», и мы в один миг пересекли остаток пустыря, ловко лавируя по дороге между кучами копившегося здесь годами мусора.

Юркни мы в проулок чуть раньше — и архарам нас бы вовек не найти в путанице хаотически нагроможденных районов. Но их машины выле-

тели на пустырь как раз в тот неподходящий момент, когда мы уже готовы были исчезнуть, но не исчезли до конца — и преследователи успели нас заметить.

Машин было по-прежнему две. Конечно, в здешних трущобах им чаще всего придется ехать гуськом, но кто мешает одной из машин свернуть в соседний узенький переулочек и обойти нас, чтобы после перерезать путь? Тут не проспект: станет «жук» поперек того, что в Дальней Срани гордо именуется «улицей» — и на кривой не объедешь!

Оглянувшись, я увидел, что за нами катит только первая машина.

Так и есть, накаркал!

Позади прогрехотал выстрел, потом еще один; пуля прошла совсем рядом, обдав щеку жарким ветром. В центре они стрелять остерегались, а здесь...

Режем поворот наискось, как нож масло. Мимо проносится жестяная хибара, явно бывший гараж, на пороге которой стоит мрачного вида старикан со странным предметом в руках. Я узнаю аборигена, память услужливо подсовывает мне факты наших с Фолом ночных походов в здешних зланных местах, и я вспоминаю, что старому хмырю в легендах Срани отводится значительная роль. Это известный мизантроп по кличке Дед Банзай, коего, по недостоверным слухам, побаиваются не только служивые, но даже Первач-псы! Впрочем, слухи слухами, а в руках у антикварного Деда Банзая (я не верю своим глазам!) длиннущее ружьище умопомрачительного

калибра! Из такого только по слонам стрелять... или по танкам!

Наверняка творение шаловливых ручек Банзая.

Старик передергивает какую-то полуметровую рукоятку, досылая в ствол снаряд, ракету или чем там эта штука стреляет, и вскидывает свою дуру к плечу. Как раз в эту минуту из проулка радостно вываливает «жук», и я лично убеждаюсь в том, что Дед Банзай терпеть не может служивых, а заодно любую власть. В особенности когда она власть среди бела дня мотается возле его частной собственности и мешает предаваться послеобеденной сиесте...

От оглушительного грохота у меня закладывает уши. Радиатор «жука» превращается в фейерверк, из него летят обломки и брызги огня, еще почему-то летит серпантин и пригоршни конфетти, а Дед Банзай с лихими ругательствами снова дергает ручку перезарядки.

Теперь понятно, почему его побаиваются все. Включая Первач-псов.

Архары не составили исключения. И я их прекрасно понимал. Водитель поспешно дает задний ход, машина пытается втянуться обратно в проулок — и тут Дед Банзай производит второй залп из своего орудия, разнося вдребезги лобовое стекло и брызнувшую цветным дождем «жучиную» турель.

Увидеть дальнейшее мне не удастся, потому что Фол резко сворачивает за угол — и за нами, чудом миновав Деда Банзая, у которого заклинило рычаг, выметается первая машина.

— А вот теперь держись! — внятно предупреж-

дает кентавр, резко останавливаясь, и от этого негромкого голоса у меня внутри все опускается в предчувствии чего-то страшного.

В следующее мгновение Фол с места рвет вперед, прямо в серую каменную стену с обвалившейся местами штукатуркой. Стена стремительно надвигается, и я понимаю, что свернуть кентавр уже не успеет. Я хочу закрыть глаза в предчувствии неизбежного, но почему-то не делаю этого. И поэтому успеваю увидеть, как в стене вдруг проступает черный провал, которого еще миг назад не было — мы ухаем в этот провал, как в колодец, а я вспоминаю старую присказку, ходившую еще в школе: «Вот открылся в стенке люк — успокойся, это глюк!»

Мы мчимся по непроглядно-черному коридору, и еще до того, как «глюк» за нами успеет закрыться, я оглядываюсь (это начинает входить у меня в привычку), замечая, как машина архаров из всех сил пытается затормозить, отвернуть в сторону... но удастся это водителю или нет — неизвестно.

«Глюк» захлопывается — и мы влетаем в никуда.

VI. POLONAISE. DOUBLE

— Где это мы, Фол?

— На Выворотке.

— А... а были где?

— С Лица.

С Лица, значит...

— А будем где?

Фол отвечает, отвечает подробно и убедитель-

но, но эта перспектива меня абсолютно не устраивает.

— Только не слазь с меня, придурок! — добавляет кентавр, чуть притормаживая и настороженно осматриваясь. — Ни при каких обстоятельствах! Сиди и не рыпайся!

Сижу.

Не рыпаюсь.

Вокруг — город.

И никакой зимы.

Солнце легонько щекочет стеклянные толщи витрин, искры потешно хихикают, дробясь мириадами бликов в рекламных плафонах, темные пролежни свежего асфальта выпячиваются на тротуаре, кучерявые тополя небрежно роняют снежный пух, он собирается в живые шевелящиеся кучи — брось спичку, и полыхнет воздушным, невесомым пламенем... Людей немного. Странные они, эти люди Выворотки: идут, медленно переступают, без цели, без смысла, то остановятся, то свернут в переулок, то долго топчутся на месте, оглядываясь, словно забыли что-то и никак не могут вспомнить; потом внезапно ускоряют шаг и скрываются за углом, едва не столкнувшись друг с другом.

Неподалеку от нас потасканный дядька с внешностью типичного бомжа все щупает серую стену жилого дома, тронет кончиками пальцев и стоит, моргая бесцветными заплесневелыми глазами.

Удивляет дядьку стена.

И видно почему-то плохо. Так видно дно ручья сквозь не очень чистую воду; нет, даже не так — вода была чистая, и вдруг невидимые руки взба-

ламутят ее, подымут облака ила со дна, и снова тишина, покой, только грязь не спеша оседает, открывая искаженные водяной линзой очертания камней, ракушек, суетливых рыб... а вот снова — ил и муть.

Очень плохо видно.

Я пытаюсь протереть очки — куда там, лучше не становится.

— Да не вертись ты! — бурчит Фол, огибая двухэтажный магазинчик с надписью «Бакалея», стилизованной под японский шрифт. — Ох, и влупят мне старшины за такие хохмы... ладно, сошлюсь на дядько Йора...

Видимо, почувствовав мое состояние, он прекращает ворчать, хлопает меня ладонью по бедру, не оборачиваясь, и глухо добавляет:

— Это Последний День, Алька... последний перед Большой Игрушечной. Если глубже брать, там по-разному, а здесь всегда так. Я думал, тебе Ерпалыч рассказывал... ты ж с ним вроде бы душа в душу...

Нет, Фол, дружище ты мой двухколесный. Ничего мне псих Ерпалыч, Молитвин Иероним Павлович, интересующий всех, от исчезников до следователей из прокуратуры, не рассказывал. Разве что про Икара Дедалыча, да еще письмо свое дурацкое подсунул, которое только по сортам читать! Ты не волнуйся, приятель, я с тебя слезать не стану, ни за какие коврижки, я за тебя руками-ногами держаться буду, зубами поломанными вцеплюсь, не отдерешь, потому что очень уж мне эта Выворотка не нравится, где люди плавают снулыми рыбами, где навсегда Последний День перед Большой Игрушечной, а если глуб-

же — так по-разному, тихо тут, как на кладбище, люди тут смурные, если люди они вообще, мне здесь никак, невозможно мне здесь, уж лучше к полковнику с Михайлой в петлицах или в психушку...

По-моему, у меня чуть не началась истерика.

Особенно когда какая-то Вывернутая бабуса, толкая перед собой складчато-приземистую коляску с упитанным младенцем, равнодушно прошла сквозь нас — и меня на мгновение захлестнуло старческое спокойствие: ребенок сыт и спит, дочка дома обед готовит, и холодец застыл, и кардиограмма тьфу-тьфу-тьфу, зря молоденькая врачиха волновалась, а зятек на работе, хоть и дураком он, зятек-то, а зарплатишку ему выплатили, купим Машке комбинезончик зимний, присмотрела уже, да, купим... и ко всему этому букету примешивался парной аромат молочной дремы, безмятежности, урчания в толстеньком Машкином животике.

Буквально в трех шагах без видимой причины засуетился плешивенький гражданинчик в куцем костюме-тройке и с галстуком неопикуемой расцветки. Жабьи глазки плешивца расширились, в них промелькнул жадный голод, точь-в-точь как у нашего маленького и серенького при запахе Фимкиной ветчины; гражданинчик затоптался, поводя носом-картошкой, и решительно двинулся напрямик, с каждым шагом все больше погружаясь в землю — Святогор-богатырь, когда его мать сыра земля носить отказалась. Фол едва не наехал на верхнюю половину гражданинчика, с которой потеками рыхлой грязи полз его замеча-

тельный костюмчик, облепляя плешивца слизью, смазкой, будто гигантский фаллос, и когда на пути оказался канализационный люк — гражданинчик мордой врезался в чугунный край, люк подпрыгнул, глухо чавкнув, и тротуар на миг вспучился, словно огромный червь углубился и пропал в темных тоннелях.

Все.

Нет никого.

Только мы едем дальше.

И солнечные зайчики танцуют вокруг.

— Ничего, — успокаивающе бормочет кентавр, петляя переулками, — ничего, Алька, мы уже около Окружной... сейчас выбираться будем, ты только потерпи, немного осталось...

Я купаюсь в его бормотании, в жаркой парной теплыни, боясь расстегнуть зимнюю куртку, и пот бороздит мой лоб липкими струйками.

За минуту до того, как Фол уверенно свернет в подворотню, неряшливо обросшую шевелюрой дикого винограда, за минуту до зимы, поджидающей нас на той стороне пушистым изголодавшимся зверем, за минуту до обыденности я поворачиваюсь, и на углу бесплотных улиц неожиданно отчетливо вижу... Пашку.

Павел свет Авраамович, братец мой непутевый, стоит около сияющей свежей краской будки телефона-автомата — вместо того чтобы процветать на островке близ побережья Южной Каролины в окружении акул капитализма — и оглядывается по сторонам. Оглядывается плохо, хищно, поворачиваясь всем телом, движения Пашки обманчиво-медлительные, как у большой рыбыны,

и еще у него что-то с руками, только я не могу разглядеть, что именно: предплечья уродливо толстые, лоснящиеся и как-то нелепо срезанные на конце, похожие на культи, обрубки эти все время шевелятся, подрагивают мелко, поблескивают жемчужной россыпью...

И Вывернутые жители, не замечающие друг друга, обходят Пашку стороной, спеша перейти через дорогу, забежать в подъезд или на худой конец стеночкой-стеночкой и во дворик... не нравится им Пашка, пахнет от него неправильно, или прописка у него нездешняя, или еще что...

«...Мы знойным бураном к растерзаным ранам, — многоголосо рокочет у меня в мозгу, — приникнем, как раньше, к притонам и храмам, к шалеющим странам, забытым и странным, и к тупо идущим на бойню баранам... пора нам!..»

Я моргаю, невозможный Пашка исчезает за будкой, и спустя мгновение по улице проносится свора белоснежных псов с человеческими мордами, в холке достигающих груди взрослого де-тины.

Первач-псы.

Принюхиваясь и взволнованно обмениваясь рваными репликами, они тоже скрываются за будкой; и больше я ничего не вижу, ничего не слышу.

Только брезжит на самом краю сознания тихий лепет клавиш старенького пианино; да еще знакомый с детства голос пробует на вкус полузабытые слова:

— Знаешь, мне скажут, ты не обессудь,
Дело такое — кричи не кричи,
Вскорости дом твой, конечно, снесут,
Раз труханут — и одни кирпичи!

Рушить, не рушить, сегодня, потом, —
Кто за меня это взялся решать?
Все это, все это, все это — дом,
Дом,
Из которого я не хотёл уезжать...

* * *

Все.

Финита ла сюита.

4

— А я думала, что тебе Ерпалыч давным-давно все рассказал, — растеряннo бросила Папа уже знакомую мне фразу, заворочавшись совсем по-детски. Словно это была какая-то другая, не та Папа, которая с гнедым Пирром перекрывала объезд преследующим нас архарам, да так, что «жуку» пришлось мотать напрямую через Хренову Гать.

— Увы, Папочка, — с трудом выговорил я. — Ошибочка вышла...

Папа жалостно смотрела на меня, и на лице ее, длинном лике развратной святой, украдкой спустившейся с полотен Эль Греко нюхнуть марфету, было написано: «Врешь ты все, Алька!..»

— Да ты чайку ему лучше плесни, — буркнул Фол, глубоко затягиваясь мятой сигаретиной.

Чаек у них был еще тот — не знаю уж, что они в него пихали, кроме меда, мяты и самогона, но жить после него хотелось, а двигаться не получалось.

Вот я и не двигался, а лежал в ворохе драных одеял и смотрел на Папу. Строгий узкий пиджак в крупную клетку, крахмальная манишка цвета

первого снега, кожаная селедка галстука заколота золотой булавкой, феанитовые запонки на манжетах — и снизу кокетливо вывернутые колеса, а сверху короткая набриолиненная стрижка и мужская шляпа с кантом. Однажды мне довелось видеть, как ослепительная Папочка обижала кентавра-грубияна, посмеявшего вслух усомниться в правильности Папиной сексуальной ориентации, обижала долго и сильно, вплотную приближаясь к членовредительству; а потом приехал Фол и от души пособил. Кажется, Фол был равнодушен к Папочке. Кажется, Фолу хотелось проверить — что там, под пиджаком, манишкой и так далее? Бьется ли там сердце и в чем оно, так сказать, бьется? Я не исключаю, что мой бравый приятель уже успел это проверить и теперь ему хотелось еще.

Ладно, замнем для ясности...

— Это потому, Алька, что вы все живете на кладбище, — сквозь подступающий сон доносился голос то ли Фола, то ли Папы, путаясь в дремной вате. — Живете и сами не замечаете...

«Мы знойным бураном... — смеялся сон. — Мы...»

Я снова смотрел на вылезающего из стены исчезника, валялся на полу мордой в паркет, вертелся в снежном смерче побоища у машин, несся верхом на Фоле — и понимал, что сплю. Жизнь моя во сне стремительно летела под откос, как мальчишка по укатанной ледяной горе, оседлав скользкую картонку. Смешно! — еще совсем недавно главной проблемой были отношения с козлом-редактором... что там еще?.. Ну, Натали

почти забылась, это не в счет, отец почти не пишет, а дозвониться на его необитаемый остров совершенно невозможно... чепуха.

Огрызки от яблок.

Выпейте перцовки с психом Ерпалычем — и жить вам станет весело и необустроенно, начнете вы хлебать чаек-горлодер по подвалам Дальней Срани... кстати, что ж это мы в подвале?... А-а, на первом этаже вайдосит многодетное семейство лопуха-электрика, на втором молодожены неутомимо кряхтят от любви, и не было бы нам с Фолом и Папочкой покоя ни светлым днем, ни темной ночью. А в подвале хорошо, печечка дымит-кочегарится, лампочка под потолком подмигивает нервным тиком, не нравится лампочке напряженьице, ох, и мне не нравится, что сплю я и вижу, как лампочка моргает...

Жизнь моя, иль ты приснилась мне?..

Если бы! — а то ведь даже в царстве грез отсвечивает, что Ерпалыч мне, лучшему другу с двухколесной точки зрения Папы, отнюдь не все выложил в письмишке-то! Не верю я тебе, Ерпалыч, ни на понюшку табаку не верю: что ж ты, хрен старый, кучу времени со мной на бегу общался, а тут вдруг разоткровенничался? Знать, шибко нужен я тебе стал... всем стал нужен: Ритке, чтоб свел сержанта с Фолом, Ерпалычу для упражнений в эпистолярном жанре насчет «мифологической реальности», следователъше Эре для задушевных бесед, полковнику-архару для... вот этому точно что для.

Всем нужен.

А я ведь себя не переоцениваю — тоже мне,яхонт негранный, ценность великая! И ежу ясно,

что не в Олеге Авраамовиче дело, я к интересу этому всеобщему лишь краем приписан, как мой дражайший братец Пашка к Выворотке ихней...

Пашка!

Колчерукий Пашка и свора Первач-псов по его следу!

Надо...

«Откройте пещеры невнятным сезамом... откройте — коверкает души гроза нам... откройте...»

Сплю.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГОСПОЖА СТАРШИЙ СПЕДОВАТЕЛЬ,

или

Все, что угодно, включая боевого слона

Воскресенье,

пятнадцатое февраля

*От потопа, от порчи водяной * Таракан от детства * Теория
Семенова-Зусера * Жэка-Потрошитель * Их дядя самых
честных правил*

1

все-таки она лопнула!

Точнее — он.

Стояк.

Мерная капель разбудила меня в начале третьего. Несколько секунд я бессмысленно глядела на зеленоватый циферблат стареньких, еще до катастрофы склепанных, часов (хорошо идут, причем сами — ни часовой-домовой не нужен, ни отвертка, дабы оногo злыдня пугать!), пытаясь понять: отчего в феврале пошел дождь? Но затем ни с чем не сравнимый запах сырой штукатурки заставил проснуться окончательно. Все еще не веря, я накинула халат, включила свет в коридоре...

Батюшки светы!

Вот уж поистине — «батюшки»! Даже в полузабытом столичном общежитии, где потолки бы-

ли расцвечены на зависть Пикассо и Белютину, такого не увидишь!

С потолка не просто капало — лило. По красному линолеуму бодро расползались лужи, среди которых белели кусочки рухнувшей штукатурки, а сверху продолжался водяной десант, с каждой секундой становясь гуще, основательней...

Через мгновение, вспомнив давний опыт, я догадалась, что виной всему основной стояк, причем рванула именно горячая вода, от которой поистине нет защиты, и нужно немедленно что-то делать, потому как...

И вдруг я поняла, что делать мне ничего не хочется. С минуту я пыталась сообразить, что это со мной и откуда сей приступ мазохизма, и тут до меня начало доходить...

Бодро хлюпая по лужам, я прошла на кухню и воззрилась на иконостас. Так-так, голубчики! Не уследили, значит? А ведь такого быть не может. Не должно! Но ведь случилось!

Манок-оберег — старая вьетнамская деревянная вазочка, свежезаговоренная две недели назад по всем правилам, с мукой и постным маслом — смотрелся еще глупее, чем обычно. И это шаманство — побоку!

Под веселый шум капли я отыскала в початой колоде одноразовую иконку Николы Мокрого, сверилась с печатной инструкцией и зажгла конфорку-«алтарку». Ну-с, ставим опыт. Как бишь там напечатано? *«Святой Никола Мокрый, спаси и оборони, от потопления, от потопа, от порчи водяной...»* Просвира обуглилась, образок, как ему и положено, принялся темнеть. Я взглянула на часы...

Через полчаса стало ясно — не работает. Потоп продолжался, штукатурка большими кусками падала на пол, обнажая желтую глину обмазки, а Никола на иконке прятал глаза, явно стыдясь происходящего. Мокрое пятно на потолке расширилось, первые капли упали на иконостас. И внезапно я поняла, что переживаю, может быть, одну из самых счастливых минут за последние годы.

Не работает! Бог с ним, с недавним ремонтом, с испорченной побелкой и неизбежным нашествием штукатуров. Не работает! Иконочки-булочки-конфорочки — то, что все эти годы доводило до бешенства, не даваясь пониманию, сбивало с толку, заставляя чуть ли не сходить с ума. Не работает! Значит, прокол, значит, в этой нелепой, не поддающейся логике системе случился сбой, а это хорошо, это очень хорошо!

Я представила себе физиономию Евсеича — нашего домового Тех-ника. Если не ошибаюсь, пару дней назад он намекал, что за беспорочный труд неплохо бы с него, хорошего да пригожего, судимость снять. Интересно, что он сейчас запоем?

Полюбовавшись еще с минуту зрелищем, которое до меня видел, вероятно, лишь Ной со своими поделщиками, я решительно двинулась к телефону. Опыт поставлен, пора и квартиру спасать. Кажется, Евсеич не только Тех-ник, но и водопроводчик. Пусть побегает, а то я ему напомню, что такое «условно-досрочное»! Я сняла трубку, заранее предвкушая, как «господин Тех-ник высшего разряда» дернется от ночного звонка, поднесла ее к уху...

Телефон молчал.

Молчал глухо, мертво.

Все еще не веря, я положила трубку на место, вновь подняла...

Молчит.

И тут я почувствовала, как хорошее настроение начинает улетучиваться, сменяясь растерянностью. Шутки — шутками, но мой телефон отключить нельзя. У него и проводов нет, так что даже из гнезда не вырвешь. А здорово получается: у старшего следователя прокуратуры лопается стояк, отключается телефонная связь... Что дальше? Погаснет электричество? Пистолет заржавеет? Да что же это творится в конце-то концов?

Я вздохнула, перекрестилась на Троеручницу (настоящую, не из здешней лавки) и принялась одеваться, благо идти недалеко — в соседний подъезд. Если «господин Тех-ник» не приведет все в божеский вид к утру, я ему не только условно-досрочное припомню! Он как-то хвастал (после второй рюмки «Олдевки»), что любой стояк умирот с помощью веревки о семи узелках. Вот пусть и попробует! Узелочки-веревочки, конфетки-бараночки! Но ведь как интересно получается! Жаль, объяснить некому.

Не в городскую же епархию обращаться!

* * *

На работу я пришла злая как черт (еще бы — второе подряд воскресенье делают рабочим днем... мироеды!). Рыкнула на недотепу-практиканта, сунувшегося ко мне со своими бумажками, и, с грохотом захлопнув дверь кабинета, бухнулась в кресло. Видеть никого не хотелось, ра-

ботать — тем более, а уж отвечать на телефонные звонки...

Дзинь!

Я покосилась на проклятую трубку, мысленно желая звонившему всех благ и ревматизм в придачу, но дурак-аппарат и не думал униматься.

Дзинь! Дзинь! Дзи-и-инь!

Я вздохнула, помянув царя Давида и всю кротость его, взяла трубку.

— Гизело?

Так и знала! Ревенко, начальник следственного, чтоб его!

— Гизело! Какого черта у тебя там происходит?

Первая мысль была о стояке, что явно свидетельствовало о хроническом недосыпе. Нет, дело, конечно, не в ночном потопе...

— Алло, Гизело!..

— Слышу, — наконец отозвалась я. — Где происходит?

— Где? — заклокотало в трубке. — Еще спрашиваешь?! По делу Молитвина! Какого черта ты натравила архаров?

— На кого?!

Наверное, мой вопрос явился последней каплей, потому что в трубке зашипело, булькнуло...

— Немедленно ко мне! Тут такое... Слышишь? Бери все бумаги и дуй ко мне! Немедленно...

Не люблю я его. Не скажу, что Ревенко такой уж плохой мужик — получше многих, но слишком любит орать. Десять лет в военной прокуратуре дают о себе знать. Иногда, когда особенно надоедало, я начинала орать в ответ. Последний раз мы устроили взаимный ор в сентябре.

Подействовало — но только на полгода...

— Читай!

Вид у Ревенко оказался столь неадекватным, что я сразу подобрела. Не то чтобы слишком — все-таки ему бы не грех быть повежливей, но в данном случае, если судить по синякам под глазами и небритому подбородку, дело и вправду пахло жареным. При всех своих недостатках Ревенко, если не случилось что-то чрезвычайное, бреется регулярно. Все-таки бывший вояка.

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Что-то в этом мужлане все-таки есть. Однажды, в первый год службы в нашем желтом здании, я чуть с ним не переспала. Просто так — с зеленой тоски. Почудилось, что рядом со мной — все-таки мужик, несмотря на красный пропитой анфас и привычку этажить речь. Но в последний миг поняла — что-то не так. Вся его лихость — просто маска. А с тем, кто за этой маской, иметь дело не хотелось. Как в том анекдоте — раз переспит, а потом год будет упрашивать, дабы жене не рассказала.

А еще (все знают, все!) у него татуировка — на заднице: черти лопатами уголь кидают. То-то он даже в сауне вместо плавок семейные трусы носит!

Вот он какой, мой шеф Ревенко...

Не ожидая приглашения, я села в кресло и взяла протянутую мне бумагу, походя отметив, как дрожат его пальцы. Но что могло случиться? Дело как дело, ничего особенного...

Я прочитала бумагу, подождала, прочитала

еще раз, затем, все еще не веря, принялась читать в третий.

Бумаженция называлась «Рапорт» и была подписана полковником Жилиным, командиром городского ОМОНа, сиречь главным архаром. Странно, его я почти не знала. Кажется, встречались на совещании у мэра, раз или два. Полковник издалека походил на шкаф, вблизи... Вблизи тоже походил на шкаф. И еще на таракана. Усищи рыжие, глазищи пучит. Жил, понимаете ли, на свете таракан, таракан от детства. Я еще тогда подумала...

— Давно прислали?

Я отложила рапорт и обреченно вздохнула. Бред! И не просто бред, а целый бедлам. Или даже два бедлама.

— В час ночи, — устало ответил Ревенко и скривился. — Водки налить, Гизело?

Теперь уже скривилась я. Ничего себе денек начинается! А хорошо бы пропустить грамм двести...

Ревенко потянулся к дверце шкафчика, пошевелил пальцами.

— Ладно, потом... Я из-за тебя, Гизело, сопьюсь скоро!

Оставалось пожать плечами. В таком благородном деле всегда найдется предлог. Тем более спиваться он начал еще в армии, за что, по слухам, и переведен к нам.

— В общем, так, — наконец резюмировала я. — На квартиру Залесского я архаров не посылала. Все!

— Все? — Ревенко потер кулаком покрасневшие глаза, вздохнул:

— Значит, не посылала. Сейчас я буду ругаться. Громко. Применяя ненормативную лексику. Какого же...

— Стоп!

Я сняла с руки часы, положила на стол.

— Две минуты!

Начальник следственного покосился на мой «Ролекс», мгновение подумал.

— Ладно. Две минуты.

— Итак...

Я прикрыла глаза, вдохнула, резко выдохнула:

— Вчера, приблизительно в десять утра, меня вызвали к шефу. Он всучил мне дело Молитвина и велел поторопиться. Честно говоря, до сих пор не понимаю, почему пропавшим алкоголиком должна заниматься прокуратура, а не участковый. Поскольку у меня еще три незакрытых дела, причем одно — на контроле, я успела совершить лишь следующие следственные действия...

Я еще раз вспомнила вчерашний день. Да, все верно.

— Примерно в двенадцать часов заехала на квартиру гражданина Залесского, который проходит по делу Молитвина свидетелем номер один, и провела беседу. Вечером хотела вызвать кого-нибудь из инспекторов, чтобы тот пробежался по Срани, но затем решила подождать до утра. Больше — ничего.

— Залесский — он... — осторожно перебил Ревенко, сразу став очень внимательным.

— По-моему, такой же алкаш, как Молитвин. И еще бабник... А в целом — пустышка.

Тот еще тип этот Залесский! Сальный взгляд, волосатые пальцы с грязными ногтями — и ко

всему в придачу толстозадая медсестричка-истеричка с глазами клинической нимфоманки в качестве ангела-хранителя.

— По нашим делам не проходил?

— Нет. Однажды забрал патруль в пьяном виде. Ограничились внушением.

— Так...

Две минуты прошли, но ругаться моему собеседнику явно расхотелось.

— Значит, ты пошла домой...

— И ничего не пошла домой! — возмутилась я. — Какого черта! Вчера я торчала тут до полуночи, закрыла дело Остапчука, потом возилась с этими попами...

— А на квартиру Залесского налетели архары. Залесского упустили, зато умудрились поцапаться с работником милиции! Да-а... Плюс эти сволочные кентавры...

— Один, — уточнила я. — Один кентавр. Во всяком случае, если верить рапорту господина полковника.

Ревенко кивнул и грузно опустился в кресло.

— А поскольку Залесский проходит по твоей епархии, наверху решили, что все это — наша самодеятельность. Ты что-нибудь вообще понимаешь?

— Ни черта! — охотно сообщила я. — Вначале нам подсовывают откровенную чушь о похищенном алкоголике, затем архары зачем-то устраивают погром, свидетель исчезает...

— Составишь рапорт...

Дрожащая рука вновь потянулась к дверце, замерла.

— Может, всё-таки по сто грамм, а? У меня как раз бутылек «Менделейки» заваялся?

...Соблазн был велик, причем во всех отношениях. И водка диво как хороша, и портрет Дмитрия Ивановича на этикетке (в сияющих ризах и с лебедиными крыльями) впечатляет. Когда в первый раз увидела — тут же крест сотворила. Святой Менделеев, всея водки-горилки Белой, Малой и Хлебной покровитель! На нашем ликероводочном целый идол изваяли, каждый день бескровные жертвы творят!..

— Успеете! — растерянность прошла, и я почувствовала что-то вроде охотничьего азарта. — Рапорт я составляю. Но не раньше, чем поговорю с «главархаром» Жилиным. Пусть объяснит: что он делал у моего подследственного?!

— Ты, Гизело, не увлекайся! — Ревенко погладил небритую щеку, поморщился. — У меня на говно нюх. А это дело — такое говенное, что и нюх не требуется. В общем, пиши рапорт и больше ничего не делай, пока не скажу. Что-то с этим алкашом не гладко.

Это я и без него поняла. Ради сгинувшего алкоголика не поднимают на ноги прокуратуру и ОМОН. Кто это может быть? ФСБ? Но тогда какого рожна было подключать нас? Нет, не выходит! Загадка — такая же, как лопнувший стояк и замолчавший телефон.

А я еще жаловалась на скуку!

3

И при всем при том надо было работать. Рапорт я отложила на вечер, решив малость остыть, дабы не накропать лишнего, после чего в явной

нерешительности поглядела на телефон. Сроки поджимали, февраль на исходе, а из четырех дел удалось закрыть только одно, и то — самое плохое. Остаются три. Молитвинское подвисло, да так, что лучше пока не совершать излишних телодвижений, Кривец в очередной раз косит под психа, значит, опять экспертиза, три дня — коту под хвост, это как минимум. Остается «поповское»: Рюмина — Егорова. То самое, из-за которого мне грозит очередное прозвище. На этот раз — «Мадам инквизиторша». Опять-таки, шуточки шуточками... Напрасно Ревенко хвастает, будто обладает особым чутьем на дерьмо. Эту субстанцию я и сама чую неплохо. Но делать нечего — надо. Рюмина или Егорова? Следовало бы второго, но сегодня моих нервов на него может не хватить. Значит, Рюмин...

* * *

— Как же так случилось, отец Николай?

Вместо ответа — тяжелый вздох.

Я пробежала глазами первые строчки вчерашнего протокола. Рюмин Андрей Захарович, он же отец Николай, штатный священник Благовещенского собора. Злостное хулиганство, препятствование отправлению культа, призывы к гражданскому неповиновению...

— Так все-таки?

— Вы едва ли поймете, гражданка следователь...

Глаза из-под седоватых бровей глядели устало. Отец Николай не верил — ни мне, ни владыке Антонию, что увещевал его вчера вечером, ни нашему мэру, который тоже говорил с ним. Аресто-

вать священника хóтели еще месяц назад, но все не решались. Решились совсем недавно — и то без всякой охоты. Ордер Никанор Семенович (наш набольший) подписывал при мне, и физиономия его была такая, будто один лимон он уже сжевал, а еще три ждали своей очереди. Но вскоре ситуация изменилась. Да, изменилась, и весьма...

— Отец Николай! Я вынуждена в очередной раз предупредить вас о том положении, в котором вы...

— Не надо, Эра Игнатьевна!

Широкая мозолистая ладонь поднялась над столом. Я послушно умолкла.

— Не надо. Я вполне отдаю себе отчет о своем положении и готов отвечать перед властями мирскими...

— Не отдаете! — не выдержала я. — Отец Николай! Вас хотят вывести на процесс, понимаете? Вас — и отца Александра! На политический процесс! Кому-то хочется...

И вновь широкая ладонь заставила меня замолчать. Священник покачал седой головой, бледные губы дрогнули в невеселой усмешке:

— Кому-то? К чему такая скромность, Эра Игнатьевна? Сей «кто-то» пребывает в епархиальном управлении, в архиепископских покоях...

— Не только! — вновь не сдержалась я. — Вы что думаете, наши власти решились бы арестовать священнослужителя без санкции патриарха?

Этого он не знал. В темных глазах мелькнула растерянность, но сразу исчезла. Осталась боль — глубокая, такая, что и не высказать сразу.

— Вот как? Прости им Господи, ежели не ведают, что творят. А ежели ведают...

Я вздохнула. Ведают! Уж это я знала наверняка! Два дня назад я специально попросила Девятого уточнить...

— Скорее всего вас лишат сана. Не исключено, что вам грозит заодно и церковный суд.

— За богохульство? — Он вновь улыбался, и от этой улыбки мне стало не по себе.

— Наверно. И еще за неподчинение церковным властям.

Отец Николай пожал широкими плечами, но ничего не ответил.

Я заспешила:

— Послушайте! Я — следователь. Просто следователь! Я обязана разобраться! В конце концов, вы можете не соглашаться с епархией, даже с патриархом, но сейчас речь идет о другом! Вы и отец Александр трижды пытались сорвать службу в Благовещенском соборе и Иоанно-Усекновенской церкви, вы мешали торговле религиозной литературой, распространяли листовки с призывом...

— Простите, дочь моя, вы читали сии... листовки?

Я смутилась. Читать-то читала...

Он, кажется, понял. Улыбка стала другой — доброй, чуть снисходительной.

— Должно ли отнести проповедь Святого Иоанна Дамаскина к разряду подрывной литературы?

— Но ведь вы грозились анафемствовать тех священников и прихожан, которые...

— Да.

Бледные губы сжались, глаза почернели.

— Да. Грозил. Грозил, ибо сие суть последнее, что оставалось у меня, грешного... Эра Игнатьевна! Ежели вы увидите, что совершается преступление, а все вокруг ослепли и лишь помогают злодеям, станете ли молчать? Если жизнь человека в опасности? А ведь речь идет даже не о жизни, а о душе бессмертной! О многих душах, введенных попечению Церкви. Я давал присягу — служить Богу и людям. Мне ли затворять уста? Мне ли бояться суда?!

Внезапно почудилось: неяркий дневной свет сгинул, сменившись зловещим отблеском факелов. Кабинет исчез, превратясь в мрачный сырой подвал, плечи окутала черная мантия, повеяло жаром горящих углей. Не хватает только дыбы...

— Отец Николай! — жалобно возвала я, с трудом прогоняя видение. — Но ведь если вы не согласны с... некоторыми, принятыми здесь обрядами, вы обязаны сообщить об этом своему начальству!..

— Обрядами? — голос священника прозвучал сурово, словно и он почуял запах горячих углей. — Обряды — это конфорка для сжигания булок? Одноразовые иконки? Забвение имени Христова? Камлание, глумливо именуемое молебном? Неужели вы думаете, что мы не взывали к властям церковным? Наша ли вина, что нас не желают слушать?

Мы не понимали друг друга. Точнее, не так. Старший следователь Эра Игнатьевна Гизело не могла понять своего подследственного. Мне (иной, неявной, навсегда скрытой за чернотой

тайной мантии...), мне легче — и одновременно труднее. Поговорить начистоту? Нет, рано!

— Все эти соображения, гражданин Рюмин, — начала я, глядя в свежепобеленный потолок, — не объясняют и не извиняют распространение вами подрывной литературы.

— Это вы о Дамаскине? — улыбнулся отец Николай. — Вот уж поистине, дивны дела твои, Господи! Вы хоть представляете, гражданка следователь, о чем идет речь?

На такие выпады следовало отвечать стандартным напоминанием о том, кому здесь надлежит задавать вопросы. Однако изображать совершенную серость никак не хотелось, особенно перед отцом Николаем. Я приняла вызов. Тем более совсем недавно довелось перед сном перечитывать Алексея Толстого...

— Вполне. Иоанн Дамаскин — епископ из Дамаска, жил при арабах. Рисовал иконы, писал богослужебные тексты и дружил с каким-то халифом. Правильно?

— Отчасти, дочь моя. — В темных глазах блеснуло что-то, напоминающее интерес. — Но епископ Дамасский оставил нам не только свои... богослужебные тексты, как вы их извоили назвать. Вы об иконоборцах слыхали?

...Когда Ревенко поручал мне это пакостное дело, то перво-наперво посоветовал не вступать с попами в богословские споры. Наша забота прокурорская — снять показания и составить заключение, дабы суд принял с первого же раза. Но у меня (иной, неявной...) был свой резон. Был и есть. Так что разговор идет в нужную сторону.

— Иконоборцы, отец Николай? Вы имеете в

виду Лютера? Когда церкви и монастыри громили?

— Не только, дочь моя, — священник покачал седой головой. — Не Лютер сие начал. А вот в веке восьмом, ежели не ошибаюсь, в Византии император Лев Исаврийский запретил почитание икон. Догадываетесь почему?

— Не совсем, — как можно равнодушнее заметила я. — Тоже... конфорки заводили?

— Отчасти. Времена были тяжелые — войны, чума. Люди изверились, и вот... До образов одно-разовых не додумались, однако же, глаголят, мощи святые вместо зелья к болячкам прикладывали. Вот император и решил сие остановить. Но лекарство пуще болезни вышло. Тогда Дамаскин и вмешался, дабы впавшим в соблазн истину разъяснить...

— Погодите! — прервала я. — Но ведь считается, что после здешней катастрофы Господь в милости своей повелел святым не оставлять людей...

— ...И направил Святую Агафью руководить салоном красоты? — вздохнул священник. — А Святого Алимпия — чинить моторы? Дочь моя, Церкви еще и не такое ведомо! Вспомните! Кому предки наши кашу за печь ставили? Кому хлеб в воду клали?

— Но ведь действовало! — не выдержала я. — И тогда действовало! И сейчас!

«Кроме сегодняшней ночи», — хотела добавить я, вспомнив лопнувший стояк. Но смолчала. Не все сразу.

— Об этом, дочь моя, Гете написал. Весьма доходчиво. Читывали?

— Вы про еатану?

Я невольно поморщилась. Почему-то казалось, что этот неглупый человек предложит объяснение посвежее. Кажется, он меня понял.

— Не верите, Эра Игнатьевна? Но если сия сила не от Бога... А она не от Бога, поверьте мне!.. как специалисту.

Я оглянулась. Кабинет пуст, «жучки» я проверяла третьего дня. Рискнуть? Да, пожалуй!

— Есть другая... теория, — осторожно начала я. — Полагаю, вы знаете, что все началось около десяти лет назад, когда здесь случился взрыв. Считается, что взрыв был ядерный...

Вспомнились давние заголовки газет, орущие динамики телевизоров, йод, который нам давали в «учебке». Тогда всем казалось, что начался Армагеддон. Еще бы! Плюс слухи: взрыв — в пять Чернобылей, облако накрыло восемь областей...

— Это был не ядерный взрыв, отец Николай!

Удивленный взгляд, покачивание головой. Не понял? Не поверил?

— Газеты ввали. И про боеголовку, и про игрушки дурацкие с настоящим плутоном, и про радиацию. Ничего этого не было! Большая Игрushечная — ложь!

Вообще-то за такое мне должно оторвать язык. Клещами. По возможности калеными. Но надо же наконец разобраться! Этот священник — не псих и не дурак...

— Да, я слышал... — Отец Николай задумался, вновь покачал головой. — В городе испокон ходят разные байки. Про наборы бомбочек с ядерными зарядами...

— Чушь! — отрезала я. — Эти, как вы говори-

те, байки специально распространялись заинтересованными лицами! Знаете, что такое «полезная дезинформация»? Нет? И слава Богу! Так вот, есть иная версия: взрыв был неядерный. Здесь, на Павловом поле — был когда-то такой район, — работал исследовательский институт. Очень странный институт...

Все-таки я вовремя успела укусить себя за грешный мой язык. Не хватало еще выдать открытым текстом о НИИПриМе, в иных кругах — Институте № 7, Зоне «Б» и лаборатории МИР. Тут не язык — голову потеряешь!

— Это был выброс неизвестной энергии. Считают... *Некоторые* считают, что эта энергия оказала воздействие не только на психику уцелевших, но и на специфические... э-э-э... материальные характеристики местности. Поэтому приезжие не видят и половины того, что здесь происходит. Для них кентавры — обыкновенные рокеры-придурки. Нужна адаптация...

Все! Стоп! И так сказано — выше крыши.

— Теория Семенова-Зусера, — тихо проговорил священник, и я вновь вздрогнула. Он знал! Да, теория Семенова-Зусера и Ковалевского. Правда, Девятый обычно называет ее просто Основной.

— Мне ведомо об этом, дочь моя. Но сия теория — всего лишь попытка объяснить непонятное через непонятное. Ибо науке таковое излучение неведомо.

Я не стала спорить. То, что мне сообщил Девятый, как выражаются дауны-американцы, *only for eyes*. Нет, не получилось. Священник ничем

мне не поможет — разве что объяснит, как изгонять бесов.

Впрочем, если верить агентурным данным, отсутствующий здесь отец Александр уже пытался — без всякого успеха.

4

День складывался нелепо. Даже не складывался — тянулся. Как говорили у нас в детдоме: словно удав по стекловате. В детстве я всегда жалела бедного удава, но на этот раз могла лишь пожелать ему ползти быстрее. Все, что можно, я уже сделала. Псих Кривец на экспертизе, протокол нашей бестолковой беседы с отцом Николаем составлен, кофе выпит. Я даже позвонила в гордуму, надеясь отыскать бравого таракана-полковника из ОМОНа, но того на месте, естественно, не оказалось. По крайней мере, мне так сообщили.

Итак? Итак, скверно. Но это с одной стороны. А с другой...

А с другой стороны, если не слишком увлекаться служебной карьерой старшего следователя Гизело, получается не так и плохо. Этой наглой особе должно бдеть, дабы здешние беспорядки не нарушать. А вот мне... А вот мне (иной...) очень интересны именно здешние беспорядки. Помнится, Девятый так и говорил: *«Не увлекайтесь правилами, ищите исключения»*. Пять лет всюду были сплошные правила. Конфорки горели, Первач-псы исправно доводили убийц до синюшного лица и разрыва аорты, исчезники следили за качеством бетона, а квартирники-домовые — за паровым отоплением, дорожные знаки сами собой

ограничивали скорость, притормаживая лихачей (кроме кентов, само собой, им законы не писаны и не читаны). Одним словом, все хорошо, прекрасная маркиза, в нашем дурдоме полный порядок!

Точнее, был. Зато теперь...

Не удержавшись, я достала лист бумаги и начала рисовать черточки. Потоп вкупе с отключением телефона в ведомственном доме. Раз...

На «раз» дело замерло. И не потому, что фактов не хватало. Хватало. А вот какие из них достойны следующей черточки, понять мудрено.

Например, собаки. Еще год назад по Дальней Срани нельзя было пройти из-за легиона разномастных дворняг; теперь же — хоть в Красную книгу их заноси. Конечно, коммунальные службы поспешили записать сие в свой актив, но я-то знаю! А потом стали пропадать уже не уличные — домашние Шарики и Бобики. Нас буквально закидали заявлениями: и по поводу пропавших мосек, и по поводу бездействия милиции. Странно? Вообще-то, странно, но кто знает?

Подумав, я нарисовала вторую черточку и рядом — третью. Если уж поминать собак, то грех не вспомнить о людях. Точнее, о бомжах. Еще год назад...

Вспомнилась недавняя передача. Жирный щекастый жорик из железнодорожной службы бодро рапортовал об успехах по «зачистке» вверенной ему привокзальной площади. И вправду: чисто, пусто, уютно. Я, конечно, не поверила — и, наверное, никто не поверил. Но ведь правда! Только жорик и его орлы тут ни при чем. Сбежали бомжи. Все! А какие не сбежали — сгинули.

Когда мне сунули дело Молитвина, мне отчего-то показалось, что он как раз из этих...

Вот и думай, командир! То ли есть общий знаменатель у всей этой чепухи, то ли нет. Ах да! Можно еще черточку воткнуть! Позавчера один коллега вернулся с совещания в мэрии, так там кто-то снова мульку пустил о Жэке-Потрошителе, что в Срани объявился. Ходит и, стало быть, потрошит. Черный, с бычачьими рогами и, говорят, с хвостом. Нет, это к отцу Александру, пусть экзорцизм проводит! Но, что любопытно, в начале моей здешней карьеры о таком в Срани не болтали. А вот теперь начали.

Дорисовать пятую черточку я не успела. Проклятый телефон вновь сказал «дзинь»; я вновь помянула царя Давида...

— Гизело слушает!

— Эра Игнатьевна! Да что у вас с голосом?

Трубка источала мед, но мед был не сладок. Сначала — Ревенко, теперь — Сам. Кто следующий?

Президент?

— Добрый день, Никанор Семенович. Это все злоба дня сего. Довлеет.

— С попами заработались? Сочувствую, сочувствую! А знаете что, сделайте-ка перерывчик. Да-да, всенепременно перерывчик!

Что будет дальше, я уже догадалась. В этой конторе зря мед не льют.

— Да-с, и заходите ко мне. Чаек попьем...

Аппарат дал отбой. Я посидела несколько мгновений, затем без всякой охоты подошла к зеркалу. То, что смотрело на меня оттуда, не прибавило оптимизма. Стыдно сказать, второй год регу-

лярно ставлю свечки Анне Кашинской. Да ни черта она не помогает, эта Кашинская! Все мои тридцать четыре аккурат на физиономии отпечатаны, вдобавок синяки под глазами, да еще эта морщинка. И откуда только взялась, сволочь?

Оставалось поправить мундир, поколдовать с косметичкой и перекреститься на лик Святого Сульпиция, покровителя юристов.

Сульпиций смотрел хмуро.

5

У Никанора Семеновича не один кабинет, а целых два. Большой — для общего разноса, и маленький — для разноса индивидуального. Кто-то недавно уточнил: для групповухи и для интимного секса. Да, пожалуй. Интересно, с какой позы начнет? У меня три дела и все, считай, висят. Так что интим мне обеспечен. Наверное, начнет все-таки с Молитвина. Похоже, шум архары подняли презренный.

Попробовала на всякий случай рекомендованный сослуживцами «Заговор от выговора». Простой, как швабра: по дороге к начальству вышеупомянутое название следует повторить восемнадцать раз подряд, и как можно быстрее.

На седьмом разе я сбилась, закашлялась и отчетливо поняла: проблем не миновать.

Секретарша взглянула на меня томными глазами и колыхнула крутым бедром в сторону левой двери. Значит, в «малый»; следовательно, разнос будет индивидуальный, как и предполагалось. Пожаловаться, что ли, с порога на ночной потоп? Может, посочувствует? Ведь не зверь же он, в конце концов!

— Эра Игнатьевна? Прошу, прошу, садитесь сюда, в это кресло, здесь удобнее...

Я переступила порог — и поняла, что мой стратегический план оказался бесполезен. Более того, запахло чем-то знакомым. Дерьмом? Да, пожалуй, но только очень уж дерьмистым.

— Что это вы такая бледная? Переработались? Ай-яй-яй!

— Это пудра! — сообщила я, надеясь осадить его медоточивость, но Никанор Семенович лишь одарил меня очередной улыбкой и величественно опустил в кресло. Кресло под стать начальнику — и начальник под стать креслу. Какой-то поэт прошлого века что-то писал о «телес десятипудовиках»...

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Зря говорят, что толстяки добродушны! Маленькие бесцветные глазки тонут в трясине гладких, словно не ведавших бритвы, щек, уголки толстых губ приподняты в «вечной» усмешке — но не дай, Господи, поверить в эту доброту! И хитер! Как хитер, толстяк! За пять лет схарчил трех замов, сейчас догрызает четвертого. Так и кажется, что под жиром, словно под броней, прячется кто-то другой — худой, жилистый, не любящий улыбаться...

А еще у него потные ладони — противно руку пожимать.

Вот он какой, прокурор города Никанор Семенович...

— Комплимент хотите?

— Еще один? — не утерпела я. — Только не по поводу внешности!

— Внешности? — начальство соизволило хмыкнуть. — Эх, мне бы годков двадцать сбавить...

Ну это он, положим, врет! Недаром секретарш коллекционирует...

— Предупреждаю — комплимент грубый, зато в точку. Был я с утраца в мэрии, и там, знаете, вас вспоминали. Бажанов, который новый шеф Хирного, поинтересовался (уж извините, Эра Игнатьевна!): кто это вас трахает? Хирный пояснил, что это вы всех трахаете...

Смеяться? Еще чего! Обидеться? Нет, не стоит. Хамство, конечно, зато из первых рук.

Значит, поминали...

— И кого я трахнула на сей раз?

— Ну что вы, Эра Игнатьевна! Это я так, к слову...

Значит, к слову. То есть вполне достаточно мне знать, что моей скромной персоной заинтересовался начальник УВД вкупе с новым заместителем мэра. Бажанов?... Ну конечно, он же курирует все силовые, в том числе ОМОН!

Так-так... тут из подворотни — таракан...

Между тем начальственная улыбка начала медленно сползать. Щеки обвисли, глазки спрятались за складками, послышался тяжелый вздох. Все, мед кончился. Сейчас пойдет иной продукт.

— Выпить хотите?

Ого! В этом кабинете пить мне еще не предлагали. Я взглянула на говномер и поняла, что он зашкаливает.

Ответа Никанор Семенович ждать не стал. Грузно приподнявшись, направился к шкафу, послышался возмущенный скрип потревоженной карельской березы. Вспомнился Ревенко. У того в шкафу водка. А у этого?

— Вы, насколько мне известно, крем-ликер пьете? Или лучше банановый?

Разведка заложила точно, хотя в этой конторе крем-ликер ни с кем пить еще не приходилось. Интересно, кто стукнул?

— А может, господин прокурор города, лучше водки? «Зусмановки» или «Столпер-Плюс»?!

Он замер, затем укоризненно покачал головой:

— Водки?! Нет у меня водки, Эра Игнатьевна! Коньячку налить?

Коньяк был подан в стакане, правда, в хрустальном. На закуску — сиротливый ломтик лимона — я даже не взглянула. Пусть сам «николашку» потребляет.

— Ну, стало быть, вздрогнули, Эра Игнатьевна! И давайте без «господ прокуроров». Разговор у нас будет душевный, можно сказать, интимный...

Кажется, мне предлагали раздеваться.

Коньяк оказался хорош, но больше ничего хорошего не предвиделось.

— Вы с Ревенко говорили?

— Говорила.

Началось! Сейчас спросит о рапорте, который я еще и не собиралась писать...

— Рапорт составили?

Соврать? Ну уж нет!

— Никанор Семенович! Рапорт я не составила, но...

— И не надо.

Думаю, выражение моего лица ему понравилось. Пухлые губы вновь расцвели улыбкой.

— Да-да, любезнейшая Эра Игнатьевна, забудьте! И о деле Молитвина забудьте! Да и нет, собственно, никакого дела. И не было. И не будет.

Улыбаться в ответ я не стала. Значит, молитвинское дело отбирают. Интересно, кто?

— Простите, Никанор Семенович, неужели этим заинтересовалось ФСБ?

Глазки моргнули. Раз, затем еще раз.

— ФСБ? Да о чем вы? Я же вам ясно говорю, нет никакого дела и не было. Жил себе старичок, приболел, отвезли самовозом в «неотложку», вовремя не представили документы... А замглавврача, известный паникер, изволил задергаться, с утра прибежал сообщать — глядь, пошли заявления соседей, бумажка за бумажкой!.. Сейчас все выяснилось.

Слова журчали струйкой, глазки шурились, улыбка бродила между щек, и я наконец поняла: надо молчать. Молчать и соглашаться. Если прокурор города говорит, что дела нет, значит, его нет. Хотя сгинувшего алкаша велели искать прокуратуре, вопиюще нарушая все подряд. Хотя следом при странных обстоятельствах и участии таракана-полковника пропал свидетель Залесский. И дальше...

— Правда, там «хвост» вырос...

— Простите? — очнулась я.

— «Хвост», — начальство мило усмехнулось. — Господа архары на квартире Залесского подрались с каким-то сержантом-жориком. Непорядок, конечно. Так вы этого жорика оформите. Года на три, чтоб неповадно было. Только не тяните.

— Ладно...

Я отвечала, не думая. Что же это творится? Может, и вправду ничего такого не было? Глупостей хватает, а к Залесскому архары могли за-

ехать не только из-за пропавшего старика. Может, в Залесском все дело?

— Не обрадовал?

Я пожала плечами. От молитвинского дела за версту тянуло «мертвяком», так что спасибо, конечно... Память услужливо подсказала: субботние гости-друзки на квартире Залесского, один — носатый, болтливый; второй — крупный мужик с уставной ряшкой, все норовил мне честь отдать, хоть так, хоть эдак... это он, что ли, «хвост»?!

— Ну тогда я вам подарок сделаю. Завтра передадите в третью канцелярию дело Кривца...

— Что?!

Молитвинское дело отобрали, теперь Кривец. Этот мерзавец, ясен пень, не подарок, но что все это значит?

— И остаются у вас ваши священники, но с ними можно не спешить...

«Какого черта?!» — едва не вырвалось у меня, но язык вновь оказался вовремя прикушен.

Сейчас сам скажет.

— Вы Изюмского знаете?

Изюмский? Ах, да! Розовощекий болван из новеньких. Золотой зуб, золотая цепь...

— Он будет работать с вами. У него сейчас дело об убийстве, но он сам не тянет.

«То есть как?» — чуть было вновь не воззвала я, и опять успела сдержаться, хотя удивляться и вправду было чему.

Везде, во всем нашем грешном мире, «мокрые» дела для следователя — самые трудные. Везде — но не здесь. Первач-псы (они же «Егорьева стая», они же «психоз Святого Георгия») разыскивают убийцу лучше всякого инспектора. Нам

остается лишь обождать, пока в морг поступит труп с характерным синюшным цветом лица. И ждать приходится тридцать шесть часов — в худшем случае.

Обычно хватает и двенадцати...

— Он сейчас ведет дело о том парне, с серьгой. В общем, подключайтесь.

Настала очередь моргать мне. Субординация, конечно, душа службы, но когда старшего следователя «подключают» к новичку...

Усмешка исчезла. Маленькие глазки смотрели в упор.

— Это не простое убийство, Эра Игнатьевна. К тому же... Изюмский — мой племянник, это его первое дело.

Все наконец стало ясно. Кроме одного. «Непростым» в нашем городе дело об убийстве может быть только в одном случае — если следователь грамоте не понимает. В прямом смысле: не знает букв, дабы извять протокол. Проще работа только у гаишников. С нашими «саморегулирующими» знаками можно спать двадцать пять часов в сутки. Правда, для этого приходится ложиться на целый час раньше.

Похоже, Изюмский именно из тех.

...Вечером, перед тем как заснуть, я несколько раз прислушивалась к глухому гудению труб из-за стены, но стояк, усмиренный Евсеичем, напоминал о себе только запахом сохнувшей штукатурки. Да, дела! Так и тянуло включить компьютер вкупе с модемом, но для экстренного сеанса связи не было повода. Значит, завтра.

Завтра.

**Понедельник.
шестнадцатое февраля**

*Лица традиционной ориентации * Духоборец Македоний вкупе
со своим поделщиком * Моисей Угрин, покровитель нелегалов
* Пятый и Девятый * Слои отменяется*

1

— Эй, это ты — Гизело?

В дверях возвышался розовощекий дуб, и была на том дубе золотая цепь.

— Здоров, подруга! — Дуб продемонстрировал золотые коронки и рухнул на стул. — Ну че, поехали?

— Да, милый! — отозвалась я как можно медленнее. — Поехали, сладкий! Сразу баиньки или потанцуем?

Кажется, понял. Во всяком случае, кора треснула. Дуб привстал, почесал могучий подбородок.

— Так че, подруга?..

— Катись на хрен, козел! — пояснила я. — Не будешь базар фильтровать, рыжевые из пасти вышибу! Усек?

Усек. Усек — и сгинул, унесенный ветром. Вовремя: я только входила во вкус. Не люблю строить этажи, но иногда другого способа просто нет. «Подруга»! Фраеру ушастому и двадцати пяти нет...

Легкий стук.

Растерянная ряха втискивается в щель.

— Госпожа старший следователь! Разрешите?

Теперь можно и разрешить.

— Госпожа старший следователь! Следователь Изюмский в ваше распоряжение явился...

— Являются привидения, — безжалостно отпарировала я. — И шалавы по вызову. А младшие по должности прибывают. Садитесь, господин Изюмский!

Дуб осторожно опустил на краешек стула. И начал медленно, но верно превращаться в обычного парня в модном костюме, с которым в принципе можно и потанцевать на какой-нибудь вечеринке. Понаблюдав за этой поучительной метаморфозой, я сухо кивнула:

— А теперь докладывайте!

Встать он все-таки не догадался. Ну ладно, стерпим.

— Ну так, два дня назад... Четырнадцатого февраля, стало быть, блин...

Все это «стало быть» я уже знала назубок — побеспокоилась с утра заглянуть в следственный отдел. Четырнадцатого февраля во дворе дома номер три, что по улице Рымарской, найден труп неизвестного гражданина лет девятнадцати-двадцати с двумя пулевыми ранениями.

— Баллистическую экспертизу провели?

— Направил, — дуб виновато моргнул. — Только что...

Так и знала! Два дня — коту под хвост. Хорошо хоть кто-то догадался сфотографировать место происшествия!

— Слушайте, господин Изюмский! Могу я узнать, чем вы эти дни занимались?

Вообще-то, зря спрашиваю. В лучшем случае этот болван послал дежурного инспектора в обход моргов — искать труп с синюшным лицом и разрывом аорты.

Оказалось, я права. Дальше можно и не интересоваться.

— Юракадемию заканчивали? Заочный?

Ответ слушать не стала. И без того все понятно.

— Так ведь нам рассказывали! — не выдержал наконец дуб. — Специфика расследования убийств! Первач-псы... То есть, блин, «психоз Святого Георгия...»

Оставалось порадоваться, что господин Изюмский умудрился запомнить слова «специфика» и «психоз».

— Личность убитого? — вздохнула я.

Золотая цепь потускнела, зуб куда-то спрятался.

— Личность еще не... Но он, блин, пидор, это точно! Серьга-то...

— Простите?

— То есть этот... лицо традиционной... В смысле, блин, нетрадиционной сексуальной ори...

Серьгу я тоже заметила, но это еще не факт. Сейчас многие сопляки такое носят.

— Значит, так...

Я не торопясь встала, подождала, пока дуб догадается сделать то же.

— К вечеру узнайте имя жертвы. Делайте, что хотите, но узнайте. Тогда будем работать. А нет — катаю рапорт, что вы завалили расследование к чертовой матери. И еще. За полгода — это третье нераскрытое убийство. Понимаете? А из-за таких пинкертонов хреновых, как вы, до сих пор неясно, что это: то ли просто наша халатность, то ли...

Договаривать не стала, рассчитывая, что у «хренова пинкертона» все-таки хватит догадливости. А ведь дело — серьезнее некуда. Похоже, в от-

дельных случаях Егорьева стая теряет нюх. Об этом мне тоже сообщили в следственном отделе — сугубо секретно. Вот и еще одна черточка...

2

После такого разговора не грех было и остыть, но мерзавец-телефон опять звякнул, сообщив невероятную весть: подследственный Егоров просится на допрос!

Сезон чудес продолжался: Подследственный Егоров Алексей Владиленович, он же отец Александр, викарный священник Иоанно-Усекновенской церкви, на допросах молчал. Молчал мертво, даже не здоровался. Именно общаясь с ним, я впервые почувствовала себя инквизитором. И вот, пожалуйста...

Упускать подобный шанс воистину грешно, и я ради такого случая достала из шкафа кофеварку. Лень-матушка водит меня каждый раз в буфет, где кофе препаршивый, но тут я заставила себя вспомнить все тонкости, благо душистый перец и корица оказались на месте; да и старая кофемолка, спасибо Святому Филиппу Суздальскому, работала исправно. Как-то не удержалась, заглянула в святцы. Святой Филипп окончил свои дни во времена Симеона Гордого, и только здешняя епархия вкупе с заводом «Кондиционер» ведают, отчего именно ему выпало следить за работой бытовой техники.

— Добрый день, гражданка следователь!

Отвечать, отвернувшись к кофеварке, было неудобно. Пришлось заниматься акробатикой, дабы и кофе не расплескать, и вежливость проявить.

— Добрый день, отец Александр! Садитесь. Кофе будете?

— Благодарствую.

Так и не сообразив, благодарствую «да» или благодарствую «нет», я водрузила на стол две чашки, поставила сахарницу...

— Не трудитесь, гражданка следователь. Ни к чему.

И совершенно напрасно! Ради такого, как отец Александр, не грех и потрудиться. Мужчина он интересный, причем вовсе не старый, и сорока нет. Только глаза...

Почему-то не хочется встречаться с ним взглядом.

— Гражданка следователь, прежде всего приношу вам свои персональные извинения. Мой отказ отвечать на вопросы никак не был связан с вами лично.

Я кивнула, принимая извинения. Что это с ним? Взгляд прежний, острый, яркие губы знакомо поджаты...

— Хочу сделать заявление.

Он помолчал. Губы, и без того узкие, превратились в тонкую полоску.

— Продумав свое поведение, заявляю о своем полном раскаянии перед властями светскими и властями духовными. Признаю свою неправоту и прошу соответствующие органы определить мне должное наказание. Одновременно буду просить священноначалие простить мне грехи мои.

Я нерешительно достала бланк протокола, сняла колпачок с ручки.

— Так и писать, отец Александр?

— Да.

Я послушно заскользила пером по бумаге, но вдруг почувствовала — что-то не так. Вообще-то все так, завтра же дело можно отправлять в суд. Объективная сторона установлена, один из подсудственных пошел на «сознанку». Это гораздо лучше для процесса: один беленький, другой черненький, одному — по полной, другому — условно...

— Нет.

Я отложила в сторону бумагу, вздохнула.

— Отец Александр! Объясните! Почему вы...

— Имеет ли сие значение, дочь моя? — Теперь на его губах была грустная улыбка, совсем как у отца Николая. — Не в том ли работа ваша?..

Моя работа? Легко сказать!..

— Моя работа состоит не только в том, чтобы оформить протокол, отец Александр. Гражданин Рюмин, то есть отец Николай, вчера ясно и четко изложил свою позицию. Насколько я понимаю, это была и ваша позиция. Отец Николай считает, что здешние священнослужители впали в язычество, более того, призывают на помощь, извините, бесов...

— Он ошибается. Я тоже ошибался, дочь моя.

— То есть, — подхватила я, — вы признаете, что совершили преступление, подпадающее под соответствующие статьи Уголовного кодекса?

Священник покачал головой, вновь усмехнулся — по-прежнему невесело.

— Ни я, ни отец Николай этого и не отрицали, дочь моя. Дело в ином. Мы считали, что принятые здесь обряды есть грубейшее нарушение канона, по сути — ересь, подобная ереси духовборцев Македония и Маркиона. Ради же спасе-

ния душ, нашему попечению вверенных, согласны мы были преступить законы гражданские...

— А сейчас? — не выдержала я. — Вы убедились, что упомянутые вами Македоний и э-э-э Маркион...

— Дело не в них. То, что творится здесь, без сомнения, ересь, но мы были не правы.

Оставалось задуматься. Духоборец Македоний вкупе со своим подельщиком Маркионом — ересь, нарушение канона...

— То есть вы согласны терпеть ересь? — поразила я.

— Нет. Но это уже не имеет значения.

Я поняла, что начинаю сама становиться если не еретичкой, то ведьмой, а посему предпочла взяться за протокол. Он вышел не особо объемистым, зато приходилось продумывать каждое слово. Интересно, неужели здешние бонзы все-таки пойдут на такой процесс? Город наш, можно считать, закрытый, но шум все равно будет.

И немалый.

— И все-таки, — не выдержала я, когда отец Александр, почти не читая, поставил свою подпись. — Объясните! Если не как следователю, то просто как человеку! Я ведь тоже хожу в церковь!

Произнося это, я запоздало сообразила, что не заходила в храм Божий больше полугода. И все не из забывчивости. В том-то и беда, что слушать наших пастырей, толкующих об устройстве жертвенных горелок-«алтарок» и наиболее рациональном использовании одноразовых икон, просто тошно. Наверно, потому меня так поразило внезапное раскаяние отца Александра.

Священник ответил не сразу. Наконец вздохнул:

— Хорошо. Только объясню вам именно как юристу. Сейчас вы придерживаетесь действующих законов: конституция, Уголовный кодекс, уголовно-процессуальный...

Я кивнула.

— А если не дай Господь война? Если на улицах начнутся бои?!

— Тогда будут действовать законы военного времени! — удивилась я, плохо понимая, к чему он клонит.

— Допустим. А если вы окажетесь в пустыне, в джунглях, среди диких зверей? Если вы даже не знаете, в какой вы стране, в каком времени? Вы ведь тогда просто начнете бороться за жизнь, не так ли? Всеми доступными средствами.

Почему-то сразу вспомнился Тарзан. В детстве зачитывалась.

— Не понимаю аналогии, отец Александр. Вы говорите о гибели... или исчезновении мира, где действуют общепринятые законы? Но ведь законы церковные действуют, как я понимаю, даже в этом случае! Я права?

— Правы. Но только в том случае, если уцелел сам мир.

Я машинально глянула в потолок, затем перевела взгляд на стены. И потолок держится, и стены не падают.

— Но ведь то, что случилось здесь, еще не...

— Не здесь. Во всем мире. Это конец света, дочь моя. И прежние законы, светские и церковные, уже не имеют никакого значения.

Хотелось ответить что-нибудь вроде: «ерунда», «чушь» или «в окошко посмотри, батя!». Но внезапно вспомнилось...

...Об этом мне уже как-то рассказывали много, много лет назад. Да, конец мира наступит незаметно. Христос говорил, что Его Царство придет, словно тать в ночи. Будут перемены, но неприметные, особенно вначале. И люди могут вообще не понять, что их мир уже кончился.

Мне рассказывал об этом Саша, а я только смеялась, не понимая, как такой взрослый человек может рассуждать о подобной ерунде. А он говорил о железных конях, о стальной саранче, о том, что Армагеддон был вчера, и даже звезда Полюнь успела отравить воды. Что дело не в религии, не в суевериях, а в том, что мир не одномерен, и его другие сущности начинают постепенно вытеснять нашу. Я смеялась, стараясь запомнить эту чушь, чтобы наутро составить очередное донесение. Бедный Саша увлекся, начал рассказывать о теории Федорова и Циолковского, о том, что люди не погибнут, лишь станут другими...

Тогда я была Леной. Еленой Викторовной Гвоздевой. Тогда я еще могла смеяться. Какое мне было дело до конца света?

Эх, Саша, Саша...

3

К вечеру я имела полное права на медаль «За заслуги», причем никак не ниже третьей степени. «Поповское» дело я не только оформила, но и

умудрилась сдать, причем в окончательном виде две статьи из трех, инкриминируемых батюшкам, отпали как-то сами собой. Бог весть, авось поможет; да и мне зачтется. А главное, я сумела узнать фамилию загадочного трупа. Сделать это удалось без особых трудов. Не понадобились даже услуги экспертов. Я просто позвонила в горотдел, поинтересовавшись пропавшими без вести за последние двое суток. После чего осталось лишь получить по факсу фотографию разыскиваемого родителями Трищенко Владимира Владимировича, девятнадцати лет от роду, бармена ночного заведения под названием «Казак Мамай». Подвернувшийся в коридоре инспектор мигом узнал погибшего, хотя на фотографии тот был без серьги. Удача не столько обрадовала, сколько разозлила. Все это мог проделать и сам господин Изюмский. Дуб, к слову, так и не появился, и я мысленно пообещала назавтра продолжить воспитательную работу.

Теперь можно и домой. Собственно, вся моя активность была целенаправленной. Сегодня следовало исчезнуть пораньше и обязательно отдохнуть перед тем, как включать компьютер. Оставалось проглядеть накопившиеся за последние два дня бумаги.

Они были там, где и положено: на столе, в большой черной папке. Сверху лежали две справки по психу Кривцу — их я со злорадством отложила в сторону. Пусть тот бедолага, которому шеф перебросил это дело, разбирается — но без меня. Еще одна бумага по бравому мордобойце сержанту Петрову (это который «хвост»). И, наконец, следственный отдел прислал запоздалую

«объективку» на гражданина Молитвина. Ее можно было смело не читать, но любопытство взяло верх. Итак, Молитвин Иероним Павлович... Ну и имечко, почти как у меня! Кандидат исторических... Ого, вот вам и алкаш! Впрочем, одно другого не исключает. А вот и послужной список... Университет, защита в столице, доцент педагогического, затем НИИПриМ... Книжный червь? Наверное... Итак, НИИПриМ, лаборатория МИР, после — инвалидность, временно не работал, в настоящее время... Стоп! Дура! Стоп!

Внезапно показалось, что меня уже расстреляли. Или, во всяком случае, приговорили. Лаборатория МИР! Институт Прикладной Мифологии! Господи Иисусе, Моисей Угрин, покровитель нелегалов!

Лаборатория МИР!

Я долго сидела, глядя в равнодушную бумагу и не зная, смеяться или плакать. Пять лет я искала хоть какой-нибудь следок этой самой лаборатории. МИР, Зона «Б», Институт № 7, скрывавшийся под дурацким, сугубо «штатским» названием. Тот самый институт и та самая лаборатория, из-за которых...

Итак, пять лет искала — найти не могла. И другие искали — с тем же успехом. И вот мне, дуре набитой, подсовывают... Нет, преподносят нужного человека на золотом блюдечке, а я...

Успокоиться удалось с трудом — и то не до конца. С блюдечком, конечно, не все так просто. Поднести-то поднесли, но даже лизнуть не дали. В том-то и соль, что пять дней назад Молитвин Иероним Павлович похищен неизвестными, о чем указано в сообщении заместителя главврача

«неотложки», заявлении соседей и показаниях молитвинского собутыльника, Залесского Олега... Как бишь его там? Ладно, потом...

Итак, плыл себе Колумб, плыл, открыл Америку, да не заметил. А она возьми — и сквозь землю провалилась! И не беда это для Гизело Эры Игнатьевны, старшего следователя прокуратуры, а вот для кое-кого другого — почти катастрофа. Например, для внедренного сотрудника Стрелы, который год пытающейся разобраться в здешней куче дерьма. Ладно, еще не вечер. Молитвина не убили, а похитили. Значит, жив. Его искали и после похищения. Значит, скорее всего бежал. А главное, в исчезнувшем деле оставался «хвост». Значит...

Значит, еще не все потеряно.

4

...Прыг-скок. Прыг-скок. Прыг-скок...

Мяч катится по пляжу, по сверкающему на солнце белому песку, и мягко падает в воду. Девочка бежит за ним, но внезапно останавливается, смотрит назад...

Странно, я никак не могу разглядеть ее лицо. Только губы — они беззвучно шевелятся, девочка что-то хочет сказать, о чем-то спросить. Я вновь гляжу на мяч — он уже в воде, ленивая теплая волна слегка подбрасывает его вверх, солнце сверкает на мокрой резине. Какого он цвета? Синего, конечно, я хорошо это помню. Синий мяч с белыми полюсами, весьма похожий на глобус. Почему же...

И вдруг я понимаю — мяч изменил цвет. Сгинула синева, исчезли белые полюса, превратясь в два уродливых красных пятна. Краснота ползет, смы-

кается у экватора. Теперь мяч красный — как венозная кровь. Кровь, залившая рубашку, новую рубашку, только что из прачечной, с наскоро пришитой пуговицей у левого запястья...

Я открыла глаза, резко выдохнула и несколько секунд смотрела в равнодушный белый потолок. Нет, не получается. Я даже не могу увидеть ее лицо. Но почему? Я ведь узнаю его из тысячи тысяч, могу описать, нарисовать. Но увидеть — нет. Господь ведает, чем наказать грешную рабу Свою...

Я встала из кресла, стараясь не скользнуть взглядом по висевшему напротив зеркалу. Лицезреть старую бабу с морщинками в уголках бесцветных губ не тянет — особенно в такой вечер. Тяжелый вечер тяжелого дня, когда больше всего на свете хочется успокоиться; тем более вечер не кончен, компьютер уже ждет, по черному экрану неторопливо ползут цветные сполохи. Час назад я отправила доклад. До разговора (если со мной, конечно, захотят говорить) еще десять минут. Надо успокоиться, обязательно успокоиться, иначе сорвусь на крик — визгливый бабий крик, тем более нелепый, когда он распадается на бессвязные слова, ползущие по экрану. Срываться нельзя, особенно сегодня.

На туалетном столике, в самом углу, возле открытой косметички, пристроился самодовольный пузатый томик, наглый в своей потертой роскоши. В давние годы толстая кожа переплета была покрыта тисненной позолотой, а фигурная застежка до сих пор пытается укусьить за пальцы. Когда Девятый прислал мне эту книгу — как раз на тридцатилетие — мне подумалось, что босс по-

просту решил пошутить. Поскольку я Игнатьевна, мне и полагается нечто подобное. К тому же во время оно мой «крестный» основал весьма эффективную организацию, двоюродную прабабушку той, в рядах которой мне приходится пребывать. И тоже имел дело со святыми, ведьмами, колдунами. Правда, шутка вышла дорогостоящей: первое издание «Духовных упражнений» Святого Игнатия Лойолы стоит не сотню долларов и, как я подозреваю, не тысячу. Пятый — тот был проще, презентовав фаянсовый кофейный сервиз, который я с удовольствием разбила о стену, чашку за чашкой, на протяжении двух месяцев. Очень помогало — особенно в подобных ситуациях. Затем сервиз кончился, и я взялась за Святого Игнатия. Девятый оказался прав: медитация по Лойоле оказалась куда эффективнее, чем по Будде. Странно придумал Первоиезуит: вначале вспоминать лишь о плохом, о муках и страданиях, представлять себе их в наимельчайших деталях — а потом как-то неожиданно начинает проступать хорошее. Жаль только, что кончается все одним и тем же — кровью по белой рубашке с наскоро пришитой пуговицей. Но тут и Святой Игнатий не помогает. Или из меня просто не получилось иезуита?

...Почему *она* не пишет? Последнее письмо пришло полгода назад! Девятый меня уверяет, что с *ней* все в порядке. Но неужели трудно набрать несколько строчек и кинуть в «паутину»?!

Все. Хватит. Забыть! Пока — забыть! Что я хотела? Успокоиться? Успокоилась! Почти...

До разговора оставалось немного времени, и я с трудом удержалась, чтобы не достать дискету с

фотографией. Девочка бежит по пляжу; синий, похожий на Землю мяч катится по песку... Нет, нельзя! Особенно сейчас. Опять разревусь или того хуже: расслаблюсь, подobreю — и ужогу прямиком в пасть к Пятому. Сегодня его день, и мне остается надеяться, что босс номер два сломаёт ногу по дороге в свою контору. Или шею. Или все вместе. Интересно бы все-таки узнать: где находится эта контора? По крайней мере, в какой стране. Первые годы я была уверена, что работаю все-таки на своих, но в последнее время...

«Семерка» (старомодная, с простым 820-цветным монитором) загружалась ужасающе медленно. Давно пора купить что-нибудь посовременнее, но эта минута, пока по черному допотопному экрану ползут цифирьки, очень важна. Есть возможность сосредоточиться, подготовиться к разговору. Особенно если говорить придется с Пятым.

Выход в Интернет удался с первого захода, и я мысленно возблагодарила Святого Наума, покровителя интерактивной связи. Булочка, сожженная поутру, не пропала даром, равно как дурацкая считалочка (*«Интернет, Интернет, без тебя мне счастья нет, паутинка, паутинка, покажи скорей картинку!»*). Про Святого Наума и про булочку перед сеансом Интернета, и, само собой, считалочку меня просветил все тот же Евсеич, а этот мерзавец, несмотря на форс-мажор со стояком, свое дело знает. Я тоже свое дело знаю и, ежели что, засажу его лет на восемь строгого — для начала. Да, негодяй он редкий, зато Тех-ник — от Господа. Любопытно, от какого? Мне-то он

рассказывал про Святого Наума, а сам, кажется, кришнаит. Ну и городишко!

Экран мигнул, выстрелив знакомую заставку, и я привычно пробежала пальцами по клавиатуре:

«Здесь Стрела. Добрый вечер».

Псевдоним ерундовый, но все лучше, чем собственные имя и отчество. Поговорила бы я со своим родителем относительно имен для девочек! Особенно тяжело было в детдоме в первые годы. Умоляла переделать Эру на Ирину, да где там! Привыкнешь, мол, детка, не помрешь! Детка не померла, но так и не привыкла. Увы, с тем, кто умудрился встретиться моей бедной маме треть века назад, уже не поговоришь. Последний раз можно было стать Ириной перед этой пятилетней, но мерзавец Пятый настоял на Эре. В общем, он прав, подлинные документы надежнее. И все-таки, все-таки...

Секунды шли. Вот сейчас появится неизбежное: *«Здесь Пятый. Докладывайте»*. В старых детективах были добрый и злой следователи. У меня куда хуже — начальник умный и начальник глупый.

Совсем глупый.

Дурак.

Я вздохнула, представив себе его лицо — никогда мной не виденное. Наверно, ему за пятьдесят. Солдафонские складки у щек, маленькие злые глазки — и фуражка. Все равно какая. Фуражка ему необходима — для поддержания единственной извилины. А может, он женщина? Старая злая баба — с точно такими же складками и тоже в фуражке?

Пальцы сами собой набирали слова личного

кода, ровные строчки уходили куда-то в черную даль, и можно было на пару минут отвлечься, подумав о чем-нибудь хорошем. Только знать бы, что еще есть хорошего поблизости. Разве что помада в косметичке, и то, если по мне, она излишне яркая.

Кроме помады, ни о чем вспомнить не удалось, а время уже подходило к концу. Я нажала *«enter»*, посылая последнюю точку в неведомую даль, и настал долгожданный миг.

«Здесь Девятый. Добрый вечер, голубушка!»

Я перевела дух. Есть! Есть Бог на свете! Девятый! Как хорошо!

Девятый — я бы, наверное, в него влюбилась, будь мой босс помоложе. Конечно, я его никогда не видела, даже на фотографии. Сколько ему лет, я тоже понятия не имею, но он как-то обмолвился о внуках. У него их двое — девочка и мальчик. Наверное, Девятому за семьдесят. Каждый раз я представляю себе его этаким добрым дедушкой — седым, улыбающимся, с уютными домашними морщинками. Смешно: руководитель сверхсекретной службы, названия которой не знают даже сотрудники — и добрый дедушка. А все-таки хорошо, что он есть, Девятый! И хорошо, что черти куда-то отправили Пятого, хотя бы на этот вечер.

«Добрый вечер, — пальцы вновь забегали по клавиатуре. — Ожидаю с трепетом».

«И это правильно, — мигом появилось в ответ. — Подчиненный обязан быть трепетен, причем вид должен иметь бравый и придурковатый, дабы своим раздумьем начальника не отвлекать. Готовы?»

«Готовы?» — означало, что сейчас я получу

очередную порцию задания. За эти пять лет я так и не смогла понять, кто мне их готовит. Стиль коротких приказов не походил ни на солдафонскую простоту Пятого, ни, конечно, на привычную манеру того, с кем я сейчас говорила. Кто-то третий? Супербосс, какой-нибудь Первый-в-Кубе?

Ага. Вот! Уже есть.

«Сотруднику Стрела. На ваш № 254:

1. Выражаем благодарность за проведенную работу по Молитвину. На Ваш счет уже переведена премия в размере 2N.

2. Поручаем Вам дальнейшую разработку Молитвина, причем настоятельно просим форсировать операцию. Можете просить любую помощь, она Вам будет оказана.

3. Ввиду изменившихся обстоятельств просим быть готовыми к экстренной эвакуации в любой момент. Сигнал будет послан по каналам «С» и «Проба».

№ 841».

Обычно я запоминаю подобные послания с первого раза. Учили! Это ведь не кодовая таблица, которую в принципе тоже следует запоминать с первого раза. Но сейчас дело продвигалось туго. Не обрадовала даже внеочередная премия. Если начальство «настоятельно просит» — значит, что-то случилось. А уж «изменившиеся обстоятельства»...

«Осознали?» — мигнул экран, и я облегченно вздохнула. Сейчас спросим. Собственно, для этого и нужен «живой» контакт. Правда, Пятый на все вопросы лишь советует внимательнее перечитать приказ...

«Что означает пункт третий?»

«Многое, — сообщили равнодушные буквы. — Прежде всего, федеральный центр в ближайшее время может ужесточить политику по отношению к Объекту. Случаи хищений газа и энергии, равно как скачивания информации, стали хроническими. «Железнодорожники» вновь оживились. В последнее время зафиксирована деятельность еще трех преступных группировок, опирающихся на Объект. Позиция местных властей вам известна, поэтому федеральный центр склонен перейти к более жестким мерам».

«Насколько жестким?» — переспросила я, чувствуя: дело и вправду становится серьезным.

«Крайне жестким. К сожалению. Поэтому вам и советую поторопиться. Можете просить, что угодно, включая боевого слона».

«Мне не нужен слон! — воззвала я в отчаянии. — Мне нужен кто-то, способный разобраться в творящемся здесь кошмаре! Допустим, я найду Молитвина. О чем мне с ним говорить? Я — оперативник, а не теоретик! Скажите, там, наверху, мои донесения читают? Хотя бы иногда?»

Все-таки я начала «кричать». Да как тут не закричать, когда еще года три назад я поняла: ни одна из существующих теорий — ни официальная, ни Основная — не объясняет происходящее! Я набрала кучу, даже не кучу — вагон фактов и фактиков, надеясь, что кто-нибудь все-таки возьмется это дело осмыслить. Несколько раз я пыталась спорить, Девятый принимался меня успокаивать...

«Слон отменяется. В ближайшее время к Вам

будет прислан специалист. О времени прибытия сообщим дополнительно».

«Хороший специалист?» — не удержалась я.

Вместо ответа экран высветил усмехающуюся рожицу — именно так Девятый смеялся. Я облегченно вздохнула. Не прошло и пяти лет...

5

Собственно, началось это не пять, а почти десять лет тому назад, сразу после катастрофы, превратившей большой и шумный областной центр в Объект. Из трех с лишним миллионов жителей треть погибла сразу, еще треть сумели эвакуировать, а остальные были обречены — за железной стеной карантина, среди серой мертвой пыли, в которую обратилась половина города.

Вначале появились слухи. Ушлые репортеры сумели проникнуть за непроходимый кордон, сообщив потрясающую весть: люди живут. Живут, отстраивают город, даже пустили трамвай. Помню небывалую фотографию (кажется, первым на Объект проник какой-то смельчак из «Бумбараша», рупора экстремистов): вокруг черный пустырь, искореженное железо, а в центре — дом, обычный, девятиэтажный. В окнах горит свет, старушки мирно сидят на лавочках. А ведь в городе не работала ни одна электростанция!

Да, город — все, что от него осталось, — выжил. Это казалось невозможным: после Хиросимы, после Чернобыля. Но вскоре слухи подтвердились, а на смену им пришли новые. Тогда-то я и услышала впервые о чудотворных иконах, о домовых, вкупе с таинственными исчезновениями починающих электропроводку в разрушенных до-

мах. В те дни я уже не первый год разрабатывала «Паникера», мы с ним вместе смотрели новости...

Странная привычка была у Саши: каждый день смотреть новости по «ящику». Тогда я впервые поняла, что такое «человек XX века». Новости каждый день, споры о политике, песни под гитару, Окуджава, Галич — кто их помнит теперь? Эх, Саша, Саша...

Я не верила, посмеивалась над сказками об исчезниках и кентаврах. А «Паникер», то есть Саша, верил. Я поражалась: интеллигент, физик, диссидент, слушавший на митингах самого Сахарова... Верил! Верил — и даже пытался объяснить, что дело не в названии и даже не в том, что фиксирует фото пленка...

Через несколько лет все вроде бы стало на свои места. Объект жил, начали ходить поезда, в городе пустили метро. И только немногие знали, что — началось.

Вначале стала пропадать энергия — в огромных количествах и совершенно бесследно. Потом — газ. Затем — сверхъестественные аферы с авизо и банковскими счетами. Дальше — неуловимые «железнодорожники», быстро подмявшие под себя даже легендарных «тамбовцев» и «воркутинцев». Говорят, все началось с поездов: «воркутинцы», промышлявшие грабежом составов, стали пропадать один за другим при невыясненных обстоятельствах, когда пытались «накрыть» поезда, идущие на Объект, или местного формирования. Корейчик, «воркутинский» пахан, приехал в город во главе своих самых лучших киллеров — и погиб сам на квартире местной любов-

ницы, утонув в ванне. С тех пор и пошло — «железнодорожники».

Но это были еще цветочки.

Год назад очумевшие от ужаса наследники Билла Гейтса установили, что уже не первый месяц их «ноу-хау» вовсю продаются на «черных» биржах Южной Азии. Вслед за «Майкрософтом» завывали директора «Дженерал электрик», затем слитным хором — еще два десятка компаний.

А потом пошли лопаться банки — один за другим. Спасались лишь те, кто успевал уплатить «дань», откупившись от «продавцов секретов». Собственно, секретов больше не осталось. Не помогали ни хитроумные пароли, менявшиеся ежедневно, ни всесильное ФБР вкупе с Интерполом. След взяли — и взяли быстро, но след, как в свое время верно заметил Марк Твен, не вздернешь на виселицу.

Один из швейцарских банков тряхнул стариной, переведя документацию на бумагу. Дыроколы и скоросшиватели помогли — ровно на неделю.

Журналисты сходили с ума, толстые дядьки из МВД надували щеки, но кто-то самый ушлый — не Девятый ли?! — уже знал, в какую сторону смотреть.

Правда, смотреть — не значит видеть. Главной моей добычей стал слухок о том, будто среди «железнодорожников» завелся ясновидящий, пронзающий взглядом стальные стенки сейфов и считывающий пароли на лету. Слушок я передала своим боссам, после чего можно было смело расписываться в агентурном бессилии.

О пропаже энергии (тогда все это только-только начиналась) мы говорили с Сашей в последний вечер. Не по моей инициативе — начальство само велело расспросить «Паникера». Саша увлекся, начал что-то объяснять по поводу изменения (или искривления, не помню уже) реальности. Диктофон, спрятанный в кармане халата, неслышно крутился, я улыбалась...

...Саша, Саша! Неужели мне мучиться до конца дней? И смогу ли я доказать Там, куда доведется когда-нибудь попасть, что не я виновата в твоей крови? Мне позвонили, я схватила ключи от машины... Поздно!

...Кровь, залившая рубашку, новую рубашку, только что из прачечной, с наскоро пришитой пуговицей у левого запястья. В то утро он торопился и пришел пуговицу сам — не хотел меня будить...

6

Надо было заснуть. Сегодня я слишком быстро раскисла. Наверное, следовало испробовать привычную методику: лечь, закрыть глаза и пройтись по цепочке. Что плохо, отчего и почему все это не так и страшно. Не страшно, что полгода от нее нет писем, не страшно, что позавчера была годовщина смерти Саши и что, если я не выполню «настоятельную просьбу» своих невидимых боссов, мне скорее всего никогда больше не увидеть мяч, катящийся по берегу моря...

Впрочем, если первое и второе изменить нельзя, то в части третьего — все в моих руках. Девятый прав: с трудным приказом, как малознакомым мужиком, следует переспать, и все станет

ясно. Конечно, Девятый выразился не столь прямо. Но он прав, утро вечера... Если Девятому за семьдесят, если он много лет работает там же, где и я, знает ли он, кто и почему приказал убрать «Паникера»? А может, он не просто знает? Может, он сам...

...Нет, нет, все! Хватит! Утро вечера все-таки мудренее. Скорее заснуть, а там...

Звонок. В дверь — долгий, наглый. Рука тут же возжаждала пистолетную рукоять, и я с трудом заставила себя забыть о спящем в ящике стола «браунинге». Да, нервы — ни к черту!

На часах — ровно полночь...

Хорошо новый день начинается!

Вторник, семнадцатое февраля

*Гей-визит к Казаку Мамаю * Вован Холмс и доктор Эрка *
Кольца и браслеты, юбки и кастеты * Кентавромахия *
Сержант Петров помогает следствию*

I

Философский вопрос — одеваться или спрашивать «кто там?» — я решала недолго. Лучше спросить. Вдруг это соседи, у которых тоже лопнул стояк? Ну а если нет, стрелять можно и в ночной рубашке — предварительно сходяв в кабинет за «браунингом».

— Кто?

Кажется, ледяного голоса не получилось. Каменного — тоже. Впрочем, у меня и не должно быть такого голоса. Бедную женщину тревожат в полночь-заполночь...

— Я...

Оставалось только моргнуть и прижаться к стене — если этот «я» все-таки начнет стрелять. Как бишь на такое принято отвечать? «Я? Да ты гонишь!»

— Госпожа старший следователь! Это я, следователь Изюмский.

Для того чтобы объяснить ночное появление дуба на моей лестничной площадке, требовалась не моя голова, а по меньшей мере главный пентагоновский компьютер.

— Что случилось, Изюмский?

— Н-ничего...

Я так поразилась, что открыла дверь.

На дубе оказался зимний наряд в виде куртки «чукотка» и бобровой шапки. Рожа, к сожалению, осталась незачехленной.

Следовало спросить «какого...» и так далее, но я ограничилась взглядом. Говорят, он у меня иногда бывает достаточно выразительным.

— Я... Докладаю, то есть докладываю, госпожа старший следователь! Вычислили жмурика!

— Какого жмурика? — обалдело переспросила я, начиная догадываться.

— Стало быть, Трищенко он. Пидор который. То есть лицо нетрадиционной...

— Вы что, за этим и заявились? — безнадежно поинтересовалась я.

Сил злиться не оставалось.

— Ну! Я ведь не знал, что вы так рано...

Тут я ощутила на теле нечто, почти материальное, и запоздало сообразила: на рубашку следовало все-таки накинуть халат! Не то чтобы дуб пиялился, но и глаз, мерзавец, не прятал.

— Нечего меня рассматривать! — заявила я без особой злости. — Я вам, Изюмский, в бабушки гожусь!

Если бы этот дуб посмел улыбнуться... Но он не улыбнулся — хотя и взгляда не отвел. Почему-то вспомнился сальный взгляд гражданина Залесского. А может, я действительно зря комплекую? Ведь пялятся!

— Входите, Изюмский. Снег не забудьте стряхнуть.

Пока, следуя известной песне, дуб через дорогу (то бишь в данном случае через порог) перебираться изволил, я размышляла: не предложить ли этому болвану кофе? Гость все-таки! Идея не прошла. Осудив себя за гнилой либерализм, я сбегала за халатом, мельком глянула в зеркало (кошмар, конечно, но...), а затем решила заняться племянничком всерьез.

— Итак?..

Дуб врос в линолеум передней, даже не догадавшись снять шапку.

— Ну, это, блин... Установлена личность. Трищенко Владимир Владимирович, бармен...

Я вновь начала свирепеть; на сей раз медленно, но верно.

— А позвонить нельзя было?

— Так телефон ваш, госпожа старший...

Черт! Я бросилась в кабинет — точно! Молчит, зараза! Ну все, сидеть Евсеичу!

Оставалось решить, что делать с дубом. Похоже, его пуганул дядя, а затем и я добавила перцу под хвост. Забегал...

— Значит, установили?..

— Ну! А кончил его Кондратюк Евгений, тоже... лицо нетрадиционной...

— Что?!

Кора лопнула, и на его физиономии появилось некое подобие улыбки. Дуб был определенно доволен, причем, как ни странно, без тени злорадства. Похоже, он был просто рад, что столь малоприятное дело шло к финалу.

Отказавшись пройти в кабинет, господин Изюмский все-таки снял шапку и объяснился.

Все оказалось просто, даже чересчур. Фамилию убитого ему сообщили в лаборатории. Сошлись отпечатки пальцев: год назад Трищенко проходил у нас по какой-то мелочи. Дуб уже собирался звонить мне, и тут ему позвонили самому.

Если точнее, позвонили не ему, а на коммутатор, попросив того, кто ведет дело об убиенном бармене. Голос оказался женский. Их соединили, и доброжелательница без всяких экивоков сообщила имя убийцы. Итак, некий Евгений Кондратюк, тоже с сержжкой и тоже проходил у нас свидетелем. Более того, звонившая поспешила добавить, что этой ночью Кондратюк будет в «Казаче Мамае».

Наконец-то я все поняла. Дуб, к чести его дубовой, приехал не только хвастаться. Оказывается, ему было скучно пожинать лавры одному. Или совестно. Хотелось спросить, почему бы ему не послать в бар двоих инспекторов помоложе, но понять господина Изюмского было легко. Первое дело все-таки!

— Ну, я и подумал: съездим, госпожа старший следователь! «Мамай» этот только ночью открывается. Самое сейчас время...

Я взглянула на часы, покачала головой:

— А без меня нельзя?

— Один не пойду! — отрезал племянничек. — Там это... Ну... Не пойду, в общем! «Мамай» этот, он для этих... лиц...

Смеяться, конечно, не стоило, но удержаться оказалось ну никак не возможно. Дуб растерянно моргал.

— Страшно? — отсмеявшись, поинтересовалась я, надеясь, что он все-таки посмеется в ответ.

Но Изюмский даже не улыбнулся.

— Не страшно, госпожа старший следователь. Да только, блин, стыдоба! Узнает «братва», что к пидорам, извините, ходил... Да еще один. Чего ведь подумают?

Он не шутил. Вообще-то, верно: в последнее время к тем, кто посещает подобные бары, в городе стали относиться чуть ли не хуже, чем к кентаврам.

— Ладно! — решила я, сообразив, что этой ночью точно не засну. — Присядьте, я сейчас...

Заниматься работой обычного инспектора не хотелось, но, с другой стороны, появился шанс быстро и триумфально закончить это дерьмовое дело. Закончить — и взяться за Молитвина всерьез.

Обещанное «сейчас» несколько затянулось. Дуб терпеливо ждал, пока я примеряла новое вечернее платье, пока пританцовывала у зеркала, пытаясь сотворить нечто пристойное из вороньего гнезда на голове. Подобные процедуры требуют полной сосредоточенности, но одна мыслишка меня все-таки не оставляла. Простая до невоз-

возможности мыслишка, очевидная, вероятно, для любого — кроме, конечно, господина Изюмского. Все получилось очень просто. Слишком просто. Излишне...

2

«Казак Мамай» внешне выглядел неприметно: обитая бронзой дверь, врезанная прямо в стену старого пятиэтажного дома. Разве что снег у входа оказался убран да по сторонам росли две небольшие елочки. Как говорится, голубые ели. И пили.

Дуб притормозил свою «Ауди» у тротуара, огляделся.

— Ага, стоит!

Он кивнул на черную тень возле ближайшего подъезда.

— Я ребят попросил потоптаться. На всякий...

Кивком одоббив его предусмотрительность, я нерешительно поглядела на вожденную дверь.

— А туда... всех пускают?

В ответ последовало довольное «гы!». Кажется, у дуба тоже оказалось чувство юмора.

— Смех, да и только, госпожа старший следователь! Мужиков бесплатно, а если баба, в смысле, женщина — то по сорок гривен с носа.

Бумажник я не захватила из принципа и теперь ощутила некое чувство, приятно напоминающее злорадство. Впрочем, такие расходы, как правило, компенсируются. А хорошо будет выглядеть в отчете: *«Посещение спецбара — сорок гривен»...*

— Фотография Кондратюка у вас?

Лицо подозреваемого оказалось не из тех, что

запоминаются сразу. Я начала было по привычке составлять словесный портрет, но бросила. Узнаю как-нибудь, не в этом проблема. Проблема в другом. Все, все не так! Убийца преспокойно собирается в бар, вместо того чтобы дрожать у алтаря, ожидая Первач-псов. А если он псов не боится, то почему не боится нас? Даже дурак поймет: нераскрытое убийство заставит все наши службы не только забегать, но и запрыгать. К тому же бар для «голубых», а звонила-то женщина! Ладно, разберемся. Для того и приехали.

— Господин Изюмский! В целях конспирации разрешаю перейти с человеческого языка на тот, который вам ближе. Но только на время операции. Усек, братан?

Братан усек не сразу. Наконец соизволил кивнуть:

— Так точно. Понял. Да тока, блин, хрена он там человеческий! Кто же так сейчас чешет, подруга? На тебя, блин, посмотришь — вроде телка видная, все при тебе, а как базлать начнешь...

— Фильтруй базар, пацан, — в очередной раз посоветовала я. — Я котелком звенела, когда ты, шкет, еще сопли жевал!

Он вновь хмыкнул, решив, вероятно, что старший следователь Гизело входит в роль. Не поверил. И хорошо, что не поверил...

— Слышь, братан, а как тебя называть?

Имя-отчество его я, конечно, забыла. Если вообще когда-нибудь знала.

— Вованом, — гулко вздохнул дуб. — А ты, подруга, стало быть, Эрка?

— Эра, — как можно спокойнее поправила я. — А впрочем, без разницы...

Открыть дверцу этот болван не догадался, но я обошлась и без него. Итак, «Казак Мамай». Интересно, за что этого беднягу к подобному заведению приплели?

3

Дуб решительно взялся за круглую, блестящей меди, ручку — и замер.

— Мне первой войти? — подлила я масла в огонь.

В ответ прозвучало негромкое: «Блин, пидоры драные!» — и доблестный господин Изюмский от души рванул дверь. Бог весть чего он боялся. А весело было бы, встретить его за дверью трое напوماженных амбалов в кожаном прикиде и потащи раба Божьего прямиком в темный угол, как в одном старом кинофильме. Там подобное заведение, если память не изменяет, называлось «Устрица»...

Все обошлось. Никто нас не хватал, не хлопал по выступающим частям, и даже швейцар оказался самым обыкновенным: без помады и румян на физиономии. Разве что на меня посмотрели как-то странно, но это могло быть и результатом воспалившегося воображения. Через несколько минут мы уже сидели в небольшом уютном зале, почти утонувшем в темноте, вокруг играла тихая музыка, под которую еле заметно шевелились парочки — вполне разнополые. Я начала понимать, что «Мамай», — не из худших заведений.

По крайней мере, на первый взгляд.

Взгляд второй дал те же результаты. Официантка (официантка!) поставила нам на столик по бокалу шампанского, проворковав: «От заведе-

ния!», за шампанским последовали орешки. Я протянула руку к бокалу...

— Ну, пидоры, блин! — Дуб заскрипел зубами и затравленно оглянулся.

— Чего киксуешь, Вован? — поразилась я.

— Киксую? — Дуб перешел на шепот, наклонился: — Ты, Эрка, глаза разуй! Видала?

Его взгляд уперся в нашу официантку, деловито направлявшуюся к стойке. Я присмотрелась, хотела переспросить, вновь всмотрелась — и вопросы отпали. Да-а... Косметика и женский корсет творят чудеса, особенно в полутьме. Но ведь голос! Хотя...

Я оглядела парочки, продолжавшие обжиматься под старомодный «медляк» — и только вздохнула. Две «девушки» из четырех — точно; третья скорее всего тоже не третья, а третий... А впрочем, чего удивляться? Знали ведь, куда шли!

— Отставить! — шепнула я. — Лучше осмотришь, только незаметно. Его здесь нет?

Дуб начал ворочать шеей. Тоже мне, профессионал! Правда, и профессионалу в такой темноте ничего не увидеть.

— Потанцуем? — Я встала, автоматически поправив слегка висевшее на мне платье. И когда это я успела похудеть?

Кажется, придется работать самой. На племянничка надежды мало.

Дуб сопел у меня над ухом, переступая с ноги на ногу с изяществом контуженного медведя. Губы его шевелились; если внимательно прислушаться, можно было разобрать слова. *«Зародыш в яйце, яйцо в гнезде, братан при теле; мужик, блин,*

при своем деле...» По-моему, это был заговор для невольных трансвеститов, а не от беды гомосексуализма. Или господина Изюмского так припекло, что он ничего более подходящего вспомнить не смог? Ладно, простим, сделаем вид, что не заметили...

Стараясь не морщиться и уж тем более не прыснуть в рукав, подобно юной курсистке, я как можно незаметнее скользила взглядом по столикам. Половина мест пустовала, а среди тех, кто заглянул сюда этой ночью, никого похожего на виденное мною фото не оказалось. Зато я сумела убедиться, что не три, а все четыре танцующие пары — одной масти. Вскоре к нам присоединились еще двое, на этот раз уже без всякой конспирации — в джинсах и свитерках. Я представила, что может подумать здешняя публика о нас с Вованом (точнее, обо мне), и мысленно поклялась: в следующий раз, буде охота не удастся, направлю сюда лично господина Ревенко. Хорошего понемножку. Хотя нам еще повезло. Окажись этот Кондратюк, к примеру, кентавром...

Дотанцевав, мы вернулись за столик (отодвинуть стул племянничек опять-таки не догадался) и переглянулись.

— Нету, — хмуро бросил Изюмский и скривился. — Ну, пи...

— Еще раз скажешь, по губам дам, — пообещала я. — Достал!

Настроение начало понемногу портиться. Что я тут делаю? Можно, конечно, использовать время с большим толком — хотя бы переговорить с посетителями (да и с новым барменом) о Трищенко. Убиенного здесь, конечно, знали, но... Но

мы вроде как в засаде, хотя для такого дела вполне достаточно было бы прислать сюда сержанта.

Темнота позволяла слегка нарушить строгие правила, и я, чуть привстав, вновь осмотрелась. В зале появились двое новеньких, но никого, похожего на искомого злодея Кондратюка, не оказалось. Подойти к стойке, перекинуться словом-другим с барменом?

Нет, рано.

Дуб начал что-то вещать на странной смеси человеческого и родного, но я цыкнула, и Вован послушно заткнулся. Ладно, раз делать нечего, остается думать. Про убиенного бармена думать пока рано, а вот о Молитвине — в самый раз.

Странное получалось дело. Нас бывший сотрудник НИИПриМа интересовал сам по себе. Боссам уже не первый год любопытно, что творилось в Институте № 7 под видом «прикладной мифологии». Допустим... Допустим даже, кто-то из здешних узнал об этом пиковом интересе и поспешил ликвидировать старика. Но ведь его не ликвидировали! Трудно, что ли, подсыпать какую-нибудь дрянь в водочную бутылку или пустить в артерию кубик воздуха из шприца! Помер себе алкаш — и аминь. Первач-псов испугались?... Но искомый варнак Кондратюк тоже, по всему видать, плевать хотел на «психоз Святого Георгия»! Так нет, устраивают дурацкий маскарад с похищением, оставляют свидетелей, затем — налет на квартиру алкаша № 2 гражданина Залесского. Непрофессионалы? Возможно. Но зачем непрофессионалам бывший сотрудник НИИПриМа?

И еще. Дело у меня отобрали. Допустим, из

веских соображений. Но зачем оставили «хвост»? Почему этот драчливый сержант из числа дружков кобелька-литератора до сих пор жив-здоров? Почему не лежит где-нибудь в заснеженном овраге на радость одичавшим собакам?! Впрочем, собак-то в городе почти не осталось. Как и бомжей. Тоже загадка, но из другого файла.

Выходило так, что этим, неизвестным, нужен исключительно Молитвин. Это раз. А во-вторых, они уверены в своей безопасности. Более того, безнаказанности...

Откуда-то вынырнул(а) официант(ка), выставив на стол нечто в низких толстостенных бокалах. Очевидно, дуб уже успел сделать заказ. Не долго думая, я протянула руку к ближайшему бокалу, отхлебнула — и в следующий миг почудилось... Куда там — почудилось! Граната Ф-1, растворенная в серной кислоте — вещь куда более милосердная... Неужели? Точно!

Текила!

Я глотнула воздух — не помогло, глотнула еще раз...

— Круто, подруга, да? Я, как хлебну, в натуре отпадаю!

Дуб глядел на меня с золотозубой усмешкой, явно ожидая одобрения. Еле удержавшись от насилия физического, я собралась было объяснить, отчего не следует предлагать даме текилу, да не просто объяснить...

И тут мой гневный взгляд скользнул по стойке.

Разыскиваемый Кондратюк имел место быть! Как ни в чем не бывало, держа в руке знакомый толстый бокал, не иначе тоже с текилой, стоял у стойки и точил с барменом ляды.

Одного бармена ему явно оказалось мало.

— Сзади, — произнесла я как можно спокойнее. — У стойки.

Пока племянничек переваривал новость, я с запоздалым раскаянием сообщила, что стойка, строго говоря, мой сектор наблюдения. Так сказать, сфера ответственности. Впрочем, заметила — и заметила. Теперь...

— Ага! — в полумраке тускло блеснул золотой зуб. — Ты, подруга, посиди, я его враз...

Все-таки тяжело иметь дело с флорой, пускай древесной.

— Враз чего? — поинтересовалась я. — У тебя что, ордер есть?

Дуб погрузился в раздумья. Иногда такое даже полезно. Вообще-то, под подобное дело ордер можно было бы и получить, даже под анонимный звонок, но Вован, естественно, об этом не подумал. Лишний же раз доказывать начальству, что я не верблюд, совершенно не хотелось. Тем паче, завтра мне сей джокер — с ордером или его отсутствием — и самой пригодится. Значит, максимум, что мы можем, это побеседовать.

И беседовать, конечно, придется мне.

Тем временем Кондратюк, качнув серьгой, направился за один из пустующих столиков. Я его успела разглядеть. Ничего особенного: хилый, узкоплечий, прыщавый. Правда, глаза странноватые. Или это мне почудилось?

Подойти?

— Вот что, — решила я. — Сходи-ка, Вован, да на танец его пригласи.

Дуб бросил на меня дикий взгляд, облизнулся.

— Давай-давай! — подзадорила я. — Скажи,

что ты, блин, в натуре, в него втюрился, что тебе без него нереально...

В душе мне стало немного жаль великого следователя Изюмского. Дуб-то он, конечно, дуб, но, с другой стороны...

— А-а... может быть, ты, подруга?..

— Он от меня убежит, — вздохнула я. — Пригласи его, пообжимайся, присядь за столик, а тут и я подойду. Не киксуй, братан, в следующий раз к кентам пойдем!

Упоминание о кентаврах его, похоже, добило.

— Так это... Ну...

— Следователь Изюмский! Приказ поняли?

— Так точно!

Дуб обреченно вздохнул, приподнялся. Я поспешила отвернуться, дабы не смущать. Внезапно вспомнилось: много лет назад меня тем же способом «выводили» на дамочку-лесбиянку. После колонии, казалось, ко всему довелось притерпеться, а все равно было противно. Потом целый день отмывала помаду с шеи.

Тяжко ступая, дуб переместился к нужному столику, наклонился. Я представила, как шевелятся его толстые губы. Бедняга! Вот он выпрямился, его визави дернул плечами, не торопясь встал...

Что случилось дальше, я не успела заметить. Миг — и следователь Изюмский, скрючившись и прижимая руки к животу, тихо оседает на пол, а подозреваемый Кондратюк с завидной резвостью мчится к двери...

...чтобы наткнуться на меня. Бегает он, конечно, хорошо, но и мы не лыком шиты.

— Стоять!

Оружие доставать не стала. Зачем? Этот сопляк...

Уклониться я все-таки успела — чудом. Уклониться, пригнуться, отскочить. Рука с кастетом ушла в сторону, ублюдок дернулся, пытаюсь повернуться и ударить снова, наотмашь, но я уже была начеку. Подобные финты проходят только один раз. В висок? Нет, жалко, лучше по запястью.

Через секунду кастет лежал на полу. Я крепче прихватила потную кисть на болевой, одновременно фиксируя локоть, чтобы старым ментовским приемом завернуть за спину и рвануть со всей силы — до поросячьего визга и зеленой слюны. Но сопляк оказался проворнее. Левая рука скользнула за пояс, под свитер...

Все-таки я растерялась. На какое-то мгновение, но хватило и этого. В уши ударил грохот, неожиданный и дикий после сладкой музыки, жаркая муха мазнула по волосам... Промазал! Эта сволочь лихо дерется, но стреляет скверно. Со всем скверно. И медленно. Или у него затвор заело?

Новый выстрел — почти в упор. Я не успела. Ничего не успела, даже подумать о мяче, синем мяче, катящемся по песку...

Вокруг кричали, перепуганные посетители резво падали на пол сбитыми кеглями, бармен исчез за стойкой, а я по-прежнему стояла, словно вбитая в землю свая. Убили? Вроде нет. Ранили? Тогда почему не больно? Или вначале всегда не больно? Когда в меня попали в тот раз...

— Пидор, падла гребаная! Убью выbleдка!

Знакомый голос заставил очнуться. Сопляк куда-то исчез, а господин Изюмский...

— Прекратите бить! — крикнула я, еще плохо соображая, что произошло. — Лучше наденьте наручники!

— А где их, блин, взять? — Вован с сожалением опустил занесенную для очередного пинка ногу. — Ну ты, подруга, словно Христосик какой-то! Чуть не грохнули, а ты...

Все стало на свои места. Подозреваемый Кондратюк оказался там, где ему и должно находиться — на полу; его пистолет в руках у следователя Изюмского, а я... Я, как ни странно, жива.

— Еле успел! — Дуб потер поясницу, скривился. — Кастетом, блин, врезал, сучий потрох! И в тебя, гад, целил! Хорошо, что успел подскочить!

Местоимения частично отсутствовали, но я поняла без перевода. Второй раз сопляк бы не промахнулся, но дуб подоспел вовремя. Тряхнул кроной, выбил ствол, повалил урода на пол...

— Рация есть?

— А? — Дуб недоуменно оглянулся, взмахнул рукой. — Да нет у меня, блин, рации! Ни хрена не взял. Сотовый — и тот на столе, блин, оставил!

— Ладно, — вздохнула я. — Успокойте... граждан.

Самое время. Кошачьи вопли заглушают музыку, кто-то уже у дверей. Я покачала головой, с силой провела ладонью по лицу, начисто забыв о помаде, и направилась к стойке.

— Граждане! — раздалось за спиной. — Я сотрудник городской прокуратуры Изюмский. Сейчас на ваших глазах... Да тихо, блин, пидоры сраные, харе орать!

Все-таки до конца соблюсти политкорректность Вован не сумел. Между тем бармен настолько расхрабрился, что осмелился выглянуть наружу. Увидев меня, он дернул носом, попытался нырнуть обратно, но опоздал. Я вынула удостоверение, ткнула «корочки» прямо в физиономию (нос снова дернулся).

— Телефон и бутылку коньяка. Французский есть?

* * *

Пока дуб объяснялся с прибывшими наконец жориками, я успела испробовать коньяк, убедившись, что он и вправду французский. Неужели бармен страха ради иудейского опустошил свой НЗ?! Впрочем, по горлу скребло, а в мозги не попадало. Зато нервы начало отпускать — понемногу, понемногу...

Хмурый лейтенант долго разглядывал мое удостоверение, затем я читала протокол, подписывала, даже умудрялась что-то пояснять, но ситуация проходила вскользь, словно не обо мне шла речь. Кажется, я велела не отпускать бедолаг-посетителей, дабы по свежим следам расспросить их о Кондратюке; напомнила о бармене — но в голове звенела пустота. Странно, меня могло уже не быть. Нет, странность не в этом! Стреляли в меня не впервые и порой даже попадали, но почему-то именно сегодня пуля, просвистев мимо, заставила онеметь, забыться. Как все просто! Господи, как все просто! Раз — и нет старшего следователя Гизело. Раз — и нет сотрудника Стрелы. Раз — и некому будет смотреть дискету с пятиминутной записью того, что я мно-

го лет назад увидела на морском берегу, когда по песку катился синий мяч. Точно так убили Сашу. А я ведь даже не смогла попасть на его могилу, это где-то на Урале, говорят, туда пускают только своих.

Я — чужая...

— Ну, блин, подруга, дела! Отправили гада! — слегка помятый, но довольный дуб опустился на стул, сверкнул золотым зубом. — Чего, празднуешь?

Прийти в себя оказалось легче, чем думалось. Подруга? Ну, обнаглел!

— Господин Изюмский! Война кончилась, так что можно не конспирировать. Во внеслужебной обстановке можете называть меня по имени-отчеству.

Внезапно я показалась себе невероятной занудой. Хотя почему показалась?

— Эра... Э-э-э... — дуб напрягся, вспоминая. — Игнатьевна. Мы этих... лиц... сейчас допрашивать будем?

Он не шутил. Первое дело, первая удача. Грешно смеяться.

— Завтра. Точнее, сегодня. Днем. А лучше вечером. Сядьте, Изюмский!

Он почесал затылок, но повиновался.

Я кивнула на коньяк.

— Это для вас. Для нас. Сейчас мы выпьем, и я вам скажу спасибо. Верней, уже сказала. Будь я юной красавицей, то в благодарность шептала бы вам слова любви до утра. Но я старая баба, очень хочу спать, поэтому мы выпьем и вы отвезете меня домой. За рулем усидите?

Дуб вздохнул, наполнил рюмки.

— Усiju. А насчет спасибо... Да чего там, Эра Игнатьевна! Сегодня — я, завтра — вы.

— Аминь, — подытожила я и взяла рюмку. Она показалась неимоверно тяжелой.

5

На работу я опоздала, причем вполне сознательно. Во-первых, следовало все-таки выспаться. Пугать своим видом подследственных грешно, а от недосыпа не спасает даже Анна Кашинская. А во-вторых, лишние расспросы. Городок наш, как ни крути, средненький. Средненький — и очень спокойный. Однажды Ревенко принес сводки по Нью-Йорку и Москве. Да, вот там моим коллегам приходится туго! Кентавров, правда, не встретишь, зато все остальное! Поэтому ночная разборка в «Мамае» для нас не просто ЧП. Это — ЧП-в-Кубе, Супер-ЧП. Значит, жди появления любопытных рож прямо посреди допроса с неизбежным идиотским: «Ну как?» Лавры и пушечный салют мне ни к чему, посему я решила отдать им на съедение господина Изюмского.

Пусть отдувается, ему с непривычки в охотку будет.

Но вышло иначе. Когда в половине одиннадцатого я переступила порог, стало ясно: никому в нашей богоспасаемой конторе нет дела до ночной стрельбы по старшему следователю Гизело. Ни шефа, ни Ревенко не оказалось на месте, дуб тоже отсутствовал, и по всему выходило, что наше ЧП — еще не ЧП.

Все выяснилось сразу. Кентавры! Опять кентавры!

И на сей раз — очень серьезно.

Привыкаешь ко всему. Когда я впервые увидела лохматых рокеров на стареньких мотоциклах, то и внимания не обратила. Мало ли их? Правда, меня предупредили: через несколько дней (как гласит столь любезная моим боссам теория Семенова-Зусера!) произойдет адаптация, и я действительно *увиджу*.

Увидела. Батюшки светы!

Впрочем, это только поначалу было «батюшки светы». Привыкла. Хотя до сих пор никто и ничто не заставит меня прикоснуться к... ЭТОМУ. Расизм? Пускай. Но когда я вижу шевелящиеся колеса, растущие прямо из поясицы!..

А в целом, кенты как кенты. Вроде цыган. Цыгане катастрофу не пережили, зато кенты охотно заняли их нишу. С теми же проблемами.

На этот раз все обернулось скверно. Ночью — в то время, когда дуб столь неудачно приглашал подозреваемого Кондратюка на танец, — патруль подобрал на Дальней Срани двух девочек. Обеим по пятнадцать, еще школьницы. Обе были живы — и живы до сих пор, хотя врачи на расспросы только разводят руками. Обеих изнасиловали — страшно, беспощадно. Несчастных отправили в «неотложку»... и мигом прошел слух, что это сделали кенты.

О кентах болтают всякое — порой и похуже, но сегодня...

Толпа вышла на улицы. Кентавров под рукой не оказалось, поэтому запылал райотдел милиции. Затем новый слух бросил озверевших людей к старому девятиэтажному дому, где якобы в подвале скрывалась пара кентов. Кентавров не нашли, зато начался погром...

Теперь Никанор Семенович там, и Ревенко там, и, как я поняла, мэр тоже.

Н-да, дела...

Странно: все эти годы кенты — несмотря на их омерзительные колеса — казались мне наиболее понятными из всего, что довелось увидеть. Может, потому, что еще в детстве читалась всяких Стругацких с Муркоками по поводу разнообразных мутантов. По крайней мере, для объяснения их колес не требуется менять картину мира. Не кентавры важны. Важно другое: почему в последние полгода они все чаще попадают в сводки происшествий? Мутация продолжается? Или кому-то это очень выгодно? Может, кенты вдобавок и бродячих собак едят?

Так ли, иначе, но следовало работать. Кондратюка решила не трогать. Как выяснилось, ночью его допрашивал дуб; значит, пускай продолжает. Его добыча. А вот мордобоец Петров...

* * *

— Госпожа старший следователь! Арестованный старший сержант Петров на допрос прибыл!

Я была права: мы с арестованным (старшим!) сержантом Петровым — старые знакомые! Встречались в гостях на квартире Залесского! Блудливый алкаш с сальными глазками, то есть пропавший гражданин Залесский, кем-то ему приходится. Одноклассник? Да, кажется.

Голос сержанта мне не понравился. Вид тоже. Типичный жорик, или, как говорили в давние, памятные мне времена и в иных, не столь отдаленных, местах — мент. И рожа ментовская, и вид ментовский, несмотря на отсутствие писто-

лета, палаша и наручников на брюхе. Не люблю ментов! Атавизм, конечно, но... Не люблю! Как вспомню этих сук... Ладно, забыть!

— Садитесь, Петров! Значит, деремся?

Бросив недоверчивый взгляд на стул, он все-таки решился и присел. Стул выдержал, к его (да и моему) удивлению. Экий шкаф! И рожа, рожа! Под стать таракану-полковнику. Впаять бы такому лет пять... Нельзя, нельзя! А жалко!

— Итак, гражданин Петров, прошу пояснить мне свое поведение, выразившееся в злостном сопротивлении...

Он слушал с каменной мордой, но когда я назвала соответствующие статьи УК, камень дрогнул, и я ощутила искреннее злорадство. Это тебе не девочек насиловать, сука легавая!

Не по почкам бить!

Все-таки трудно сдержаться. Сдержаться, забыть, что ты уже давно не Эрка Шалашовка, не «заключенная Гизело»...

— Итак?

Петров молчал — как памятник Ленину на площади Свободы. Слыхала, здешняя молодежь истово спорит: кто такой Ленин? Большинство считает: писатель. То ли «Му-Му» изваял, то ли «Анну Каренину».

— Повторяю! Гражданин Петров, признаете ли вы...

— Да чего там! Признаю...

Разродился! Хоть бы поупрямился для виду! Ладно, сыграли в злого следователя, сыграем в доброго.

— А вас не удивило, что ОМОН оказался на квартире гражданина Залесского?

Он задумался, напряг единственную извилину.

— Ну!

— Не нукайте! — озлилась я. — Еще не запрягли, гражданин *старший* сержант! Отвечайте на вопрос!

А хорошо, когда можно так говорить с жориком. Просто душа поет!

— Так точно, удивило, госпожа старший следователь. Чего им Алик сделал-то? Мы с Аликом друзья, я его с детства знаю...

Аликом? Ну, конечно, с гражданином Залесским, любителем разглядывать женские прелести.

— Алька в тот день едва с кровати поднялся; перенервничал, бедолага, — сосед его, прямо на наших глазах, чуть коньки не отбросил. Ерпалыч который. То есть гражданин Молитвин. Я примчался, и Фимка примчался... да вы сами видели — бульон принесли, апельсины...

Стоп! Какой-токой Фимка?

Жестом остановив разговарившегося подследственного, я придвинула к себе ксерокопию рапорта braveго полковника Жилина. Итак, в квартире находились: сластолюбивый гражданин Залесский, сексапильная медсестричка-истеричка, сержант Петров Р. Р., бабуля — Божий одуванчик, пес-барбос и... все. Никакого Фимки.

Может, так зовут спасателя-кента?

— Кого вы упомянули последним, Петров? Кентавра?

Жорик оторопело моргнул:

— Какого на фиг... Прошу прощения, госпожа старший следователь! Кентавра этого я не знаю, он с Аликом вроде приятельствует. Я упомянул гражданина Крайца... Крайцмана.

Я вновь просмотрела рапорт. Нет там никакo-

го Крайца-Крайцмана! Погодите! А не тот ли это парень с оч-ч-чень характерным носом, который ввалился к Залесскому вкупе с моим сержантом, когда я собралась уходить? Так-так, помню...

— Ладно! — решила я. — Давайте-ка сначала!

«Сначала» оказалось долго, зато плодотворно. Я слушала и злилась, и чем дальше — тем больше. Хорошенькие дела на свете творятся! Этот омовский таракан Жилин что, ослеп? Ослеп, оглох — или умом тронулся, фиктивные рапорта составляя? Или... Или все гораздо серьезнее?

Похоже — да. Ибо сержант пребывал в полной уверенности, что его одноклассник Фимка скучает в следственном изоляторе. А вот в следственном изоляторе никакого гражданина Крайцмана знать не знают. И в горотделе тоже. Бумаги изучить я уже успела.

Может, Фимку попросту отпустили?

— Хорошо, разберемся...

Я перечитала протокол, задумалась.

— А скажите, Петров, что было написано в ордере?

— Каком ордере? — изумился он.

6

Злой следователь должен был напугать драчуна Петрова. Добрый — исподволь посочувствовать и начать «отмазывать». «Отмазывать» и заодно незаметненько расспрашивать о всяких интересных вещах. А «отмазывать» лучше всего через проколы в бумагах. В рапорте Жилина ничего не было сказано об ордере, и я сразу подумала: тут и следует копать. Часто такие бумаженции составляются наспех, то подпись забудут, то печать. А сейчас, выходит, еще лучше: ордера вообще не

было. По крайней мере, его Залесскому не показывали. Более того, если сержант не запомнил, полковник даже не соизволил предъявить документы. Интересно, кто сие может подтвердить? Залесского нет, кентавра нет, Фимки нет. Зато есть бабуля и, конечно, медсестричка-истеричка! Вот и хорошо, вот и славно! А интересно получается!

Я искоса поглядела на старшего сержанта. Да, типичный жорик. Одна извилина, зато наверняка цепкий, словно бульдог. И местный, город знает досконально. Что, если...

— Скажите, Петров, вы где предпочитаете ночевать — в изоляторе или дома?

Он хмыкнул, и это вновь чуть не вывело меня из себя.

— Вы, пожалуйста, словами отвечайте, подследственный!

Шкаф дернул плечами:

— Дома, понятно! А почему...

Почему? А по кочану ему! Разговорился, понимаешь!

— Вопросы, между прочим, здесь задаю я! И вопрос у меня к вам, Петров, такой. Согласны ли вы помочь следствию?

— Согласен...

— Еще раз! — велела я. — Громче!

— Согласен, госпожа старший следователь!

Его рожа в этот момент выглядела изумительно. Взгляд — разве что насквозь не прошибал. Ничего, гляди, не боюсь, мент поганый!

— Я могу вас отпустить домой, Петров, — под подписку. Более того, если вы поможете следствию, следствие поможет вам. А нужно вот что. Первое — узнайте, где сейчас ваш Крайцман. Просто узнайте. И второе. Если встретите Залес-

ского или если он вам позвонит, передайте: я хочу его видеть. Скажите, что от этого зависит судьба Молитвина. Ясно? Если ваш Алик трус, пусть мне просто позвонит. Поняли?

Он задумался, пошевелил извилинами.

— Так точно! Понял!

— Хорошо. Завтра в десять — здесь, у меня. Обождите, я вас провожу вниз... или даже лучше — до трамвайной остановки, чтоб без проблем при выходе, а заодно повторите задание. Четко и внятно. Дошло?

Кивок был мне ответом.

Все складывалось удачно. Даже кентавры. Сегодня начальству не до меня, а мне... А мне не до них. Значит, можно улизнуть пораньше, прямо сейчас, и погулять по городу. Сначала в мэрию к Дубовику, он мне по жизни должен, не откажет; затем — к медсестричке. Как бишь ее зовут. Ида?

Да, кажется, Ида.

Среда, восемнадцатое февраля

*Клевый и фигуристый бабеч упрямится * Изыскания
старшего сержанта Петрова * Методика расследования а la
Izyumsky * Святой Власий супротив буйства кентаврйского
* Вагон третий, место пятое*

1

— Как же это вы так, Эра Игнатьевна? С папами-то вашими? Вы, извините, не адвокат, а совсем наоборот! С чем нам на процесс выходить? С хулиганством?

Нет на земле справедливости! Нет! Я, дура наивная, благодарности ожидала: все-таки чуть не пристрелили! Но шеф, даже не дав отхлебнуть крем-ликера, начал именно с «поповского» дела.

— Мне, уважаемая Эра Игнатьевна, утром мэр звонил. Почему, спрашивает, с попами тянете?

Угу! Звонил, значит. Про кентавров, выходит, благополучно успели забыть. Вчера погром так и не состоялся, несознательные граждане все-таки вняли уговорам. А к вечеру поймали насильников — настоящих. Четыре ублюдка из той же школы. Очухались начальнички, теперь попов им подавай!

— Процесс намечается закрытый?

— Закрытый? — щелочки-глазки Никанора Семеновича стали угрожающе расширяться. — Да Господь с вами! У нас же эта... демократия! В том-то и дело! Открытый, с участием общественности. Вы за прессой следите?

Крем-ликер оказался и вправду хорош. Хоть каждый день к начальству на ковер ходи!

— И на этом процессе двум священникам разрешенной законом Церкви будут предъявлены по сути политические обвинения! Антигосударственная деятельность, призывы к свержению... Между прочим, первый такой процесс с 1979 года. Тогда судили отца Дмитрия Дудко. Это еще при Советах было. Возобновляем традицию. Кентавры есть, диссидентов не хватает.

— Гм-м...

Про отца Дмитрия Дудко я вспомнила вовремя. Точнее, вовремя перечитала учебник.

— Но, уважаемая Эра Игнатьевна! Патриарх, между нами, не возражает!

— Наш не возражает, — охотно согласилась я. — А Иерусалимский? Вот вы знаете, что Вати-

кан готовит специальное заявление по нашему процессу?

Прессу читать и вправду полезно. Конечно, в нашем городе ни киевской, ни московской не купишь, да и по «ящику» сплошь местные станции вещают, но никто ведь не мешает заглянуть в Интернет!

Никанор Семенович покраснел, потемнел, но сдаваться не собирался.

— Тем более! Тем более, Эра Игнатьевна! Поэтому дело и поручили вам, чтобы, так сказать, комар носа не подточил. У вас же есть полная «сознанка»! Да я бы на вашем месте...

— «Сознанка» есть, — весьма невежливо перебила я. Вспомнилось бледное, недвижимое лицо отца Александра. — Подследственный Егоров сообщит на суде, что произошел конец света. А подследственный Рюмин затеет дискуссию по поводу духоборца Македония и Иоанна Дамаскина. И вместо политики получим типичный идеологический процесс.

— Гм-м... Гм-м... Конец света, говорите? А может, он того, фик-фок, ваш Егоров?

— Наш! — чарующе улыбнулась я.

И настал черед думать начальству. В общем, я его понимала. Точнее, не его, а нашу мэрию. Не первый случай и не второй. С православными священниками все-таки легче, это вам не равнины!.. Одного упрямого беднягу-ребе так-таки заперли на Сабурову дачу, Талмуд Наполеонам растолковывать. Власть предержащим шутить надоело, вот и решили отыграться — дабы неповадно было. В результате получили очередной Исход и периодические вопли общин из-за бугра. А Патриарх наш... Бог ему судья, девяносто два года, его еще коммунисты на престол сажали.

Потемневший лик начальства принялсЯ свет-
леть, глазки мигнули, улыбка вновь расцвела.

— Ну и ладно! Подумаем, помозгуем... Вы с
болваном моим сегодня виделись?

Бедный дуб! За что его так?

— Со следователем Изюмским я раскланялась
в коридоре. Он куда-то спешил...

— А он на вас жалуется, Эра Игнатьевна!

Ну еще бы! Впрочем, улыбка никуда не де-
лась, даже стала шире.

— Говорит, такая видная дама...

— Он так не говорит! — не выдержала я, и мы
оба рассмеялись.

— Ну да, ну да, конечно! Говорит, такой кле-
вый, извините, бабец, фигуристый, еще раз изви-
ните, сисястый, а на мужиков рычит. И даже ки-
дается.

При сих словах начальство изволило облиз-
нуться. Эдак снисходительно.

Зря это он.

— А с вами, козлами, иначе нельзя, — охотно
разъяснила я. — Если на вас не рычать, нагнете
прямо в кабинете и по очереди трахать будете.
А следователю Изюмскому передайте, будьте доб-
ры, что если будет еще языком трепать, я ему его
оторву. Вместе с яйцами. Это больно, поверьте
мне...

*...Да, говорят, больно. Во всяком случае, тот
скотина-лейтенант, что подъехал ко мне в первый
день, как меня доставили в колонию, провалялся в
госпитале полгода. Он в госпитале, я — в БУРе.
И руку, гады, сломали, до сих пор к непогоде ноет.
Ничего, за такое не жалко...*

Плохо! Не уследила за голосом. За лицом, кажется, тоже.

— Эра Игнатьевна, да что с вами? Я же шутил! Я пошутил, вы пошутили...

Да, сорвалась! Очень плохо. Чаше Лойолу читать надо.

— Какие будут указания, Никанор Семенович?

— Указания, указания... — начальство вздохнуло. — Мы же с вами, можно сказать, мирно беседуем. Неформально...

— По душам? Как с подследственной?

На этот раз тон был избран нужный, и мы вновь рассмеялись, восстановив мир, дружбу и полное взаимопонимание.

— Без всяких указаний... Загляните к моему болвану, Эра Игнатьевна! Что-то не ладится у него с душегубом этим. Раз помогли, помогите уж и во второй!

Все стало ясно. Для того и приглашали. Для того и про священников речь вели. Чтоб не зазнавалась. Ладно, загляну.

Прежде чем допить крем-ликер, я незаметно взглянула на часы. «Ролекс» показывал две минуты одиннадцатого. Значит, мордобоец Петров уже ждет. А не ждет — найду и такого Гогу с Магогой устрою!

2

Гога не понадобился; Магога, впрочем, тоже. Подследственный оказался на месте — в приемной, в кресле. Вид он имел весьма неаппетитный. Синяки, почти незаметные вчера, успели загустеть и налиться соком, да и взгляд сержанта показался каким-то тухлым. Не выспался, что ли?

Заведя его в кабинет, я кивнула на стул, для солидности переложила несколько бумажений на столе и призадумалась. Можно начать с кнута, можно с пряника. А, ладно, пусть будет пряник!

— Ордера у ОМОНа действительно не было, гражданин Петров. Так что ваше дело правое, и враг, быть может, будет разбит.

В его глазах что-то блеснуло. Ну, еще бы! На этот раз мне действительно пришлось выполнять адвокатскую работу.

— Был устный приказ из администрации мэра. И все. Причем от кого он исходил, никто вспомнить не в состоянии. Перманентный склероз. Понимаете?

Об этом мне сообщил безотказный Дубовик. Об этом — и о многом другом, не менее интересном.

— Понимаю, госпожа старший следователь, — подумав, сообщил Петров. — Тогда кой хрен этим архарам было нужно?

— Не ругайтесь, подследственный, — мягко попросила я, предпочитая не отвечать на столь любопытный вопрос. А действительно, кто им был нужен? Молитвин? Или все-таки литератор Залесский?

Или оба?

— Поэтому после нашего разговора вы пройдете в соседний кабинет и напишете фантастический роман. Можете в стиле вашего дружка Алика. Сюжет такой: находясь при исполнении, вы встретили на улице знакомого вам еще по школе гражданина Залесского. Тот сделал вам устное заявление об исчезновении своего соседа, гражданина Молитвина Иеронима Павловича, которого

вы оба на днях отвозили в храм неотложной хирургии. Дескать, в регистратуре молчат и глазки строят! Затем вы поднялись в квартиру Залесского, чтобы оформить заявление в письменной форме... Дальше понятно?

— Так точно! — без особого энтузиазма отзывался подследственный. — Чего тут не понять?! Выносят дверь, являются неустановленные личности с оружием, ксив не предъявляют и на мои законные, стало быть, требования реагируют по морде... Госпожа старший следователь, а ежели полкан другое накает?

Таракан-«полкан» Жилин, ясное дело, накает другое. Но козыри-то все у нас!

— Пусть себе катает, сержант! У нас свидетель есть. Бах-Целевская Ида Леопольдовна, двадцати одного года. И цените, подследственный! Я на эту девицу вчера полдня потратила.

...Отыскать «Идочку», как называл гражданку Бах-Целевскую алкаш Алик, оказалось непросто. К счастью, в бестолковом рапорте Жилина оказался ее адрес: городское общежитие № 3, более известное как Венерятник. Там ее знали — и еще как знали! — но сама Бах-Целевская в Венерятнике не обнаружилась. Список тех, у кого она может прохлаждаться, занял не одну страницу (та еще девуля оказалась!), но ее соседка по комнате вовремя вспомнила, что медсестричка-истеричка поселилась «у своего нового». Адрес «нового» она не знала, но улицу указала точно. Остальное — просто. Именно на этой улице прописан сгинувший Залесский. Саму Бах-Целевскую я извлекла прямиком из ванной. «Идочка» оказалась гото-

вой на все — жаль, я не мужик! Протокол, во всяком случае, подписала сразу.

С бабушкой пока не повезло. В нетях бабушка. Сказали: под городом, у брата. Но ее показания, полученные мною лично на субботней пьянке-гулянке у Залесского, легко оспорить — она, кажется, Алику-алкашу дальней родичкой приходится. А зовут ее совсем странно — Лотта. Бабушка Лотта. Интересно, какого Лота она бабушка? Судя по возрасту, того самого.

— Это вам конфетка, — подытожила я, дав возможность подследственному оценить сделанное. — В виде аванса. А теперь, Петров, докладывайте.

Странное дело: «конфетка» совсем не обрадовала буяна, и я мысленно обиделась.

Сержант поморщился, вздохнул.

— Да чего там докладывать, госпожа старший следователь! Нема Фимки! Пропал! Мать все морги обегала... И Алика нет. Я наших спрашивал — никто ни хрена не знает. Я уже и фотки ихние ребятам передал, и приметы. Нема! С концами!

Весело! Ну, гражданин Залесский пропал, так сказать, по определению, с шумом, громом и кентаврами. Теперь к нему присоединяется неведомый мне гражданин Крайцман, который умудрился сгинуть, не попав ни в жилинский протокол, ни в данные горотдела, куда архары сдали драчуна Петрова.

В управлении ФСБ его тоже не было — разведка доложила точно.

— Давайте успокоимся, — как можно теплее предложила я. — Вас, кажется, Ричардом Родио-

новичем величают? Я — Эра Игнатьевна. Договорились?

Сержант покорно кивнул.

— Так вот, Ричард Родионович. Залесского пока оставим в покое. Ваш приятель скорее всего пьет пиво с кентами где-нибудь на Дальней Срани. А вот гражданин Крайцман... Он не задержан. И не убит — труп мы бы давно нашли. Значит?

— Да кому Фимка нужен? — Жорик дернул квадратными плечами. — Он, правда, это... Биохимик он. Доктор наук. Аккурат в прошлом году защитился.

Я только головой покачала. Дивны дела твои, Господи! Хороша шайка-лейка собралась! Бывший сотрудник сверхсекретной лаборатории, алкаш-писатель, жорик, библейская бабулька, ученый-биохимик и шлюшка из общаги. И ко всему в придачу — кентавр! Черт! Даже розыск официальный не объявишь, эти, из мэрии, сразу почуют.

Хотя почему бы и нет?

— Говорите, гражданина Крайцмана мать ищет? Вот и хорошо! Пусть подаст заявление, причем опишет все, как было. Да пожестче! И по телевизору пусть объявят. Сделаете?

Петров почесал подбородок.

— Можно. Я и ребят попрошу, чтоб смотрели. Эра Игнатьевна! Ну какого... то есть почему они к Алику привязались? Что он им сделал?

Настала моя очередь пожимать плечами.

— Не знаю. Но, честно говоря, находиться сейчас на его месте мне бы не хотелось...

Я лукавила.

На своем месте я тоже чувствовала себя не очень уютно.

3

Агенту (или, как принято сейчас изъясняться, сотруднику) всегда требуется скипидар под хвост. Но не тот скипидар, что тебе мажут, а тот скипидар, что ты мажешь сам. И лучше всего, если скипидар не будет замешан на страхе. Страх уходит, а человек остается и может натворить чудес! Так что фотки с голыми бабами и угрозы семье — скипидар не только дешевый, но и очень опасный.

Сначала этому меня учили, потом поняла сама. Прочувствовала, так сказать, ощутила. Мои боссы — мастера подбирать рецепт скипидара. В свое время мне было достаточно ощущения, что тебя считают человеком. После трех лет ада такое дорогого стоит. Ну а потом... Потом стало еще проще. Я считаюсь очень дорогим агентом. И слава Богу! Главное, что деньги переводятся на счет, известный в этом полушарии лишь мне и Девятому. Правда, и за деньги купишь не все. Это тоже истина, порой очень печальная. Например, не купишь писем. Писем, которых я так жду и которые...

...Ее последнее письмо было странным. До этого — все понятно: колледж на побережье, оценки, бабка-маразматичка, теннис. А тут... Какой-то Пол, с которым она вдобавок разговаривает по-русски, какие-то акулы... Откуда там русские?

Написала — и молчок. Хорошо еще бабка не забывает. Свекровушка!.. Да чего от ее эпистол ждать? «Здоровы, сыты, шлите денег...»

Стоп, хватит!

Со старшим сержантом Петровым все классически просто. Без скипидара. Для друга Фимки да для кореша Алика он не пожалеет ни времени, ни подошв. А то, что работать доблестный жорик будет втемную, и вовсе хорошо. Аминь, аминь, сотрудник Стрела!

Пора было идти к дубу. Или вначале заварить кофе? Впрочем, заваривать лень, но можно сходить в буфет. А еще лучше посидеть тут, ни о чем не думая, посидеть с закрытыми глазами, представляя себе небо — белесое жаркое небо, бездонное, равнодушное. Один из советов Святого Игнатия — и очень дельный. Лучший способ отдохнуть, когда времени мало и...

Дзинь! Дзинь! Дзи-и-инь!

Счастье, что в этот миг в кабинете не оказалось доктора Белла. Застрелила бы — и Первачпсов не побоялась. Наизобретал, козел сраный, сука американская...

— Гизело слушает!

— Госпожа старший следователь! Добрый день. Тут, блин, такая лажа!..

Так и знала! Дуб! Ладно, придется идти...

* * *

Почему-то я ожидала увидеть следователя Изюмского на боевом посту — с плетью в руке. Или с оголенным проводом. И, естественно, не

одного, а в компании с подследственным Кондратьюком, который голубым кулем болтается на дыбе, вопит, хрипит...

Дуб был один. На столе, кроме початой бутылки коньяка, сиротливо лежала бумажка — тоже одна. Ручка пристроилась сбоку.

На меланхоличное предложение выпить я даже не стала отвечать. Села в кресло (предложить присесть он, само собой, забыл) и выжидательно взглянула на дубовую рожу.

Рожа сморщилась.

— Где подследственный? — поинтересовалась я, уже начиная догадываться.

Рожа сморщилась еще больше.

— В лазарете, блин!..

Лучше всего сосчитать до десяти. Или до ста. По-итальянски. Уно, дуо, трез...

— И что вы ему сломали, господин Изюмский?

— Ребро, — покорно вздохнул дуб. — Или два...

— Идиот.

— Так точно...

Полная покорность возбуждает. И не только в сексе.

— Повторите!

Дуб грузно поднялся, почесал затылок.

— Идиот я, блин, подруга! Да ты бы на этого тормоза посмотрела! Лыбится, падла, и блекочет всякую туфту! Он же, сука, плановой, блин! Гондон поганый, ломка у него, гада! Дозу просит!..

— А теперь по-русски, пожалуйста...

Пока племянничек пытался найти адекватные выражения в великом, могучем и свободном, я

припомнила замеченный мною еще той ночью странный — неподвижный и прозрачный — взгляд Кондратюка. И пожалела, что не взялась за дело сама. Хотя и без меня можно было догадаться, что у мерзавца — астенический синдром, и в таком состоянии бить его просто бесполезно. А теперь единственный подозреваемый по важнейшему делу выбит из игры — в буквальном медицинском смысле — и, возможно, надолго.

— Что он сказал? — перебила я, не дав товарищу Изюмскому подыскать эквивалент к выражению «гондон поганый».

Дуб молча протянул мне листок — тот самый, единственный.

Ну-с?

«Гражданина Трищенко я не убивал. Пистолет мне вручила Очковая. Она велела прийти в бар «Момай». С моих слов записано верно».

Подписи не было, зато имелась грамматическая ошибка (бедный Мамай!). Я вздохнула.

— Что баллистики говорят? Пистолет тот?

— Тот...

В принципе с этим можно сунуться в суд. Пистолет, личность подследственного, поведение при задержании. Но ведь дело не в наркомане! Точнее, не в его поганой личности. Трищенко убили безнаказанно, в меня тоже стреляли, явно не опасаясь последствий. Кто дал этому уроду право убивать? Наркоманы-убийцы в нашей практике попадались, и не раз, но исключительно мертвые. «Психоз Святого Георгия» достает их

вдвое быстрее, чем всех прочих. Кажется, на эту тему была даже статья...

— Когда мы сможем его допросить?

Молчание затянулось, и я почувствовала недоброе.

— Господин Изюмский!

— Да блин!.. Я его по башке ненароком двинул! У него это... Сотрясение!..

Да. Идиот. Клинический.

— Ладно. Посетителей допросили?

Протоколы я листала недолго. Дуб оказался дубом и тут. Свидетелей расспрашивали о Кондратюке — но не об убитом Трищенко. О Кондратюке же знали немного. Появляется редко, мало с кем общается, предлагает себя исключительно за деньги или за «дозу», имеет совершенно непотребную кличку «Глубокая Пасть», не танцует... Не танцует — этого мы не учли... Эх, не о том спрашивали! С Кондратюком пока все ясно, нам бы про убитого Трищенко узнать. Бармен — человек известный, тут бы многое всплыло!..

— Кто такая эта Очковая, не знаете?

Дуб только вздохнул. Озвереть? Нет, не стоит. Займемся педагогикой.

— Значит так, Изюмский! Кондратюка — на обследование. И не в лазарет, а в Центральную клиническую. Срочно! Пусть поглядят, что в нем такого особенного. Дальше... Вызовите всех свидетелей еще раз. Узнайте все о Трищенко. Побывайте у него дома, расспросите родителей... Вас методике расследования учили?

Тяжкий вздох был мне ответом. Ну конечно! Юракадемия, заочное отделение!

— Как только найдете Очковую — везите сюда. Обыск на квартире. Как заявку на ордер писать — знаете?

— Да знаю я, госпожа старший следователь! — возгласил дуб. — Я просто того, ну... этого...

Верно. И того он. И этого тоже.

— Налейте коньяку!

Последняя фраза была явно воспринята как знак примирения. И напрасно. Я отхлебнула коньяк (прекрасный, откуда только взялся?), улыбнулась:

— А будете обо мне сплетничать, коё-что оторву. Что именно, вам Никанор Семенович уточнит. Настоящий мужик баб трахает, а не облизывает языком при посторонних. Ясно?

Удивительно, но дуб покраснел. Да так, что я почти его простила. Все-таки жизнь мне спас, охломон! Ладно, можно еще по глоточку...

Я кивнула на бутылку, товарищ Изюмский послушно приветал...

Дзинь! Дзи-и-инь!

Черт! Я и забыла, что телефоны бывают не только в моем кабинете.

— Вас, Эра Игнатьевна!

Так и знала...

— Гизело? Где тебя леший носит? Немедленно на выезд!

Ревенко! Да пошел бы он!..

— Какого беса! Я работаю!..

Из трубки послышался рык, да такой, что даже я дрогнула.

— Немедленно! В городе погром! На Сумской! Поняла? Шеф уехал, дозвониться не могу! Ноги в руки, мчись, принимай решение! Я к «сагайдачникам», они, болваны, с выходом тянут!.. Выполняй!

К «сагайдачникам»? Ого, дело скверное, если

дошло до курсантов Особого военного университета имени Сагайдачного. На моей памяти такого еще ни разу...

— Еду!

4

«Принимать решение» не довелось. И без меня было кому — мэр, оба его зама плюс начальник УВД Хирный с целой толпой жориков в больших погонах. Начальство жалось за могучими спинами архаров и явно не торопилось выходить за стену из пластиковых щитов. А впереди, загораживая улицу, бурлила толпа.

У страха глаза велики. Погрома не было: во всяком случае, витрины магазинов оказались целы, да и бить никто никого не собирался. Пока, по крайней мере. Зато движение перекрыли намертво. Опустевшие туши троллейбусов тянулись бесконечным караваном, одну из машин уже успели перевернуть. Лозунгов не имелось — кроме одного, наскоро намалеванного красной краской на обычной простыне. Я всмотрелась... «Кентов вон из города!» Ага, вот в чем дело! И конечно, иконы — огромные, почти в метр. Кажется, Святой Власий. Странное дело: в памятках, издающихся здешней епархией, епископ Севастийский определен к надзору за скотом. За крупным рогатым. Но в городе все считают, что именно он защищает от кентавров. Есть даже сборник молитв Власию «супротив буйства кентаврийского»; помоему, его уже забросили и в Интернет...

— Гизело? Где твой главный?

От неожиданности я вздрогнула. Широкоплечий здоровяк с военной выправкой, которую не

могло скрыть вполне штатское пальто. Бажанов, заммэра по силовым.

— Ищут, — сообщила я, прикидывая: не спросить ли в свою очередь о налете на квартиру Залесского?

Нет, не стоит.

— А почему тебя прислали? Мужика не нашли?

— Почему? — удивилась я. — Нашли!

Он хмыкнул, протянул пачку «Кэмела». Я покачала головой. Бросила — еще в колонии, на спор. С тех пор и не курю.

Толпа между тем подкатилась к самым щитам. В воздухе мелькнул снежок, с легким стуком врезавшись в тугой пластик. Затем снежки посыпались градом. Вверх взвились десятки рук:

— До-лой кен-тов! До-лой кен-тов! До-лой!

— Ты что, над планом «Покров» работаешь?

Я покосилась на Бажанова, но переспрашивать на всякий случай не стала. А вдруг еще что-нибудь скажет?

— Стратеги, мать их! «Сагайдачники» давно уже должны быть! А если и вправду петух клюнет?

— Их Ревенко поехал подгонять, — со знанием дела сообщила я.

— Ревенко... Хрен с бугра этот ваш Ревенко!.. Ну ты смотри, чего вытворяют!

Над толпой начал подниматься длинный шест. На его конце имелся небольшой «глаголь», с которого свешивалось нечто, издали похожее на мотоцикл. Присмотревшись, я поняла: это не совсем мотоцикл. Кентавр. Точнее, его уменьшенное изображение с табличкой на груди. Надпись

гласила: «Кент сраный». Шест принял вертикальное положение, качнулся, но устоял.

Сзади слышался вопль. Я обернулась: двое архаров отбирали видеокамеру у лохматого юноши. Мелькнула знакомая тараканья рожа. Полковник Жилин! Со свиданьем! Тараканы заселились — выселяться не хотят...

Рядом с первым шестом начали воздвигать второй — и тоже с виселицей. На этот раз висеть довелось обычному мешку. Правда, на мешке красовалась шляпа, а белая табличка сообщала, что перед нами не мешок, а наш уважаемый мэр. И не просто мэр, а «Сука-мэр».

— Кто же им платит? Как думаешь, Гизело?

Я с изумлением воззрилась на Бажанова. Тот покачал головой:

— Зря мы вашу контору кормим! Платят им, Гизело! Ты погляди, кто собрался? Босота, наркота долбаная, им что кенты, что марсиане. Не-е, не просто это! Ты представляешь, если «Покров» начнется? Мы «сагайдачников» в окопы отправим, а тут шухер! Говорил я, надо спецбатальон создавать!

Мне показалось, что я ослышалась. Спятила. Одурела. Окопы? Они что, воевать собрались? Да ведь от нас скачи, за три года до границы не доскачешь!

— До-лой кен-тов! До-лой! До-лой! Мэра в отставку!

Ближайший шест (с кентавром) накренился, пошел легким дымком — и вспыхнул. В ноздри ударил запах солярки.

— Убийцу этого гомосека нашли?

Бажанов продолжал меня удивлять. Оказыва-

ется, он интересовался не только загадочным «Покровом».

— Ты скажи, чтоб крепко искали, Гизело! Банда у них! Гомосек этот — только репетиция. Они, сволочи, боевиков готовят! Представляешь: начнут бить боевыми, а мы и ответить не сможем!

— А японских шпионов искать не надо? — не утерпела я.

Мой выпад он проигнорировал, а я еле удержалась, чтобы не сорваться с места и не побежать напрямик домой, к компьютеру. Это же надо! Пять лет заниматься какой-то этнографией, и тут за пару дней такое! «Покров», очевидно, проект введения военного положения — или даже военных действий. Бред, зато в этот бред неплохо вписываются мифические «боевики». М-да, мысль недурна. Кто там пропавший Крайцман по специальности? Биохимик? Гражданин Залесский точно бы очередной роман накропал.

Теперь уже горели оба чучела. Солярки не пожалели — пылало славно. Снежки кончились, в ход пошли пустые бутылки. Ряды архаров зашевелились, чуть подались назад...

Резкий гудок заставил оглянуться. На площадь, разбрасывая неубранный снег, лихо выруливали грузовики. Первый затормозил, из кузова горохом посыпались «сагайдачники», держа на изготовку саперные лопатки.

— Отож! — довольно прокомментировал Бажанов. — Ну что, прокуратура, даешь добро на красные сопли?

Он не шутил. «Сагайдачники» — тоже. Вот хрень, мало им палашей с дубинками, еще и лопатки подавай!

— Где мэр? — стараясь оставаться спокойной, осведомилась я. — Проведите меня к мэру! Быстро! Вы слышите?

5

...Прыг-скок. Прыг-скок. Прыг-скок...

Мяч катится по пляжу, по сверкающему на солнце белому песку, и мягко падает в воду. Девочка бежит за ним, но внезапно останавливается, смотрит назад... Мяч уже в воде, ленивая теплая волна слегка подбрасывает его вверх, солнце сверкает на мокрой резине. Девочка оглядывается...

Нет, бесполезно! Не могу вспомнить! Ничего — ни лица, ни того, какого цвета был на ней тогда купальник. Даже мяч расплывается, меняет цвет, становится огромным... у меня в детстве был похожий...

Хватит!

Я открыла глаза и слегка шлепнула надутый от важности томик Лойолы. Может, действительно попробовать? Взять отпуск и пройти весь курс, шаг за шагом, от отчаяния к надежде. Всего за четыре недели. Святой Игнатий уверяет, что после этого год нормальной жизни обеспечен. В покое, благочестии и с истовым рвением к работе. Так сказать, *ad maiorem Dei gloriam*.

Не выйдет. Четырех недель у меня не будет, не будет даже получаса. Доклад уже послан, экран тускло светится. Хорошо, что сегодня очередь Девятого. По крайней мере, не придется ругаться.

Все! Экран. Пора! Почему они молчат? Ладно, сама...

«Здесь сотрудник Стрела. Ответьте!»

Сейчас Девятый усмехнется, положит на клавиатуру свои длинные пальцы. Мне всегда почему-то казалось, что они у него именно такие. Как у пианиста.

«Здесь Пятый. Слушаю вас, сотрудник Стрела. Только покороче!»

Опаньки!

Сквозь растерянность, злость, обиду я все же успела ощутить некоторое изумление. Что это там у боссов? Раньше такого не было!

«Попала в сложную ситуацию. Жду совета».

Вот так. Покороче. Без эмоций.

Строчки ушли в неведомую даль, в ответ поползли другие.

«На ваш экстренный № 256. Категорически запрещаю всякую самодеятельность! Планом «Покров» не заниматься. Повторяю: не заниматься. Бажанова оставьте в покое. Выполняйте задание. Ваше сегодняшнее поведение считаю недопустимым!»

«Поведение» — это когда я вместе с мэром и Бажановым вышла к толпе? Но ведь иначе лопатки пошли бы в дело! Вместе с палашами.

«Вы привлекли к себе излишнее внимание, чем поставили под удар всю операцию! В дальнейшем — категорически запрещаю подобное!»

Внимание? Пожалуй, да. И Никанор Семенович благодарил, и Ревенко с бутылкой бегал. Где они такие хорошие были, когда толпа на щиты поперла? А в общем, Пятый в своем репертуаре.

«Теперь важное. Нужный вам специалист прибывает завтра киевским поездом в 11.40. Вагон

третий, место пятое. Специалиста зовут Волков Игорь Дмитриевич. Высылаю фотографию».

Завтра? Просила, просила чуть ли не год... Видать, и вправду жарко стало. Ну-с, Игорь Дмитриевич, каков ты?

На экране появился белый четырехугольник, по нему поползли пятна, обозначились контуры...

Есть! В голове уже сам собой составлялся словесный портрет (лицо овальное, подбородок средний, с ямочкой...), а я глядела в незнакомое лицо, пытаюсь понять, кого мне Бог и начальство прислали. Пять лет работала одна — не шутка. Вроде ничего. Симпатичное лицо. И улыбка приятная. Сколько тебе лет, Игорек? Двадцать пять? — если, конечно, фото не старое.

Полюбоваться напарником мне не дали. Снова строчки — сердитые, даже злые.

«Категорически запрещается вступать со специалистом в любые разговоры, не относящиеся к работе, сообщать подробности своей биографии, свое агентурное имя, номер и суть задания. Как поняли?»

Обидно даже! Он что, меня за малолетку принимает?

«Сотрудник Стрела всё поняла правильно».

Ладно, рычи! А интересно, почему нельзя заниматься «Покровом»? Уж не сидит ли рядышком кто-то еще? Сидит, дискетку в компьютер вставляет... Давно подозревала, давно!

Пятый уже успел попрощаться, экран погас, а я все сидела в кресле, слегка постукивая пальцами по мертвой клавиатуре. *«Поняла правильно... поняла правильно...»*

Ладно, будем считать, что поняла.

— Блядина она! — резюмировал дуб. — Вот, погляди!

Он наобум порылся в пачке цветных фотографий и протянул мне. Первый же взгляд показал, что мой собеседник во многом прав.

— Видала? Старая, сука, а туда же! Бордельеро на хазе устроила! Голубятню! Мальчиков ей подавай, собачек! Блядина!

Судя по фотографиям, не одних собачек. Кентавров тоже. Отсутствием воображения мадам Очковая явно не страдала. По поводу «старой суки» я решила не заострять. Всего на год меня старше... Эх, клещи бы сюда, да за язычок койкого!

— Ведь чего она Очковая, Эра Игнатьевна? Она же их трахала! Пидоров этих! То есть некоторые лица... Во!

Изюмский сморщился и поднял со стола нечто. Н-да! Слыхивать приходилось, а вот видеть — еще нет.

— Этот, как его, блин? Фаллоимитатор. Она у них, у пидоров, самая модная телка была! То есть даже не телка...

С трудом уйдя от столь благодатной темы, дуб все-таки вернулся к нашим баранам. В «Мамае» Очковую знали все. И не только в связи с указанными выше обстоятельствами. Уже несколько лет гражданка Калиновская была постоянной подругой завсегдатая одного бара, известного под кличкой Капустняк. К числу прочих знакомых гражданина Капустняка принадлежали также известные нам убиенный бармен Трищенко и вольный стрелок Кондратюк.

— Да вот они, глядите!

Очередная фотография. Без собачек, зато с хорошо узнаваемым гражданином Кондратюком, не менее узнаваемой Очковой и неким третьим — постарше, с короткой черной бородкой. Все трое были весьма и весьма заняты друг другом. Любопытно, кто сие снимал? Уж не Трищенко ли?

Я хотела выдать увлекшемуся дубу нравоучительный пассаж, но внезапно физиономия слас-толюбивого бородача показалась мне знакомой. Может, из-за бороды. Ненавижу мужские бороды, все время кажется, что тебя лбызает половая щетка...

— Компьютер работает? Найдите файлы розыска! Быстро!

Можно было отдать снимок на сканирование и совмещение, но я понадеялась на свою память. Почему-то я была уверена: этот тип в розыске, причем не только в городском. Где-то полгода назад... Есть!

Искать не пришлось. В первой же десятке «особо опасных» мелькнула знакомая борода. А вот и текст. Та-а-ак!

Я присвистнула, дуб тихо выматерился, и я раздумала делать ему замечания. Не до того. Нет, ну это же надо, а?

...Панченко Борис Григорьевич, он же Бессараб, он же Капустняк. Вор в законе, предполагаемый главарь «железнодорожной братвы». Убийства, рэкет, наркотики, торговля женщинами и детьми, содержание притонов, аферы с авизо. Полгода назад дело передано в Интерпол. Предполагаемое местонахождение — Португалия...

**Четверг,
девятнадцатое февраля**

*Мадам Очковая и ее Капустняк * Специалист по кризисным
культам * Добрые друзья старшего сержанта Петрова *
Падай, дура!*

1

С работы следовало удрать, причем не позже половины одиннадцатого. Спешить я не люблю, особенно в подобных делах. Бог весть, вдруг какому-то любопытному захочется проехаться вслед за старшим следователем Гизело на Южный вокзал? Горят на мелочах — это даже не азбука, это палочки для счета.

Проще всего зайти к начальству, предварительно понюхав лука, и, глядя на оное начальство честными покрасневшими глазами, доложить о временной нетрудоспособности. Проще, но не правильной. Есть метод получше — так осторчерть всем, что твое исчезновение будет воспринято как дар Божий. Посему с первыми петухами я заглянула в кабинет к мрачному недопохмеленному Ревенко, затем нашумела у экспертов, забежала в архив. Следующим на очереди был лично Никанор Семенович, но у самой приемной меня перехватили. Оказывается, пока я накручивала круги по коридорам, меня искали. Точнее, искал.

Дуб, понятно, кто же еще?

Если прошлый раз стол следователя Изюмского украшала одинокая бутылка коньяка, то теперь впору было перекреститься. Половину стола занимала голая женщина с призывно раскрытым ртом и заброшенными на плечи ногами. Дуба

могло извинить лишь одно: дама при ближайшем рассмотрении оказалась резиновой и надувной. А вокруг дивным натюрмортом располагались цветные фотографии — тоже с дамами, но уже настоящими, яркие обложки журналов и что-то еще, не очень понятное, но явно паскудное. Сам дуб восседал в кресле, скрытый резиновыми прелестями своей новой подруги, и старательно изучал толстую тетрадь в черной клеенчатой обложке.

— Пигмалионизм или фетишизм? — поинтересовалась я вместо «здрасьте».

Господин Изюмский только вздохнул, и весь его вид мне сразу крайне не понравился.

— Ладно, докладывайте!

Докладывать ему не хотелось. Даже поднимался дуб с таким видом, будто его не поливали минимум год.

— Очковая, — наконец выдал он, кивая на стол.

Похоже, он имел в виду резиновую даму. Или просто рассчитывал на мою догадливость. Но я предпочла промолчать.

— Упустили! — вновь вздохнул племянничек и не выдержал: — Блин, сука верченая, из-под носа!..

Итак, из-под носа. Вскоре я выяснила, что Очковая, то есть Калиновская Любовь Васильевна, тридцати пяти лет, полька, временно не работающая, умудрилась исчезнуть из квартиры за пять минут до появления опергруппы. На плите как раз выкипел кофе. В спешке она оставила не только пачку патронов, аналогичных изъятым у гей-гражданина Кондратюка, но и все те сокровища, что ныне красовались передо мной.

— Это которые «тамбовцев» и «воркутинцев» перешлепали? — судорожно вспомнил дуб.

— Которые, — согласилась я, не понимая, что же это такое творится на белом свете?! Капустня-ка, главаря чуть ли не самой крупной банды в Евразии, ищем мы, ищет Интерпол, а он гуляет себе под самым носом...

— Его видели в «Мамае»? Когда?

Изюмский почесал затылок и начал загибать пальцы — один, второй...

— Неделю назад.

Лихо! Как раз перед убийством!

— Чего делать-то будем, Эра Игнатьевна? — жалобно спросил дуб.

Делать? Интересно, далеко ли до ближайшей колокольни? Бежать, взбираться, хвататься за веревку...

— Не будем спешить, — рассудила я. — Расспросите всех еще раз. Только подробнее — когда заходил, с кем... И загляните на серверы Интерпола. Мало ли?

Дуб послушно кивнул, я же взглянула на часы и поняла — пора. Скоро обеденный перерыв, не хватятся, а потом я позвоню...

— Эра Игнатьевна, это ведь вы дело Молитвина ведете?

— Что? — я застыла, думая, что ослышалась.

— Ну, алкаша пропавшего, — удивился дуб. — Дядька говорил...

Уно, дуо, трез... Он, де, труа, катр... Айн, цвай...

— Вела. Закрыли дело. А... что?

— Ну, если закрыли!.. — господин Изюмский пожал широкими плечами. — Просто тут о нем...

Тетрадь — та самая, в черной клеенчатой обложке. Еще не понимая, я раскрыла первую попавшуюся страницу. Рисунок карандашом: женщина и... тоже женщина, хотя на первый взгляд и не скажешь. Внизу подпись — «*Олька Ч., поз. «крыл. ракета».*

— В конце, Эра Игнатьевна! Тут она всякую пакость описывает, а в конце...

В конце, то есть на последних страницах, оказались адреса. Много, некоторые перечеркнуты крест-накрест, другие без фамилий, с одними инициалами...

«...*Молитвин Иерон. Павлов. Гв. Широнинцев, 22, 15. 300 гр.*».

Раз, два, три, четыре, пять, шел Молитвин погулять. Капустняк вдруг выбегает, триста гр. ему вручает...

2

Ездят к нам мало. В первые годы побаивались — да и сейчас боятся. Вдобавок негласный пропускной режим, ОВИР, даже, кажется, справки. Постоянные пропуска полагаются лишь родственникам, и то не всем. «Братва» тоже не спешит соваться. Кому охота лезть прямо в пасть к «железнодорожникам»? Стоп, стоп, не надо, хватит!..

Я постаралась забыть, хотя бы на время, о таинственно сгнувшем Молитвине и не менее таинственно объявившемся Капустняке. Не сейчас! Платформа пуста, но на вокзальном табло уже 11.28, значит, скоро...

Странно: сюда почти не ездят, а поезда не от-

менили. Ревенко как-то пояснял: политика! Символ единства державы. А тот факт, что поезда пустые — не беда. Пустые — зато целые. «Железнодорожники» всех напрочь отвадили...

Стоп! Опять не туда!

Лучше подумать о специалисте. О симпатичном парне по имени Игорь. Игорь Дмитриевич. Игорь Дмитриевич Волков, который сейчас, судя по всему, разглядывает заснеженные пустыри на месте сгинувшей Новоселовки. Интересно, кого мне пришлют? Физика? Наверное, физика. Девятый намекнул, что некоторые из них уже ставят Основную теорию под сомнение. Правда, печатать такое не спешат. Кого-то наша любимая теория весьма устраивает. И действительно, что может быть проще? Неизвестное излучение действует на психику, бедолаги-обыватели видят чертиков — и все в порядке, картина мира не меняется. Где же вы, Игорь Дмитриевич? На часах 11.30. Пора!

Ага, есть! Задумавшись, я даже не заметила тупую морду локомотива, неторопливо выползающего со стороны Сортировки. Правильно ли я стою? Все верно, третий вагон должен располагаться именно тут, проверено...

Проводник издевательски долго возится с дверью, затем никак не желает отойти в сторону...

— Эра Игнатьевна?

Игорь Дмитриевич Волков улыбается и протягивает мне широкую ладонь. Я улыбаюсь в ответ.

— Д-добрый день! А вы знаете, я б-был в вагоне совершенно один! Все еще в Полтаве сошли!..

— Добрый день! — наконец спохватываюсь я. — Это ничего, главное, вы не потерялись!

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Фотография, конечно, старая. Моему гостю лет тридцать — или чуть больше. Ямочка на подбородке, яркие губы. Красивые глаза, только цвет какой-то странный. Серый? Нет, светлее. Невысок, но крепок, не иначе тренировался, причем не один год. Кисти узкие, какие-то детские. И запястья — тонкие, как бабки у породистого скакуна.

А еще бы ему очень пошла штормовка.

Вот он какой, присланный вместо боевого слона специалист...

— Что-нибудь не так, Эра Иг-гнатьевна?

О Господи! Засмотрелась, баба старая!

— Все так, Игорь Дмитриевич! Просто я рада...

— Только не Д-дмитриевич! — он вновь улыбается и смущенно разводит руками. — Когда с «ичем», все к-кажется, что я на заседании Ученого совета, и еще эти ст-туденты...

— Игорь, — охотно вношу эту коррективу. — А я — Эра. Только лучше... Лучше — Ирина.

Договор заключен, и мы не спеша направляемся к стоянке такси. Только сейчас я замечаю, что за спиной у долгожданного специалиста — старый рюкзак с притороченной сверху гитарой, а в руке — лоптоп, тоже старый, чуть ли не начала века. И вновь просыпается любопытство. Физик? Физик с гитарой? Ничего, скоро узнаю.

3

Перед тем, как заваривать кофе, я быстро спалила на горелке даже не одну, а две булочки, и установила на видном месте иконку Филиппа

Сурожского. Почему-то хотелось, чтобы кофе получился такой, как надо — или еще лучше. Святой благостно улыбался, вдыхая пряный аромат. Бог знает, может, ему кофе прямо в Сурож возили? Из Абиссинии?

Завтракать гость категорически отказался, приводя меня в тихую радость. За всеми моими злодействами я давно не пополняла холодильник. Зато бар...

— Вам с коньяком? У меня есть настоящий «Камю». И «Арабат» тоже есть — тридцатилетний!

На этот раз его улыбка выглядела слегка растерянной.

— Н-не знаю даже. Может, сначала о работе поговорим? Вы ведь теперь мой, т-так сказать, научный руководитель!..

Научный? Хорошо сказано! Но... Спросить?

— Простите, Игорь, а кто вы по специальности? Я имею в виду...

— П-понимаю, понимаю. — Игорь поспешно закивал. — Кажется, м-могу вас обрадовать, я именно по вашему профилю. Два нуля, ноль восемь, семьдесят два. Л-литературоведение и фольклор.

«Вот те раз!» — подумал Штирлиц. Я чуть не поперхнулась глотком кофе (хорошо получился, не подвел Сурожанин!). Все еще не веря, покачала головой:

— Фольклорист?

— Ну да! — гость явно удивился. — У меня кандидатская по античной мифологии, а д-докторская — по индо-арийской. Я, правда, доктор не наш, американский, у нас сейчас в совет лучше не соваться.

Ничего, ничего... Посчитаем до десяти. Что-то часто приходится этим заниматься!

— А как вам, позвольте спросить, обрисовали ваше задание? В смысле, э-э-э, работу?

Измученный взгляд серых глаз. Да, глаза что надо, век бы смотрела, не отворачивалась...

— Но... Мне объяснили, что фонд Сороса открыл н-несколько новых тем, в том числе по кризисным культам, на примере вашего города. Действительно, материал уникальный! Я подал заявку, и вот... Мне сказали, что здесь есть два специалиста: вы и г-господин Молитвин...

«А вот те два!» — подумал Мюллер. Если все это — шутка Девятого, то она явно удалась.

— А что *вы понимаете* под кризисными культурами, Игорь?

«Что такое?» — спрашивать нельзя. Все-таки я — тоже «специалист».

— Хороший вопрос! — краешки ярких губ дрогнули. — В т-точку! Я понимаю так: к-кризисные культы возникают в экстремальных условиях, когда об-бычная система ценностей перестает существовать или становится непродуктивной. Вот, например, культ «карго»...

Узнавать о культе «карго» было интересно (надо же, грузовозам поклонялись!); а еще приятнее было просто слушать его голос. Негромкий, теплый... И вдруг я начала понимать: случилось кое-что пострашнее приезда наивного фольклориста в наш Ад. Я встретила свежего человека. Симпатичного человека. Умного. Не «сотрудника», не жорика, не наркомана... Окстись, девка, с ума не сходи!

— К тому же, как я выяснил, у вас этим д-

давно занимаются. Начали еще до в-всего этого ужаса. Здесь работал Институт Прикладной Мифологии... наверное, с-слыхали?

Слыхала! Ох, слыхала! НИИПриМ, он же — № 7. Тот самый, где рвануло. Лаборатория МИР, до которой еще никто не смог докопаться. Ни в переносном смысле, ни в прямом. Кратер — метров двести в диаметре. До сих пор трава не растет...

— Ведь господин Молитвин — из лаборатории МИР, если я не ошибаюсь? Это зд-дорово, у нас думали, что там все погибли! Вы знаете, портрет Иеронима Павловича — это б-было первое, что я увидел, когда впервые зашел к нам на кафедру. То есть на мою будущую к-кафедру...

...Представилось: пропитая рожа угрюмо глядит из золоченой рамы. В деснице вобла, в шуйце — початая бутылка пива.

— Хорошо! — легко согласилась я. — Как только господин Молитвин появится, я вас немедленно познакомлю. А может, все-таки по пятьдесят грамм? «Арарата»?

К сердцу мужчины надо добираться через желудок. А через рюмку куда? Ой, дура ты, Эрка, дура!

Коньяк тяжело плескался в граненом хрустале. Игорь вздохнул, вновь развел руками:

— Н-ну разве что за гибель теории Семенова-Зусера. Да расточатся врази!

С большим удовольствием я хлебнула бы за знакомство, но... И это годится.

— Аминь!

Чокаться не стали. Я вдруг представила старую покрашенную бабу, тянущуюся с рюмкой через стол... Бр-р-р!

— Значит, думаете опровергнуть Основную теорию?

Приятно поддерживать светский разговор. Два ученых мужа... То есть не совсем, но где-то рядом.

— Мечтаю! — на сей раз он не улыбался. — Из-за этой к-клятой теории мне, собственно, и докторскую в Минске зарезали. Авось наберу материала...

И тут я поняла. Он ничего не видел. Ни-че-го! Для него Объект — что-то вроде индо-арьев. Кентавра ему продемонстрировать, что ли? Нет, не заметит, нужно пару дней...

— Хотите, фокус покажу? Прямо сейчас?

Я огляделась по сторонам. Стекло разбить? Еще за буйную посчитает! Взгляд скользнул по брошенной на диван сумочке. Ага!

Я достала помаду, и мы прошествовали на кухню. Игорь с интересом поглядел на желтые разводы по потолку — неизбежные последствия недавнего потопа. Ну, про это потом...

— Помада, — начала я не без торжественности. — Она мажется.

Для убедительности я провела черту прямо по кафелю. Игорь задумался, затем кивнул:

— Согласен. Это — п-помада. Она материальна, и она оставляет след.

— А теперь вы. Изобразите что-нибудь.

На миг он заколебался, но затем в серых глазах сверкнул вызов. Приняв из моих рук инструмент, Игорь провел рукой резкую неровную линию. Раз! Волнистая черта. Два! Что-то треугольное... Да это же парус! Неплохо!

...Почему-то сразу вспомнился морской берег.

Серый песок, теплые волны, ее рука — в моей руке...

Я вздохнула. Хватит, не сейчас.

— Итак, что вы сделали, Игорь?

Он усмехнулся, взглянул на рисунок.

— В-вероятно, слегка нашкодил.

— Совершенно верно.

Теперь в святцы! Нет, не стоит, случай простой, святые могут спать спокойно.

Я достала булочку и обильно покрошила на подоконник. Затем в восточный угол. А после — у порога. Достаточно? Вполне.

Игорь с интересом следил за моими пассажами. Под занавес одобрительно хмыкнул:

— Насколько п-понимаю, домовый?

Я кивнула, быстро прочитала про себя простенькое заклятье. Как это Евсеич учил? *«Сусидко, сусидко, надто в хате брыдко, тобі я рада, прыбраты надо...»* Вызубрила!

Теперь считаем. (Опять считаем!) Раз, два... десять...

— Прошу!

Рисунок уже исчезал — бледнел, таял, оставляя легкий розовый след. Вот и он пропал.

Игорь внезапно стал серьезным, быстро коснулся пальцем стены...

— Вп-печатляет!

— Могу исчезника вызвать, — гордо сообщила я. — Для этого манка нужна. Только исчезники шипят, когда незнакомого человека видят. И с собой утащить могут.

Мы вернулись в комнату, Игорь поглядел на бутылку, протянул руку.

— Нет, не стоит. Хотя опыт, я в-вам скажу,

хорош! Семенова бы сюда! Ковалевского уже не убедишь — п-помер. Между прочим, первые т-такие опыты стали проводить именно в НИИ-ПриМе. П-правда, если верить легенде, там начали с телевизора...

— В институте мифологии? — поразилась я. — Игорь, Институт № 7 — оборонный объект! То есть был, конечно. Название — для прикрытия, понимаете?

Я вовремя укусила себя за кончик болтливого языка и заткнулась. Игорь бросил на меня удивленный взгляд (не смотри, сероглазый, не надо!), пожал плечами:

— Об-боронный? Ну конечно, можно вызвать д-джинна, засадить в бутылку из-под пива и швырнуть в суп-постатов... Нет! Это был именно Институт Прикладной Мифологии! МИР — собственно, «М-миф и реальность»; или, по другой версии, «Мифологическая реальность». В том-то и дело! И г-господин Молитвин был один из тех, кто первым, так сказать, п-пробил брешь. Ему сейчас нельзя позвонить? Жажду з-знакомства!

Я покачала головой. И я жажду. И кое-кто еще. Например, Очковая. Или сам Бессараб-Капустняк.

— Как только вы его в-встретите, Ирина, пожалуйста, познакомьте! А пока... Наверное, мне стоит побродить по г-городу. Мечтаю поглядеть на к-кентавров.

— Сегодня не увидите, — усмехнулась я. — Адаптация. Нужно денька два.

Он кивнул, задумался.

— Т-то, что вы показали мне, Ирина, это одна

п-половина яблока. Т-так сказать, физическая сторона. Но я фольклорист, меня интересует и вторая половина — к-как все это воспринимается на уровне культа.

Я вздохнула. Ну конечно, ему научную работу писать. По линии Сороса... Господи, кого они мне прислали?

— А в-вас не удивляет, Ирина, что православная церковь б-быстрее всего, так сказать, приспособилась?

Быстрее? Да, пожалуй. Буддистам-одиночкам — им было наплевать. Мусульмане только сейчас начинают одноразовые молитвы печатать. Очень красиво — листок, на нем вязь арабских букв с указанием на трех языках: «Коран, сура 14, аят 8». Берешь, отрываешь, мажешь острым кетчупом... А иудеи (которые уцелели) почти все уехали. Говорят, мучились бедняги — ни воды, ни света, штукатурка падает...

— Православным не впервой, — предположила я. — К Петру привыкали, к большевикам. У некоторых, что постарше, до сих пор погоны под рясой. Да и не все готовы булочки крошить. Вот у нас недавно арестовали двух священников...

Вновь пришлось кусать себя за язык. И больно!

— Читал, — кивнул Игорь. — Отцы Николай и Алек-ксандр, если не ошибаюсь. К-кажется, кто-то из них считает, будто настал, так сказать, Армагед-дон?

Могу ли я знать об этом? Пожалуй, могу. Я ведь тоже читаю газеты!

— Так думает отец Александр. Но ему пред-

ставляется, что Армагеддон давно прошел и этот свет — уже не наш...

— Интересно. Неглуп б-батюшка!

Остается с этим согласиться, но вдруг я начинаю кое-что соображать. Гражданин Егоров рассказал об этом только мне — позавчера. Он в следственном изоляторе, в одиночке. Откуда?

Наверное, меня выдали глаза. Игорь моргнул, покачал головой.

— П-помилуйте, Ирина! Я прекрасно понимаю, что т-такое научная этика! Честное слово, я не напечатаю и слова из ваших н-научных отчетов без вашего согласия. Мне их просто п-показали, чтоб я, так сказать, вошел в курс...

Я перевела дух. Конечно, ведь его все-таки готовили. Не так, как меня, ясное дело... «Научные отчеты»! Смешно? Пожалуй, не очень.

— Вы говорили об этих двух священниках, Игорь.

— Да. Их позиция, к-конечно, любопытна, но в том-то и дело, Ирина, что они — исключение. П-погоны под рысой — это, конечно, да, но дело не в погонах. П-православие, вообще, очень мистическая религия. А м-мистика предполагает непосредственное воздействие на, т-так сказать, предмет веры... А забавно в-выходит! Помнится, годков этак н-надцать назад одного священника из-под К-киева отлучили за то, что хворых заговорами д-да берегами лечил и пиво п-пить изволил с мужиками. Я т-тогда так и не понял, за что б-бедолагу все-таки отлучили — за знахарство или за пиво. А т-теперь, так сказать, поворот «все вдруг». Скоро, т-того и гляди, бубны выдадут б-батюшкам!

Слушать бы и слушать. Наверное, студенты его на руках носили. А студентки... К тому же гитара!..

О гитаре я решила спросить чуть погодя. Вре-
мя есть, на работе не хватятся...

Дзинь! Дзинь! Дзи-и-инь!

На этот раз пришлось закусывать не язык, а губы. Иначе бы обложила в пять этажей ни в чем не повинный телефон. Впрочем, что значит: не-
повинный? Мог бы и сломаться, как давеча! И не
умолкает, тварь!

— В-вам, кажется, звонят, Ирина!

Остается улыбнуться, извиниться и пройти в
соседнюю комнату. Кто бы это мог быть? Если
дуб — пошлю в пень...

— Гизело слушает!

Хорошо, что еще не сказала «старший следо-
ватель Гизело». То-то бы сероглазый удивился!..

— Эра Игнатьевна! Это Петров. Старший сер-
жант Петров. Уже боялся, что не дозвонюсь...

Началось! Точнее, продолжается.

— Слушаю вас, Ричард Родионович!

— У меня новости. Про Фимку. То есть про
гражданина Крайцмана. Нам бы встретиться...

Ясно. Гитару послушать не удастся. По край-
ней мере, сейчас.

— Где вы?

— Я? На Ключковской, но скоро буду возле
дома Алика. Мне фотки взять надо, чтобы ребя-
там раздать. У меня только старые...

Алкаш-писатель проживает совсем рядом. Остается совместить неприятное с бесполезным. Вдобавок рядом проживает беглая бабушка Лот-
та, которая вполне могла вернуться. Ее дополни-

тельные показания тоже не помешают. А присутствие Петрова только упростит ситуацию — его-то небось тут все знают!

— Хорошо. Через двадцать минут у его подъезда.

4

ПАДАЙ, ДУРА, ПАДАЙ!
(опыт итальянской увертюры)

I. ALLEGRO

Возле нужного подъезда, прямо на покрытом грязным снегом тротуаре, красовался грузный мотоцикл с сине-желтыми полосами и знакомой эмблемой: Егорий истребляет лох-несское диво. Рядом с мотоциклом нетерпеливо топтался лично старший сержант Петров.

— Здравия желаю, госпожа старший следователь!

— И вам того же... — начала было я, но сразу умолкла. Так-так, мотоцикл, палаш на боку, наручники...

— Петров? Вы ведь, если я не ошибаюсь, под следствием?

Жорик сдвинул шапку с «капустой» на левое ухо и принялся чесать затылок. Не иначе, извинилу стимулировал.

— Ну-у... Госпожа... Гражданка старший следователь! Так ведь в штатском со мной ни одна собака говорить, е-мое, не станет! Вот, у ребят попросил, на время...

— И пистолет тоже?

Петров вздохнул и принялся расстегивать кобуру. Пустую.

— Так я ведь законы знаю, Эра Игнатьевна! Плаш — он ведь не оружие даже, а так, для порядка!..

Упечь бы трепача в изолятор — для порядка. Недавно одному парню за охотничий нож трешник впяляли...

— Ладно. Выкладывайте!

— Да, мать его в гроб, весь город облазил...

— Отставить!

Все-таки правильно, что женщин неохотно берут на работу, подобную моей. Тут одного дуба с запасом хватит. Обложить? Не стоит, не того калибра, зазнается еще!..

— Сержант! Еще раз на родном языке заговорите, отправлю под арест! Как поняли?

Ментовская ряха краснеет, бледнеет... Притворяется? Или и впрямь заело?!

А хорошо, когда с ними можно так! И даже покруче — можно!

— Виноват, госпожа старший следователь. Докладываю...

— Вот так-то лучше!

Лучше — по форме, но не по содержанию. Весь город сержант облазил, но Алика, равно как и Фимку, то есть граждан Залесского и Крайцмана, не обнаружил. К начальству сунулся — без толку. У них сейчас аврал — Жэку-Потрошителя на Дальней Срани ловят. Уже пятерых сей Жэка съел, шестого ищет. Выходит, на официальный розыск надежды мало, да и на неофициальный тоже. Зато был один разговор...

— Сам я не слыхал, Эра Игнатьевна. Сослуживец мой слышал — Дашков Андрей. Он к архару знакомому выпить зашел, там еще двое были. В общем, один спрашивает: «Куда жидка, мол,

очкатого дели?» А другой ему: «Который жидок? Драчун? Ну, ясно куда, к психам!» Это как раз на следующий день было после того...

— На Сабурку ездили?

— Так точно. Нет там его и отродясь не было.

Оставалось поразмыслить. Где еще у нас водятся психи, кроме как на Сабуровой даче, она же психиатрическая храм-лечебница № 15? Водятся они, конечно, везде, но, главным образом, законом не признанные. А вот, так сказать, легальные...

— Районные храм-лечебницы? Центральная неврологическая?

Петров пожал плечами:

— В центральной был, районные сейчас ребята шерстят. Без толку это. Храм-лечебницы тетя Марта, мамка Фимкина, сразу обзвонила... Нема Фимки. И Алика нема!

Вид у бравого жорика был настолько кислый, что я его мысленно пожалела — без всякого на то хотения. Видать, страдает — друзья все-таки! Бедный сержант!

...Я спросила как-то у Петрова: ты зачем надел на шею провод? Ничего Петров не отвечает...

— Ладно, Ричард Родионович. Поднимемся в квартиру к вашему Залесскому.

II. ANDANTE

Голосистый звонок надрывался долго и безнадежно, но за дверью было тихо, будто мы пытались ломиться в склеп. Я поглядела на сержанта, тот в очередной раз пожал плечами.

— Идка должна быть там. Я звонил недавно, она дома была...

Выходит, сексапильная лимитчица решила

поселиться тут всерьез и надолго. Так гражданину Залесскому и надо! Скоро пропишется, затем явится куча рогатых родичей из деревни с большим деревянным метром — квартиру делить. Чего это я на нее взъелась? Может, завидую? Тьфу, глупость!

— Ключи у вас есть?

Хлопок по карманам, знакомая «ментовская» ухмылка.

— Ключи нам без надобности! Отмычка у меня — фирмовая. Замок только жалко...

— Сейчас! Сейчас!

У замка сегодня удачный день. А гражданка Бах-Целевская таки дома, поскольку именно ее голос доносится из-за двери:

— Иду! Я в ванной была! Сейчас халат накину!

Успокоившись по поводу замка, я, решив не тратить времени даром, достала записную книжку. Из-за двери донесся странный шум, словно рухнуло что-то тяжелое. Уж не гражданка ли Бах-Целевская на мыле поскользнулась?

— Вы адрес той бабушки знаете? Что с нами тогда в квартире была? Ее Лоттой зовут.

— Тети Лотты?

Уточнять, кому она бабушка, кому — тетя, не пришлось. Вопль — дикий, отчаянный — на миг лишил меня дара речи. Записная книжка дрогнула, выпала из рук.

— А-а-а-а! Мамочка-а-а-а! Ой, убили-и-и! Ой, спасите-е-е!

Петров опомнился первым — ноблес облич, жорик все-таки. Тускло сверкнула полоска стали, вонзилась в замок.

— Помогите-е-е! Помогите-е-е!

— Дверь открой, дура! — крикнула я, без всякой надежды быть услышанной.

Вопли не стихали. Сержант, негромко матерясь, копался в замке, а я начала приходить в себя. Если вопит — значит, еще не убили. Успеем!

— Есть!

Изнасилованный замок жалко клацнул — и дверь под натиском Петрова покорно распахнулась. Я дернулась вперед, но лапа жорика без всякого почтения к седидам и чинам схватила меня за ворот пальто и отшвырнула в сторону, словно котенка.

— Стоять! Я первый!

В руке его уже был пистолет, и я беззвучно покаялась: выживу, отправлю наглеца в изолятор. Пустую кобуру показывал, ширмач! Ну, я ему!

III. PRESTO

...На полу в прихожей — сиротливая лужица; чуть дальше — мокрые следы. Похоже, гражданка Бах-Целевская шла к двери, шла и...

— Сюда! Сюда! Ой, лышенько!

Ага! Прямо! Стеклянная дверь, за ней — комната с диваном, на котором Алик-алкаш возлегать изволили. Сержант уже там. Сейчас выстрелит... Нет, обошлось!

— Эра Игнатьевна! Скорее!

Если «скорее», значит, стрельбы не будет. Я автоматически расстегиваю пальто, перешагиваю порог.

Батюшки светы!

На этот раз действительно «батюшки» и вполне «светы». Знакомый до омерзения запах. Его ни

с чем не спутаешь — кровь. Да, кровь — на полу, на диване, на расстегнутом японском халате гражданки Идочки. У меня под ногами — тоже кровь. Хорошо еще туфельки на шпильках не успела надеть, как в прошлый раз. Теперь ни к чему. Сержант Петров не оценит, и дурочка Идочка не оценит, и гражданин Залесский Олег Авраамович тоже.

Гражданин Залесский Олег Авраамович бревном лежит на ковре и, судя по обилию крови, в помощи едва ли нуждается. Лица не узнать — даже веки измазаны красным. Где же рана? Впрочем, это пока не важно, в морге разберутся. Артерию перебили? Да, похоже.

Растерянный (таким я его еще не видела) Петров что-то бормочет, склонившись над телом; гражданка Бах-Целевская, устав вопить, сползает в кресло. Все ясно, единственный уцелевший мужик — это я.

— Гражданка Бах-Целевская, проверьте пульс!

— Я? — в круглых коровьих глазах плавает ужас.

— Ты же медсестра, дура гребаная!

Кажется, помогло. Идочка, подергивая нижней губой, вступает в лужу крови, наклоняется. Бесполезно, но надо установить факт. Я гляжу на часы — 13.30. Ровно. Пригодится для протокола.

— Жив! Он жив! Жив!!!

Теперь гражданка Бах-Целевская вопит втрое громче прежнего. Петров бросается вперед, склоняется над тем страшным, что лежит на ковре.

— Алик! Алька! Это я, Ритка! Не помирай! Я сейчас! Сейчас!

Он — сейчас! По-моему, телефон в соседней комнате. Я поворачиваюсь...

Грохот — точно по подъездной лестнице пустили каток. Огромный каток — и совсем близко. Совсем близко, за входной дверью. Черт, дьявол, мы же ее не закрыли!

Я бросаюсь вперед, дверь распахивается, в проем лезет бородатая рожа кента.

— Падай, дура! Падай! — доносится сзади рев Петрова. — Падай! Стреляю!

Дура — это я.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ШАМАН ИЗ ШАПМАНА, или Разве я сторож брату своему?

Воскресенье,
пятнадцатое февраля

*Двадцать три Насреддина, не считая чукчи * Литургия
Валька-матюгальника * Субъективный идеализм
папуасов-киваи * Крупный рогатый скот * У меня зазвонил
телефон*

1

Здесь ты будешь жить, — Фол легонько толкнул меня в спину, вынудив переступить низкий порожек. — Пока не прояснится.

И добавил менторским тоном, который шел Фолу меньше, чем Фолова попона — мне:

— Без особой нужды ничего лишнего не трогай. Это Ерпалычева хата. Запрись, а я за хлебом. Позвоню вот так...

Кентавр просвистал замысловатую трель, сделавшую бы честь иному соловью, и с грохотом умчался вниз по лестнице, прежде чем я успел попросить его заново изобразить условный звонок.

А я стал обживатьсья.

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Высокие скулы туго натягивают кожу цвета скорлупы ореха; горбинка делает нос слегка кривым, асимметричным, словно давнему перелому не дали срастись как следует — и сочные губы любителя житейских утех противоречат понимающей улыбке, в которую они, эти веселые губы, частенько складываются. А вокруг всего этого царит взрыв, буйный фейерверк вьющейся шевелюры и бороды; часть прядей заплетена в тугие косички с крохотными бантиками на концах.

И еще: колеса и хвост, к которым привыкаешь и перестаешь обращать внимание.

Вот он какой, кент Фол из Дальней Срани...

Ерпалычева хата, вопреки смутным ожиданиям, терзавшим мое страдавшееся сердце, оказалась вполне приличной квартиркой. Второй этаж, два балкона, три комнаты. Без лишней роскоши, но уж во много раз краше того обиталища, где я имел честь пить перцовку. Для начала посетив санузел (доброе начало полдела откачало!), я умылся и после долгих размышлений вытерся махровым полотенцем, висевшим на гвоздике. Терпеть не могу пользоваться чужими полотенцами. А также зубными щетками и прочим. Надо будет сказать Фолу или Папочке...

Дурак ты, Алька. Как есть дурак. Козел драный. Полотенца ему не нравятся, видишь ли! Хорошо хоть не в подвале тебя схоронили... пока не прояснится.

Мойся и не брызгай.

Дум великих полн, я зашел в ближайшую из комнат и плюхнулся на продавленный диван.

Взвыли пружины, одна больно ткнулась острым концом в бок, но передумала — свернулась гадюкой, затаилась до поры. Напротив, раскорячась беременной жабой, стояла книжная тумба. Между прочим, карельская береза «Павлиний глаз»; я-то знаю, мне от родителей в наследство такой же спальный гарнитур достался: продать некому, реставрировать не по карману, выбросить жалко, а пользоваться тоскливо.

Тем не менее, на тумбе сияла новеньким гляncем самоклеяка-«пылесос» со злобной рожицей, перечеркнутой стилизованной щеткой. Была она явно свежей — я свои «пылесосы» больше месяца не обновлял, дома пыли скопилось...

Пока Идочка прибрать не изволила.

От нечего делать я стал изучать корешки книг с верхней полки. «Армянский фольклор», «Мифы и легенды папуасов киваи»... Хорошенькое дельце!.. «Курдские сказки и предания», «Легенды народов Камчатки»... кошмар... пришел чукча к полынье студенной, стал он кликать золотую нерпу!.. «Фольклор дунганцев», «Абадзинские сказания»... Остальное пиршество духа было плоть от плоти и кровь от крови. В мою душу закралось подозрение, что старый приятель, мифологический библиотекарь Аполлодор, был из местных — отлично бы смотрелся во-он там, поверх былин ногойских, тамильских и... и... ну да, старик ведь честно предупреждал меня — библиотекаря Аполлодора дает для начала, для разминки, так сказать!

Название «Двадцать три Насреддина» меня dokonало окончательно.

Впрочем, если я собирался обрести душевное равновесие, перебравшись в другую комнату, то

это уж дудки, господа хорошие! Там книги окончательно оккупировали жизненное пространство: карабкаясь по стеллажам, нагло развалившись на крышке старенького пианино, затеявая мышиную возню по углам, прямо на полу, они громоздились Эверестами и неодобрительно косились на меня: эт-то, мол, кто такой?

Тоже псих? — или гнать его, умника родимого, в три шеи, к тете Эре и ласковым архарам?!

Да свой я, свой!

Книги не верили.

Я сел за стол и пригорюнился. По всей столешнице передо мной были разбросаны тонкие обрезки провода в оплетке самых разных цветов. Синие, красные, желтые... даже рябенькие, махровая сирень в алую крапинку. Намотанные на дощечку, скрученные тугими колечками, просто навалом; еще имелась дюжина плетенков — так дети делают самодельные авторучки, оплетая стерженек «спиралью» или «квадратиком». Сам в детстве сопливом баловался. Машинально я взял пять проводков и стал мастерить из них красоту негленную. Фол, правда, велел ничего без нужды не трогать... а ну его, хвостатого! Игратья скоро надоело, и я забросил красоту в угол, прямо к двери полуоткрытой стеной ниши, где валялись связки каких-то штырей. Кажется, электроды для сварки — если у электродов бывают на одном конце перья. Голубиные, сизые... или воробьиные. Словно у стрел или игрушечных дротиков.

Тоска заедала меня, и раннее утро за окном было мутным, гнусно-заплесневелым, будто Дед Мороз спрятал эту зиму в сундук на долгие годы, где зиму побила моль, истерзала, выгрызла целые

ключья, а теперь зиму выдали нам на остаточное глумление... хотелось чаю, горячего чаю, но еще больше хотелось проснуться в смятых простынях, ощутить стылость уходящего кошмара — и улыбнуться вслед белыми губами, выдохнуть с облегчением, проталкивая слова поршнем сквозь заиндевшее горло...

Я даже не сразу понял, что в дверь звонят.

Заливисто так, соловьиным посвистом.

Вскочив и уронив стул, я опрометью кинулся к дверям. Так мальчонка, запертый дома ушедшей на базар мамашей, бросается навстречу — эй, мамаша, зар-раза, ты куда меня заперла?! Ты куда ушла, мамаша, на кого ты меня, сиротинушку...

— Кто там? — машинальный вопрос, вопрос-рефлекс, отработанный годами.

— Мы.

— Мы?! — переспрашиваю я, чувствуя себя персонажем из старого глупого анекдота про наркомана. — Какие такие мы?

Ну не мог, не мог этот силпый бас принадлежать моему замечательному кентавру! Режьте меня на части, заплетайте вокруг стерженьков, перья сизые вставляйте по самые гланды — никак не мог! Но звонок-то правильный?.. или нет? Как там Фол сви́стел? Тирьям-пам-па-папам... а может, папам-пам?

— Дядько Йор вже дома? — осведомляются снаружи на чудовищном «суржике».

— Не... нет его. Еще нет.

Если требуемый дядько Йор — псих Ерпалыч, он же Молитвин Иероним Павлович, он же беглый сотрудник НИИПриМа, то я сказал правду.

— А якщо пошукаты? — бас раздраженно скрежещет и добавляет после томительной паузы: — Ты, хлопче, одчиныв бы, а? Мы ж тебя не знаем, не ровен час, дверь вышибем и за вихры...

Чувствовалось, что это не пустая угроза.

— А ты... вы... собственно, с кем имею честь?! — задаю я сакраментальный вопрос, внутренне сжимаясь в страхе за судьбу своих вихров.

Уж больно многим их за последние дни потрепать хотелось.

— Матюгальники мы, — со всей наивозможной степенностью отвечает бас, доверху заполняя подъезд обертонами. — Валько-матюгальник со Второй Песочной. Нас дядько Йор на сегодня кликали, бомжа-счезня у Руденок гонять. Та ты одчиняешь чи глазки строишь, йолоп хренов?!

— Тут сейчас Фол вернется, — сообщаю я на всякий случай, чувствуя себя пацаном, страшающим врага лютого призраком старшего брата. — Ты Фола знаешь? Он, между прочим, за хлебом поехал... одно колесо здесь, другое — там. Понял?

— За хлебом — то славно. Утомлюсь, тебя лупцуючи, а ось и хлебушек! Не казав, он черного привезет чи батончиков? Страсть люблю черный, с сальцем, с часнычком...

Я плюю на конспирацию и начинаю «одчинять».

* * *

Валько-матюгальник со Второй Песочной оказался тщедушным мужичонкой в ватнике. Ниже меня на полголовы. Такому не чужие вихры трепать, а законную супружницу умасливать, дабы

трешку на пиво выдала. Впрочем, кроличий треух сидел на макушке Валька с достоинством боярской шапки («горлатная» — пришло на ум полузабытое словцо), а ключья ваты, обильно торчавшие из прорех, превращали телогрейку в подобие царской мантии.

Горностаи вульгарис.

А если учесть, что Вальково «мы» звучало истинно по-королевски... «Мы, Валько XIV, Матюгальник всея Срани Дальней, Ближней и Средней, милостиво повелеваем — ржаного нам хлеба, и побольше!..»

Отодвинув меня в сторону, гость прошествовал в коридор и перво-наперво огляделся.

— А не брешешь, хлопче? — неласково буркнул он, шмыгая красным от холода носом.

На кончике носа висела и все не хотела падать здоровенная капля.

— Насчет чего? — я мало-помалу обретал уверенность.

Да такого заморыша соплей перешибешь, это вам не с архарами рукоприкладствовать! Может быть, я все-таки главный герой? Просто мне об этом сказать забыли?

— Насчет дядька Йора. Ей-богу, брешешь... Эй, дядько, ты здесь? Вернулся? Хоронишься, да?!

Я взял Валька за круты плечи и попытался развернуть к двери передом, а ко мне, так сказать, задом. Куда там! Он даже не шелохнулся, словно я двигал не его, а битком набитый комод.

— Не, не сбрежал, — сообщил матюгальник со странным удовлетворением, к которому примешивалась изрядная доля душевного расстройства: дикая, удивительная смесь, о которой впору сти-

хи писать. — Нема-таки дядька. А ты, хлопче, стало быть, той самый пьяндыжка, шо дребедень всяку сочиняешь... нам эти, колесатые, про тебя сказывали. Лады, лады... Будем собираться, благословясь! Мулетка готова?

Видимо, по лицу моему было ясно видно, что я думаю относительно боеготовности загадочной «мулетки», ибо Валько соизволил добавить:

— Ну, обереп! Нам счезня без мулетки гонять несподручно... Ох, ты-таки йолоп, хлопче, — даром что колесатые за тебя горой... Плетень, плетень новый где?!

В слове «плетень» Валько делал ударение на первом слоге, и я начал кое-что понимать. Мотнувшись в комнату, я уцепил с пола красоту свою нетленную, в пять проводков с грусть-тоскою по полам; а заодно и связку оперенных электродов прихватил.

— Это? — злорадство просто текло из всех моих пор, когда я протягивал сокровища вредному матюгальнику. — Как мулетка, сойдет? Электродиков не желаете-с?! Свеженьких, с пылу, с жару?!

Он не отозвался на подначку.

Он вообще застыл соляным столбом, уставясь на сунутый ему под нос «плетень».

— Сам робыв? — наконец прохрипел Валько. Такой хрип я слышал лишь однажды: есть у меня пластинка с джазовым квартетом, так там бас-саксофон на субтоне шалит. — Не, ты не молчи, хлопче, ты колись: сам? Чи дядько Йор пособляв?!

— Сам, сам. — Я сбегал на кухню, нацедил во-

дички в чашку с отбитой ручкой и притащил Вальку: поправляться. — Самей некуда.

Странные дела: на этой кухне у Ерпалыча было аж две жертвенные горелки! Похоже, плиту на спецзаказ делали. И в красном углу, на аккуратненькой полочке, рядом со свечками лежали три колоды одноразовых иконок. Две нераспечатанных и одна пустая на треть. Впрочем, удивляться я уже разучился.

Чашка была выхлебана матюгальником, что называется, «в единый дых».

— Ну, хлопче... ну, мастак!.. А колесатые, стервь их душу, брехали — пьяндыжка, мол, белоручка, долго дрючить придется... А дроты оставь, оставь! Неча бомжа-счезня дротами наскрозь пырять — сильно озлобиться может. Там в хате ремонту тыщ на пять — хрена нам его, гада, по-лишнему зlobить?!

— Хрена, — грустно согласился я.

— Дык шо, йдэмо? Подмогнешь, раз мастак... Мулетка — она, ежели кручельник поруч, шибче варит! Тут близенько, через дорогу...

В подъезде загрохотало, и через минуту в дверь ворвался Фол. Авоську с хлебом он держал на манер разбойничьего кистеня, и смеха это почему-то не вызывало.

— Я тебе что говорил?! — заорал он еще с порога. — Нет, я тебе что говорил, урод?! Ты зачем дверь открыл?! Ты кому дверь открыл?!

— Здорово, Хволище, — равнодушно приподнял свой треух Валько, нимало не смутясь кентавровыми воплями. — Ты хлопца не трожь, это он нам одчиняв... А орать — это мы и сами с волосами! Слышал небось, как мы ор учиняем? То-

то, шо слышал... Хлёбушка принес? Дай корочку, не жлобись...

Фол напоследок погрозил мне кулачищем и полез в сетку: ломать корочку для матюгальника.

Полбуханки оторвал, филантроп!

— Ты к Руденкам собрался? — спросил он у Валька.

— Угу, — набитый хлебом рот мало способствовал внятности речи.

— За оберегом явился?

— Угу.

— Ну и?

Вместо ответа Валько ткнул в сторону кентавра моим творением.

Фол уважительно хмыкнул.

Меня они оба теперь игнорировали.

И когда я начал одеваться, демонстрируя твердое намерение сопровождать матюгальника к загадочным Руденкам, где одного ремонту тыщ на пять, — Фол не стал противиться.

Запер дверь и поехал следом.

2

— Ой, спасайте, люди-нелюди добрые! Ой, лихоманка его, проклятушего, забери! Ой, погубил, по миру пустил, третий раз тиранит, чтоб ему, ироду, тридцать три рожна в самые печенки! Ой, гроши-то какие, деньжищи сумасшедшие!.. Кровью, потом, куска не доедали, на воде-хлебе...

Это Руденкова теща. Толстенная бабища в три обхвата, жиденский перманентик по овечьей моде «завей горе веревочкой», мопсовы брыли трясутся от причитаний, и слезы горячие вовсю бороздят могучий слой пудры. Есть, есть-таки жен-

щины в наших селеньях; что ни говори, а есть, на воде-хлебе, тридцать три рожна их врагам в печенки — за коня на скаку не поручусь, а в горящую избу запросто, особенно ежели там можно будет «ирода проклятущего» за глотку взять.

— Мама, хватит! Хватит, мама! Вот уже Валько пришел, он ладу даст... Да хватит же! Говорил вам: не фиг на батюшке экономить — а вы все свое: дьяка зови, дьяка с Журавлевки, дьяк больше пятерки не просит! Дозэкономились! Слышь, Валько, ты б уважил по старой дружбе — четвертной дам, это честно, без обмана, и еще литру на ореховых перегородках! Больше, сам понимаешь... тут чинить, не перечинить... мама; вы б пошли, кофе сготовили или еще куда...

Это собственно Руденко. Хозяин. Тощий очкарик, сутулится и непрерывно норовит чихнуть. Но зажимает нос двумя пальцами, отчего лишь передергивается мокрой собакой. Глаза за толстыми линзами стрекозы, лупатые, блестят фарами под дождем. Лицо отекло, набрякло красными прожилками, плавает по комнате туда-сюда больной луной... меж волнистыми туманами, лия свет на печальные поляны.

Шаг — и облако известки томно всплывает с пола, отчего и мне впору чихать, да не складывается как-то.

— И-и-и-и... иииии... и-и-и!..

Это Руденчиха. Дочь и жена, а двум соплякам, которых сразу по нашему приходу выгнали на двор гулять — им она небось мать родная. Миловидная худышка в халате-ситчике и шлепанцах на босу ногу, она сидит в углу, серой мышкой забившись в недра антикварного кресла (родной

брат моего кухонного монстра!) и скулит на одной-единственной тоскливой ноте, отчего морозец ползет по коже, и хочется сесть рядом на испохабленный паркет, ткнуться лбом в ее острые колени, затянуть дуэтом:

— И-и-и-и... ииии... и-и...

В коридоре туда-сюда ездит Фол, хрустя обвалившейся плиткой. Мне слышно, как временами кентавр дергает дранку перегородки между ванной и туалетом; тогда хруст раздваивается на кафельный и деревянный. Видел я эту перегородку: развалины Трои. Да она ли одна здесь такая... Куда квартирники с исчезником-управдомом только смотрят? Или хозяева не на одном батюшке экономят — каши со шкварками тоже жалеют?!

Впервые такое вижу.

— Лады, — подводит итог строгий Валько-матюгальник, комкая в руках треух. — Значит, самосвятом хату клали... дьяк-то хоть был пьяный?

— Трезвы-ы-ый! — истово причитает теща. — Не схотел причаститься!..

— Не схотел! — передразнивает ее очкастый Руденко. — Вы б, мама, налили да поднесли, он бы и схотел! Я ж помню, как вы змеей подколенной: чайку, Глеб Осипыч, чайку духмяного не желаете?!

Теща лишь храпит в ответ загнанной лошады. Понятия не имею, как они, родимые, храпят, но думается, что именно так.

— И-и-и-и...

Это из кресла.

Валько многозначительно смотрит на тещу, смотрит с осуждением, губами жует, и теща живо соображает, в чем дело. Перед нами мигом объ-

является поднос, расписанный по черни кровавыми маками, а на нем — початая бутылка и три пузатые стопки. Желтоватое содержимое бутылки щедро плещет куда следует, а из коридора, унюхав начало работы, катит Фол.

Хвост кентавра до середины в побелке.

— На корочках? — Валько не спешит принять на душу.

— На них, на них, красавицах...

— На ореховых?

— Да что ж вы, Валько, нас срамите?! На ореховых на перегородочках мы вам с собой дадим, а здесь лимонные... Неужто мы порядка не знаем?

— Цедру срезали? Свяченным-то ножичком?

— А вы попробуйте! Ежели горчит, то с нас магарыч!

Матюгальник берет стопку, придиричиво внюхивается, миг — и стопка пуста.

Рядом шумно крикает Фол, опростав вторую.

Только тут я замечаю, что все смотрят на меня. Пить с утра не хочется, я мнусь, а они смотрят. Валько внимательно, с пристрастием, Фол чуть насмешливо подмигивает, а семейство многострадальных Руденок — с опасливой надеждой. Будто стоит мне опрокинуть сто грамм, и станет их дом полной чашей с лакированными стенками. На память приходит: вот мы вваливаемся к ним в квартиру, и матюгальник представляет меня: «А цэ дядька Йора крестник, знатный кручельник! Ось, бачьтэ, якой плетень...»

Сейчас мой «плетень» висит у входа на гвоздике.

Рядом с образком «Трех святителей», что вешается «...на основание дома...», и керамической

мордой манка-оберега: не мышонок, не лягушка, а неведома зверюшка.

И противная вдобавок до зарезу.

— Я это... я... а, да пропади оно пропадом!

Хлопаю стопку единым махом и запоздало понимаю: это спирт.

Чистый.

На корочках, чтоб им...

Слезы текут по моему лицу, воняя перегаром, а семейство Руденок счастливо ворочается напротив, будто я их рублем подарил. Аж супружница в кресле бросила стенать. Запахнула халатик, утерла замурзанную рожицу — мама моя родная, она улыбается!

Валько с одобрением хлопает меня по плечу.

— Оце, хлопче, сказанул! Сказанул так сказанул! Цэ по-нашему!

— Что? Что «по-вашему»?!

Смеются. Все смеются. Не отвечают. Ну и идите вы все... я беру с подноса дольку крупно нарезанной луковицы. Закусываю. Хруст лука на зубах противно напоминает хруст плитки под Фоловыми колесами.

— Ну шо, горемыки? Одзыньте, дайте место...

Валько начинает кругами мерить комнату, выбирается в коридор; слышно, как он громыкает сапожищами, на кухне течет вода из крана, это тоже слышно, а потом Валько возвращается.

— Мать-рябину отстаивали? — интересуется он.

Вместо ответа ему суют пластиковую фляжку с мутным отваром. Мать-рябины, надо полагать. Матюгальник откручивает крышечку, трижды сплевывает через плечо, набирает полный рот этой

гадости и начинает прыскать во все стороны. Я еле успеваю уворачиваться, и мои действия вызывают всеобщее восхищение. Словно истинным ценителям балета демонстрируют гениальные антраша и эти, как их?... сальто? курбеты?

Ладно, замнем.

Наконец Валько истощает запасы отвара, после чего достает из кармана уголек и принимается ходить из угла в угол. Пишет на стенах. Когда он вновь удаляется в коридор, я приглядываюсь к написанному. М-да..., понятно, чего они детей гулять выперли. Рядом со мной гулко дышит Фол, будто готовясь заново везти меня галопом по обледелым мосткам. К чему бы это?

— Ну шо? Почнем, благословясь, в Бога-душу-мать...

И все мысли разом вылетают у меня из головы, потому что Валько «починает». От души, от сердца, от горького перца. В хате становится тесно от мата: двух-, трех- и многоэтажного, этажи эти громоздятся один на другой, круто просоленной Вавилонской башней от земли до неба, многие перлы мне и вовсе незнакомы, я судорожно пытаюсь запомнить хоть что-то, я преклоняюсь, восторгаюсь, я понимаю, что талант есть талант, одним дадено, другим — нет, но дыхание перехватывает, память отказывает, и мне остается лишь присоединить свой безмолвный восторг к восторгу Руденок и молчаливому одобрению кентавра.

А матюгальник работает.

В поте лица.

Кроет благим матом.

Лицо Валька под завязку налито дурной кро-

вью, жилы на шее грозят лопнуть, но иерейский бас волнами плывет по квартире, баховским органом заполняя пространство от стены к стене, от окна к окну, от кухни к входным дверям, мы купаемся в лихих загибах, следующих один за другим без паузы, без заминки, без малейшего просвета, во время которого можно было бы перевести дух; ругань постепенно теряет исконный смысл, превращаясь в великую литургию, в священную службу пред неведомым алтарем, и глас матюгальника поминает мироздание, на чем там оно стоит, и лежит, и делает то, о чем говорят шепотом и преисполнясь, а мы внимаем, вставляем и вынимаем...

Стена комнаты вспучивается пузырем. Пузырь катится к углу, но у корявой надписи, сделанной угольком, резко тормозит. Кряхтят обои, Валько добавляет децибел, истово поминая основы основ под углом и по прямой, вдоль и поперек, а пузырь мечется в четырех стенах, не в силах прорваться в коридор через угольный шлак-баум.

— Подсекай, — хрипит Фол. — Валько, родной, подсекай — уйдет!..

И Валько подсекает.

Пузырь громко лопается, штукатурка течет из него белесым гноем, и наружу вываливается Тот. «Бомж-счезень», как называл его наш славный матюгальник — хотя я впервые слышу, чтобы кого-либо из Тех звали бомжами. Росточку Тот небольшого, в плечах узок, но пальцы длинных рук оканчиваются плоскими ногтями, больше похожими на жала стамесок. Визг, пронзительный, гоняющий мурашки по коже, мои зубы противно

ноют, будто хлебнул ледяной воды из-под крана — а Тот несется мимо меня по «полю брани» к входным дверям.

Я все вижу.

Я все... все...

У самых дверей, гонимый в спину Вальковой литургией, исчезник с разбегу налетает на невидимую стену. Он уже не визжит — он кричит, кричит страшно, воет собакой, попавшей под колеса самосвала; и в ужасе отшатывается назад.

Закрываясь когтистой рукой от моего «плетня».

Жала стамесок крошатся, сыплются под босые, склизкие ноги, когда Тот дергается в судорогах... меня тошнит.

— Ага, — рычит Валько, на миг прекращая обвал мата. — Ага, злыдень, попался на мулетку! Думал, раз дядька Йора нема... сижу в стене, молюсь сатане, як Валька услышу, так боль в спине!.. Едрить-раскудрить...

Фол опрометью кидается в коридор и ловит исчезника за сальные патлы. Как раз в тот момент, когда беглец собрался раствориться в ближайшей стенке, у кухонного проема. Исчезник норовит отбиться, полоснуть кентавра щербатыми когтями, но Фол оказывается проворней — кинув добычу на пол, кентавр наезжает на исчезника передним колесом и принимается трепать.

Смотреть на это больно.

Особенно когда из стены рядом со мной, прямо из сдувшегося пузыря, высовывается бородастая рожица: исхудалая, со впалыми щечками, обиженная судьбой, донельзя похожая на Руденку-хозяина — и счастливо голосит фальцетом:

— Дайте! Дайте ему! Что, зараза, думал, раз сильный, так последнее отбирать?! Дави его, колесатый!.. Дави пополам!

Я не выдерживаю. Схватив с забытого всеми подноса бутыл, я плещу в рожу квартирника спиртом на лимонных корочках. Распахивается непомерно большой рот, заглатывая добычу, квартирник счастливо всхрапывает и, вякнув напоследок «Д-дави!», исчезает, затянув за собой пузырь.

— Будешь гадить? — орет из коридора Фол. — Будешь, спрашиваю? Отвечай, сука!

— Н-не... не б-буду... больше...

— Громче!

— Не буду! Яйца отдавишь, козел! Пусти!

— Кто козел? Не слышу: кто козел?!

— Я!!! Я козел! Пусти! Клянусь, почию все!

— Мать-рябиной клянись!

— Клянусь! Мать-рябиной, Хлыст-брусом, Бетон Бетонычем... Да пусти же!..

Фол напоследок хлещет исчезника сорванным с гвоздика «плетнем» — мое творение сейчас длинное-длинное и отблескивает слюдой, — после чего сдает назад.

Берет обеими руками керамическую маску-уродку, торжественно возносит ее над лохматой головой — миг, и маска стремглав летит вниз.

Об пол.

Вдребезги.

— Он больше не будет, — спокойно говорит кентавр Руденкам.

Валько-матюгальник сидит на грязном полу и разглядывает на свет преподнесенный ему четвертной.

— Ото, кажу я вам, мулетка... — бормочет он себе под нос. — Ото всем мулеткам мулетка... Хлыст-брус, не мулетка...

На носу матюгальника до сих пор висит и никак не хочет падать капля.

Капля трудового пота.

3

...Наконец Валько уgomонился. Заснул. На том самом продавленном диване, где таились пружины-гадюки, и было предельно ясно — хоть гарпуном матюгальника тыкай, хоть «дротами наскрость пырай», не проснется. Так и будет храпеть с присвистом.

Часы показывали половину третьего.

День.

Я призраком бродил по «хате дядька Йора», стеная вполголоса и за неимением цепей брякая найденными в нише плоскогубцами. Их там, кстати, штук семь лежало, среди прочего инструментария. Я ждал Фола. Ох, что-то начинаю я привывать к этому занятию: именно ждать и именно Фола. А еще — у моря погоды. А еще — от Бога дулю. А еще...

Отчасти я был благодарен Вальку за компанию. Еще когда мы только вышли от счастливых Руденок, уже начавших вовсю подсчитывать стоимость нового ремонта, последнего и решительного, кентавр мигом укатил прочь.

— Я в центр, Алька! — бросил он через плечо. — Глядишь, разведая, что да как... Валько тебя проводит.

Валько и впрямь проводил. В результате чего мне пришлось формально (иначе помер бы без

покаяния!) участвовать в распитии дареной «литры», чокаясь с матюгальником полупустой рюмкой. Тосты в основном подымались по двум знаменательным поводам: «Шоб наша доля нас не цуралась!» и за меня. За славного крестника дядька Йора, кручельника обалденных плетней и мулетов, к которому Валько сразу душой прикипел. Бывало, с лестничной площадки грозил за вихры оттащить, а душа-то матюгальнику уже подсказывала, пела соловьем консерваторским: гляди, Валько, не проворонь, это кореш навеки, до гробовой доски, если не дальше и глубже. Дошло, хлопче?! Ну, раз дошло, тогда поехали... Я кивал, односложно заверял матюгальника в своей ответной приязни, соглашался (почти искренне!) учиться его мастерству, если дядько Йор позволит, обещал наворотить ему мулетьков задаром и сверх всякой меры; друг мой задаром не соглашался, кричал, что за ним не залежится, и когда Валько стал звать меня кумом — тут пришла Руденчиха.

С полными кошелками и толстой мамашей в придачу.

После часовой оккупации кухни превосходящими силами противника мы оказались счастливыми обладателями кастрюли борща, жаровни котлет и разно-всякого добра по мелочи. Еда прилась как нельзя кстати, я жадно хлебал борщ, стараясь набрать побольше тертого сала с чесноком, а Валько... Странное дело: он, допив из горлышка «литру», ограничился горбушкой хлеба с половиной котлетины. И Руденчиха, вопреки инстинктам прирожденной хозяйки, его не уговаривала.

Словно понимала: нельзя.

Когда благодетельницы ушли, Валько вновь завел нескончаемый панегирик в мой адрес. Я пригляделся к матюгальнику и понял, что он трезв, как стеклышко. Просто измотан до предела. До конца, до той смурной границы, когда сон бежит быстрее лани, когда отдых шарахается испуганным псом и приходится накачивать себя спиртом, что называется, всклень, вровень с краями. Иначе сдохнуть проще, чем отдохнуть.

Но едва я это понял, матюгальник заснул.

На диване.

Сразу.

Вот беда! Едва в квартире стало тихо, не считая Валькова храпа, как на меня навалилась тревога. Я ведь и не догадывался, что треп смешного ругателя — моя соломинка, которая держала Альку на плаву. Не давая с головой окунуться в бурную пучину размышлений. Два вечных вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». При полном отсутствии ответов. Жизнь перевернулась с ног на голову, я ничего не понимал, кроме одного: прежней жизнь уже никогда не станет, хоть наизнанку вывернись, хоть клей, хоть брей, и на донце моих измученных мозгов копошилась гаденькая мыслишка вкупе с цитатой из Ерпалычева послания.

Цитата была такая: *«Ведь в любом нормальном месте любой нормальный человек отчетливо представляет, что вокруг только Эти; а у нас и Эти, и Те! Мы даже не замечаем, что у нас город навыворот!»*

Мыслишка же была такая: «Неужто любой приезжий испытывает у нас то, что испытываю сейчас я?! Но ведь я — местный! Как же надо бы-

ло вывернуть меня, чтобы... и главное: кому это было надо?!»

Вариант первый: «Кто виноват?» — Ерпалыч. «Что делать?» — разыскать старого хрыча и... набить морду? Сперва подлечить, а потом набить?

Нет.

Не складывается.

Вариант второй: «Кто виноват?» — полковник с Михайлой на петлицах. Или иные темные силы, которые меня злобно гнетут. «Что делать?» — разобраться и... подставить морду, чтобы мне ее набили?!

Складывается ничуть не лучше.

Сатанея от ложных каверз, как сказал поэт, я уцепил с ближайшей полки ближайшую книгу. Есть такой способ гадания: берешь от фонаря, открываешь от фонаря, что прочтешь, так тебе и жить дальше. Нуте-с, глянем... «Сказки и мифы народов Чукотки». Ну, ясное дело... Листанул наугад. Внутри обнаружились закладки, верней, даже не закладки, а загнутые уголки страниц, левые верхние, отчего книга послушно распаивалась на этих путеводных вехах.

Ерпалыч, тебе чего, недосуг было бумажкой заложить?

Читаю.

«Матачгыркынайнын...»

Что?!

Тут вопрос жизни и смерти, а они...

Читаю еще раз, шевеля на всякий случай губами:

« — Матач... гыркынайнын... букв. «Сват-Кобе-лице». Упоминание о разумном собакоподобном

зверю впервые встречается в сказках о животных, записанных в стойбище близ Митуклина.

Ясно.

В стойбище, значит... Сват-Кобелище. Ставлю книгу на полку, беру следующую. «Сказки и мифы папуасов киваи». Хрен редьки не слаще. Гадание побоку, ищу заложенную страницу. Так, ищущий да обрящет... воистину обрящет.

Читаю.

— Религия и магия: киваи не верят в какое-либо верховное существо или в богов (во всяком случае, у них нет сколько-нибудь связанных представлений о таковых), они не приносят публично жертв, не молятся вместе, и у них нет священнослужителей — каждый, как правило, сам совершает обряды, нужные для общения со сверхъестественными существами. К любому такому существу киваи обращается с просьбами, лишь пока подобные обращения приносят плоды; убедившись в противоположном, киваи ищет себе других покровителей.

Молодцы, киваи! Деловые ребята... дай кокос, а то я другому кивать буду! Этому, как его... Сват-Кобелищу чукотскому.

Листаю.

Читаю.

— К носу лодки следует прикрепить кусок детородного члена собаки, к корме — очесок собачьего хвоста, по когтю с передних лап — к месту крепления балансиров на переднем брус; и по когтю с задних — к кормовому брусу. Это нужно для того, чтобы встретилось больше дюгоней и черепах...

Держа книгу в руках, я подошел к окну. Вни-

зу, во дворе, у металлического гаража напротив, стояла машина. Новенький джип. Дорогой, наверное, как зараза. Рядом с машиной нервно поглядывал на часы хозяин — коренастый парень в дубленке с меховой опушкой. Опушка была, прямо скажем, женская. Рядом с парнем топтался пожилой дядька в утепленном комбинезоне с капюшоном. Курил. На нагрудном кармане у дядьки красовалась эмблема: колесо с буквой *F* посередине. Небось, Тех-ник из ближайшей автомастерской. Осмотр подрядился делать. Железом греметь, масло плескать... ни черта я в этих машинах не понимаю, чем там гремят, куда плещут. Ритка, помню, все жаловался: в частных мастерских ухарь Тех-ник на хорошей сдельщине заговор, как болт, кладет — мотоцикл на любом бензине, как родной, фурычит. Правда, бабок стоит. А казенные Тех-ники-служивые, что при райотделе обретаются... После их заговоров радуйся, если из выхлопной дым валит! Бывало, что и не дым...

Парень в женской дубленке что-то беззвучно закричал, зло тыча пальцем в циферблат. От подворотни к нему торопился молоденький батюшка, в черной рясе поверх множества свитеров. Оскальзывался, а спешил. Все ясно. Новую машину сперва святить положено: как зарегистрируешься, так и святи, в трехдневный срок. А Тех-ник уж потом — с железом да с заговорами... опоздал батюшка.

Не дадут теперь бате чаевых.

Уйдя в глубину комнаты, я присел на краешек стула и принялся слушать Вальков храп. Изредка

матюгальник вздрагивал, сучил ногами, а в издаваемых им звуках проскальзывало былой песней:

— Хре... на хрррр...

А я почему-то отчетливо представил: вот ба-тюшка кропит джип крест-накрест, номерные знаки еле-еле мажет, дымком из кадилыницы в салоне смерчи закручивает — и вдруг берет кусок детородного члена собаки... или лучше не собаки, а Матачгыркынайнына, Сват-Кобелища. Берет и проволокой крепит спереди на капот, прямо к серебряному оленю. Рядом Тех-ник суетит-ся: к багажнику — очесок хвоста, к колпакам — по когтю...

Чтоб черепах с дюгонями больше встречалось.

А не встретятся — мы к другим помощникам обратимся.

Им кадить станем.

Мы за дюгонью вырезку кому хошь в ножки падем; мы за черепаший панцирь...

— Не быть мне пешим, как не стать мне лешим! — надсадно завопили со двора; видать, ба-тюшка свое отработал, пришла пора Тех-ника отрабатывать гонорар. — Как дитя не вернуть в мать, так машину не угнать...

На последнем слове Тех-ник пустил голосом такого «петуха», что меня всего передернуло; и еще противно заныли зубы.

Из книги, которую я по-прежнему держал в руках, вывалились какие-то бумажки; я машинально присел, подобрал. Газетные вырезки пожелтели от времени, текст выцвел, но читается сносно. Видать, Ерпалыч хранил для памяти.

Я поднес первую попавшуюся вырезку ближе к глазам.

АУТОДАФЕ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

«Недавно во дворе Екатеринбургского духовного училища Русской православной церкви были публично сожжены богословские произведения Александра Меня, Александра Шмемана, Иоанна Мейендорфа и Николая Афанасьева.

Распоряжение об уничтожении «модернистских» произведений православных богословов отдал епископ Екатеринбургский и Верхотурский Никон (Миронов). На заседании Духовной Консистории епископ поставил вопрос о недопустимости распространения «еретической» литературы в местных храмах. Услужливые клирики подсказали владыке, что подобная литература имеется прямо у него под носом — в библиотеке местного духовного училища, кузнице духовенства епархии. Епископ Никон немедленно позвонил в училище и приказал произвести на его территории акт публичного сожжения «неправильных» богословских произведений.

Выполняя распоряжение епископа, сотрудники библиотеки духовного училища вынесли во двор, где собрались священнослужители, учащиеся и просто любопытствующие, книги перечисленных авторов, бросили их в железный ящик и торжественно предали огню. Говорят, что при этом звучали какие-то песнопения. На позорное «пещное действо» прибыл благочинный храмов города Екатеринбургского протоиерей Николай Ладюк...»

Под верхним обрезом стояло маленьким шрифтом: «Московские новости, № 23, июнь, 1998 г.».

И не очень давно дело было... горят они, ро-

димые, и рукописи горят, и книги, синим пламенем пылают!.. Ерпалыч, мудрец ты мой, псих родимый — на кой ляд тебе эта вырезка понадобилась?

Чтоб я ее случайно нашел, случайно прочитал?!

Впору поверить.

Вторая заметка была короче.

ЛИЦО ГОРОДА УЖЕ УЛЫБАЕТСЯ

*(интервью с Ю. Шкодовским, начальником
Управления архитектуры горисполкома)*

— «...Горожане должны, наконец, стать хозяевами, должны участвовать в формировании среды, в которой живут. Вы знаете, что город — это очень крепкая система, живущая по законам природы? Ее невозможно остановить, нельзя убить. Она самовосстанавливается, самоорганизовывается. Но ее надо направлять грамотно. Чтобы не возникли стихийные явления, которые могут повредить этому механизму. Нет, не сломать, но повредить — и потребуется много времени, чтобы он снова отрегулировался, чтобы жители чувствовали себя комфортно. Эта система реагирует на политическое, экономическое, социальное состояние государства. Для меня город — живой организм. Я отождествляю эти два понятия».

Интервью с архитектором было опубликовано в «Теленеделе», местном дайджесте, благополучно выходявшем и по сей день; год... год тот же самый, что и «Аутодафе в Екатеринбурге», девятно восьмой. До Большой Игрушечной оставалось всего ничего...

Третья заметка оказалась из «Кировского рабочего», самая старая — двадцать пятое сентября 1992 года.

ЕГО НАЗЫВАЛИ МЕССИЕЙ

«Вчера в лесном массиве неподалеку от поселка имени XVI Партсъезда было найдено тело пропавшего без вести рабочего одного из местных строительных кооперативов Фрола Афанасьевича Соломатина. Его поиски начались более месяца назад после того, как Соломатин не вернулся домой из служебной командировки. По предварительным данным, смерть Соломатина наступила в результате нескольких огнестрельных ранений.

Фрол Соломатин был достаточно известен, как у себя в поселке, так и в областном центре. Участник обороны «Белого дома» в августе 1991 года, он, единственный из наших земляков, был награжден орденом Боевого Красного Знамени. В последнее время он также являлся активистом историко-краеведческого общества «Оллу джор», занимавшегося изучением и возрождением культурных традиций малых народов Предуралья.

Вместе с тем существует предположение, что погибший был тесно связан с одной из тоталитарных сект, члены которой считали этого молодого парня «Мессией», пришедшим на землю, дабы возвестить наступление «Судного Дня». В связи с этим Фролу Соломатину неоднократно угрожали физической расправой. По слухам, весной этого года на его жизнь уже было совершено покушение, в результате чего «Мессия» был легко ранен. Не исключено, что именно эта версия наиболее заинтересует следствие, которое в настоящее время ведет областная прокуратура.

Родственники и друзья погибшего категорически отрицают какую-либо связь между религиозными убеждениями Соломатина и его убийством. Следует отметить, что похороны погибшего состоятся согласно православному обряду...»

Дальше шли предложения услуг Клуба Содействия Бессмертию, статья о московской шаманке Ирине Нергу, заявление Марии Дюваль, «самой великой ясновидящей мира», о ее желании снабдить всех несчастных чудодейственными талисманами (начиналось оно сакраментальными словами: «*Бесплатное предложение, невероятное, но настоящее*» — что сразу напомнило мне Карлсону «*привидение из Стокгольма, жуткое, но симпатичное*»); и, наконец, самая последняя заметка касалась почему-то боулинга.

Я пригляделся внимательнее.

БОУЛИНГ — НЕ ЗНАЧИТ ШАРОВОЙ

«...Популярность боулинга настолько велика, что он будет официально представлен на ближайших Олимпийских играх. Наш город стал пока единственным в стране, где начал действовать боулинг-центр. Его открытие почтили своим присутствием губернатор области, мэр города, вновь назначенный замминистра охраны здоровья. А освятил это богоугодное заведение митрополит Харьковский и Богодуховский Никодим. Если бы вы видели, с каким божественным упоением бросал он потом шары!

«Здорово!» — сказал, поиграв, губернатор и тут же поделился планами...»

* * *

— Алька, ты дома? — рывкнули от дверей, и паркет взвизгнул под колесами. — Ну, кретин, ну, конспиратор... у тебя ж дверь незаперта!..

4

Во mnogой мудрости — много печали.
Много будешь знать — скоро состаришься.
Горе от ума.
Великие истины.

Скоро я имел возможность убедиться в этом, что называется, на собственной шкуре.

* * *

— ...сказочник ты, Фол! — изрекаю я после долгой паузы, пройдясь туда-сюда по комнате и проведя пальцем по краю пыльного стеллажа. С дивана раздраженно всхрипывает матюгальник, но просыпаться не спешит, а на моем пальце остается серое пятно. — Ганс Христиан двухколесный. Папуас киваи. Послушать тебя, так Ерпалыч, псих старый, чуть ли не Вий местного значения! Шаман из шалмана!

— За шалман ответишь, — бурчит мой друг, развалясь в углу грудой здорового духа в здоровом теле. — И за Ерпалыча. Хорошо хоть Валько тебя не слышит. Он на «дядька Йора» мало что не молится...

— Еще лучше! — Пузырьки волшебного шампанского (а точнее — руденковского спирта на корочках) клокочут в глотке, вырываясь наружу совершенно неприличным фырканием. Истерика

у меня, что ли? — Ерпалыч-великомученик, покровитель хануриков! Что ж он себя-то самого убересть не смог? Да и жилплощадь у красавца, хоть старое логово возьми, хоть местное... Наколдовал бы себе апартаменты, что ли?!

Вот ведь чувствую: несу чушь, откровенную ересь, да и вообще, гнусно это — человек пропал неведомо куда, может, и помер уже! — а я тут зубоскалю, но остановиться никак не получается.

Точно, истерика.

Скоро посуду бить начну.

— Идиот! — взрывается Фол, звонко щелкая хвостом, будто циркач — витым шамбарьером. — Апартаменты ему, придурку! И так уже где не надо интересоваться начали: говорят, в Дальней Срани крутой шаман объявился? Тех-ник без лицензии, без патента?! П-почему не знаем? А тебя, охломона, писаку хренова, он, кстати, на смену себе прочил!

— Меня?!

Вот что-что, а это Фол умеет: так огорошит, что хоть стой, хоть падай! Шаман Ерпалыч прочит себе на смену Алика-писаку! Воскамлаем мы на пару, грянем в славны бубны за горами, и стану я Сраным Шаманом, грозой бомжей-исчезников и утопцев в законе!

Ну не бред ли?

И еще: впрямь ли он бредовой всего окружающего?..

— Нет, меня! — дразнится Фол. — Пень ты, Алька, как есть пень! Ерпалыч с месяц назад так нам с Папой и сказал: долго, мол, к парню приглядывался, а теперь уверен — вытянет! Еще по-

боле меня вытянет, только он сам об этом покамест не знает.

Ага, ясно. Фол, выходит, знает, Папа знает; Валько-матюгальник небось тоже знает — один я пень, понимаешь, пнем! Город есть такой, слышал — Пномпень, там все вроде меня...

Почему-то мне очень захотелось наступить Фолу на хвост, но делать этого я, естественно, не стал. По многим причинам, в большинстве уважительным. Просто присел перед ним (перед Фолом, а не перед хвостом, конечно!) на корточки и очень внимательно посмотрел кентавру в глаза.

Фол спокойно сыграл со мной в гляделки.

Выиграл.

Я моргнул первым.

— А сам-то ты хоть веришь в то, что говоришь? — проникновенно вопрошаю я. — Ну скажи, Хволище Поганое: веришь?

— Да не верю я! — Кент вдруг хватает меня своей ручищей за ворот рубахи и дергает к себе. Я падаю на четвереньки, бешеные глаза Фола оказываются совсем рядом, и где-то на задворках сознания мелькает на удивление отстраненная мысль: «Псих. От Ерпалыча заразился».

Кто «псих» — кентавр или я? — сие мне неизвестно.

— Не верю! — рычит Фол мне прямо в лицо, брызгая слюной. — Я ЗНАЮ! Я — знаю, а ты — нет! А раз ты такой упертый... поехали! На бугая своего посмотришь, вот тогда и послушаем, как ты запоешь! Не верит он, видите ли... не верит...

Фол наконец отпускает меня, и я с размаху сажусь на пол.

—

Мой приятель явно уgomонился и даже отчего-то повеселел. Теперь это — привычный мне Фол, явно задумавший учинить надо мной очередную каверзу.

— Какого еще бугая? — осторожно интересуюсь я. — Быка, в смысле?

— В смысле! — ржет Фол. — Во всех смыслах. Быка. В лабиринте.

Ну конечно, книжку-то мою он читал, подарил я ему когда-то. С автографом... Вот и издевается теперь.

— Да что я, быков не видел?.. — Увы, Фол уже на колесах и нависает надо мной монументом «Родина-мать зовет».

Шансов отвертеться нет ни единого.

Буркнув: «Тогда сам меня к этому быку и повезешь на горбу!» — я с неохотой бреду одеваться.

5

Путь к обиталищу загадочного бугая оказался коротким, но запутанным до чрезвычайности. Случись мне потеряться, отстать от Фола, обратной дороги я бы вовек не нашел. Мешанина улочек Дальней Срани, тупики, повороты, какие-то проходные дворы, расчищенные (видать, специально для кентавров) спуски и подъемы; однажды нам даже пришлось лезть через забор, причем Фол управился куда быстрее меня. Все это безобразие мелькало перед глазами черно-белым калейдоскопом дальтоника, так что под конец у меня начала кружиться голова. И почти сразу Фол лихо притормозил у приземистого серого здания

с колоннами у входа и аляповатой вывеской «Кино КИТЕЖ театр». Изнутри доносился приглушенный фокстротик, который при нашем приближении оборвался, сменившись воплями и стрельбой — внутри явно шел замшелый боевик.

— В киношку собрались? — интересуюсь я. — Целоваться на заднем ряду?

Фол отмалчивается.

Центральный вход кентавра не заинтересовал. Мы рысцой объехали «Китеж» с тыла и остановились у массивной железной двери — как в старых бомбоубежищах: бабуса чуть ржавая, но, в общем, неплохо сохранилась, со следами былой молодости в виде обильных заклепок, а также с внушительным штурвалом запорного механизма.

Из новообразований имеется висячий замок — грозный страж амбаров вызывал уважение одними своими размерами.

— Правительственный бункер? — наугад предполагаю я, спрыгивая на землю и с удовольствием пойдя вприсядку: ноги затекли и малость продрогли. — Ерпалычево капище?

— Нет, стойло, — хмыкает мой приятель, подкатывая к самой двери и извлекая из-под попоны здоровенный ключ с замысловатой бородкой. — Сейчас знакомить вас буду. Тихо, по-семейному...

Нас — это меня и бугая, надо понимать?

Дверь открывается на удивление мягко, без ожидаемого скрежета; и Фол, сунувшись внутрь, машет мне рукой: пошли, мол.

Кирпичные ступени полого уходят вниз, в подвал; рядом — наклонный пандус, по которому

неторопливо катит кентавр. Над головой вполнакала горят пыльные, засиженные мухами лампы.

Если чего и не хватает, так это горячей надписи: «Оставь надежду всяк сюда входящий!».

Хорошо, что я надежду дома оставил, заранее...

— Свои, Миня! Свои! Вылезай, хватит прятаться! — возвещает Фол, вкатываясь в тайные лабазы «Китежа».

Перед нами открывается целый лабиринт коридоров и складских помещений. Свет горит далеко не везде, и часть территории тонет во мраке. Глубина лабиринта чихает, храпит, заставляя вспомнить Валька-матюгальника; потом до нас доносится громкое фыркание — и я невольно прижимаюсь к горячему боку Фола. Кентавр косится на меня и ехидно ухмыляется: что, струсил?

Хорошо ему смеяться! Вот сейчас этот самый бугай как ломанется из темноты...

Снова фыркание, и ему гулким эхом вторят приближающиеся шаги. Скрипят половицы, им отвечает скрип двери... Странно, но складывается впечатление, что идущее к нам существо передвигается на *двух* ногах! Или на двух костылях, которые грузно впечатываются в пол: сфырлы, сфырлы, на липовой ноге, на березовой клюке... все по селам спят, по деревням спят... В ближнем проходе мелькает силуэт: кряжистый исполин украшен тевтонским шлемом — почти сразу исполин входит в пыльный свет лампочек, и я невольно отшатываюсь, едва успев подавить крик: к нам идет... Минотавр! Настоящий! Массивный

торс, сплошь в космах бурой шерсти, увенчан тяжкорогатой головой; бугрятся узлами мускулов длинные, до колен свисающие руки, тупые когти на корявых пальцах напоминают о гонимом «бомже-счезне»; зато чресла чудовища затянуты в самую что ни на есть обыкновенную «варенку», и из бахромы штанин торчат лохматые бабки с копытами.

Скырлы, скырлы...

Джинсы Минотавру коротковаты.

— А вот и твое чадо, Алик, — весело скалится двухколесная скотина по имени Фол. — Миня, Миня, иди к папочке!

— Ч-чадо? — заикаясь, переспрашиваю я. — М-мое?! Ты чего, Хволище, умом тронулся? Какое чадо?! Что я, по-твоему, с буренкой согрешил?!

На мгновение я забываю о надвигающемся на нас исполине.

До чудовищ ли теперь?!

— Ты, может, и не грешил, — откровенно хохочет кент, — зато Миня это дело очень даже любит! Он у нас производитель знатный! Кроет телок за милую душу!

Минотавр совсем рядом. Останавливается. С любопытством глядит на меня — и во влажном взгляде, в странно-осмысленном наклоне бычьей башки мне вдруг чудится что-то знакомое! Реальность плывет перед глазами, в голове гремит горный обвал, обнажая полустертые, зыбкие воспоминания — и там, внутри моего многострадального черепа, возникает все тот же рогатый чело-векобык, глядящий на меня... из зеркала!

...тогда я заканчивал «Быка в Лабиринте». Заканчивал туго, кроваво, готовый распять самого себя без надежды на воскресение, и однажды, проснувшись среди ночи, после особо яркого сна, увидел в полумраке зеркала...

Мало ли, чего человеку почудится спросонья? Изумленно моргая, я протер глаза, и призрак исчез, растворился в тенях комнаты; но я запомнил его, запомнил — и именно таким виделся мне с тех пор Минотавр, когда я усаживался за клавиатуру и строчки вприпрыжку бежали по экрану.

Именно таким: рогатый человекозверь, неуловимо похожий на меня самого!

— Не бойся, Алька, — Фол трогает меня за плечо, и от этого прикосновения я прихожу в себя. — Миня у нас смирный, мухи не обидит. Весь в тебя, между прочим.

Миня придвигается вплотную, источая смрад коровника, и я ощущаю на лице его горячее дыхание.

— М-маааа, — мычат вывернутые губы, и мокрая терка языка касается моей щеки. — М-ма-а-а...

— Вишь, признал! — ликует Фол, доверху преисполняясь счастьем. — Признал! Мамой зовет! Ух ты, мой хороший, мой славный!..

— М-м-мыыы...

И вот я уже, плохо соображая, что делаю, глажу Миню по косматому загривку, а он все норовит облизать меня с ног до головы, а я вспоминаю тот день, полный горечи и пьяного угара день, когда от меня ушла Натали...

* * *

...Всю неделю Натали вела себя странно: время от времени я ловил ее испуганные взгляды исподтишка, а едва я оказывался у нее за спиной, она всякий раз резко оборачивалась. Словно опасалась, что я сейчас наброшусь на нее и задушю, как Отелло Дездемону. Наверное, беда началась гораздо раньше, но я, с головой уйдя в работу над книгой, заметил эти странности лишь после того, как Натали отказалась спать со мной в одной кровати, и вразумительного ответа на вопрос «Что стряслось?» мне добиться не удалось.

Зато сама Натали пару раз ставила меня в тупик вопросом: «Кто там у тебя в комнате?» Кроме меня и компьютера, в комнате никого не было, и в конце концов я списал все на шалости Тех — хотя в нашем доме такого до сих пор не случалось! Я уж совсем было собрался заказать водосвятный молебен — средство верное, в любом справочнике патриархии реклама с контактными телефонами! — но не успел. Однажды, проснувшись, я увидел, как Натали лихорадочно собирает вещи. На все мои судорожные попытки удержать ее или хотя бы добиться разумных объяснений она не реагировала, и лишь в дверях, в ответ на мой отчаянный крик «Да что с тобой, детка?!», яростно швырнула мне в лицо: «Со мной?! Это я должна спросить тебя — что с тобой?! Ты... ты — чудовище, Алик! Не ищи меня!»

И хлопнула дверью изо всех сил, вызвав осыпь штукатурки с потолка.

Так я и не понял, что с ней произошло. Ни тогда, ни после, когда в десятый раз звонил ее родителям (разыскать Натали оказалось проще простого:

куда ей деваться, кроме мамы?) — неизменно встречая сухое отчуждение на другом конце провода, вне зависимости от того, кто снимал трубку.

В конце концов я плюнул и перестал звонить.

А в тот день...

В тот день я напился.

Напился крепко, в одиночку, как последний алкаш, судорожно глотая теплую водку из стакана, припадая к грязным граням колодца забытья, возжеленного и оттого еще более недоступного... Потом меня едва не стошнило, желудок взбунтовался, и, вскрывая банку килек в томате, я крепко порезал палец о жестяные зазубрины, даже не обратив на это внимания.

Когда в голове заплескалась липкая муть, а ноги пошли в самоволку, норовя свернуть куда угодно, лишь бы не туда, куда требовалось мне, я добрал до компьютера и долго сидел, тупо глядя на экран с ровными рядами белых строчек на синем фоне. Люблю я белое на синем... белое... на синем... Строчки издевательски заплясали, размылись барашками пены на волнах, и сквозь них проступила рогатая башка с печальными глазами навывкате. Мой Минотавр грустно смотрел на меня, словно тоже прощаясь перед уходом — и я не выдержал.

— У-у-бью-у-у, скотина! Из-за тебя все!

Кажется, я орал это вслух, брызжа слюной на ни в чем не повинный экран — но тогда мне было все равно. Плевать на контракт, на поджигающие сроки, на полученный и давно потраченный аванс — сейчас я ненавидел свой текст, он был мне противен, противней водки, противней килек... Нет, не так. Не совсем так. Мне было плевать на всех этих древних греков с их проблемами, быками, ла-

биринтами и сволочью по имени Тезей, но имелся один фрагмент, который я набросал совсем недавно. Там все происходило здесь и сейчас, у нас в городе, где беднягу Минотавра, в сущности — несчастное, забитое создание, — травили жорики и звереющие обыватели во главе с проходимцем-журналистом, взыскующим славы и жареных фактов, и по странному течению обстоятельств журналиста тоже звали Тезеем...

Именно этот кусок был сейчас передо мной на экране.

Не дам! Я сюда душу вкладывал, в эти строчки, в этого несчастного Миньку, вынужденного скрываться в подвалах и канализационных трубах... не дам!

И твердой рукой я убил текст. Издатель получит своих греков, Тезея и гору подвигов, а это — выкусите!

Хорошо еще, не отформатировал диск под горячую руку...

Потом среди вороха бумаг я откопал единственную распечатку и, шатаясь, потащился на кухню.

Разжигая жертвенную горелку (почему именно жертвенную?.. не знаю...), я глупо хихикал, давясь собственным смехом, пока наконец не обратил внимание на свой порез. Кровь до сих пор сочилась из пальца, пятная зажатые в руке листы бумаги, и я глупо ухмыльнулся: кровавая жертва! Прямо как у чертовых греков. Ну и пусть! Так даже лучше! Ощущение было такое, что я отрываю и жгу, принося в жертву, кусок самого себя.

Наверное, правильное ощущение.

Когда все было кончено, когда в кухне остался лишь резкий запах гари да черные хлопья сгоревших

страниц на плите, я распахнул форточку. Налетевший из ниоткуда порыв ветра подхватил пепел, закружил его черной траурной каруселью — и унес прочь.

Горят рукописи, горят, милые, еще как горят...

Я постоял еще немного, а затем вернулся в комнату и залпом допил остатки противной, теплой водки прямо из горлышка.

Дальше — не помню.

А потом я за неделю как-то на удивление легко «добил» роман, сдал довольному главреду, получил деньги — и еще на неделю ударился в загул: заливать вином пустоту, которая образовалась у меня внутри.

Думал, на этом все и кончилось...

6

— М-м-м-маа...

— Да не мама, а папа, — через силу усмехаюсь я.

— Эт точно, — Фол сейчас на удивление серьезен. — Папа. Отец. Ну что, теперь убедился, демиург-недоучка?

— Убедился, — крыть, в отличие от Миньки-производителя, мне нечем и некого. Прав Фол. Прав Ерпалыч (где-то он сейчас?). Все кругом правы, один я стою пред детищем своим дурак дураком, в голове сумбур полный, и что теперь делать — понятия не имею.

— На вот, угости его, — Фол сует руку под попону и протягивает мне горсть белых кубиков.

Сахар.

Миня мигом оживляется и, благодарно урча, одним махом слизывает угощение с моей ладони своим замечательным языком.

— Ну, пошли, что ли? — Фол смущенно касается моего локтя.

— Пошли, кент. Не скучай, Миня, я к тебе теперь заходить буду, — на прощанье я вновь треплю по загривку свое чадо, и мы направляемся к выходу.

Миня провожает нас долгим грустным взглядом — совсем как тогда, когда проступил передо мной сквозь экран монитора, в тот проклятый день...

Обратно я пошел пешком. Фол, по давней привычке, катил рядом, принаравливаясь ко мне, и монотонно бубнил в ухо:

— Он года три назад у нас объявился. На помойках побирался, еду у прохожих кланчил. Народ поначалу от него шарахался — этакое-то чудище! Кто ж тогда знал, что он безобидный совсем?! Одни собирались охоту на него учинить, чтоб детишек почем зря не пугал, другие хотели за Дедом Банзаем посылать... а тут Ерпалыч в очередной раз к нам заявился. Как увидел его — прям-таки остолбенел, а едва в себя пришел, строго-настрого убивать запретил! Ну, мы с Папочкой Миньку отловили — хрена его ловить, булку с маслом издалека показали, он сам примчался как миленький! Голодный был — не то слово! Определили его в этот самый подвал под «Китежем». Стали харч всякий подсовывать (Ерпалыч велел проверить) — все жрет, что ни дашь!

И хлеб, и мясо, и консервы, и сено тоже наворачивает...

Фол на время умолкает, потом вновь заводит волюнку.

— Дальше наши, кентавры, веселиться начали: выведут Миню вечером на прогулку (не все ж ему, бедолаге, в подвале томиться!), спрячутся в какой-нибудь подворотне и ждут. Как мимо жорики патрулируют — они Миню вперед. Высунется из-за угла ряшка с рогами, замычит — у жориков, понятное дело, душа в пятки! А наши Миню под локти и ходу, пока служивые с перепугу палить не начали! С полгода веселились, потом надоело. Зато патрулей с трех микрорайонов, словно тараканов, повывели!

Я понимал, что мой приятель пытается развеселить меня, и отчасти ему это даже удалось, но на душе все равно кошки скребли. Если бы меня в подвал посадили и по вечерам мною служивых пугали — каково бы мне было?..

— А по весне кто-то в шутку предложил: давайте, мол, его к фермерам свезем! Глядишь, от такого бугая у фермерских коров приплод пойдет, да и Миня нехай порезвится! И что ты думаешь, Алик? Сказано — сделано. Фермеров долго убалтывать пришлось, но в итоге уболтали. Ты нас знаешь — мы и мертвого уговорим.

— Знаю, — криво усмехаюсь я. — И мертвого уговорите, и живого уморите.

— А на другую весну фермеры уж сами к нам гонцов прислали: давайте, мол, своего бугая! У тех голландок, которых он крыл, телята родились — загляденье! А мы, мол, вам и маслица отвесим, и медку, и всяко-разно... Короче, Миня теперь свой

хлеб с сахаром не зря жует! Один раз только с ним конфуз вышел, — Фол даже хрюкнул от удовольствия. — Есть у нас тут в Дальней Срани две шалавы, больно до этого самого дела падкие. Подобрали они, стервы, ключи и шасьт к Мине в подвал! Хорошо хоть Пирр наведалься вскоре — не вмешайся он, заездили б Миньку в два счета...

Я тоже не удержался и прыснул.

— Ладно, хохмы хохмами, — оборвал сам себя Фол, — а вот Ерпалыч чадом твоим всерьез заинтересовался. Сутками с ним в подвале просиживал — все говорить его научить хотел, чтоб расспросить о чем-то. Так толком и не научил, правда. Потом книжка твоя вышла, та самая... Вот тогда-то Ерпалыч и начал к тебе присматриваться. И нам намекнул, откуда Миня у нас объявился. Ну что, Алик, прав оказался дядько Йор?

— Прав, — выдохнул я, выбрасывая окурочек и кашляя от сухости в горле. — Хочешь, расскажу, как дело было?

— Расскажи, — с готовностью кивнул мой приятель.

И я рассказал. Все. Пока до дому добрались, как раз все я ему и выложил, потому что понял вдруг — не могу больше в себе носить! Кому и расскажешь, если не Фолу? Был бы рядом Ерпалыч...

Эх, Ерпалыч, шаман ты хитроумный, что ж с тобой приключилось-то?

А у самого дома нас поджидал сюрприз. Весело скалясь, виляя хвостом и вообще всячески выражая свою радость по поводу нашего появления.

— Ты что, сбежал? — я присел перед псом на

корточки и серый беглец, вместо того чтобы броситься лизаться, неожиданно кивнул.

Или это мне померещилось?

— Ладно, пошли, Сват-Кобелище, — медленно поднимаясь, я ощутил, что реальность вот-вот снова начнет трещать по швам. — Сейчас домой зайдем, пожрать сообразим...

Я попытался спрятаться в скорлупу привычных, обыденных слов, но получалось плохо.

На лестнице пес обогнал нас и уверенно остановился перед дверью той самой квартиры, куда меня определили Папа с Фолом.

7

За окнами смыкались ранние зимние сумерки, на кухне шкварчала яичница с ветчиной, которую взялся готовить Фол, а Сват-Кобелище бдительно следил за этим процессом, всем своим видом показывая: за вами глаз да глаз нужен, а то вы мне тут нажарите!

Валько-матюгальник ждать ужина не стал.

Ушел.

Трижды облобызав меня на прощанье.

Маленькое электрическое «солнце» под толчком, тепло, уют, дразнящий запах яичницы — чего еще человеку надо? Там, за стенами — снег, темень, жорики с архарами, тенью бродит в лабиринтах подвалов Миня, пропадает невесть где псих Ерпалыч, гниют в застенках Ритка с Фимочкой, а здесь — здесь тишина, покой, здесь мой друг Фол и неизвестно как нашедший меня серый бродяга, и... и надо бы позвонить к себе домой! Есть ли там кто-нибудь? Хотя кому там быть? Разве что Идочке, и то навряд ли...

Глупо.

И даже более, чем глупо.

Но просто так сидеть в кресле и ждать яичницы я уже не мог, мне не терпелось сделать хоть что-то, а ничего, кроме этого, в сущности, бессмысленного и опасного звонка, я придумать не мог.

Телефон был старый, с потертым и треснувшим диском, толстый шнур от него гадюкой уползал в коридор, где и прятался в нору.

Трубка молчала. Блокиратор? Я прижал трубку к уху поплотнее, зачем-то зажмурился — и мне показалось, что далеко, на пределе слышимости, раздается потрескивание и неразборчивый шелест двух голосов. Ну конечно, блокиратор! Сейчас они наговорятся, скажут друг другу «Пока!», повесят трубки... Я клацнул рычагом, раз, другой, третий... ну гуди же! И в ответ мембрана послушно загудела.

Я ткнул пальцем в диск.

Как он медленно вращается!

Вот сейчас в моей квартире раздастся звонок, противно задребезжит, требуя к себе внимания, Идочка, вздрогнув от неожиданности, поспешит к телефону... Ну пусть она будет дома! Пусть сидит в кресле, или нет, лучше пусть открывает входную дверь, раскрасневшись с мороза и выдыхая облачко пара... Может, она знает, что с Фимой и Риткой? Должна знать!

Я, словно наяву, представил себе эту картину; нет, не картину — картины я не умею, я умею иначе, по-своему, белое на синем, и пенные барашки послушно складываются в слова, слова

выстраиваются кажущимся беспорядком фраз, а там, где притулились запятые, там обязательно требуется пауза с придыханием, пальцы незримо ласкают клавиши, строка бежит за строкой, и вот оно: пухленькая медсестра торопится к верещащему телефону, на ходу инстинктивно оправляя волосы — женщина, брось прихорашиваться, сейчас тебя все равно никто не видит! — а телефон звенит, звенит...

Долго звенит. Я наконец осознаю, что в мое ухо уже, наверное, вторую минуту ползут монотонные длинные гудки, а трубку никто не берет. Потому что Идочку из моей квартиры наверняка выперли, а саму квартиру опечатали! Я тут сижу, абзацы, понимаешь, в голове расписываю, а на самом деле...

Щелчок. И запыхавшийся голос Идочки:

— Алло! Да алло же!

— Привет, Идочка! Вы там что, заснули? — первое, что приходит мне в голову.

— Нет, я мусор выносила. А тут звонок. Я его еще со двора слышала. (Врет. Честное слово, врёт! Не могла она со двора ничего услышать!) Ой, кто это? Это вы, Олег Авраамович?!

— Я, я, Идочка.

— Вы... вы... — сопрано моей сестры милосердия вдруг трескается, пускает жареного петуха, кажется, она вот-вот расплчется прямо в трубку. — Что вы натворили?! Во что вы меня впутали?! Я... я... они меня забрали, допрашивали... А я ведь ничегошеньки не знаю! Я и вас-то совсем не знаю, я же ни при чем, а они... За что вы так со мной?!

— Идочка, ради Бога, не волнуйтесь! Я ничего

не натворил! А вы так совсем ни при чем! Ведь они же вас отпустили?

Если б я еще понимал, кто — «они»...

— Отпустили-и-и... — на том конце провода слышатся явственные всхлипывания. — Только что ж я теперь... куда я теперь?! С работы выгнали, жить мне негде — а тут еще и привод вклеили! Все из-за вас и из-за дружков ваших, и зачем я только с вами связалась?.. Выкинут на улицу, на мороз...

Хлюпанье носом. Ох, утешитель из меня... втравил девку черт знает во что!

— Да живите пока в моей квартире! Зачем вам на мороз-то?!

— Ну да, а потом вас все равно арестуют, посадят, а меня выгонят...

Хорошо хоть, носом хлюпать перестала — не выношу я этого!

— За что меня арестовывать, Идочка? Я книжки пишу, а не людей граблю!

— Не знаю я, чего вы там пишете... Я другое знаю: меня забрали, друзей ваших забрали — а вы удрали, да?!

— Удрал, — честно признаюсь я. — Испугался я, Идочка. А с друзьями-то моими что? С Рит... С Ричардом Родионовичем, с Фимой?

— Говорю же — забрали их! Меня вот отпустили, а их — не знаю... Олег Авраамович, вы лучше сдавайтесь, хорошо? Вам же лучше будет!

— Посмотрим, посмотрим, — бурчу я в трубку на мотив «Варяга». — А вы, Идочка, успокойтесь, все уже позади, вы тут в любом случае сбоку припека. Я вам через пару дней перезвоню. Лады?

— Лады-то лады... — На том конце провода

снова начинаю всхлипывать, и я поспешно кладу трубку.

Ну вот, сам вляпался в дерьмо по уши, и друзей травил, и еще эту... Так, хватит сопли распускать! Арест — дело скверное. Но, с другой стороны, могло быть и хуже: зная Фимочку, когда он заведется... Все, что им могут пришить — это сопротивление при аресте. В любом случае, приятелям я сейчас ничем помочь не могу, разве что внять Идочке и сдаться. Вот ведь положеньице: сбежал от властей, прячусь в Дальней Срани, где меня в шаманы прочат, детишек рогатых натворил! Похоже, кое-кто решил «дядька Йора» к рукам прибрать, дабы использовать на благо... не важно, кого или чего. Ну а меня — последним свидетелем. Опять же, водку со стариком в тот день пил, глядишь, знаю чего... Вроде складно получается, кроме... кроме исчезника в сортире и полковничьего налета! Был бы я просто нужен: вызови тихо-мирно повесткой, без лишнего шума... Да и следователяша по этому вопросу ко мне приходила — зачем же мебель-то ломать? Или им не один Ерпалыч — им и я, Залесский Олег Авраамович, сильно занадобился?!

Может, они и про Миньку уже знают?

Может, и знают. Изловят меня, в камеру посадят и заставят всяких чудищ на спецзаказ измысливать? И неужели они меня боятся?! — дошло вдруг до меня. А ведь боятся! Иначе зачем целая свора пятнистых волкодавов с доставкой на дом?!

Полковник наш рожден был хватом?!

Безумная карусель вертелась в моей голове все быстрее, паника накатывала весенним полово-

дьем, так и подмывая сорваться с места и бежать, бежать, куда глаза глядят...

Эх, и впрямь рвануть бы сейчас из города, а то и вообще из страны, хоть в те же Штаты, к отцу с Пашкой, удрать от бедлама... К отцу. К Пашке. Пашка. Перед глазами сразу встает мутный омут Выворотки, застывший навсегда последним днем Помпеи перед Большой Игрушечной — и колче-рукий Пашка, по следу которого мчится свора Первач-псов! Куда ехать, дебил, у кого отсиживаться?!

Надо немедленно позвонить отцу.

Надо сделать хоть что-нибудь — иначе эти вынужденные прятки сведут меня с ума!

Американский номер я помнил наизусть. Восьмерка, код, второй код, вспомогательный... семь цифр. Трубка долго молчала, чуть потрескивая, и я машинально водил пальцем по пыльному эбониту телефона, рисуя привычный знак соединения и бормоча про себя смешной заговор — тетя Лотта научила, от помех при связи. А сам тем временем перебирал в горсти обрывки слов, складывая их в предложения, в интимное предложение суке-реальности выйти за меня замуж, потому что у нас получатся чудесные дети, и вот, вот оно, складывается помаленьку, белое на синем: мой сигнал в виде крохотного Альки-писаки путешествует по тонким нервам проводов телефонных сетей, щелкают, переключаясь, всякие реле, тихо жужжат компьютеры, направляя мой звонок по единственно верному пути...

Единственно верному, как единственно верны эти слова, которые память то и дело швыряет мне в лицо, словно нищему — стертую копейку:

— Где-то стоят красивее дома, —
Что ты! О них можно только мечтать!
Словно в красивых обложках тома...
Жаль, мне совсем неохота читать.

Поезд зашелся прощальным гудком,
В горле комок, как тисками, зажат.
Все это, все это, все это — дом,
Дом,
Из которого я не хотел уезжать...

Я даже папин аппарат мельком увидел: кнопочный, ярко-алый, в виде автомашины, и маленькая надпись сбоку *«Made in China»*.

И кнопки не внутри, а снаружи, на кузове, из-за чего страшно неудобно набирать номер, не имея при этом возможности приложить трубку к уху.

Вот такие-то дела.

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Куцые островки пегих волос за ушами — все остальное съела блестящая, словно лакированная лысина — а на затылке эти островки неожиданно сливаются в хвостик, туго схваченный резинкой. Хвостик он завел перед самым отъездом, тогда же, когда вдруг стал бриться редко, раз-два в неделю, и гладкие ранее щеки покрылись вечной щетиной, сизой порослью безразличия к собственному облику. В толстых пальцах вечно крутится карандаш, или маленькие маникюрные ножнички, или еще какая-нибудь безделица — лишь бы держать, вертеть, играть; но незнакомые люди всегда удивлялись, когда эти пальцы-сардельки принимались легко гулять по фортепианным клавишам, оглаживая слоновую кость еле заметными прикосновениями.

И еще: он никогда не смеется громко, приглашая вас присоединиться — лишь чуть-чуть, намеком, слабой дрожью губ.

Вот он какой, мой отец...

Длинный гудок.

Еще один.

Щелчок.

И чуть картавый голос отдельно произносит импортные слова. Да это же папин автоответчик! Сейчас на русский перейдет. Точно, так и есть:

— С вами говорит автоответчик Авраама Залесского. Оставьте ваше сообщение и номер телефона, по которому вам можно перезвонить, после звукового сигнала.

Бииип.

— Папа, это я, Алик! Папа... у вас с Пашкой все в порядке? Перезвони мне по телефону... (Черт, какой здесь номер? Ага, вот, есть, под прозрачной пластиковой накладкой на самом аппарате.) По телефону 66-11-47 — в ближайшее время я буду по этому номеру. Только обязательно! Жду.

— Ты чего, позвонить решил? — В дверях появляется Фол, а сбоку от него в проем втискивается любопытная собачья морда. — Брось ты это дело. Я еще утром шнур случайно оборвал. Завтра почию. Пошли лучше яичницу жрать...

И замолкает, потому что я протягиваю ему трубку, где постепенно гаснут короткие гудки.

Отбой...

Я машинально глотаю куски чуть пережаренной яичницы (что, серый, недоглядел?), Фол и Сват-Кобелище тоже старательно жуют — и оба косятся на меня.

Оба..

Странно косятся, со значением.

— Так, говоришь, дозвонился? — в третий раз переспрашивает мой приятель.

— Дозвонился. Даже два раза. Домой и в Штаты.

В том, что шнур действительно оторван, я уже успел убедиться.

— Значит, не зря Ерпалыч на тебя глаз положил, — удовлетворенно кивает кентавр. — Ох, Алька, ох, хитрюга...

Это я, значит, хитрюга:

— Так что мне, век тут с вами куковать?! Телефоны заговаривать, Минек плодить да матюгальника учить, как Тех-бомжей гонять? Нашли себе шамана!

Я отвернулся и обнаружил, что серый пес внимательно глядит на меня, наострив уши — слушает, зараза!

— Спать хочу, — невпопад отвечает Фол. — До зарезу. Слышь, Алька, ты б тоже ложился...

И я послушно пошел спать, потому что ничего лучше все равно придумать не мог.

Среда, восемнадцатое февраля

*Дневник хреновой курсистки * Лявтылевал, лучший друг
эскимосов * Грусть-тоска меня снедает * Воскамлаем,
господа хорошие? * Вышел месяц из тумана*

1

...Четвертые сутки моего «подполья» заканчивались противной дрожью в коленках, словно в суставы затолкали по заряженной батарееке. Ко-

роче, сейчас без четверти двенадцать, а заснуть никак не получается: меня всего колотит от пережитого страха, и башка раскалывается. Нашел, придурок, забот на собственную задницу! Да лучше век от скуки томиться, чем такие радости! До сих пор как вспомню — мороз по коже! Выбрался, называется, чадо проведать... Сидел бы в своей конуре сиднем, как все эти дни — так нет же, развеяться ему, видите ли, захотелось!

Развеялся...

Впору дневник начинать писать, курсистка хренова!

**ДНЕВНИК
ЗАЛЕССКОГО ОЛЕГА АВРААМОВИЧА,
ВТОРОСТЕПЕННОГО ГЕРОЯ ЧЕРТ ЗНАЕТ ЧЕГО
(который так никогда и не был написан)**

* * *

*Сижу за решеткой, в темнице
сырой...*

...Вторые сутки. Утро. Которое вечера мудреней. Шиш вам! — ни мне, ни вновь объявившемуся Фолу ничего толкового в голову не ударяет. Кроме пораженческой идеи отсиживаться дальше и ждать — незнамо чего. Пока обо мне забудут? Ага, размышлялся!

Валько-матюгальник, забежав на минутку, чинит телефон. Закончил. Уходит, на прощанье попросив «зробыть» ему пару «мулетов»; одну — непременно «супротив Лектрючек».

Следом катится Фол — на разведку.

— А тебя не заметут? — с запоздалой тревогой осведомляюсь я.

— Не-а. — Беззаботный взмах хвостом. — Служивые кентов почти не различают. А после той суматохи... И футболку я сменил. Вот.

Фол гордо демонстрирует мне футболку: песочного цвета с зигзагообразной молнией на груди.

— Не бойсь, Алька, все путем! Что они, всех кентов подряд хватать станут? Ты лучше дверь запри, оболтус!

И ссыпается вниз по лестнице.

Я остаюсь один в пустой квартире. Вытаскиваю с полки первую попавшуюся книгу, раскрываю... Часа через три, когда многосложные индийские имена начинают играть в чехарду у меня перед глазами, бросаю просвещаться и перебираюсь в другую комнату. Вспоминаю про заказ Валька, но «робыть мулетки» неохота — еще чего! Детский сад, и только. Однако «бомж-счезень»... Мать-рябина, Бетон Бетоныч... Эврика! До меня наконец доходит, что есть «мулетка» — это Валько слово «амулет» по-своему исковеркал!

Радуюсь.

Обхожу квартиру по периметру; изучаю все обнаруженные отрывные календари в количестве восьми штук. Похоже, старик «отрывался» на них крайне нерегулярно: первый раскрыт на восемнадцатом января, второй — на первом мая, далее следуют тридцатое сентября, тридцать первое июня... Что замечательно: все календари в один голос рекомендуют провести день на возвышенных местах, копая глину и неся ее в дом для уда-

чи — особенная удача ждет тех счастливиц, кто имеет дело с электро- и газосваркой.

Продолжаю радоваться на диване.

Предаваясь послеобеденной сиесте.

Пока меня не будит явившийся за «мулетками» матюгальник.

— Ну шо, зробыв? — с порога интересуется Валько, аккуратно притворяя за собой дверь. От него вкусно, по-домашнему пахнет чесноком и самогоном, хотя с виду матюгальник совершенно трезв.

— Увы, — честно признаюсь я.

— Тю, а шо ж так?! — на лице Валька отражается искреннее изумление.

Бесцеремонно отодвинув меня в сторону, он шествует в комнату и с неодобрением оглядывает заваленный барахлом стол. Потом взгляд его упирается в стопку книг на краю стола. Верхняя раскрыта на изображении какого-то папуасского Идолища Поганого — и во взгляде грозы исчезников мелькает искра понимания.

— Так бы и казав, шо не успел. Теперь сами бачим, шо ты не груши околачиваешь, а в книжках вумных шукаешь! Звиняй, хлопче, шо мы над душой стоим — просто мулетки к послезавтрему потребны! Не, ты не думай, мы ж не задарма — як Лектрючку прижучим, поделимся! Гроши там чи сало, горилка опять же...

— А без «мулетки» нельзя? — Надежда умирает последней, особенно надежда увильнуть от дурацкой работы.

— Та ты шо, с глузду зыхав?! — Валько потрясен. — Кто ж без доброго плетня Лектрючку

гоняет? Без плетня он по проводам — вжжжик!.. И нема заразы! Хошь матери, хошь псалмы пой!

Впору расхохотаться Вальку в лицо, но почему-то не получается.

— Ладно, до послезавтра сделаю, — с внутренним скрипом соглашаюсь я, чувствуя себя полным идиотом.

— Так то ж другой разговор! — немедленно меняет тон Валько. — Я послезавтра к обеду и заскочу. Лады?

— Лады, — пожимаю протянутую руку матюгальника и, заперев за ним дверь, возвращаюсь к столу.

Кроме обрезков и мотков проволоки у Ерпалыча нашлось еще много всякого: лоскутки ткани, деревянные чурбачки разных размеров, гвозди, шурупы, какие-то трубочки, обрезки жести — сокровища Али-Бабы!

И я берусь за дело.

Ну-ка, ну-ка, чем там чукчи с папуасами своих Лектрючек гоняли?

В конце концов удастся раскопать изображение эскимосского Лявтылевала, большого спеца по выковыриванию зловредных духов из-под кочек. Еще спустя час я вознагражден портретом полинезийского Этенгена-Ловца; по всему виду, дальнего родича Лявтылевала. И работа закипела. Вырезать из соснового чурбачка болванчика без рук и со сведенными вместе короткими ножками оказалось проще простого. Нарисовав будущему «Ужасу Лектрючек» злобную рожу фло-мастером, я выковыриваю у него на плечах два отверстия и загоняю туда стальные трубочки-ру-

ки, пропустив внутрь каждой по пять цветных проводков. Обматываю туловище по спирали блестящей медной проволокой и, совсем уж развеселившись, засаживаю в то место, где у моего монстра должно быть анальное отверстие, кусочек магнита. Любуюсь итогом — и вставляю вместо глаз два горелых светодиода: один красный, другой — зеленый.

Кр-расота!

Вполне удовлетворенный результатом, я плету из проволоки нечто типа каракатицы в платочке из цветной тряпицы, собираю из трубочек и обрезков резины паучка (которого мысленно окрестил Мойдодыром). А вот четвертая фигурка у меня не заладилась. Выходит корявая загогулина, отдаленно напоминающая малолетнего дебила — и я решаю, что на сегодня хватит. Валько мне две «мулетки» заказывал, а я уже четыре изваял, если считать с «дебилем». Известное дело: заставь дурака Богу молиться — он и лоб расшибет!

Вечер.

Ночь.

С сознанием честно выполненного долга стряпаю нехитрый ужин, кормлю объедками Сват-Кобелища, вернувшегося из уличных блужданий, и заваливаюсь подремать, хотя еще рано.

Снится коренастый бородач с блекло-рыжей копной волос. Бородач сосредоточенно роет землю коротким мечом. И снова мне не удастся разглядеть его лицо.

«Слушай теперь, и о том, что скажу, не забудь: под утесом, выкопав яму глубокую...»

А вокруг сыро, темно и пахнет грибами.

* * *

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно...

Третьи сутки. День. Новости отсутствуют. Фол отсутствует тоже. Предупредил только, чтоб не выходил никуда, а ежели звонить вздумаю — «Куретов» включать надо.

Вот кассета, а вот магнитофон.

Я даже не удивился. Надо — значит, надо.

Уже под вечер, когда начало темнеть, Фол наконец возвращается.

— Ричарда Родионыча в городе видели, — с порога сообщает он.

— Отпустили?!

— Вроде бы да... А вроде и нет. Из прокуратуры он выходил. Вместе с бабой одной. Я сам не видел, но наши уже разузнали, кто она: старший следователь...

— Гизело Эра Гиган... тьфу ты пропасть! Игнатьевна!

— А ты откуда знаешь?

— Заходила она ко мне перед самым налетом. Ерпалычем интересовалась. Я за всей этой кутерьмой рассказать тебе забыл.

— Та-а-ак, — очень неприятно тянет Фол, мрачняя на глазах. — Значит, еще и прокуратура...

— Ну, прокуратура! — Почему-то мне очень хочется, чтобы мой друг немедленно изменил свое мнение об обаятельной следовательше. — Она, между прочим, ко мне по-хорошему явилась, как к свидетелю, расспросила, чайку попила — и

ушла. Кстати, Ритку кто отмазал? Ясное дело, тетя Эра!

— Ну и флаг ей в руки, — с неожиданной легкостью соглашается Фол. — Прокеры со служивыми и прочим жором хуже кошки с собакой. Глядишь, и для тебя что-нибудь выгорит... Надо будет нашим сказать, пусть приглядятся.

Я уже знаю: под словом «наши» мой двухколесный друг подразумевает далеко не одних кентов. Тут вам не здесь: никого особо не смущает — ноги у тебя или колеса!

Главное, чтоб «свой» в доску, не то что в центре...

— Хотя, Алька, нашему брату кенту нынче не до приглядок. Того и гляди не служивые — народишко сам на улицы ломанется, «колесатых нелюдей» на фонарях развешивать. Девку-школьницу насильничали — кенты; собак бродячих повымело — опять кенты сожрали под пиво; гололед — кенты, с-суки, колесами отполировали... Видать, кому-то сильно громоотвод занадобился, нашими задницами свою шею отмазать! Санкцию-то на наш митинг отменили в мэрии — говорят, провокации ожидаются, не дадим жориков в оцепление, к чему лишний раз гусей дразнить?! А зато как кентовский погром, так сразу «зачинщики не обнаружены»! Ладно, что это я раскаркался... у тебя своих забот по горло...

Тут он прав, хотя мне смутно кажется: заботы у нас все-таки общие.

— Про Фимку ничего не слышать? И про Ерпалыча? — запоздало спохватываюсь я.

— Глухо. Фима твой, похоже, сидит, только

непонятно, где, а Ерпалыча наши ищут, ты не думай...

— Окстись, Хволище! Мы, писаки, этому делу не обучены, — развожу руками, лотупив очи. — Макулатуру кропать завсегда пожалста, а вот думать...

Фол наконец улыбается, и мы отправляемся вкушать хлеб насущный.

— Меня-то ищут? — интересуюсь я, хлебная разогретые гостинцы благодарных Руденок.

— Да утопец их разберет! — пожимает плечами Фол. — Если и ищут, то втихаря. Рожа твоя алкогольная на стендах не висит, особого шухера в городе нет, а так — кто их, гадов, знает? Может, землю носом роют, а может, плюнули. Хотя это — вряд ли...

Я давлюсь борщом.

Я согласен с Фолом.

Вскоре кентавр снова уматывает, и я остаюсь, скукою томим: книжки читаю, телевизор смотрю, муть всякую. Даже думать пытаюсь.

Бесполезно.

Хорошо хоть паника больше не возвращается. Ее место медленно, но верно заполняет вселенская апатия, а в просторечии — глобальный облом.

Пытаюсь продолжить неоконченных «Легатов Печатей», со скрипом рожаю двойню абзацев-близнецов — но компьютера у Ерпалыча нет, а от дребезжащей и лязгающей печатной машинки я, как выяснилось, настолько отвык, что ничего путного из моей затеи не выходит.

Облом одолевает.

Вечер.

Ночь.

Нахожу в тумбочке, за стопкой древних журналов (два, кстати, порнуха! — у-у, кобель старый...), записную книжку Ерпалыча. Листаю преисполнен стыда, ибо читать чужие записи нехорошо, а не читать — любопытство и скука вконец заедят.

«17.01. Вышняя Марьяна Вячеславовна. Муж докучает излишними постельными утехами; в случае отказа грозитя бросить, уйти к молодой. Шпагат канцелярский на восемь узлов и по три тыквенных семечки в обувь. Когда уgomонится — развязывать по узлу в неделю. При рецидиве повторить.

24.01. Москович Эсфирь. Угнали машину; жорикки разводят руками, молебн результатов не дал. Рекомендовано в солнечный полдень поставить на ребро водительские права и в образовавшуюся тень вбить заостренную спичку. Если в трехдневный срок машина не отыщется или не будет возвращена, процедуру повторить, но спичку зажечь.

3.02. Третий крестник жаловался: дом 16-й по Маршала Уборевича злыдни заедают. Велено приобрести в булочной № 13 четыре буханки «Бородинского» и бутылку пальной водки-«ряженки». Потом...»

Дальше не читаю.

Иду спать.

Снится коренастый бородач с блекло-рыжей копной волос. Только теперь рядом с ним из мра-

ка, пахнущего грибами, проступает окровавленная туша. Коза? Овца? Собака?

Мне так и не удастся разобрать.

«После (когда обещание дашь достославным умершим) черную овцу и черного с нею барана — к Эребу их обратив голову, а сам обратясь к Океану...»

А человек все копает и копает.

* * *

Отворите мне темницу,
Дайте быстрого коня...

Четвертые сутки. Будит меня переливчатый «звонковый» свист Фола. Ого! Уже первый час! Ну, я и разоспался... Вместе с кентавром является дородный детина в потертом кожане и с увесистой раскоряченной сумкой через плечо.

— Дроты есть? — деловито осведомляется детина.

Но нас уже на мякине не проведешь!

— Сколько надо? — не менее деловито интересуюсь я, игнорируя подмигивания Фола.

— Ну, пучок...

— Пучок? Целый пучок?!

— Ну, хоть десяточек...

Я молча иду в комнату и приношу оперенные электроды.

Восемь штук.

Посетитель заметно веселеет, извлекает из сумки еще теплую кастрюлю с вареной в мундирах картошкой (это я выяснил уже после, когда на кухне заглянул внутрь кастрюли) и основательный кус копченого сала — и собирается уходить.

По всему видно: сало он сперва давать не собирался.

— В отвар Мать-рябины не забудь окунуть, — бросаю я ему в спину, вспомнив работу Валькаматюгальника.

— Да уж не забуду! — детинушка расплывается в ухмылке. — Не впервой! Спасибочки...

И уходит.

Хлопает дверь.

— Ну, Алька! — С минуту я наслаждаюсь восторгом кентавра, но Фол почти сразу становится серьезным.

— Старшины насчет приятеля твоего, Крайцмана, разузнать пробовали — ни хрена не вышло! Держат его где-то, а где — не ясно. Матери его звонили: тут один на очистных работает, знает Фиму... Он и позвонил. Якобы по работе очень нужен. Так и мать в неведении: откуда-то выяснила, что сын якобы задержан за сопротивление при аресте — и все. Она сама не своя, бегаёт по конторам, а толку — как с козла молока...

Фол крупно отрезает себе сала и кидает ломоть в рот целиком. Какой же кентавр сала не ест?!

— А Ричарда Родионыча опять видели. В прокуратуру заходил. Небось к той самой следовательше. Вроде как при ней он теперь состоит. В записных «шестерках».

— И то хорошо. Может, мне тоже... к следовательше? Как мыслишь, Фол?

— Не лезь поперёд исчезника в стену, — осаживает меня кент. — Приглядеться к этой следовательше надо. С Ричардом Родионычем связать-

ся. Тогда и решим. А пока — сиди. Если в другом месте сидеть не хочешь.

Вернулся Сват-Кобелище (Фол открыл ему дверь) и громогласно потребовал свою долю харча. Небось на запах примчался!

— На уж, жри! — Я бросаю ему кусок, который пес немедленно проглатывает.

Бьет, что называется, влет, будто сокол добычу... у-у, проглот!

Вскоре приходит Валько. Деловито оглядывает «Лявтылевала» и «каракатицу», солидно кивает — мол, теперь-то мы им жару зададим! — и торопится восвояси: видать, клиенты заждались.

Следом уезжает Фол.

Под сводами моего пристанища вновь медленно, но неотвратимо воцаряется скука.

Хоть что-то мало-мальски интересное случается лишь к вечеру, когда я смотрю на гору грязной посуды в мойке.

Пес лает с неодобрением.

— Вот сам бы и вылизал. Языком, — вяло пытаюсь я увильнуть, но пес пресекает это дело в зародыше, просто-напросто покинув кухню.

Сунувшись к мойке, я обнаруживаю отсутствие воды в кране. Ничего особенного в этом нет, и что делать в таком случае, я знаю прекрасно. Ведь вы, наверное, тоже не особо задумываетесь, как завязать на ботинке шнурок?

Булка и постное масло под рукой.

А вот и горелка.

В трубах булькает, урчит, из крана вытекает несколько капель ржавой жижицы — и все. Сволочь-квартирник явно отлынивает от работы. Жер-тву-то мою он сожрал, не поперхнулся — а зани-

маться прямыми обязанностями ему лень! Или это мой облом ему каким-то образом передался?

— Ах ты, тварюка, — бормочу я во злобе. — Матюгальника на тебя нет!

В трубах урчит сильнее — и тут на меня снисходит озарение!

Конечно, мои познания в великом и могучем искусстве сквернословия и в подметки не годятся изыскам Валька. Но, как говорится, чем богаты, тем и рады. Я от души обложил квартирника всеми известными мне ругательствами. (повторившись всего дважды!) — и напоследок со злоградской ухмылкой, нарисовав пальцем в воздухе косую пентаграмму, швырнул сквозь нее в мойку случайно завалявшегося в кармане «Мойдодыра». Живо представив при этом, как квартирник испуганно ищет местного утопца, как суетится в трубах Тот, спешно пробивая пробку из ржавчины, как долгожданная вода устремляется...

Результат превзошел все ожидания. В трубах панически взвыло, и вода из крана ударила бешеным напором, а я стоял и смотрел на плоды своего камлания, не в силах сдвинуться с места.

Ведь получилось же! Получилось!

Кажется, я действительно понемногу становлюсь шаманом...

* * *

Ты начальник, ключик-чайничек,
Отпусти до дому...

Четвертые сутки (продолжение, м-мать его, следует!). Бесконечные, резиновые... тянутся, не рвутся. Продолжает сниться чертов мужик с ме-

чом (уже днем мерещится, с-сволочь!), и постепенно вокруг него прорисовываются всякие детали: три темные чаши с росписью, крутобокая амфора, кривой иззубренный нож, вязанка хвоста...

Уже затемно меня вновь навещает матюгальник, и я радуюсь ему, как родному брату!

— Звиняй, хлопче, шо мы так долго... Делов навалилось — во! — Валько выразительно щелкает себя по горлу, а потом проводит по нему же пальцем. — Гроши мы принесли, як обицялы! Ось...

Он протягивает мне две мятые десятки и пятерку.

— И горилку — само собой! — Матюгальник лезет в сумку, из которой остро пахнет самогоном, но не простым, а пряным, настоящим явно на чем-то экзотическом.

— Эх, силы бы з тобою да дернули по маленькой — та ось Пирр попросыв бугаю харч задать. Бежать надо, — сокрушенно вздыхает Валько.

— Бугаю? Это Мине, что ли?!

— Ото ж!

Миня!

Родственная душа!

— Слушай, Валько, пошли вместе, а? Я тут скоро совсем сдурею, волком выть начну!

Матюгальник сочувственно косится на меня.

— Тебе б, хлопче, хорониться... Эти, колеса-тые, говорили...

Он встречается со мной взглядом и машет рукой.

— А-а, хай им всем грець! Пишлы! Зовсим хлопца замордувалы!

И я кидаюсь лихорадочно собираться, прихватив в последний момент один из «дротов». Дальняя Срань — те еще районы, без заточки стремно.

— Кобеля дома оставь, — командует матюгальник уже в дверях, — Миня собак не жалует. Досталось ему от них...

Сват-Кобелище скулит изнутри.

* * *

Матюгальника Миня явно знал — выбежал сразу, гулко топоча копытами. И едва не сшиб нас с ног, норовя облизать, мыча едва ли не членораздельно и вообще всячески выражая свою симпатию.

Истосковался.

Пока я треплю чадушку по загривку и чешу за волосатым ухом, Валько извлекает из холщового мешка харч для «бугая»: пару буханок ржаного хлеба, кочан капусты, дюжину вялых морковок, консервы, завернутую в бумажку соль...

— Ты консерву в миску ему положи, вона она, за ящиком, — инструктирует меня матюгальник. — А хлеб разломи, да посоли круче! Минька за солонец мать ридну удавит, любит это дело...

— А ты? — я оборачиваюсь к наострившемуся было уходить Вальку.

— И я люблю.

— Я не про соль. Куда это ты собрался?

— А мне тово... до кума сбегать надо, — мнетсся Валько. — Я тебе ключ оставлю, на всяк случай, а через час возвращусь — тут поруч. Як, домовылысь?

— Домовылысь! — я ничего не имею против

побыть с Миней тет-а-тет, без посторонних. — Только ножик у тебя есть? Консервы открывать?

— А как же! Ось! — Ко мне перебивается старый перочинный нож с добрым десятком лезвий, и матюгальник резво спешит к выходу.

Миня к тому времени уже всюду хрумтел капустой, а я занялся «харчем». Вскрыл банки, вывалил их содержимое в здоровенную алюминиевую миску, потом разломил обе буханки «Бородинского», густо посыпал солью... Ведро с чистой водой стояло рядом, и, быстро покончив с принесенными гостинцами, Миня ткнулся в него мордой, шумно хлюпая и отфыркиваясь. Действительно, бугай бугаем, особенно когда на четвереньки становится! Разве что в джинсах.

И взгляд такой, что долго не выдержишь.

Отворачиваешься.

Наконец Миня напился и вновь сунулся ко мне. Он смотрел на меня сверху вниз (роста в бугае было добрых два метра), а казалось, что — снизу вверх. Как сын, с надеждой глядящий на строгого отца.

«Папа, можно мне пойти погулять?»

Косматая ручища неуверенно скребет ногтями по моей груди.

Рога склоняются, тычут в сторону лестницы.

— Мммы-ы-ы...

— Гулять?

В ответ Миня радостно кивает — и я сдаюсь. Сразу и практически без сопротивления. На улице уже темно, Валько вернется не скоро, а я по себе знаю: каково оно, круглые сутки в четырех стенах! Ключ у меня есть, опять же заточка наготове, побродим туда-сюда — и вернемся.

Я хлопаю Миню по плечу, и мы весело направляемся к ступеням.

Интересно, поводок ему нужен?..

Переступив порог, Миня останавливается, с любопытством оглядываясь по сторонам (видать, нечасто его прогулками баловали!), шумно втягивает ноздрями морозный воздух — и выпускает целое облако пара.

— Ну, куда пойдем?

Чадко соображает с полуслова и резво топает в обход кинотеатра, время от времени оглядываясь на меня: не отстал ли? Ну точь-в-точь ребенок — и погулять хочется, и потеряться боязно!

Я догоняю бугая, и мы идем рядом, оставляя за собой на девственном снегу две четкие цепочки следов: здоровенных копыт и ботинок на рифленой подошве.

Сбоку от кинотеатра начинаются старые гаражи, сплошь покрытые матерными надписями вперемишку со знаками-оберегами. Фонарей тут нет, но луна-подруга, разорвав в клочья мрачную завесу облаков, услужливо подсвечивает с небес, словно указывая дорогу. Куда? А, не важно! Побродим по окрестностям с полчаса — и назад.

Обойдя гаражи, мы выбираемся в переулок, странно — тротуар практически расчищен от снега. Так, слегка припорошило сверху, и все. С обеих сторон громоздятся безликие коробки бетонок-пятиэтажек, кое-где в окнах горит свет, но людей не видно. Ну и отлично! Шалить, уподобляясь кентам, мы не собирались (во всяком случае, я). Одно неясно — что ж они все по до-

мам сидят? Еще и восьми вечера нет, детское время...

Словно в ответ на эту мысль, в ближайшей подворотне мелькает тень. Застывает на миг, размазывается вдоль стены — и исчезает. Все-таки напугали кого-то!

Отворачиваюсь.

Иду дальше.

— Раз, два, три, четыре, пять... — уныло бубнит за нашими спинами из подворотни чей-то голос. Детский, не детский — не разберешь.

— Я иду искать! Иду искать!..

Нет, не телевизором единым жив человек. Вон, в прятки играют. Детвора, наверное.

— Иду искать! — голос прежний, тоскливый, но звучит он уже с другой стороны переулка, от мусорного бака.

Когда это он перебежать ухитрился? Или здесь эхо такое?

Я поглядываю на Миню, но тот не обращает на шутки акустики никакого внимания. Таращится на освещенные окна, иногда начинает что-то бормотать, заискивающе трогая меня за плечо, тычет пальцем то в одно окно, то в другое.

— Ты чего-то хочешь, Миня?

— М-ма-а-а...

Эх, создатель я хренов!

— ...иду искать! — на этот раз выкрик раздается совсем близко, и я начинаю озираться. Черт, да ведь это не ребенок! Не бывает у детей таких голосов. Этот голос только *похож* на детский, как звучат травести в театре или в мультиках. Сю-сю, уси-пуси, а на самом деле: морщинистая бабешка с сигаретой в зубах.

Под одежду забирается неприятный холодок. Бомжа-исчезника я уже имел честь видеть. О «Лектрючках» имел честь слышать. С квартирником, опять же, поцапался...

Мало ли какая пакость еще объявится?!

Грустно, девушки... Конечно, со мной Миня — живая гора мускулов, да еще и с рогами-копытами в придачу. Только Миня ведь у меня мирный, и вообще стыдно ребенком заслоняться. Какая от него помощь в случае чего?

В случае — чего?

— Я иду искать! Иду! — доносится от неработающего фонтанчика, потом из-за старой липы; потом опять рядышком, почти вплотную.

Кажется, пора заканчивать прогулку.

— Я иду искать! Кто не спрятался — я не виноват... Не виноват! — теперь голос-обманка звучит с асфальтового пяточка в конце переулка. Дальше высится глухая стена. Тупик.

И пяточок абсолютно пуст.

— Не виноват! Кто не спрятался — я не виноват!

В голосе поет торжество. Я невольно пачусь задом, и вдруг со спины меня протягивает сквознячком.

Сзади!

Оборачиваться нельзя, нельзя ни в коем случае — я не знаю, почему, но... суставы скрипят несмазанными шарнирами, позвоночник грозит треснуть...

Я повернулся.

С неба сыплется реденький снежок, и пороша контурами очерчивает облако, грозное облако,

чернильное пятно, оно висит над тротуаром в каких-нибудь трех шагах — и смотрит на меня.

Без глаз.

— Кто не спрятался — я не виноват, — наждаком царапает по ушам. — Нашел. Стукали-пали...

— Сгинь... Изыди! — шепчу в ответ дрожащими губами, или только думаю, что шепчу?

Скрутить кукиш? Голый зад показать? Как же, задобришь такое дулями-задницами!..

Облако шевелится и начинает мерцать.

— М-м-м-м... — это Миня. Он просто стоит рядом и таращится на облако. Не знаю, страшно ли ему, не знаю, ведомо ли ему вообще чувство страха, зато про себя я это знаю наверняка.

Отступаю, ухватив Миню за предплечье, и вспоминаю: позади тупик!

В мерцании проклятого облака проступают очертания фигуры... детской фигуры. Если только можно представить себе ребенка-дебила выше Мини на локоть! Покатый лоб нависает над глазками-искорками, рот течет вязкой слюной, безгубый, беззубый рот, где внутри черного провала что-то смутно ворочается, желая выйти наружу; руки безвольно свисают плетьюми...

— Стукали-пали, стукали-пали!

Чудовищное дитя довольно хихикает, приплясывая на месте.

— Вышел месяц из тумана... — доносится из ворочающегося мрака; и одновременно приходит в движение правая рука дебила, лениво, в такт словам, тыча пальцем то в меня, то в себя.

Миня не в счет.

— Вынул ножик из кармана... — ослабившись, дебил сует левую руку внутрь себя, а когда

извлекает ее обратно, то из кулака тускло блестит лезвие. — Буду резать... резать. Буду. Ты не спрятался. Я не виноват. Буду резать...

И оно шагает ко мне!

Кажется, до этого я стоял кроликом перед удавом, не в силах стряхнуть оцепенение, но тут жгучая волна ужаса, кислого, звериного, копившегося в самом низу живота ужаса, хлынула наружу. Кричу. Кричу так, будто лезвие, которое гигант-дебил держит в руке, уже вошло в мой живот, вспарывая кожу, мышцы, выворачивая наружу кишки...

Бегу прочь.

Стена, граница адского переулка, с размаху налетает на меня, прыжком сократив расстояние от камня до человека; вскипает боль в ободренных до крови ладонях, которые я успел выставить вперед. Все, прибежал. Крик вновь раздирает мне глотку — и от этого крика, от боли в саднящих ладонях я прихожу в себя.

Сидя на асфальте.

Позади грохочет утробный рев, ему вторит удивленный детский всхлип. «Подымите мне веки! — требую я у кого-то постороннего. — Подымите... подымите!»

И не верю своим глазам.

Мой Миня, тишайший и застенчивый Миня, насмерть схватился с ожившим кошмаром! Бугай вцепился в дебила своими тупыми когтями и теперь, не давая уроду вырваться, с ревом бодает его в грудь; потом пелену снега рассекает лезвие, Минька сдавленно мычит, отшатываясь, выдерживая из противника рога, покрытые чем-то мок-

рым, блестящим и, как мерещится мне в лунном свете, дымящимся...

— Стучали-пали! Я не виноват!

— Мм-ма-а-а...

Встаю. С «дротом» в руке. Жалкое оружие, но другого у меня нет, и ничего у меня нет, даже страха — уполз внутрь, съежился, затаился... исчез.

— С-с-сука! Не трожь! — Бегу, понимая, что бегу умирать, и даже успеваю удивиться собственному безразличию.

— Я не виноват! На золотом крыльце сидели... кто такой? Кто ты будешь такой?!

Электрод на удивление легко входит в бок дебила. В следующее мгновение мир перед глазами взрывается цветными звездами, я лечу в снег и ворочаюсь, пытаюсь прийти в себя, пробиться сквозь искрящуюся тьму, заставшую взор. Со всем рядом взрывает Миня, и заунывно булькает монотонный голос:

— Кто не спрятался, я не виноват. Буду резать, буду бить. Буду резать... буду...

Тьма наконец расступается. Что-то твердое давит в бок, я сую руку за пазуху, шарю... в кармане нащупывается забытая мной «мулетка». Корявая фигурка, ребенок-дебил. Зачем?! Рядом валется мой «дрот», я машинально сжимаю его второй рукой, с омерзением ощущая прикосновение к ладони липкой жижи.

Встаю, качаясь.

Кошмар-убийца и Миня клубком катаются по испятнанному кровью снегу, и Миня храпит с диким присвистом, будто воздух вырывается у него не только изо рта, а похожее на огромного ребенка создание раз за разом повторяет без выражения:

— Буду резать... Буду резать...

И равнодушно всхлипывает в перерывах.

— Едрить твою через коромысло! Алька! Швыдко! Да шо ж ты телишься, йолоп!..

Валько-матюгальник, неведомо откуда возникнув рядом, бесцеремонно выхватывает у меня электрод и «мулетку», после чего, обернувшись к живому клубку, вскидывает обе руки над головой.

— Зализо на крови, врагу жилы отвори! — скороговоркой выкрикивает он, срываясь на фальцет, и с размаху вонзает «дрот» в фигурку.

Истошный визг. Так визжит собака, когда ее позвоночник хрустит под колесом. Мне хочется заткнуть уши, но я не делаю этого.

Я стою и смотрю.

Смотрю, как корчится перед нами на снегу, исходя визгом, тот кошмар, что миг назад терзал могучего Минотавра, а сам Миня, сияясь подняться, на четвереньках ползет к нам.

Валько еще трижды пыряет фигурку электродом, а потом с неожиданной прытью бросается вперед, подхватывает Миню и оттаскивает к нам.

— Нож! — рывкает матюгальник мне в лицо.

— Что? — тупо переспрашиваю я, не в силах отвести взгляда от корчащегося, как мне кажется, в агонии существа.

— Нож давай! Швыдко! Бо вин щас оклемается!

До меня наконец доходит. Нашупываю в кармане выданный мне матюгальником нож и протягиваю его хозяину.

Секунда, и Валько выщелкивает главное лезвие. Он что, хочет с ножом... на *это*?! Следующая секунда — и Валько, приседая, бежит вокруг нас с Миней, очерчивая внизу уродливую окружность.

Ножом.

По снегу.

На миг запнувшись лишь о край притрушенного зимней пудрой люка канализации, ребристый узор на чугунной крышке которого складывается в рабочие руны горводслужб.

Встав рядом, матюгальник крест-накрест режет воздух у нас над головами и, явно малость успокоясь, бормочет что-то вроде:

— В доме заховалысь, в зализо заковалысь...

Дальше я не разобрал.

— За круг ни ногой! — сообщает мне Валько уже обычным тоном и склоняется над тяжело дышащим Миней, словно разом потеряв всякий интерес к дебилу-ребенку.

А тем временем оживший кошмар уже не корчится, не визжит — он медленно, с трудом встает на ноги.

— Нету... — бормочет дебил, озираясь. — Бяки... я иду искать... искать иду... Больна-больна... больна...

Никого.

Никого нет.

Только истоптанный, взрытый снег в бурых пятнах.

— Гарно вин Миню... — бормочет матюгальник, подымаясь. — Шо, Минька, щемит?.. Не плачь, казак, атаманом будешь...

Валько оборачивается ко мне.

— Ф-фух, пронесло! Добра мулетка. Шо ж ты сам-то? Ну ладно, бывает, тут всякий злякается! А ты, бачу, не промах! И мулеткой запасся, и пырнуть його встыг, усэ як слид — Вальку вже кончать зальшылось! Жаль, шо Мисяця-з-Туману так просто не вбьешь...

— Кого? — Ноги наконец отказываются меня держать, и я сажусь прямо в снег.

— Мисяця-з-Туману, — охотно повторяет Валько.

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Темная, дубленая кожа предплечий густо переплетена жилами, словно он минутой раньше гири таскал. Желваки играют на скулах, узкие губы обидчиво поджаты, превращая рот в застарелый шрам, а зубы крупные, желтые, в полном боекомплекте, несмотря на годы — на таких зубах, должно быть, вкусно хрустят под закуску малосольные огурчики с собственного огорода. Говорит он чаще тихо, вполголоса, но все равно кажется, что шумит — так двигаются по-настоящему сильные люди, боясь дать своей силе волю. Иерихонская труба его глотки до поры засурдинена, похрипывает, присвистывает... отдыхает.

И еще: он часто дергает себя за мочку левого уха, особенно когда начинает что-нибудь доказывать — и ухо это красное, словно у мальчишки-шалопа, пойманного бабкой на месте преступления.

Вот он какой, Валько-матюгальник, гроза «бомжей-счезней»...

Что было дальше, я помнил плохо. Как мы вдвоем чуть ли не на себе волокли обеспамятевшего Миню обратно к подвалу; как Валько убежал за знахарем, а я остался в подвале и, положив рогатую голову себе на колени, тихо рассказывал Минотавру какие-то тут же придуманные истории о тяжело раненных, которые тем не менее выжили и выздоровели — а значит, и с ним, Миней, тоже все будет хорошо: ведь я здесь, с ним, и

Валько уже за доктором побежал, и вот сейчас они придут, и доктор Миню сразу вылечит... А потом Валько таки притащил своего знахаря, и мы бросились кипятить воду, а дальше знахарь нас прогнал в угол и начал колдовать сам. Через час он поднялся, в последний раз удовлетворенно окинул взглядом забывшегося сном Миню и произнес сакраментальное:

— Будет жить.

Подумал немного и добавил:

— Но с недельку проваляется. Завтра еще зайду. И ушел.

Минут через двадцать в подвал ворвался ураган по имени Фол, выволок нас с Вальком на улицу и устроил обоим такой разнос, что даже матюгальник стоял, втянув голову в плечи, и молча слушал. Наоравшись всласть, Фол слегка успокоился, сказал, что за Миней присмотрят, еще раз обругал Валька — и под конвоем доставил меня домой: во избежание! Потому как на этого придурка Алика неприятности из рога изобилия валяются, а раз так, то лучше оному придурку сидеть дома и носа никуда не высовывать, иначе он, Фол, собственноручно на этот нос наедет передним колесом. А потом задним. Ну все, я поехал. Отсыпайся.

* * *

И вот я снова один в темной квартире, и меня всего трусит от пережитого — а еще дико болит голова.

Как с похмелья...

Конец дневника.

Конец дня.

**Четверг.
девятнадцатое февраля**

*Сквозь волнистые туманы пробивается луна * Вернулся,
с-собака?! * Мне хорошо, я сирота * Слушай теперь, и о том,
что скажу, не забудь * Сторож брату своему*

1

— *Имеет ли смысл спрашивать: вы Залесский Олег Авраамович? — смеется воздушный шарик, собирая морщинки-трещинки в уголках нарисованных глаз.*

Дрожь по телу.

И стыдная, теплая струйка в левой штанине.

Ниже, ниже, ни...

— *Имеет ли смысл спрашивать: если ножики все-таки вынимают из кармана, значит, это кому-нибудь нужно? И учтите, пан Залесский: если вы не спрятались, я не виноват! Не виноватый я!*

Шарик надувается сильнее, еще сильнее, страшно выпячиваются одутловатые щеки, рыжие усы щеточкой вспучиваются сумасшедшим венчиком... Взрыв. Летят во все стороны полковничьи звезды, складываясь уставным Зодиаком, черный провал раскрывается пастью Месяца-из-Тумана, беззубой смертью, где что-то тяжело ворочается, прорываясь из мглы...

Крик.

Меня подкинуло на кровати.

Ознобные мурашки шустро бегали по всему телу, щекочась лапками, и кошмар неохотно раз-

мыкал влажные объятия. Ф-фу... так и рехнуться недолго.

«Недолго, парень», — подтвердил кошмар, забиваясь в угол и подмигивая оттуда.

Я, кряхтя, встал и прошелся по комнате. Коленками похрустел, мотнул забубенной головушкой. Больно, однако, мотать-то: ноет и ноет, точно гнилой зуб. Мебель громоздилась стенами ущелья, грозя обрушиться лавиной, все предметы казались незнакомцами, от которых можно ждать чего угодно, хотелось тыкать пальцем наугад и вопрошать:

— Ты кто такой? А ты?!

«А ты сам кто такой?» — безмолвно интересовались незнакомцы.

Понятия не имею...

Поставить, что ли, свечку священномученику Киприану, бывшему до крещения славным чародеем, молясь о *«прогнании лукавых духов от людей и животных»*?.. А ведь на память помню, как оно в справочнике: *«От художества волшебного обратився, богомудре, показался еси миру врач, мудрейший, исцеления даруя чествующим тя...»* Ну тогда уже заодно и от головной боли ставить... Иоанну Предтече? Нет, этому надо с пением тропаря и евангельским чтением усекновению главы его!.. Лучше Пантелеймону-целителю, там проще будет.

Вместо этого я, шлепая босыми ногами, выбрался в коридор. Без цели, без смысла. У входных дверей тихонечко скулил Сват-Кобелище. Царапал филенку, хвостом вилял, бродяга. На волю просился. Хорошо хоть, его выгуливать не надо — сам уйдет, сам придет, сам яичницу поджарит... сам съест. Иди гуляй, иди, хорошая со-

бака!.. Выпустив пса, я двинулся на кухню — водички попить.

Попил.

Утерся.

И встал у окна.

Снаружи было не то чтоб темно, а так — мутно. Смутно, как в перспективе моего будущего, которое еще недавно было относительно светлым. Изредка в сизой круговерти небес мелькал щербатый пятак луны, и тогда сполохи гурьбой бродили по снегу. Вон серая тень заметалась меж гаражами, на миг остановилась у штабеля кирпичей и сгинула, как не бывало. Сват-Кобелище гуляет. Территорию метит. Сходить, пособить?.. Или ладно, мы и здесь отметимся.

Резиновая помпа, затыкавшая отверстие сливного бачка, опять слетела с кронштейна, и пришлось, ругаясь, в сотый раз прикручивать ее проволокой. Не сантехника ж звать из-за такой ерунды. И уж тем более — не утопца хлебушком приманивать...

Сами с усами.

Во дворе слышался шум машины. Станный шум, сдавленный, хрипотцой отдает, будто машина и не хотела вовсе шуметь, а просто крадась себе, привстав на цыпочки. Дурацкое сравнение. Дурацкая машина. Дурацкий я.

Я вернулся в кухню и снова встал у окна.

Действительно, по открытому пространству двора кругами ездила машина. Свяченный джип парня в дубленке? Нет, очертания другие. Вот фары погасли, умолк двигатель — и луч галогенного фонарика полоснул наискось по гаражам. Охота на Сват-Кобелища? Луч упал на снег, по-

пластунски двинулся вдоль мокрой полосы грязи — здесь, видимо, проходила подземная тепло-центральный, потому что снег всегда таял мгновенно — затем свет благополучно умер, и во мгле шлохнулась удивительная машина. Пересекла грязевую полосу... опять остановилась. Развернулась. Я отшатнулся: мне почудилось, что в зрачки вонзились две огненные иглы. Почти сразу люди в машине увели фонарик ниже — балкон, стена, вдоль стены... вход в подвалы...

Машина заурчала, точь-в-точь как Миня, когда ему дашь рафинадику, и навозным жуком уползла в подворотню.

Рокот удаляется.

Тишина.

Пожав плечами, я все-таки добрался до распечатанной колоды иконок и выудил наружу священномученика Киприана вкупе с Пантелеймоном-целителем. На всякий случай. Хуже не будет. Ишь, Ерпалыч, друг ситный — а образки-то дорогие, на меловке, и полиграфия знатная, полноцветка! Такие лишь в соборных киосках продаются. Щеголь ты, старичина... где тут у тебя, верней, уже у меня, спички? Ага, вот... Запалив свечки, я сунул их в специальные подставки перед зажимами для образков и собрался было «баюбай». Луна плеснула в просвет горсть серебра, двор за окном вспыхнул умирающим фейерверком; и вновь серый силуэт замаячил близ тепло-централи. Собака? Я пригляделся. Человек. Вроде бы человек. Силуэт наклонился, длинные руки зашарили в грязи — аккуратно, осторожно, словно опытный археолог откопал наконец заветный

черепок и теперь намеревался выколупать его из плена веков, не повредив и краешка.

Если б кто знал, как мне все это надоело!

Что именно, Алик?

Все.

Иду спать.

2

...это «ж-ж-ж» неспроста! — сказал Винни-Пух.

Я потянулся, хрустя всем своим бедным скелетом. И снова услышал: жужжание. Тихое, вкрадчивое. Это «ж-ж-ж»...

Проклятье!

Дверь!

Дома у меня замок английский, хлопнешь дверью — он и закроется. А здесь еще и ручку вертеть надо — вот и забываю вечно запереть. Так и спал нараспашку. Заходите, люди-нелюди добрые...

Прокравшись к стенной нише, я сунулся внутрь, стараясь не скрипнуть лишний раз, и вскоре стал счастливым обладателем молотка. Цельнометаллического, с гвоздодером вместо обушка и длиной в локоть. Хорошая штука. Успокаивает нервы. Подумав, я прихватил еще и парочку «дротов», сунув их сзади за резинку пижамных штанов.

Теперь можно и в коридор.

Еще с полминуты я тупо стоял в коридоре, уставясь на входную дверь.

Запертую.

На два оборота.

Ж-ж-ж... это из ванной комнаты.

Я подкрался поближе. Ладони мигом вспотели, молоток скользким угрем заворочался в руках, норовя вывернуться... Свет. Свет из ванной. Там кто-то есть! Живой и жужжит. Ну, сейчас он у меня дожужжится!..

Вперед!

Всю свою злость, все раздражение беспокойной ночи, всю память о встрече с Месяцем-из-Тумана я вложил в этот пинок. Дверь распахнулась с болезненным хрустом, гулко ударившись о кафель стенки, я взмахнул молотком, поскользнулся на мокром линолеуме...

Очень болела спина. И еще — ниже спины, куда едва не воткнулся один из спасительных «дротов». Молоток, предварительно треснув меня по коленке, лежал рядом.

Касаясь гвоздодером стоптанного шлепанца на босой ноге, покрытой у щиколотки синими пятнами.

Шлепанец ловко притоптывал.

— Хрен ты старый, — собственный голос показался мне чужим. — Хрен ты... старый...

— Здравствуйте, Алик, — жизнерадостно сказал Ерпалыч, выключая электробритву. — Рад вас видеть.

Жужжание стихло.

3

Сидя напротив и по-бабьи подперев щеку ладонью, я с умилением следил, как Ерпалыч пьет чай. Вприкуску. С печеньем. Вот он макает печеньице в ароматный кипяток, внимательно раз-

глядывает насквозь промокшее лакомство — и отправляет в рот.

Загляденье.

Я и не подозревал, что так соскучился за этим психом. Жив, курилка! Жив...

Перцовки, что ли, сходить ему купить?

— Вы даже не представляете, Алик, до чего я истосковался по нормальной человеческой пище! И вообще... по нормальному образу жизни. Ладно, об этом после. М-м, вкусно! Почему я раньше никогда не замечал, что печенье с чаем — это прелесть?! Пища богов! Вы понимаете, Алик... кстати, вы успели прочитать мое послание?

Я киваю.

— Это славно... это очень даже славно. И что скажете? Впрочем, нет, мы гурманы, мы неторопливые знатоки, мы начнем с другого: скажите, пожалуйста, Алик, что вы делаете в моей квартире?

Радость уменьшается вполовину. Я начинаю чувствовать себя Идочкой, униженной и оскорбленной Идочкой. «Только что ж я теперь... куда я теперь?! С работы выгнали, жить мне негде — а тут еще и привод вlepили! Все из-за вас и из-за дружков ваших, и зачем я только с вами связалась?.. Выкинут на улицу, на мороз...» Выдать этому гурману, что ли, от души?

Или матюгальника вызвать?!

— Живу я здесь, Ерпалыч. Вашими, так сказать, молитвами.

— Живете? И давно?

— Недавно. Как ты, благодетель мой, пропал пропадом, да как архары меня мордой в пол ткнули — с тех пор и живу. Хозяев дожидаясь. Мне

вещички сразу собирать или можно обождать, пока барин чаек свой допьет?

— Какие вещички, Алик? Живите, живите, хоть навсегда вселяйтесь — я только рад буду! Просто... как бы это вам объяснить, Алик?.. Просто я не все помню. Вернее, помню, но не совсем обычно... А что это вы все в окошко коситесь? Ждете кого?

Я достаю сигарету.

Чиркаю спичкой.

— Сват-Кобелища выглядываю, — отвечаю. — С ночи ушел, гад, и по сей час нету...

— Сват-Кобелище? Это ваш друг?

— Брат родной. Собака это моя... приبلудная. Еще с той, с моей квартиры. Потом сюда вот за мной прибежала. Пора б вернуться с прогулки. Говорят, в городе в последнее время собаки исчезают...

Ерпалыч смущенно отставляет чашку с чаем в сторону.

— Понимаете, Алик... тут такое дело... короче, пес ваш вряд ли вернется.

— Эт-то еще почему?! Жрать захочет, вернется, как миленький!

— Ну, тут вы правы... просто я уже вернулся.

Дальше я слушаю, не перебивая.

АКТ ТВОРЕНИЯ.

или

Ерпалыч излагает вслух

— Понимаете, Алик, раз вы здесь, и явно не первый день — значит, кое-что вы уже поняли. Не все, конечно, и не так, как мне хотелось вна-

чале... Впрочем, шоковый метод не самый худший. Многие азиаты это прекрасно знали, да и одни ли азиаты? Вы ведь, Алик, — не обижайтесь, ради всего святого! — вы ведь мальчик из благополучной семьи. Был раньше такой ярлык у педагогов... Возможно, оно и к лучшему, что сперва мордой по дерьму. Если абстрагироваться от того прискорбного факта, что морда своя, не казенная, а дерьмо шибко вонючее.

Хотя я отвлекся.

Завидую я вам, Алик. Вы — существо редкое, вы способны представлять невообразимое и вообразать невозможное. А в наших с вами условиях, когда небыль становится былью просто так, без грома и молнии, в обеденный перерыв... Я еще когда в НИИПриМе штаны просиживал, одну любопытную теорийку у моего старичка-эрудита — вы его, Алик, знаете как Деда Банзая — выпытал. Он полагал, что в любой мифологической реальности есть практически любые вакансии, кроме одной. Кроме писателя-фантаста, способного снять печать с окружающей реальности, воображением выйти за рамки представимого; а вы, Алик, только представьте себе рамки представимого для аборигена такой реальности — уж простите за тавтологию! Или лучше поясню на примере: Орфей, Боян-Златые-Струны или менестрель при дворе короля Артура сочиняет о несуществующем! Не о богах-героях, не про эльфов-гномов! — это ведь для Орфеев с менестрелями бытовка, чуть ли не повседневность! Скажем, сагу о мире, где между панельными многоэтажками ездят по рельсам трамваи — и даже слово такое забавное сам придумывает: «трамваи»... не «ви-

маны» индийские, не печку-самоходку по щучьему велению, а (вслушайтесь!) — тра-а-амвай-и-и! Смеетесь?

Вот и я поначалу над старичком смеялся.

А он мне в ответ серьезно объяснял, что вместо этой вакансии в реальности мифологической существует иная. Назовем ее условно вакансией мага, или Легата Печати, если вам больше нравится. Ибо маг высокой квалификации способен ярко вообразить себе невозможное (скажем, дождь из глиняных черепков с ясного неба!), затем вербализовать или иным способом оформить код своей фантазии (заклинание, обряд, пассы...) и волевым усилием сорвать печать стереотипа, смешать реальность внутреннюю с внешней, отстранив плод фантазии от себя к нам. Иными словами, вообразить и немедленно воплотить. Получите и распишитесь: на голову валятся черепки... или дождь огненный вкупе со стальной саранчой.

Впрочем, что-то я стал умничать.

Вы, когда у меня перцовку пили, ничего не заметили? Присматривался я к вам. Поближе. Записки для вас у меня давно готовы были, я все выжидал, не решался... а тут, оказывается, уже не просто «Бык...», тут «Легаты»! Вот и решил: пора. Для того и Аполлодора подсунул, чтоб письмишко в него вложить. Спросите: почему устно не изложил? Хороший вопрос. А теперь сами и ответьте на него: поверил бы Залесский Олег Авраамович болтовне старого психа Ерпалыча?

Ответили?

А письмишко вас зацепило бы, заставило бы ретивое взыграть — что написано пером... да и вы к тексту с большим уважением относитесь, неже-

ли к пустому сотрясению воздуха. Глядишь, забежали бы через денек-другой, проведали соседа, слово за слово... Жаль, не выпало нам с вами денька-другого. Едва вы ушли, как ко мне гость нагрязнул. Вы его не знаете, он тут в Дальней Срани живет, в Роганском микрорайоне. Электрик, Саввой кличут. Знал же, подлец, что я на квартиру являться строго-настрого запретил — а все равно примчался.

И с порога на колени.

— Прости, — кричит, — прости, дядько Йор, дурака!

— Что с тобой, Савва? — спрашиваю. — Садись, давай по порядку...

Он мне по порядку и выложил.

Заказ у Саввы на днях подвернулся. Выгодный. Дружок сосватал одному богатенькому Буратине проводку тянуть. В частном доме, близ Жихаря. А под конец работы Буратино ругаться стал: как включишь фен параллельно с пылесосом, так пробки-автоматы и летят. Нагрузка малая, а им плевать — летят, и все.

Одно жаль: дружок-благодетель уже с Саввой бутылочку распили.

— Не бойсь, хозяин, — смеется Савва. — Налъешь посошок, я тебе и без молебна с водосвятием Лектрючку живо за хвост поймаю! На год вперед.

И поймал.

По-нашему, по-дальнесрански.

Посошок им, ясное дело, выставили. Даже цельный посох. А через неделю вызвал Буратино Савву, новый заказ дал. В гараже освещение делать. После сел, не чинясь, тяпнул с электриком

по стаканчику на обмыв... Савва и вырубился. Очнулся: Буратино весь в кровище, вокруг жорикки галдят, и судэксперт «розочку» стеклянную в руках вертит.

Забрали Савву.

Сутки в камере мурыжили, ан нет! — отпустили с подпиской о невыезде. Дескать, Буратино живой оказался, хотя сильно порезанный, а за Саввой криминалу отродясь не водилось, кроме бытового алкоголизма; короче, гуляй, дружок, до суда! Савва — в храм-лечебницу, к Буратине, в ноги пал, молит не губить живую душу, а Буратино и сам не против. Оба виноваты, стукнул хмель в голову... ты только, Савва-электрик, сведи меня с тем человечком, что учил тебя «Лектрючек» гонять и штучки хитрые дал. Ну, которые ты мне на пробки цеплял. А я и заявление заберу, и вообще... Договорились?

Договорились.

Выслушал я Савву, сказал, что подумаю, и домой отпустил. Я ведь не Савва, я понимаю: нашли меня. Ищущий да обрящет... А если пока не нашли, то вот-вот найдут. Мне еще когда в декабре одна наглая мадамка через третьи руки хитрый заказ подкинула, так я себя после долго клял, что согласился. Деньги сильно нужны были, вот и рискнул. А заплатили не по работе, круто заплатили, с душой, с душком. Позже узнал: еще четверым моим «крестникам» похожий заказ был. Проверяли, видать: кто непривычным макаром работает, да какие концы за кем тянутся? Себя обругал в три этажа: зря я вас, Алик, в такой неподходящий момент вербовать вздумал! Вот, думаю, я-то уйду, лягу на дно, а они к парню

прицепятся: водку с хреном старым пил? подарки от него получал? колись!

Решил я вас предупредить. Предупрежден — значит, вооружен. Да и какой с вас спрос? Глядишь, пронесет... а водку с психами пить законами не запрещено.

Где вас искать — понятия не имею. Позвонил вам домой: пусто. Звякнул тогда сюда, в Дальнюю... отыскал Папочку. Она-то мне и сообщила, что у вас сегодня с Фолом встреча в «Житне». Да, забыл добавить: я, когда по серьезному делу звоню, всегда «Куретов» ставлю, от прослушивания. И едва я собрался вам в бар звонить, как телефон отключился.

Видать, прослушивали со смыслом и ничего не услышали, кроме топота с гиканьем. Вот и решили, от греха подальше... за Саввой-то наверняка слежка была.

Поймите, Алик, детектив из меня плохой, а объект преследования и того хуже. Трус я. Вот тогда-то и решил из шкуры выпрыгнуть. Я ведь предметник, вам не чета, иначе не умею... Как бы это проще объяснить? Понимаете, я большую часть жизни прожил до Большой Игрушечной, я и верить-то себя силой заставляю — а вы не верите, вы знаете! Я — аквалангист, а вы — рыба в воде! Зато я понимаю, что в мифологической реальности любое лыко в строку... или почти любое. Особенно ежели с умом подойти. Оберег от буйства квартирника? Пожалуйста! Деды наши брали старый валенок, валенка нет, возьмем рваный шлепанец; филиппинцы кокосовым молоком мазали, берем сметану с толченым орехом; якуты пихтовую хвою добавляли, мы с сосны

рвем пригоршню — клеим, мажем, ставим... Жаль только, для меня этот оберег — пустое место, я в него и под пыткой поверить не сумею. А какой-нибудь Савва или Валько-матюгальник (ах, вы знакомы?... славно, славно...) верят запросто. Еще бы: дядько Йор самолично «робыв», да в придачу разъяснял, как пользоваться!

Для меня это поделка, для них — амулет.

Вы — маг, я — деревенский колдун.

Что ж вы не хихикаете-то, Алик?... Ах, вам не смешно!

Мне, в общем, тоже.

Ладно, вернемся к телефону. Делать игрушку, чтоб заставить связь работать? Сделать я могу, только сам ей шиш воспользуюсь, по уже известным вам причинам. Идти к вам в «Житень»? Сказано, трус я. Поджилки трясутся. И за квартирой небось следят, после визита Саввы. Остается единственный метод: ваш. На голом воображении и убеждении, что так бывает. Пусть не здесь, пусть где-то, пусть не сейчас, а вчера или завтра — но в принципе бывает.

Дозвонился я в «Житень», Алик. Чего уж там... Когда жареный петух клюнет, когда страх розгой подгоняет — дозвонился. Одного не учел: старый я. Сердчишко подкачало. Еле успел вас к себе позвать — и вырубился.

Говорят, там труба дымная и свет в конце... не знаю, не видел.

Темно там, Алик, темно, сыро и грибами пахнет.

Очнулся уже в «Скорой». Они меня всяким-разным накачали, я и очнулся. В окошке указатель подсвеченный: «Лозовеньки». А из водитель-

ской кабины разговор слышен... я лежу пластом, а впору бежать.

Страшно.

Очень я им нужен оказался, Алик... вы только, пожалуйста, не спрашивайте — кому «им»?

Я и сам-то мало что понимаю.

Там у носилок моих бюкс стоял, с инструментарием. Полуоткрытый. Я ножницы хирургические и прихватил тихонько. Нет, драться я с ними не собирался, какой из меня драчун! Шевелиться могу, и то слава Богу! Они когда остановились, дверь заднюю открыли — облака разошлись, луна полная, светит вовсю, кругом снег... Я ножницы в порожек пластиковый ткнул и через них кувыркнулся с носилок, как мог.

Наудачу.

А дальше опять плохо помню.

Блохи одолевали — это помню.

И все.

4

— ...Вот, Алик, — хотел в волкодавы податься, а вышел... как вы меня назвали? Сват-Кобелище?!

Ерпалыч вздохнул со всхлипом, и печенье расплзлось в его пальцах липкой кашицей.

Я подошел к окну.

Глянул во двор.

Через какую же хрень он там ночью *наоборот* кувыркался? Как вспомнил, сообразил? Как от инсульта вылечился?

А я ему ветчины жалел, жлобяра...

Опять вспомнилась Идочка: «Зато как я мыться соберусь, так проскользнет, подлец, в ванную и не уходит! Я уж его и тряпкой, и словами — ни

в какую...» Ишь, кобель старый — а говорит, будто помнит плохо! Развел теории...

Задев коленом плиту, я обжегся. Оказывается, все это время, пока я внимал откровениям дядька Йора, у нас работала духовка — на малом ходу. Откинув заслонку, я зачем-то глянул внутрь. На противне лежал сухой и кривой кирпич с рубчатой поверхностью. По центру «елочки» был вбит здоровенный гвоздь, наверное, сотка.

— Совсем забыл! Спасибо, Алик, напомнили...

Духовка мигом оказалась выключена, кирпич аккуратненько извлечен наружу при помощи мокрой тряпочки и такой-то матери; после чего Ерпалыч расположил сей артефакт на подоконнике. Располагал он его долго, со старанием, пока не удовлетворился исходным вариантом — ни дать ни взять, японец в Сад камней новую редкость приволок.

— Мой перл, Алик! Почти личная разработка. Вы знаете, если вынутый след от машины вскорости да в сохранности вырезать и положить в пёчку носком от себя к тому месту, откуда гости приехали — то поверьте моему опыту, их следующий визит становится более чем сомнителен! А если еще и гвоздь поперек забить... или и того лучше — снести в сухом виде на автосвалку и закопать!

Ерпалыч метнулся в комнату и вернулся с книгой в руках.

— Вот, Алик, слушайте! «Одно только помни: пока ты такое дело делаешь, все время изо всех сил, всем нутром своим хоти, чтобы сбылось. В этом вся загвоздка...» А мне машинка эта ночная сразу не понравилась. Ездит и ездит, вдоба-

вок подсвечивает. Я ведь еще до ее явления *обратился*, за гаражами стоял, пока не умотала... ведь говорил вам, Алик, — предметник я, мне так проще...

И вот как раз на этих словах Ерпалыча зазвонил телефон. Громко, требовательно, именно так, как представлялось мне несколько дней назад, когда я набирал свой собственный номер.

Уже спеша из кухни в комнату, к отчаянно дребезжащему аппарату, я соображаю, что это — междугородка. Наверное, не меня, а старого Сват-Кобелища; но я все равно беру трубку.

— Алло!

— Здравствуйте. Залесски Олег... Абрахамович? Если нет, пригласите к телефону, пожалуйста.

Девушка. Молодая. Голос мне совершенно незнаком. И говорит незнакомка по-русски с заметным акцентом, подчеркнуто правильно выговаривая слова.

Ответить я не успеваю, потому что комната неожиданно взрывается лязгом, барабанным грохотом и молодецкими выкриками. Ну конечно, «Куреты»! Конспиратор хренов! Говорить придется, перекрикивая этот грохот... ладно.

— Вы меня слышать? Залесски Олег...

— Я — Залесский Олег Авраамович. Слушаю! — Поспешно рисую на телефоне знак соединения: авось услышат.

— С вами говорят из Соединенные Штаты Америка, Стрим-Айленд.

— Да, да, я слушаю...

Штаты? Но почему не отец, не Пашка, а ка-

кая-то девица из второго или третьего поколения эмигрантов?

Сердце сбивается на пьяную кадрили.

— Я должна с прискорбием сообщить вам: ваш отец Абрахам Залесски и ваш брат Пол Залесски трагически погибнуть. Недавно.

Комната идет ходуном, я хватаюсь рукой за стол, чтобы не упасть.

Не может быть, это какая-то ошибка!

— Что? Повторите...

— Ваши родственники трагически погибнуть. Приносим свои искренние соболезнования, — голос девушки звучит безжизненно, механически, словно она через силу читает по бумажке заранее заготовленный текст.

И вдруг ее прорывает, сбрасывая почти весь акцент, как сбрасывают одежду перед первой ночью любви.

— Олег Абрахамович! Я не знаю, что еще сказать! Но верьте: я понимаю ваше потрясение! Когда Пол... когда он погиб, я сама была... как это по-русски... в шоке! А потом и ваш отец... Поверьте, мне очень трудно об этом говорить!..

Верю. Верю наповал и наотмашь. Уже не слыша весело громяющих «Куретов», ногой пододвигаю стул и падаю на него.

Иначе упаду на пол.

Папа, ты в детстве подсовывал мне Шолом-Алейхема, «Мальчика Мотла»... помнишь? «Мне хорошо, я — сирота...»

Нам хорошо... и издалека, из такого далека, что заокеанские Штаты кажутся близкими соседями, слышится невозможным приветом, запо-

здалым согласиём, которое уже не имеет никакого смысла и значения:

— ...медленным вальсом кружит голова,
Звуки мелодии грустно тихи,
Хочется просто молчать, но слова
Сами собою ложатся в стихи.

Мне и тебе рановато на слом,
Пусть и хотим иногда полежать...
Ты меня вспомнил, мой старенький дом?
Дом,
Из которого я не хотел уезжать...

— Как вас зовут, девушка? — Кажется, мой голос звучит сейчас так же безжизненно, как минуту назад — ее. Но это не имеет никакого значения. Сейчас уже ничто не имеет значения. Просто надо говорить, говорить и слушать, окружая себя коконом словесной шелухи, чтобы не дать молчанию проникнуть внутрь, в душу — и поселиться там. Мне плохо. Мне очень плохо, но я переживу это. Надо говорить, говорить и слушать, и снова говорить — почему-то сейчас это кажется мне единственным выходом.

— Эми. Эмма. Простите, что сразу... не представлялась.

— Ничего, Эми. Плевать. Вы можете рассказать мне, как... как это произошло?

— Хорошо, Олег Абрахамович, я попробую...

Голос Эми-Эммы на миг прерывается, и я вдруг понимаю: за этой скованностью, за порывистой, запинаящейся речью стоит большее, чем просто печальная необходимость сообщить одному человеку о смерти других людей.

— Первым погиб ваш брат. Он вышел на лодке в море... лодка стала тонуть... и Пола съела акула. Капрану береговой охраны показалось, что

Пол перед этим был весь... *bleeded*... весь в крови. Потом он упал в воду. Так рассказал капрал. Он спешил на помощь... но не успел. — Сейчас девушка расплачется, и мне придется ее утешать.

Мне — ее.

Впору поблагодарить судьбу за эту поддержку на краю рассудка.

— Эми, успокойтесь, пожалуйста! Успокойтесь, прошу вас!

— Это очень странная история, Олег Абрамович, — всхлипывает трубка. — Долго рассказывать. Человек, который был под подозрением... который, возможно, стрелял в Пола — он мертв. Его убил ваш отец.

— Папа?! Убил человека?!

— Да. А потом убили его самого. Он был *mad*... как это? Сумасше... нет... не в себе, вот! Социально опасен.

Говоря о моем отце, Эми наконец перестает всхлипывать, и я понимаю, что это значит.

Неожиданно в трубку врывается басовитый рык:

— *Ask him, does he going to come to U.S.A.?*

— Это капрал Джейкобс, — спешно поясняет Эми. — Он взял вторую трубку. Капрал спрашивает, не собираетесь ли вы приехать в Соединенные Штаты? Тут на похороны субсидия оформлена, тысяча долларов, и дом остался — а вы... как это... единственный наследник. Вы собираетесь приехать?

— Нет, Эми. Во всяком случае, в ближайшее время. Не получается у меня. Дом закройте, пусть себе стоит — может, когда-нибудь приеду. А деньги... Пашку, как я понял, хоронить не при-

шлось... — к горлу подступает тугой комок, и я с усилием загоняю его внутрь, обратно в ноющую грудь. — А отца уже похоронили?

— Да.

— Ну, пусть тогда на эти деньги плиту приличную на могилу поставят. Ограду там... И рядом еще одну плиту — для Павла.

ВЗГЛЯД ИСПОДТИШКА...

Есть такие лица, есть такие люди, что всегда кажется: он здесь и в то же время далеко, по другую сторону зеркального стекла. Сылет ноябрьский дождь, а он занавесит глаза бровями, и там, под лохматыми занавесями, отражается пронзительная голубизна чужих небес; на улице духота и мертвый штиль — а его выгоревшую за лето шею треплет нездешний ветер. Зато загар к нему липнет безо всяких кремов — любо-дорого поглядеть! Иной, бывало, весь облезет, пузырями-волдырями — а он темным золотом сияет, и припухлые, еще детские губы слегка тронуты взрослой улыбкой.

В школе его вечно за эту улыбку били.

И еще: привычка грызть ногти.

Вот он какой, мой брат Пашка...

— Да, Олег Абрахамович, я передам. Только... не надо плиты для Пола, хорошо?

В голосе Эми звучит странная, щемящая мольба.

— Почему, Эми?

— Я... я не могу объяснить...

— Что?! — невозможная, отчаянная надежда, которая, оказывается, все это время пряталась и

за словами Эми, и на дне моей собственной души, разом вырывается наружу. — Ведь ты же сама сказала: акула!..

Ну, спорь, спорь со мной, девочка, убеди меня, что еще есть надежда — я поверю, я с радостью поверю, я дам себя убедить... только не молчи!

— Да, акула. Но... я ведь говорила: это очень странная история! Мне кажется, я встречалась с Полом... уже *после*... мне...

Щелчок.

Последние слова девушки эхом отдаются в моей голове, в то время как трубка исходит короткими гудками.

Обрыв связи.

Или Эми, не выдержав, нажала на рычаг.

Или это сделал капрал.

Или...

— Что с вами, Алик? Вам плохо?

— Мне очень плохо, Ёрпалыч, — отвечаю я и медленно сползаю со стула на пол.

5

— ...Нет, Ёрпалыч, не надо валидола. Отпустило уже... Водка? Нет, водки тоже не надо. Нет их больше, Ёрпалыч, понимаешь? Ни папы, ни Пашки. Погибли, в своих Штатах.

Ёрпалыч молчит, не пытаясь меня утешать — и я благодарен старику за это. От любых слов сейчас будет только хуже. Я должен сам. Сам...

...Павел свет Авраамович, братец мой непутевый, стоит около сияющей свежей краской будки телефона-автомата — вместо того чтобы про-

цветать на островке близ побережья Южной Каролины в окружении акул капитализма — и оглядывается по сторонам. Оглядывается плохо, хищно, поворачиваясь всем телом, движения Пашки обманчиво-медлительные, как у большой рыбыны, и еще у него что-то с руками, только я не могу разглядеть, что именно: предплечья уродливо толстые, лоснящиеся и как-то нелепо срезанные на конце, похожие на культи, обрубки эти все время шевелятся, подрагивают мелко, поблескивают жемчужной россыпью...

— Слушай, Ерпи́лыч, ты на Выворотке бывал?

— Бывал, Алик.

— Они... там... они — мертвые?

— Да, Алик, — сейчас старик очень серьезен.

— Все? Ведь мы с Фолом туда живьем вломились! Да и ты...

— Да, Алик, живой человек может попасть на Выворотку. Но только верхом на кентавре, и ненадолго. На день. Или на ночь. Иначе... иначе он рискует остаться *там* навсегда.

— Слушай, Ерпи́лыч... Ты, наверное, сейчас скажешь, что я свихнулся — может, я и вправду свихнулся! — но неделю назад я там видел Пашку. Своего брата.

— Это возможно, Алик. Я и сам не вполне понимаю, что такое Выворотка, но у меня есть предположение. Скорее всего Выворотка едина. И если ваш брат, Алик... если он погиб там, за океаном — он вполне мог оказаться здесь. Если в последние мгновения он думал о доме или о

вас — его могло... как бы это сказать... притянуть сюда.

— Мертвого?! Или живого?!

— Мне не хочется лишать вас надежды, Алик, но — скорее всего мертвого.

— Я понял, — перебиваю я его. — Но я сам хочу выяснить, что там произошло! Я должен поговорить с Пашкой, с живым или мертвым!

— Я понимаю, о чем вы сейчас думаете, Алик. Сесть верхом на Фола, прорваться на Выворотку, найти своего брата и выяснить у него... Так?

— Так.

— Мне снова придется разочаровать вас, — тяжело вздыхает Ерпалыч. — Те, кто застрелял там, на Выворотке, беспамятны! У них осталось лишь последнее желание, последнее стремление, последняя мысль, с которой они умерли — да и этого они толком не осознают. Вам не удастся поговорить с братом.

Теперь молчу я. Долго.

Пока не принимаю реальность такой, какая она есть, как принимал собственные книги, живя в них проще и ярче, чем вне.

У каждого своя Выворотка.

Нам здесь жить.

— Удастся, дядько Йор. Удастся.

— Как, Алик? — в голосе старика звучит тревога.

А я сплю наяву. Рыжеволосый бородач, сидя на корточках, роет яму; темнота, сырость, запах плесени и грибов, кувшин, чаши...

— *Слушай теперь, и о том, что скажу, не забудь...* — смеюсь я. — Да уж: не забудь... не забуду.

— Откуда вы это знаете, Алик? — очень тихо спрашивает Ерпалыч.

— Знаю. Книжки умные читал.

— И вы *верите*, что у вас получится? Алик, вы представляете себе, что вы задумали? За это людей в свое время жгли на кострах — и я отчасти понимаю тогдашних инквизиторов. Это опасно, Алик. Вы даже не представляете себе, насколько это опасно! С некромантией не шутят.

— До шуток ли мне, Иероним Павлович? — Я смотрю ему прямо в глаза, и старик не выдерживает.

Отводит взгляд.

6

Это был совсем другой проход — мы с Фолом неделю назад вламывались на Выворотку не здесь. И на этот раз нас пятеро. Три кентавра — Фол, Папа и гнедой Пирр; два всадника-человека: мы с Ерпалычем... въехав в какую-то подворотню, мы выезжаем из нее же, только с *другой* стороны.

Вот она, Выворотка.

Теплый туман огромного аквариума. Медленно дрейфуют по дну снулые рыбы. Ватная тишина закладывает уши, кентавры останавливаются, так что не слышно даже шороха их роговых колес по асфальту. Я моментально весь покрываюсь потом, и виновна тут отнюдь не духота Выворотки. Вернее, не она одна.

Я живой, а не потеют лишь мертвые, что было неоднократно замечено более проницательными, чем я, людьми.

Живыми.

— Куда теперь? — отстав, вопрошает из-за плеча Пирр.

Зычный голос гнедого звучит слабо, едва ли не беспомощно — но спасибо хоть за какой-то звук, нарушивший вечное безмолвие.

Оборачиваюсь.

Окидываю взглядом гнедого кентавра. Пирру приходится тяжелее всех. К его спине приторочены: связанная, испуганно повизгивающая дворняга, овца (как символ покорности судьбе), а также две сумки с бутылками и пакетами...

...Ерпалыч честно пытался отговорить меня от этой затеи, пока не понял — бесполезно. Я не боялся. Я действительно не боялся. Просто знал: я *должен* поговорить со своим братом. Пожалуй, остановить меня смогла бы разве что необходимость человеческого жертвоприношения. Но этого, к счастью, не требовалось — а ко всему остальному я был готов.

Нам здесь жить.

Фол заявился как раз в тот момент, когда Ерпалыч наконец сдался. Выслушал обоих, кусая губы и хмурясь... Он ведь и отца моего знал, и Пашку — еще ребенком, даже на себе пару раз катал.

— Сделаем, — коротко бросил он под занавес. — Ты один поедешь, Алька? А то мне со старшинами заранее переговорить надо, без их согласия такую затею не провернуть... себе дороже станет.

— Нет уж, мы поедем вместе, — со всей решимостью заявил Ерпалыч. — И еще у нас будет груз. Фолушка, расстарайтесь, прошу вас...

— Значит, три кента понадобятся, — на удивление спокойно заключил Фол. — Хорошо. Я скоро вернусь, а вы тут пока список составьте, чего с собой прихватить.

Меня наконец отпустило. Чуть-чуть. Я начал действовать и теперь старался не оставлять в голове посторонних мыслей. Мы с Молитвиным Иеронимом Павловичем готовили обряд. Обряд возвращения памяти душе моего брата. Отвлекаться на скорбь и истерику было теперь некогда. Я спешил, сам не зная почему, и мое возбуждение постепенно передалось старику.

Список был составлен за полчаса. Потом Ерпалыч долго рылся в своих книжных залежах, делал пометки в блокноте — и наконец предложил заменить черного барана на черную собаку.

Я согласился.

Я теперь был покладистый...

Фол вернулся через полтора часа.

— Порядок. Папа и Пирр едут с нами. Ну что, где список?

При виде списка глаза моего приятеля полезли на лоб.

— Да, задал ты нам задачку! — почесал он в затылке. — Ну ладно, ждите!

И вновь умчался, забрав с собой список, а также полученные мною от матюгальника двадцать пять гривен.

Три глубокие пиалы, ячменная мука (блинная, второй сорт, как значилось на упаковке), крепкая медовуха, бутылка вина «Бычья кровь», саперная лопатка и всякая другая мелочь — это нашлось быстро. Черную овцу Фол купил-выменял-выпросил в долг у знакомых фермеров, успев

смотреть за город — благо Дальняя Срань располагалась на самой окраине и ездить пришлось не так уж далеко.

А вот с собакой вышла загвоздка.

— Блин, ни одного пса в городе не осталось! — развел руками Фол, вкатываясь в квартиру со своими трофеями.

Ерпалыч при этих словах заметно помрачнел.

А я подумал было вернуться к бараньему варианту.

— Но Пирр последыша изловил все-таки! — победно завершил Фол, не обратив внимания на старика. — С проплешинами, но, думаю, сойдет.

— Сойдет! — поспешили заверить его мы.

— Тогда поехали!

И махнул рукой.

— ...Куда теперь? Где искать-то будем? — повторяет свой вопрос гневной Пирр.

— Едем в центр, — слова вырываются у меня произвольно.

Я уверен, что Пашку надо искать именно там.

Можно, конечно, разделить, и это понимают все, но никто не решается высказать эту мысль вслух. Славное место Выворотка, здесь только порознь и искать.

Мимо плавно скользят полуразмытые очертания домов. Да, смутно припоминаю, что так выглядела Дальняя Срань перед Большой Игрушечной. И тогда она была еще не Сранью, а просто Салтовкой. А потом вспухли уродливые грибы взрывов, когда сработали начиненные недетской дрянью детские бомбочки, и облако химической

отравы из разрушенных резервуаров накрыло район, убивая тысячи, десятки тысяч...

Простите меня, жертвы.

Сейчас меня интересует только мой брат.

Людей (можно ли их назвать людьми?!) немного. Вот пара влюбленных застыла, обнявшись, под замершим в недвижимом киселе-воздухе тополем. Прямо из стены неожиданно выскакивает девочка лет шести, в шортиках и чистенькой голубой рубашечке с короткими рукавами. Впереди девочки беззвучно прыгает большой разноцветный мяч, и малышка силится догнать его. Я не успеваю испугаться — в следующее мгновение мы проезжаем *сквозь* девчушку! Огромное разноцветное пятно на миг возникает у меня перед глазами. «Мячик, стой! Мячик, стой!» — догнать, догнать, надо его догнать, новый мячик. Если с ним что-нибудь случится, мама обязательно будет ругаться! Надо догнать...

...Прыг-скок. Прыг-скок. Прыг-скок...

Мяч катится по пляжу, по сверкающему на солнце белому песку, и мягко падает в воду. Девочка бежит за ним, но внезапно останавливается, смотрит назад...

Странно, я никак не могу разглядеть ее лицо. Только губы — они беззвучно шевелятся, девочка что-то хочет сказать, о чем-то спросить. Я вновь гляжу на мяч — он уже в воде, ленивая теплая волна слегка подбрасывает его вверх, солнце сверкает на мокрой резине. Какого он цвета? Синего, конечно, я хорошо это помню. Синий мяч с белыми полюсами, весьма похожий на глобус. Почему же...

И вдруг я понимаю — мяч изменил цвет. Сгинула синева, исчезли белые полюса, превратясь в два уродливых красных пятна. Краснота ползет, смыкается у экватора. Теперь мяч красный — как венозная кровь. Кровь, залившая рубашку, новую рубашку, только что из прачечной, с наскоро пришитой пуговицей у левого запястья...

Мысль-видение проходит насквозь и остается за спиной. Я невольно оборачиваюсь. Девочка делает шаг и исчезает. Растворяется в воздухе, вместе со своим замечательным мячом. Чтобы сразу возникнуть вновь, на том месте, где появилась перед этим — и опять она бежит через улицу, стремясь догнать свой мяч.

Навсегда.

Дома вокруг постепенно становятся знакомыми. Мы въезжаем в центр. Он не сильно изменился со времени Большой Игрушечной...

Фол притормаживает.

Жалобно скулит собака в тороках.

— Теперь куда?

— Теперь...

Время катится назад разноцветным мячом. Невозможный Пашка исчезает за будкой, и спустя мгновение по улице проносится свора белоснежных псов с человеческими мордами, в холке достигающих груди взрослого детины. Первач-псы. Принюхиваясь и взволнованно обмениваясь рваными репликами, они тоже скрываются за будкой; и больше я ничего не вижу. След... Они никогда не бросают след!

Фол резко сдает назад; я хватаюсь за его плечи, чтобы не упасть. Из переулка напротив нас с заунывным стоном-воем вырывается дикая Егорьева стая. Одинаковые лица Первач-псов глядят вперед, только вперед — потому что они знают, чувствуют, они уже взяли след!

Или никогда не теряли его.

Им нужны не мы, но меня окатывает леденящей волной запредельного ужаса, и я инстинктивно сжимаюсь в комок, прячась за человеческой спиной Фола.

Псы уносятся прочь — и тогда я с трудом нахожу в себе силы разлепить, разорвать моментально спекшиеся, вплавившиеся друг в друга губы.

— За ними, — сипло выдавливаю я.

И ощущаю, что Фола, как и меня, бьет мелкая дрожь.

Кентавр трогается с места.

Мы едем домой.

Домой...

Вослед автоматной очередью бьют короткие, чужие, страшные строки, наполняя сердце талым снегом:

— Пастырь Егорий
Спит под землею.
Горькое горе,
Время ночное.
Встал он из ямы,
Бурый, косматый,
Двинул плечами
Старые латы.
Прянул на зверя...
Дикая стая,
Пастырю веря,
Мчит, завывая...

Улицы, дома, Выворотка... быстрее!
Быстрее!

— Горькое горе
В поле томится.
Ищет Егорий,
Чем поживиться...

7

У моего подъезда шел бой — беззвучный и бескровный.

По другой стороне улицы немо процокала каблучками молоденькая девица, едва удерживая поводок с огромным доберманом; компания подростков на роликах мотнулась совсем рядом, лишь на мгновение притормозив; медленно спешила куда-то старушка в клетчатом салопе, помахивая авоськой, и шествовал за старушкой старичок без авоськи, в пиджаке с орденскими планками — у них у всех был последний день, последний навсегда, у каждого свой и один на всех, миг безразличия и слепоты бытия, растянутый смертью в бесконечность, у них был день, июнь и тополиный пух...

Только у моего подъезда был снег и бой.

Снежный ком катается по земле, словно пытаясь выгладить асфальт до зеркального блеска; переворачивается скамейка, бархатные затычки щекотно шевелятся в моих ушах — фантомные звуки, вой-обманка, крики-ложь, враки-рычание... ком распадается, и свора Первач-псов выворачивается полукругом, прижимая Пашку, моего Пашку, спиной к двери подъезда. Страшные Пашкины руки выставлены вперед, беспальные культы взблескивают в свете солнца рыбьей че-

шуёй, косо срезанные на конце ножом мясника-хирурга. Он никогда не умел драться, я помню это, помню с отчетливостью кошмара — я тоже не умел, но я пробовал, пробовал всегда, отчаянно, собственным упрямством заставляя считаться с собой, а он даже и не пробовал...

Папа ходил в школу разбираться с Пашкиными обидчиками, тщетно взывая к их пониманию; первый раз папа, и второй раз папа, а в третий и четвертый — я с Риткой, после чего больше ходить не пришлось.

Ближний из псов взвизгивает в воздух, что-то крича человеческим ртом. Первач рушится Пашке на грудь, ища горла, но брат мой выскальзывает игрушкой из мокрой резины, обтекает косматую смерть, и наотмашь хлещет пса левой культей. Чешуйчатый блеск на миг приникает к шерсти и плоти Первача, широко распахивая ее мокрым ноздреватым провалом; так деревянный меч ребенка распахивает нутро февральского сугроба. Крови нет, есть лишь сырая глубина, она истекает синим паром, и пес истошно воет тишиной, гулкой беззвучностью, кубарем откатываясь в сторону.

Они бросаются все вместе. Вся свора. Снова ком, снова круговерть снега и безумия, где уродливые руки без устали кромсают, рвут на части уродливые тела, уже совсем не похожие на собаки, а лица людей, только людей и ничего, кроме людей — лица эти распялены звериным рычанием, распяты на нем яростной Голгофой... кажется, я схожу с ума.

— Пашка!

Горячая рука Фола силой удерживает меня на месте.

...он не пускает меня, проклятый кент, не пускает туда, где бьется насмерть мое неожиданное сиротство, с каждой минутой все больше грозя превратиться в неизбежность!.. Взгляд твердеет, обретая реальную плотность, взгляд властно упирается в грудь, украшенную зигзагом молнии по футболке, и молния под этим взглядом искрит, наливаясь жгучей силой, заставляя, подчиняя...

Фол вскрикивает и отшатывается, разжимая пальцы.

Свободен.

Бегу.

Бегу к подъезду, к Пашке и псам. Ноги ватные, я зависаю в воздухе, еле-еле проталкивая себя сквозь день, июнь и тополинный пух; так бывает во сне, так бывает в смерти, я уверен в этом, теперь уверен, и все равно бегу.

Хлопает дверь подъезда.

Первач-псы в остервенении бьются о нее телами, заставляя содрогаться дом и тишину, после чего бураном срываются с места.

Исчезают за углом.

Лужицы слизи медленно тают на асфальте.

Я подхожу к двери и тяну ее на себя. Без усилия. Так надо: без усилия, бездумно и бессмысленно, так и только так.

...скрип петель, изнутри несет сыростью и кошачьей мочой, а под лестницей до сих пор валяется поломанный велосипед, трехколесный, никому не нужный уродец, рядом с глянцевой оберткой мороженого...

Я в подъезде.

Иду мимо велосипеда по лестнице. К себе.

За спиной стараются не шуметь кентавры й Ерпалыч; зря стараются — не шуметь в тишине Последнего Дня... Последних Дней, вплавленных друг в друга намертво, намертво...

Иду.

Ключи нашариваются в кармане сами. Так и должно быть.

Мы внутри.

В квартире.

В моей квартире, в нашей квартире, по которой безмолвным призраком бродит Пашка. Вот он прошел мимо нас на кухню, зачем-то открыл холодильник; потом, мгновенно забыв о холодильнике, бросился в ванную, открыл краны... плещет вода. На обратном пути Пашка мимолетно останавливается прямо передо мной, тычется в лицо пустым взглядом — и проходит насквозь. Меня охватывает дикая тоска, горько-соленые брызги тают на губах (кровь? слезы? морская вода?..), уши закладывает, приходится сглатывать, что совсем не помогает, а вон Ерпалыч плывет по коридору снулой барракудой, вслед ему течет Папочка, подымая колесами горы ила...

Все.

• Прошло.

Насквозь и дальше.

Пашка в комнате. Ходит кругами, и его чудовищные руки плывут перед грудью, блестящие обрубки, хищные культы, способные рвать и распахивать; а лицо брата моего безмятежно, словно летний простор океана, которого мне никогда не

доводилось видеть... «Разве я сторож брату моему?» — интересуется кто-то глубоко внутри меня, и немного погодя отвечает: «Да, сторож».

Комната двоится, троится, накладывается сама на себя: были рябенькие обои, а теперь ромбы, оранжевые и коричневые, компьютер на столе возникает, чтобы сразу пропасть, сменившись кассетным магнитофоном (папа подарил, на день рождения...) — я навожу комнату на резкость, что дается с трудом, опускаюсь на колени и начинаю пальцами оттирать паркет.

Больно.

Фол сзади подает большую стамеску.

Когда пространство в один квадратный локоть расчищено, вонь сырой земли шибает мне в нос. Копаю. Сперва стамеской, а после выгребаю грунт ладонями. Земля забивается под ногти, от нее тянет гнилью, вокруг темно, сыро и пахнет грибами. Я откидываю назад гриву рыжих волос, чтоб не падали на глаза, и продолжаю копать стамеской... нет, мечом, коротким и широким мечом из бронзы, время от времени подравнивая края ямы.

Все.

— ...под утесом,

Выкопав яму глубокую в локоть один шириной и длиною,
Три соверши возлияния мертвым, всех вместе призвав их:
Первое — смесью медвяной, второе — вином

благовонным,

Третье — водою, и все пересыпав мукою ячменной...

Кажется, я что-то приказываю. Рядом возникает овечья морда, черные завитки руна смешно топорщатся на крутом лбу, и меч с удовольствием перехватывает дряблое горло. Блеянье сменяется

хрипом. Течет кровь, -лется в яму пряным ручьем, а чаши с возлияниями, треугольником стоя вокруг, откликаются радостным бульканьем. Вторая морда, собачья, второе горло... вторая кровь. Брызжет в лицо, я слизываю с губ горьковатую влагу (кровь? слезы? морская вода?..), уши закладывает, приходится сглатывать, чувствуя в горле соленый наждак.

Лохматые туши лежат правильно: головами к платяному шкафу, где стоит, жадно принюхиваясь, мой Пашка — сам я в это время смотрю поверх ямы в окно, откуда мне отчетливо слышен плеск океанских волн.

— ...к Эребу

Их обратя головою, а сам обратясь к Океану —
В жертву теньям принеси...

Подымаюсь.

Подхожу к окну.

Смотрю на зеленый простор, разрезаемый косыми плавниками: один побольше, и еще дюжина маленьких.

Все правильно.

Из-за спины пахнет кровью.

Кажется, я снова приказываю. Кентавры и тощий Харон-перевозчик бросаются выполнять приказ. Шкуры плохо обдираются с жертвенных туш, мои спутники с головы до ног изгваздываются в бурой дряни, но послушаться и не думают. Вскоре языки пламени жадно пожирают штабель паркетин вместе со Златым... вместе с Черным руном.

Все правильно.

Стою с мечом, готовый карать и отгонять. Это для Пашки. Это для моего брата. Вот он идет, вот он припал к яме, встав на четвереньки, припал не

ртом, а страшными своими руками... рты распахиваются на концах обрубков, зубастые пасти хлещут кровь, лакают, захлебываясь теплой истомой...

Пашка ворчит и через плечо косится на меня.

Пустой взгляд согревается, ошупывает, ищет.

— Больно, — шепчет Пашка, в этот момент донельзя походя на Месяца-из-Тумана.

— Больно, — соглашаюсь я, и ответно плещет за окном невозможный океан.

— Алька? — спрашивает Пашка.

Я киваю.

Разве я сторож брату моему?

Сторож.

Пятница, двадцатое февраля

*Теория Олд-Шмузля * Сперва было темно * Вложить душу *
Легат пробует Печать*

1

— Вы будете смеяться, но я действительно приезжий... и действительно м-магистр м-мифологии. Эту степень я получил в Пражском университете...

— Мы не будем смеяться.

В полуоткрытую дверь видна часть сцены: гостиная, где на диване сидит худощавый человек лет тридцати пяти. Высокий лоб с залысинами, близорукие глаза — ну почему, почему у близоруких, когда они без очков, такой беспомощный взгляд? и почему они так часто стесняются своих очков?! — губы яркие, излишне тонкие, но это его не портит. Да, еще под-

бородок с ямочкой посередине. В руках человек вертит деревянные четки, и холеные пальцы нервно щелкают бусинами.

По авансцене, шлепая тапочками, бродит Ерпалыч.

Ерпалыч (*повторяет задумчиво*). Нет, мы не будем смеяться...

Магистр. А зря. Если не смеяться, то впору счесть кого-то из нас п-сихически неполноценным. Вот, например, господин в углу, которого моя местная гидесса и хранительница — очаровательная женщина, судя по первому знакомству! — так вот, она звала этого господина к-кентавром. И рассказывала мне о трудностях общения с вышеупомянутыми кентаврами. А я смотрю и вижу перед собой мужчину атлетического телосложения, зачем-то втащившего в комнату свой м-мотоцикл. Единственное, что здесь достойно удивления, так это отсутствие у господина с м-мотоциклом верхней одежды, несмотря на зимний сезон. Теперь скажите мне на милость, кому я должен верить: очаровательной гидессе, теории адаптации Семенова-Зусера или с-своему малость подпорченному зрению?

В просвете мелькает хвост; и еще — медленно вползает рубчатый край колеса. Это Фол. Устраивается поудобнее. Магистр на диване достает очки из бокового кармана пиджака, водружает их на нос; но взгляд его по-прежнему беспомощен.

Возможно, именно поэтому магистр столь болтлив, столь нарочито самоуверен.

Издали доносится шарканье веника и немелодичное мурлыканье.

Фол (*сиплым, насквозь фальшивым пришептыванием*). Не верь, начальник. Никому не верь. Поверишь — пропадешь ни за хрен собачий. Усек?

Магистр (*равнодушно*). Усек, кореш. Зуб даю, мы все п-правы: и я, и гидесса-хранительница, и мой дорогой Иероним Павлович, который вежливо с-сдерживается, чтоб не улыбнуться. Простите, Фол... кстати, Фол или Фрол? А по батюшке?

Фол. По матушке. И это не ко мне, это к Вальку — есть тут у нас один матушкин спец...

Магистр. Хорошо, хорошо, пусть будет просто Фол. Тем паче что я вам не столько не нравлюсь, сколько вы ваньку валяете... Скажите, Фол: а вы сами каким с-себя видите? Если, конечно, не секрет?

Фол встает и оказывается в поле зрения. Отличная диагональная мизансцена: слева направо и вглубь — прекращает свое «брожение умов» Ерпалыч, обеспокоенно и с симпатией глядя на магистра, сам магистр вяло поигрывает четками, а у спинки дивана возвышается громада кентавра.

Аплодисменты.

В луче света пляшут пылинки.

Фол (*кусая губы*). А это, начальник, не твое дело. Я ж не спрашиваю, какой длины у тебя член? И показать не прошу.

Ерпалыч (*с укоризной*). Фолушка... как можно...

Магистр. Можно, Иероним Павлович, можно. Не б-беспокойтесь, я не обидчив. И нашему грозному другу... то бишь вашему другу, а моему новому з-знакомому, я сейчас нравлюсь гораздо больше, нежели в начале нашего знакомства. Я прав, Фол?

Фол укладывается обратно на пол, благодушно скалясь в бороду.

Ф о л. Прав, начальник. Как есть прав. Пить на брудершафт будем, целоваться будем, песни охальные горланить... Ерпалыч, ты теперь понимаешь, какого к нам интересного очкарика прислали? Пункт первый: необидчив. Пункт второй: способен не только смотреть, но и видеть. Пункт третий: умеет делать выводы... Один только вопрос: зачем?

Магистр *(благодушно)*. Разве ж это вопрос, господин с м-мотоциклом? Это так, ерунда на постном масле. С помощью которого, заметим, вы умудряетесь чинить дряхлую канализацию — что достойно удивления много больше наличия м-мото-цикла в квартире... или господина в футболке и на колесах. Но позвольте оставить словесные изыски и перейти к делу. Иероним Павлович, вы ведь д-до вашей Большой Игрушечной работали в местном филиале НИИПриМа?

Ерпалыч возобновляет хождение.

Ерпалыч. Работал. Баклуши бил, с перерывом на обед.

Магистр. А вас не интересует источник моей осведомленности?

Ерпалыч. Интересует. Особенно замечание о «местном филиале». Это надо понимать так, что есть иные филиалы, а также центр?

Магистр *(поправляя)*. Центры. Центры, уважаемый Иероним Павлович. И руководство, которое я имею честь сейчас п-представлять. Проект «МИР» существует очень, очень много лет... Вас что, не информировали о г-гипотезе Олд-Щмуэля?

Ф о л. Ерпалыч, тебя о Болт-Шмулевской гип-

по-потезе не информировали? Надо же, какое досадное упущение!

*Ерпалыч ходит и молчит, время от времени по-
жимая костлявыми плечами.*

Фол. Не информировали его, начальник. Вишь, правильно я тебя начальником обозвал, само на язык легло... Забыли дружки твои поделиться. Ты уж колись, не тяни резину! -

Магистр. Вы плохой актер, Фол. Будь я режиссером, я бы долго и п-плодотворно с вами работал... или сменил вас на дублера. Но поскольку я не режиссер, а дублера мы не имеем, п-продолжим в исходном варианте. Гипотеза Олд-Шмуэля возникла в пятидесятых годах прошлого века, и поначалу, как водится, была изрядно осмеяна. К счастью, не всеми. Так возникла идея разработки под названием «Мера Мира», п-позднее переродившаяся в проект «МИР».

Ерпалыч. Мифологическая реальность?

Магистр. Что? Ах да, вы же били баклуши именно в этом отделе... Нет, мой дорогой Иероним Павлович, мифологическая реальность — лишь частность. Проект «МИР» имеет в виду именно мир, конкретный, наш мир, где нам п-предстоит жить. Согласно гипотезе Олд-Шмуэля, на момент творения (неважно, стараниями Яхве, Брахмы или Большого Взрыва!) мы имели м-максимальное расширение бытия. Иными словами, мироздание насчитывало на момент дня рождения бесчисленное множество измерений, и соответственно бытие насчитывало бесчисленное множество способов реализации. После чего началась собственно реализация — и активное

с-сокращение измерений, способов, возможностей... расширение завершилось, началось сжатие.

Голос из угла. Сжатие? Как это?

Это Ритка. Невидимый Ритка, представленный исключительно голосом. Он тоже здесь, призванный оттенять действие одним своим присутствием, и во-время поданная реплика разбивается о молчание, о паузу, гениальную паузу, выдержанную с точностью до долей секунды — прежде чем прозвучит ответ.

Аплодисменты, переходящие в овацию.

В луче света пляшут пылинки.

Магистр (не поймешь, искренне или с издевкой). Милый мой Ричард Родионович... я совсем забыл про вас. Поясню на п-примере. Вы решили купить чайник. На момент решения у вас есть огромное количество возможностей: купить д-дорогой или д-дешевый, красный в горошек или гладко-белый, обычный или электрический, сегодня или через неделю... Но вот желаемый предмет куплен. Стоит на плите; пытит. У вас есть чайник: дешевый, в горошек, приобретенный вчера в фирменном магазине «Клондайк» на углу Артема и Собачьего п-переулкa. Чайник есть, но возможностей выбора, степеней свободы — их больше нет. Все это сжалось в конкретный чайник. Ныне, присно и во веки веков, аминь! Каково?

Ритка. А-а-а... понятно.

Магистр (на этот раз вполне искренне). Я завидую вам, Ричард Родионович. Вам понятно. А мне вот до сих пор... впрочем, не будем отвлекаться. Итак, мироздание стало реализовываться и, следовательно, сжиматься в области своих возможностей. Мы, люди, ускорили сей п-процесс во много раз. Получив в конечном итоге четырех-

мерный мир (а если принять во внимание разногласия касательно времени, то — трехмерный). Максимально стабильный, п-предельно устойчивый, объясненный вдоль и поперек... и одновременно — максимально простой. Простейший. Амеба бытия. Сжатие закончилось, пришла пора нового расширения — в этом и з-заключался вывод смешной гипотезы Олд-Шмуэля.

Ер п а л ы ч. Однако... И вы нашли подтверждение этой, в высшей степени любопытной, гипотезы?

Магистр. Нашли. К счастью, п-проект «МИР» неплохо финансировался одними лицами... и нас не трогали лица другие, считая за яйцеголовых придурков. Мы собирали статистические данные, факты, только факты и ничего, к-кроме фактов — разве что области сбора фактов были весьма специфичны. Какой объем занимают эзотерические издания в валовой продукции столичных издательств? Фантастика, «*science fiction*» или «*fantasy*». В издательствах п-периферии? Годовой прирост членов общества Сознания Кришны? Белого Братства? Свидетелей Иеговы? Летающие тарелки — кто видел, где и когда? сам летал на Сириус? общался с Высшим Разумом? Количество з-заказов на освящение квартиры, дома, м-машины? Масштаб и специфика проведения ролевых игр, областных, региональных, международных?! Фильмы Голливуда: процент м-мистики? «инопланетяне среди нас», сказки для взрослых, спрос на определенные кассеты в п-прокате?! Эстрасенсы и барабашки, президенты в церквах и мечетях, репортажи «Рандеву с домовым» в жел-

той прессе — информация к-копилась и анализировалась.

Ф о л. Вывод?

Ма г и с т р. Вывод: гипотеза Олд-Шмуэля стала именоваться *теорией* Олд-Шмуэля. Бытие начало расширяться, увеличивая количество измерений и д-добавляя новые степени к свободе реализации. «Мера Мира»...

Е р п а л ы ч (*оседлав стул*). Не бытие. Сперва сознание. Слыхали небось: «Бытие определяет сознание»? Понимай, как хочешь, свобода толкования полная. Я полагаю, уважаемый магистр, в нашем случае сознание было первично. Человек незаметно для себя в душе принял нестабильность мироздания, допустил саму эту возможность — и расшатал возведенные им же опоры, столкнул первый камешек лавины. Вот вы, человек приезжий, даже с вашей теоретической подготовкой, вместо кентавра видите лишь господина с мотоциклом. Пройдет неделя, месяц, год, и вы сперва допустите возможность существования господина на колесах вместо ног; потом вы внутренне согласитесь с самим собой — а еще через полгода (если не гораздо раньше!) к вашему подъезду подкатит кентавр. И вы не удивитесь его визиту! Ибо сознание ваше будет готово принять такое бытие.

*С кухни доносится лязг разбиваемой тарелки.
Мурыльканье сменяется причитаниями.*

Ма г и с т р. Я не стану спорить с вами, д-д-д-рогой Иероним Павлович. Мы оба правы, каждый по-своему. Особенно если учесть, что вы все прекрасно понимали с самого начала. Главное в д-другом: мироздание меняется, причем не к луч-

шему и не к худшему — и нам надо привыкать жить здесь и сейчас, думая о завтра. Ваш город волей случая стал п-прекрасным полигоном для испытаний, п-проверок и исследований...

Ф о л (*с ехидцей*). Волей случая, начальник?

Ма г и с т р (*твердо*). Именно так. И мое руководство не хотело бы упустить эту возможность. Иначе завтра мы окажемся не подготовлены к новому б-бытию в масштабах, гораздо превышающих размеры отдельно взятого города. У вас процесс расширения идет в десятки, сотни раз быстрее, чем в д-других местах; вы — это завтрашний день.

Е р п а л ы ч. Не только расширения. Расслоения, большей свободы, но и большей неустойчивости. Этот город — модель того, что наш общий друг Алик (кстати, не слишком ли долго он пребывает в объятиях Морфея?) назвал «Люди, боги и я». Прекрасная формулировка, особенно это «...и я». Отсутствие самоосознания: а я-то кто такой, черт побери?! Мы, уважаемый магистр, имеем расслоение: центральные районы, где реальность на время стабилизировалась по схеме «моление — воздаяние» или, если угодно, «я — тебе, ты — мне». Далее, имеется Дальняя Срань, где расширение пошло рывками, и лодка опять начала раскачиваться...

Ма г и с т р. Конкретнее?

Е р п а л ы ч. Да сколько угодно! Общение с высшим ярусом (одноразовые иконки, заказные молебны и освящения чердаков с гаражами), а также контакт с ярусом средним (болевые точки среды, они же квартирники, утопцы, исчезники

и прочие) — схема стала меняться! При сохранении «я — тебе, ты — мне» добавился новый вариант: «Ты — мне, чтобы я тебе не...». Возник рэкет, сознательный рэкет Тех, которые в силу законов своей среды, законов расширяющегося мироздания, остались не у дел. Мы их зовем бомжами. В древности, когда мир был молод, их звали чудовищами и таскали на прокорм гидрам-драконам-алмасты молоденьких девушек. Мы пока обходимся без девушек, но это до поры до времени! Возникли чудовища — в бытовом, повседневном плане! — ответно возникли герои, способные оказать противодействие.

Ф о л (*ржет*). Валько! Герой-матюгальник!

Ер п а л ы ч (*строго*). Нечего веселиться, Фолушка! Да, герой! — если принять это слово, как условное наименование противовеса чудовищам. Полагаю, и в древности герой у многих не вызывал особого пиетета: туп, грязен, социально опасен, сексуально активен — но, увы, необходим!

Ма г и с т р. Вы рассматривали альтернативу чудовищам не в плане героев, а в плане... э-э... противоположности?

Ер п а л ы ч. Рассматривал. Альтернатива — боги. Формирование псевдоязыческого пантеона из бывших людей. Тот же рэкет, только более цивилизованный... Политеизм как прообраз организованной преступности, мафии и для Тех, и для Этих. Полагаю, что и этот процесс у нас идет всюю... но фактов не имею.

Ма г и с т р. *Пока* не имеете?

Ер п а л ы ч. *Пока* не имею.

Ма г и с т р. Я не ошибся в вас, дорогой Иеро-

ним Павлович. К сожалению, Большая Игрушечная лишила нас возможности п-продолжать исследования здесь, в городе... Мы думали, что это временно, и ошиблись. Сейчас работать здесь может лишь местный, п-приспособленный к расширенной реальности. Я п-предлагаю вам работу, господин Молитвин: мы собираемся в-восстанавливать региональный филиал НИИПриМ, и вакансия заведующего филиалом свободна. Подбор сотрудников во многом тоже будет зависеть от вас. Что скажете?

Ерпалыч встает и бродит по комнате.

Ерпалыч. Мне надо подумать.

Магистр (*тоже вставая*). Отлично. Д-думайте. И свяжитесь со мной, когда надумаете. Вот телефон моего номера в гостинице. Только учтите: ваш случай уникален, и вы тоже будете кусать локти, если упустите в-возможность...

2

Наверное, кто-то там, наверху, кто смотрит весь наш сумасшедший спектакль и ухмыляется в бороду, мимоходом пожалел меня. Потому что наступил антракт, потому что голоса стихли, прожектор солнца за окном пригасил свечение, а пылинки из кордебалета устали плясать, опустившись на пол.

Я пришел в себя.

Странно, если можно прийти в себя, значит, можно быть не в себе, можно быть или не быть, забыть, выйти за пределы собственного бытия, чтобы вернуться...

Теперь точно знаю: можно.

* * *

— Больно, — сказал Пашка.

— Алька? — спросил Пашка.

Я шагнул к нему, чтобы обнять, но он поспешно отстранился. И вздрогнул, когда его страшные руки дернулись ответно ко мне. Окровавленные акульки морды смотрели на меня тупыми буркалами, начинаясь сразу от человеческих локтей, мерцая серебром чешуи; руки-рыбы были мокрые, скользкие, теперь я отчетливо видел это, косо срезанные культы зевали треугольниками зубастых пастей — и Пашке было стыдно за них.

— Привет, Пашка, — сказал я.

— Рад тебя видеть, — сказал я.

И все-таки обнял брата моего.

Ничего его руки мне не сделали. Просто сошлись за моей спиной, холодным кольцом сдавив ее, а лицо Пашки сморщилось, подмигивая маской грустного клоуна — и ткнулось в мое плечо.

Мгновением позже я обеспамятел, теряя сознание, как теряют монетку, опущенную в дырявый карман, стремительно вылетая с Выворотки на Лицо; но мгновения нам хватило.

Я ведь не знал, что разговоры с ушедшими — красивая ложь.

Память не возвращается к мертвым, хоть океан крови выпей; она возвращается к нам, живым. Нет, не так. Она возвращается и к тем, и к другим; к мертвым — на миг, к живым — навсегда. Правильно советуют отгонять от жертвенной ямы любую тень, кроме желанной, ожидаемой... гнать, грозить оружием, подспудно зная, что им важно

не оружие, а угроза — просто нам трудно грозить, оставаясь безоружными. Кричать, не давать хлебнуть ни матери, ни другу, если ждешь не друга и не мать. Иначе сойдешь с ума, впустив в себя многих, иначе ты пойдешь к ним, а не они к тебе.

Жалость сейчас способна убить.

Милосердие — яд.

Мы стояли, обнявшись, и вокруг молчал Последний День, общий, один на всех, и тем-не менее у каждого — свой.

Сперва было темно. Потом явился страх немоты. Это оказалось очень страшно: потерять язык, мучительно катать во рту чужие граненые слова, пока они не перестают резать нёбо, все время ощущая собственную неполноценность, которая в тринадцать лет трижды мучительней; рядом папа (*здравствуй, папа!.. это я, Алька!.. не слышит...*), он все понимает, но ему еще тяжелей, он вообще объясняется на пальцах с продавцами, с полисменами, с чиновником по выплате пособий... Все время кажется: они смеются за спиной. Это неправда, это болезненное самолюбие подростка — напротив, они благожелательны, они терпеливо ждут, пока ты достроишь корявую фразу, они улыбаются, когда понимают тебя... впрочем, они все время улыбаются, от уха до уха, у них прекрасные дантисты, которые отлично зарабатывают; и этому тоже надо учиться — зарабатывать и быть «*happу*».

Улыбка дается труднее языка.

Всплывают похороны (*почему похороны?.. чьи?.. не знаю...*) — ворота, выставка венков по двадцать пять долларов, есть дорожке, с красными шишеч-

ками, есть еще дороже, с шишечками и бантиками из сусального золота. Машины едут гуськом по асфальтовым дорожкам, огибают пруд, где плавают жирные утки; вот и собственно кладбище. Футбольное поле, зеленый газон — и ряды аккуратных плит разбегаются во все стороны. Яма... скорее колодец с ровными стенками, а над ямой — лебедка. С ее помощью на цепях опускают гроб. Очень удобно. Вокруг могилы расстелены ковровые покрытия, чтобы не стоять в грязи, это тоже удобно, а для детей и престарелых родственников расставлены кресла. Хочется сесть в кресло, хочется стать на покрытие... пока не соображаешь: ковры лежат поверх чужих плит. Из-под краешка покрытия, рядом с ножкой кресла, выползает надпись: «...рогому дедушке от внуков. До встречи на небесах!» Надпись сделана по-русски, красивыми буквами с завитушками.

Отказ сесть в кресло вызывает общее удивление, и все собравшиеся время от времени косятся на странного мальчишку, который стоит в грязи, поодаль от идеальной могилы с удобной лебедкой.

Океан и переезд в Южную Каролину ассоциируются с удивительным понятием «Восьмая Программа». Стрим-Айленд, льготное жилье, вскоре — колледж на побережье и пенсия по инвалидности для отца, стоившая всего две тысячи (спасибо врачу-эмигранту за нужные бумаги). Соленые брызги в лицо. Самая лучшая в мире девушка. Самые мерзкие в мире враги. Тоска. Папа много пьет и часто говорит о том, что надо бы съездить в гости домой. Он так и говорит: «в гости домой» — а потом идет покупать виски, потому что водка здесь непривычно дорогая.

— Может, давай постучим в домино?
Или раздавим одну на двоих?
Раньше поменьше горчило вино,
Раньше побольше здесь было своих.
Ладно, не будем грустить о былом,
И на бутылку хватает денег...
Что ты! Не надо... ты все-таки дом,
Дом,
Из которого я не хотел уезжать...

Папа.
Океан.
Я.

И слова, вспыхнувшие передо мной на белой стене облаков, от зеленой глади океана до неба, где сидит Тот, кто смотрит весь наш сумасшедший спектакль и ухмыляется в бороду.

«Вложить душу».

Как меч в ножны, как память в память, чужую в свою, заставив их переплестись «плетнем», способным заковать небывалое.

Да, ей здесь не место, чужой памяти, и даже не памяти, а чему-то, для чего у меня нет названия; да, так можно сойти с ума — но иначе у меня не получалось.

Никак.

3

ВЛОЖИТЬ ДУШУ (опыт фуги)

PRAELUDIUM

Рассвет пах обреченностью.

Еще не открывая глаз, Мбете Лакемба, которого в последние годы упрямо именовали Старинной Лайком, чувствовал тухлый привкус судьбы.

Дни Предназначения всегда начинаются рассветом, в этом они неотличимы от любых других дней, бессмысленной вереницей бегущих мимо людей, а люди смешно растопыряют руки для ловли ветра и машут вслепую — всегда упуская самое важное. Сквозняк змеей скользнул в дом, неся в зубах кровотокающий обрывок бриза, и соленый запах моря коснулся ноздрей Мбете Лакембы. Другого запаха, не считая тухлятинки судьбы, жрец не знал — единственную в своей жизни дальнюю дорогу, связавшую остров с островом, окруженный рифами Вату-вара с этим испорченным цивилизацией обломком у побережья Южной Каролины, упрямый Лакемба проделал морем. Хотя западные Мбати-Воины с большими звездами на погонах предлагали беречь время и лететь самолетом. Наверное, вместо звезд им следовало бы разместить на погонах циферблаты часов, ибо они всю жизнь боялись потратить время впустую. Неудачники — так они звали тех, чье время просыпалось сквозь пальцы. Удачей же считались латунные звезды, достойная пенсия и жареная индейка; западные Мбати рождались стариками, навывтяжку лежа в пеленках, похожих на мундиры, и называли это удачей.

Мбете Лакемба оторвал затылок от деревянного изголовья и, крихтя, стал подниматься. Большинство береговых фиджийцев к концу жизни было склонно к полноте, и жрец не являлся исключением. Когда-то рослый, плечистый, сейчас Лакемба сутулился под тяжестью лет и удвоившегося веса, а рыхлый бурдюк живота вынуждал двигаться вперевалячку, подобно-глупой домашней птице. Впрочем, лицо его оставалось преж-

ним, вытесанным из пористого камня скал Вату-вара... Было странно видеть такое лицо у жирного старика, и местные рыбаки тайком скрещивали пальцы, когда им доводилось наткнуться на острогу немигающих черных глаз Старины Лайка. Рыбаки смотрели телевизор и любили своих жен под вопли компакт-проигрывателя, у рыбаков была медицинская страховка и дом, воняющий пластмассой, но в море волны раскачивали лодку, а ночное небо равнодушно взирало сверху на утлые скорлупки, и медицинская страховка казалась чем-то несущественным, вроде муравья на рукаве, а слова Старины Лайка о муссоне пополуночи — гласом пророка перед коленопреклоненными последователями.

Потом рыбаки возвращались домой, и Уитни Хьюстон помогала им любить своих жен, громко жалуясь на одиночество из темницы компакт-проигрывателя.

Стараясь не разбудить матушку, бесформенной кучкой тряпья прикорнувшую в углу у земляной печи, Мбете Лакемба вышел во двор. Посторонний наблюдатель отметил бы бесшумность его шага, удивительную для возраста и телосложения жреца, но в доме Старины Лайка не водилось посторонних. Зябко передернувшись, старик снял с веревки одежду и принялся натягивать брезентовые штаны с не перестававшими удивлять его карманами на заднице. Эти карманы удивляли жреца много лет подряд, потому что задница нужна здравомыслящему человеку, чтобы на ней сидеть, а не хранить всякую ерунду, сидеть на которой неудобно и даже болезненно, будь ты правильный человек с Вату-вара или ры-

бак, верящий одновременно в приметы и медицинскую страховку.

Пожалуй, гораздо больше стоил удивления тот факт, что штаны Лакембы совершенно не промокли от утренней росы — но это пустяки, если знаешь слова Куру-ндуандуа, зато карманы на заднице...

Почесав волосатое брюхо, Мбете Лакемба прислонился к изгороди и шумно втянул ноздрями воздух. Нет. Рассвет по-прежнему пах обреченностью. Даже сильнее, чем при пробуждении. Так уже было однажды, когда жрецу пришлось схватиться с двухвостым Змеем Туа-ле-ита, духом Тропы Мертвых, незаконно утащившим душу правильного человека. Белый священник еще хотел тогда увезти Лакембу в госпиталь, он твердил о милосердии, а потом принялся проклинать дураков с кожей цвета шоколада «*Corona*», потому что не понимал, как может здоровый детина больше недели лежать неподвижно с холодными руками и ногами, лишь изредка хватая сам себя за горло; а в Туа-ле-иту белый священник не верил, что удивительно для жреца, даже если ты носишь странный воротничок и называешь Отца-Нденгеи то Христом, то Иеговой.

К счастью, матушка Мбете Лакембы не позволила увезти сына в госпиталь св. Магдалины, иначе двухвостый Туа-ле-ита не только заглотал бы украденную душу вместе со жрецом, задохнувшимся под кислородной маской, но и славно повеселился бы среди западных Мбати. Хотя вопли белого священника, распугавшие духов-покровителей, не прошли даром: вскоре островок Ватувара позарез понадобился звездным погонам для их громких игр. Рассвет был правильным — по-

сле забав западных Мбати-Воинов остается выжженный камень, гнилые телята со вздувшимися животами и крысы размером с добрую свинью, радующие своим писком духа Тропы Мертвых.

Но мнения жреца никто не спрашивал, потому что западный Мбати с самой большой звездой и без того втайне порицал расточительность правительства: верх глупости — оплачивать переселение «шоколадок» за казенный счет, особенно после выплаты им двухсотпроцентной компенсации. Так что жители Вату-вара разъехались по Океании, неискренне благодаря доброе чужое правительство, а пароход со смешным названием «*Paradise*» повез упрямого Мбете Лакембу с его матушкой прочь от родных скал.

Туда, где горбатые волны Атлантики омывают побережье Южной Каролины, не забывая плеснуть горсть соленых слез и на крохотную насыпь Стрим-Айленда.

Мбете Лакемба знал, что делает, поднимаясь на борт «*Paradise*».

...Капрал береговой охраны, здоровенный негр с наголо бритой головой, махал со своего катера Старине Лайку — даже мающемуся похмельем капралу было видно, что сегодня старика обременяет не только полусотня фунтов жира, способная заменить спасательный жилет, но и изрядная порция дурного настроения.

PROPOSTA-1

Бар пустовал: считал мух за стойкой однорукий бородач-хозяин, спал, уронив голову на столешницу, Плешак Абрахам — да еще сидел в

углу, за самым чистым столиком, незнакомый коротышка в брезентовой рыбацкой робе.

Явно с чужого плеча.

— Как всегда, Лайк? — осведомился однорукий, выждав, пока Лакемба привыкнет к сумраку после солнца, вовсю полыхавшего снаружи.

Полдень диктовал острову свои условия.

Старик кивнул, и Кукер лягнул располагавшуюся рядом дверь. За дверью послышался грохот посуды, сменив доносившееся перед тем гитарное треньканье — мексиканец-подручный сломя голову кинулся жарить бекон и заливать шкварчащие ломтики пятью яйцами; вкусы Старины Лайка не менялись достаточное количество лет, чтобы к ним могли привыкнуть, как к регулярной смене дня и ночи.

Коротышка в робе прекратил изучать содержимое чашки, которую грустно держал перед собой близко к глазам, и воззрился на Мбете Лакембу. Если поначалу он явно предполагал, что темная маслянистая жидкость в чашке рано или поздно превратится в кофе — то сейчас одному Богу было известно, в кого он намеревался превратить разжиревшего старика.

— Доброе утро! — коротышка грустно пожевал обметанными простудой губами. — Меня зовут Флаксман, Александер Флаксман. Доктор ихтиологии. Присаживайтесь, пожалуйста, ко мне, а то я скоро подохну от скуки и не дождусь катера.

— Лакемба, — бросил старик, садясь напротив.

Обреченность рассвета мало-помалу просачивалась вовнутрь, и ноздри жреца трепетали, ловя вонь судьбы.

Блеклые глазки доктора Флаксмана зажглись подозрительными огоньками.

— Лакемба? — переспросил он и даже отхлебнул из чашки, чего раньше отнюдь не собирался делать. — Мбати Лакемба? Явуса но Соро-а-вуравура?

— Мбете Лакемба, — равнодушно поправил старик. — Мбете, матангали-мбете. Явуса На-ро-ясо. Туна-мбанга ндау лаваки. Оро-и?

Однорукий Кукер за стойкой нахмурился и поковырялся пальцем в ухе.

— В моем заведении говорят нормальным языком, — буркнул он. — А кто хочет плевать всякой дрянью, пусть выметается на улицу.

Было видно, что коротышка изрядно успел осточертеть Вильяму Кукеру; просто раньше не находилось повода взъесться на доктора ихтиологии.

Кофе ему не нравится, умнику...

— Он спросил: не являюсь ли я Лакембой из касты воинов? — старик даже не повернулся к обозленному Кукеру. — И не принадлежу ли к общине «Взимающих дань со всего света»? А я ответил, что с момента зачатия вхожу в касту жрецов, матангали-мбете.

— Именно так, — хихикнул коротышка. — И еще вы добавили, что у «испражняющегося камнями» отвратительное произношение. Думали, я не знаю диалекта Вату-вара?!

Жрец промолчал.

Разочаровывать гордого своими познаниями коротышку было недостойно правильного человека — кроме того, за «ндау лаваки» на родине

Мбете Лакембы вызывали на поединок в рукавицах, густо утыканных акульими зубами.

Оро-и?

— Пять лет, — разлагольствовал меж тем довольный собой Флаксман, — пять лет моей жизни я отдал вашим скалам, вашим бухтам и отмелям, и в первую очередь вашим тайнам, уважаемый Мбете Лакемба! Если бы мне кто-нибудь сказал тогда, что годы спустя меня смоеет за борт и я окажусь на забытом Богом и правительством Штатов островке, где встречу потомственного жреца из общины На-ро-ясо, «Повелевающих акулами», — клянусь, я рассмеялся бы и плюнул ясновидцу в глаза!..

«А он разбил бы тебе породистую морду», — подумал Лакемба, принимаясь за яичницу, которую только что поставил на стол сияющий мексиканец.

Коротышка вдруг осекся, словно первый проглоченный Лакембой кусок забил доктору ихтиологии горло.

— Лакемба? — хрипло переспросил он. — Погодите, погодите... Туру-ноа Лакемба случайно не ваша родственница?

— Это моя матушка, — из уважения к матери старик на миг перестал жевать и сложил ладони передо лбом.

— Матушка?! Так ведь именно ее я просил... нет, умолял позволить мне увидеть обряд инициации вашей явусы! Тот самый, о котором вспоминал в своих мемуарах падре Лапланте!.. Боже, ну почему вы, фиджийцы, такие упрямые? И чем я, доктор Флаксман, хуже францисканца Лапланте?!

«Тем, что белый Лапланте тоже Мбете, как и я, разве что называет Великого Нденгеи по-иному», — жрец продолжил завтрак, тщетно пытаясь отрешиться от болтовни доктора Флаксмана.

— Дался вам этот обряд, — хмыкнул из-за стойки Кукер, царапая ногтем деревянную панель. — Маетесь дурыю...

На дереве оставались еле заметные белесые шрамики.

— Вы не понимаете! Падре Лапланте писал, что члены явусы На-ро-ясо в день совершеннолетия ныряют в бухту и пускают себе кровь, привлекая акул! А потом — знаете, каким образом они останавливают атакующего хищника?!

— Из гарпунного ружья, — однорукий Кукер не отличался богатой фантазией.

— Дудки! Они останавливают акулу... поцелуем! И та не только прекращает всякие попытки сожрать безумца, но и начинает защищать его, если в бухте окажется другая акула!

— Эй, Пако! — заорал Кукер во всю глотку. — Эй, сукин сын, ботинок нечищенный, ты меня слышишь?

— Слышу, хозяин! — донесся из-за двери голос мексиканца.

— Мы тебя сегодня акуле кинем! Понял, бездельник?

— Зачем?

Видимо, после восьми лет работы на Вильяма Кукера Пако равнодушно отнесся к подобной перспективе.

— Навроде живца! Она на тебя, дурака, кинется, а док ее в задницу целовать будет! Прямо под хвост! Понял?!

Пако не ответил — наверное, понял.

Флакسمан обиделся и на некоторое время заткнулся, что вполне устраивало Лакембу. Однако теперь завелся Кукер.

— Не знаю, какие штуки вытворяет родня Старины Лайка — пусть хоть трахаются с акулами! — но когда зараза-мако оттяпала мне руку по локоть (Билл демонстративно помахал культей, словно это должно было пристыдить коротышку), мне было не до поцелуев! И вот что я вам скажу, мистер, вы, может, и большая шишка у себя, откуда вы там вынырнули, наверное, и в акулах вы разбираетесь, как ихний президент — не стану спорить. Но не надо меня учить, как с ними себя вести! Лучший поцелуй для хвостатой мрази — заряд картечи или хороший гарпун, а всего лучше подружка — динамитная шашка!

Словно в унисон последнему выкрику, завизжали петли, дверь бара распахнулась настежь, и в проем полыхнуло солнце. Черный силуэт на пороге грузно заворочался, окрашиваясь кровью, подгулявший бриз с моря обнял гостя за широкие плечи и швырнул в лица собравшимся пригоршню йодистой вони.

И еще — обреченности.

Люди молчали, хлопали ресницами, а судьба бродила по берегу и посмеивалась. Мбете Лакемба отчетливо слышал ее смех и вкрадчивые шаги, похожие на плеск волн.

Но это длилось недолго.

— Точно, Билли! — гроыхнуло с порога не хуже динамита, и дверь с треском захлопнулась, отрезав людей от кровавого солнца, своевольного бриза и запаха, который только притворялся за-

пахом моря. — Запалил фитилек — и кверху брюхом!

Через мгновение к стойке протопал Ламберт Мак-Эванс, известный всему Стрим-Айленду как Малявка Лэмб. Он грохнул кулачищем по деревянному покрытию, во всеуслышанье пустил ветры и огляделся с надеждой: а вдруг кому-то это не понравится?

Увы, повода отвести рыбацкую душу не представлялось.

— Совсем житья не стало от треклятых тварей! Четвертый день выходим в море — и что? Болт анкерный с левой резьбой! Мало того, еще и половину сетей — в клочья! Я ж говорил: надо было сразу пристрелить ту грязнопузую бестию, не будь я Ламберт Мак-Эванс! Глядишь, и Хью до сих пор небо коптил бы, и весь Стрим-Айленд не ерзал по гальке голым... эх, да что там! Джину, Билл! Чистого.

Любую тираду Малявка Лэмб заканчивал одинаково — требуя джину.

Чистого.

— Извините, так это вы и есть мистер Мак-Эванс? — вдруг подал голос ихтиолог.

— Нет, Майкл Джексон! — заржал Кукер, снимая с полки граненую бутылъ «Джим Бима». — Сейчас споет.

Сам рыбак вообще проигнорировал обращенный к нему вопрос.

— Так я, собственно, именно с вами и собирался встретиться! — сообщил доктор Флаксман, лучась радостью. — Про какую это «грязнопузую бестию» вы только что говорили? Уж не про ту ли акулу, насчет которой с вашего острова поступи-

ла телеграмма в Американский институт биологических наук, нью-орлеанское отделение?

— Ну? — хмурый Ламберт соизволил повернуться к ихтиологу. — А ежели и так? Только мы, парень, телеграмму в Чарлстон посылали, а не в ваш сраный Нью-Орлеан!

— Этим бездельникам из Ассоциации? — презрительно скривился Флаксман. — У них едва хватило ума переправить ваше сообщение в наш институт. И вот я здесь!

Осчастливив собравшихся последним заявлением, доктор поднялся, гордо одернул рыбацкую робу — что смотрелось по меньшей мере комично — и начал представляться. Представлялся Флаксман долго и со вкусом; даже толстокожий Лэмб, которому, казалось, было наплевать на все, в том числе и на недавнюю гибель собственного брата Хьюго, перестал сосать джин и воззрился на ихтиолога с недоумением.

— ...а также член КИА — Комиссии по исследованию акул! — гордо закончил Александер Флаксман.

— И приплыл сюда верхом на ездовой мако! — фыркнул Малявка Лэмб.

— Почти, — с неожиданной сухостью отрезал ихтиолог. — В любом случае, я хотел бы получить ответы на свои вопросы. Где акула, о которой шла речь в телеграмме? Почему никто не хочет со мной об этом говорить? Сплошные недомолвки, намеки... Сначала присылаете телеграмму, а потом все как воды в рот набрали!

Член КИА и прочее явно начинал кипятиться.

— Я вам отвечу, док.

Дверь снова хлопнула — на этот раз за спиной

капрала Джейкобса, того самого здоровенного негра, что махал рукой стоявшему на берегу Лакембе:

— Потому что кое-кто действительно набрал в рот воды, причем навсегда. Три трупа за последнюю неделю — это вам как? Любой болтать закается!

— Но вы-то, как представитель власти, можете мне рассказать, что здесь произошло? Я плыл в такую даль, чуть не утонул...

— Я-то могу, — довольный, что его приняли за представителя власти, негр уселся за соседний столик, и Пако мигом воздвиг перед ним гору истекавших кетчупом сандвичей и запотевшую кружку с пивом. — Я-то, дорогой мой док, могу, только пускай уж Ламберт начнет. Если, конечно, захочет. А я продолжу. Что скажешь, Малявка?

— Думаешь, не захочу? — хищно ощерился Ламберт, сверкнув стальными зубами из зарослей жесткой седеющей щетины. — Верно думаешь, капрал! Не захочу. Эй, Билл, еще джину! Не захочу — но расскажу! Потому что этот *очень* ученый мистер плавает в том же самом дерьме, что и мы все! Только он этого еще не знает. Самое время растолковать!

В бар вошли еще люди: двое таких же мрачных, как Ламберт, рыбаков, молодой парень с изуродованной левой половиной лица (по щеке словно теркой прошлись) и тихая девушка в сером платье с оборками.

— Вся эта срань началась около месяца назад, когда мы с моим покойным братцем Хью ловили треску. Ловили, понятное дело, малой сетью...

RISPOSTA-1

— Давай, Лэмб, вытаскивай! — Стоя на мостике, Хьюго наблюдал, как наливается блеском рыбьей чешуи сеть, подтягиваемая лебедкой с левого борта. Лов сегодня был отменный, тем паче что сооружение, скромно именуемое братьями «малой сетью», на самом деле чуть ли не вдвое превышало по размеру разрешенную снасть. Вдобавок Мак-Эвансы забросили еще пару-тройку крючков — открывшийся в Мертл-Бич китайский рестораник неплохо платил за акулы плавники.

В этот момент «Красавчик Фредди» содрогнулся.

Противно завизжали лебедочные тали, поперхнулся равномерно тарахтевший мотор, по корпусу прошла мелкая дрожь. Словно кто-то, всплыв из темной глубины, вцепился в сеть с добычей братьев Мак-Эванс, не желая отдавать людям принадлежавшее морю. Но «Красавчик Фредди», унаследовав изрядную долю упрямства своих хозяев, переждал первый миг потрясения и выгнул горбом металлическую спину, разворачиваясь носом к волне.

Лебедка поспешно застучала вновь, тали самую малость ослабили — и, когда сеть мешком провисла над пеной, братья Мак-Эвансы в сердцах высказали все, что думали по поводу зиявшей в сети рваной дыры.

Почти одновременно последовал рывок с правого борта. Леса натянулась и звенела от напряжения, вода кипела бурунами — а потом поводок разом ослаб, и живая торпеда взметнулась над водой, с шумом обрушившись обратно и обдав подбежавших к борту рыбаков целым фонтаном соленых брызг.

— Большая белая! — пробормотал Хьюго. — Футов двенадцать, не меньше!

— Небось эта скотина нам сеть и порвала, — сплюнул сквозь зубы Ламберт. — Пристрелю гадину!

Он совсем уж было собрался нырнуть в рубку за ружьем, но более спокойный и рассудительный Хьюго придержал брата.

— Ты ее хоть рассмотрел толком, урод?! —

— Да что я, акул не видел?! — возмутился Ламберт.

— Не ерепенся, братец! У нее все брюхо... в узорах, что ли? Вроде татуировки! Может, такой акулы вообще никто не видал!

— И не придется! — Малявка Лэмб хотел стрелять и знал, что будет стрелять.

— Дубина ты! А вдруг ею яйцеголовые заинтересуются?! Продадим за кучу хрустящих!

Подобные аргументы всегда оказывали на Ламберта правильное действие — а тут еще и белая бестия, как специально, снова выпрыгнула из воды, и рыбак в самом деле увидел вязь ярко-синих узоров на светлом акульем брюхе.

— Убедил, Хью, — остывая, буркнул он. — Берем зверюгу на буксир и... Слушай, а где мы ее держать будем? Сдохнет, падаль, кто ее тогда купит?!

— А в «Акульей Пасти»! — хохотнул Хьюго, которому понравился собственный каламбур. — Перегородим «челюсти» проволоочной сеткой — и пусть себе плавают!

«Акульей Пастью» назывался глубокий залив на восточной оконечности Стрим-Айленда, с узкой горловиной, где скалы-«челюсти» отстояли друг от друга на каких-нибудь тридцать футов.

KONTRAPUNKT

Вечером, когда лиловые сумерки мягким покрывалом окутали остров, старый Мбете Лакемба объявился на ветхом пирсе, с которого Лэмб Мак-Эванс, чертыхаясь, швырял остатки сегодняшнего улова в «Акулюю Пасть». Впрочем, рыба исчезала в **АКУЛЬЕЙ ПАСТИ** как в прямом, так и в переносном смысле слова.

— О, Старина Лайк! — обрадовался Малявка. — Слушай, ты ж у нас вроде как акулий родич?! Глянь-ка... сейчас, сейчас, подманю ее поближе...

Однако, как ни старался Малявка, пленная акула к пирсу подплывать отказывалась. И лишь когда Мбете Лакемба хлопнул ладонью по воде, акула, словно вышколенный пес, мгновенно возникла возле пирса и не спеша закружила рядом, время от времени предоставляя татуированное брюхо для всеобщего обозрения.

— Ну что, видел? — поинтересовался Ламберт, приписав акулье послушание своему обаянию. — Что это?

— Это Н'даку-ванга, — лицо фиджийца, как обычно, не выражало ничего, но голос на последнем слове дрогнул. — Курчавые охотники с юго-восточного архипелага еще называют его Камо-боа-лии, или Моса.

— А он... этот твой хренов Н'даку — он редко встречается?

— Н'даку-ванга один. — Лакемба повернулся и грузно побрел прочь.

— Ну, если ты не врешь, старина, — бросил ему в спину Малявка Лэмб, — то эта зараза должна стоить уйму денег! Коли дело выгорит — с меня выпивка!

Лакемба кивнул. Зря, что ли, пароход со смешным названием «Paradise» вез жреца через соленые пространства? И уж тем более ни к чему было объяснять Ламберту Мак-Эвансу, что Н'даку-ванга еще называют Н'даку-зина, то есть «Светоносный».

На падре Лапланте это имя в свое время произвело немалое впечатление.

PROPOSTA-2

— ...ну а потом к нам заявился этот придурок Пол!

Ламберт заворочался, нашарил на стойке свой бокал с остатками джина и опрокинул его содержимое в глотку. Не дожидаясь заказа, Кукер сразу же выставил рассказчику банку тоника, зная, что оба Мак-Эванса (и Лэмб, и покойный Хьюго), предпочитают употреблять джин с тоником по отдельности.

Впрочем, Хьюго — предпочитал.

— Так вот, на чем это я... ах, да! Заявляется, значит, с утраца этот придурок Пол и просится кормить зверюгу!

— Ты б попрिдержал язык, Малявка, — неуверенно заметил Кукер, дернув култей. — Сам знаешь: о мертвых или хорошо, или... Опять же, вон и папаша его здесь!

Кукер умолк и лишь покосился на спящего Плешака Абрахама.

— А мне плевать! Пусть хоть сам Отец Небесный! Говорю — придурок! Придурком жил, придурком и подох! Ну кто, кроме полного кретина, добровольно вызовется кормить акулу?!

— Помнится мне, Ламберт, раньше ты гово-

рил, будто вы с братом его наняли, — как бы невзначай ввернул капрал Джейкобс, расправляясь с очередным сэндвичем.

— Верно, наняли, — сбавил тон Малявка Лэмб. — Только парень сам напросился! Эти эмигранты рыбы потроха руками ворошить согласны за цент в час! И попомните мое слово: все дерьмо из-за мальчишки приключилось!

— Пол кормил акулу вовсе не из-за ваших денег, — голос девушки в сером платье звучал ровно, но в больших черных глазах предательски блестели слезы. — Сколько вы платили ему, мистер Мак-Эванс? Пятерку в день? Десятку?!

— Этот придурок и серебряного четвертака не заработал! — проворчал Ламберт, не глядя на девушку.

— Не смейте называть его придурком! — выкрикнула девушка и отвернулась, всхлипнув. — Вам никому не было до него дела! Деньги, деньги, только деньги! А кто не мчится сломя голову за каждой монетой — тот придурок и неудачник! Так, мистер Мак-Эванс? Так, Барри Хелс? — обернулась она к парню с изуродованной щекой.

— А я-то тут при чем, Эми? — огрызнулся Барри.

— При том! Раз не такой, как все — можно издеваться над ним с друзьями! Да, Барри? Раз придурок — можно платить ему гроши за черную работу! Да, мистер Мак-Эванс? А то, что этот «полный кретин» — тоже человек, что у него тоже есть душа, что ему тоже нужен кто-то, способный понять его — на это всему Стрим-Айленду в лучшем случае наплевать! Мать еще на родине умерла, отец — горький пьяница; вон, сын погиб,

а он нажрался и дрыхнет в углу! Никто из вас его не понимал!.. И я, наверное, тоже, — помолчав, добавила Эми.

Малявка Лэмб пожал широченными плечами и стал шумно хлебать тоник.

— У Пола не было ни одного близкого существа, — очень тихо проговорила девушка. — Никого, кому бы он мог... мог излить душу! Я пыталась пробиться к нему через панцирь, которым он себя окружил, защищаясь от таких, как вы, но я... я не успела! И он не нашел ничего лучшего, чем вложить свою душу в эту проклятую акулу!

RISPOSTA-2

Золотистые блестки играли на поверхности бухты, сытое море, щурясь от солнца, лениво облизывало гладкую гальку берега; чуть поскрипывали, мерно качаясь, тали бездействующей лебедки.

Ветхий пирс еле слышно застонал под легкими шагами девушки. У самого края ранняя гостья остановилась и стала озираться по сторонам. Взгляд ее то и дело возвращался к горке сброшенной одежды в шаге от черты прибоя. Линялые джинсы, футболка с надписью «Megadeth» и скалящимся черепом, а также старые кроссовки Пола честно валялись на берегу, но самого Пола нигде не было видно.

— Пол! — позвала Эми.

Никто, кроме чаек, не отозвался.

— Пол! — в охрипшем голосе девушки прозвучала тревога.

Какая-то тень мелькнула под искрящейся поверхностью бухты, и воду вспорол большой треугольный плавник. Сердце Эми замерло, девушка взгляделась — и чуть не вскрикнула от ужаса, за-

жав рот ладонью. За плавник цеплялась гибкая юношеская рука! На миг Эми почудилось, что, кроме этой руки, там больше ничего нет, это все, что осталось от Пола — но в следующее мгновение рядом с плавником возникла светловолосая голова, знакомым рывком откинув со лба мокрые пряди — и девушка увидела лицо своего приятеля.

В глазах Пола не было ни страха, ни боли, ни даже обычной, повседневной настороженности подростка, обиженного на весь мир. Неземное, невозможное блаженство плескалось в этом взгляде, смешиваясь со струйками, обильно стекавшими с волос. Пол тихо засмеялся, не видя Эми, прополоскал рот и снова исчез под водой.

Их не было долго — минуту? две? больше? — но вот акулий плавник снова разрезал поверхность бухты, уже значительно дальше от пирса, и снова рядом с ним была голова Пола! Эми стояла, затаив дыхание, словно это она сама раз за разом уходила под воду вместе с юношей и его жуткой подружкой — а потом вода всколыхнулась совсем близко, и девушка увидела, как Пол неохотно отпускает огромную рыбу. Акула развернулась, лениво выгнув мощное тело, и ее круглый немигающий глаз уставился на Эми. Что-то было в этом пронизывающем насквозь взгляде, что-то древнее, заволаживающее... рыбы не могут, не должны смотреть так!

«Не имеют права смотреть так», — мелькнула в мозгу совсем уж странная мысль.

С удивительной грацией, и, как показалось Эми — даже с нежностью! — акула потерлась о Пола, почти сразу исчезнув в темной глубине, словно ее и не было.

Сумасшедший сын Плешака Абрахама уцепил-

ся за пирс, ловко выбрался из воды, встряхнул головой, приходя в себя, — во все стороны полетели сверкающие брызги — и, похоже, только тут увидел Эми.

Лицо юноши неуловимо изменилось. На мгновение по нему скользнула тень, настолько похожая на мрак взгляда хищной твари, что девушка машинально попятилась.

«Ты с ума сошел, Пол!» — хотела крикнуть она, но не смогла.

«Как тебе удалось?!» — хотела спросить она, эти слова тоже застряли у Эми в горле. Девушка понимала: Пол не ответит. Он ждал от нее чего-то другого... совсем другого.

И девушка произнесла именно то, что он ждал: — Я никому не скажу, Пол.

Пол молча кивнул и пошел одеваться.

PROPOSTA-3

— ...ну, с некоторой натяжкой я могу допустить, что парень плавал *неподалеку* от белой акулы, и та не тронула его, — доктор Флакسمан задумчиво чесал подбородок. — Но плавать с ней чуть ли не в обнимку?! И ты, милочка, утверждаешь, будто акула потерлась о твоего приятеля боком и при этом не содрала с него кожу, а то и мясо до кости... Я склонен принимать на веру слова молоденьких девушек, особенно когда они мне симпатичны, но всему есть предел!

Эми смущенно заморгала, Малявка Лэмб довольнo хмыкнул, а остальные на всякий случай промолчали.

Но доктор Флакسمан не собирался останавливаться на достигнутом.

— Вы, мисс, видели когда-нибудь вблизи акулю кожу? Так называемые плакоидные чешуйки, которыми покрыта кожа акулы, способны освежевать человека еще до того, как акула пустит в ход зубы! Собственно, плакоиды и есть зубы, со всеми основными признаками, только не развитые окончательно! Кстати, молодой человек, подойдите сюда! — окликнул ихтиолог Барри.

Парень дернулся, как от внезапного толчка, но послушно встал и подошел к доктору.

— Повернитесь-ка... да, лицом к свету. Именно так и выглядят последствия прямого контакта человека с акульей кожей! Классический образец! — Флакسمан вертел Барри перед собой, словно экспонат, демонстрируя сетку шрамов на левой половине лица парня всем собравшимся в баре.

— Небось пробовал с акулой поцеловаться, — проворчал себе под нос Кукер, ловко прикуривая одной рукой самодельную сигарету.

Шутка бармена показалась смешной лишь Ламберту Мак-Эвансу, в силу своеобразного чувства юмора у рыбака.

— Вы ошиблись, мистер, — выдавил вдруг Барри. — Это не акула. Это меня Пол ударил.

— А ну-ка, рассказывай! — немедленноотреагировал капрал, расправившийся к тому времени с сэндвичами. — И знаете, что мне сдается? Что вы все почему-то не спешили сообщать подробности нашему общему знакомому — сержанту Барковичу... Давай, парень, я жду.

— Да тут и рассказывать-то нечего. — Барри смущенно уставился в пол. — Шли мы как-то с

Чарли Хэмметом мимо Серых скал, смотрим: Пол идет. Со стороны «Акульей Пасти». Это уже было после того, как сбежала акула Маляв... простите, мистера Мак-Эванса! Она-то сбежала, а Пол все возле бухты околачивался, вроде как ждал чего-то...

— Короче! — капрал Джейкобс отер лиловые губы ладонью и выразительно сжал эту самую ладонь, палец за пальцем, в весьма внушительный кулак.

— Хорошо, мистер Джейкобс! Чарли Хэммет мне и говорит: «Помнишь, Барри, ты его предупреждал, чтоб за Эми не таскался?» Я киваю. «Так вот, я их вчера видел. На берегу. Закатом любовались...» Ну, меня тут злость взяла! Прихватил я Пола за грудки — он как раз до нас дошел — сказал пару ласковых и спиной о валун приложил. Для понятливости.

— Сволочь ты, Барри, — приглушенно бросила девушка. — Тупая здоровая скотина. Хуже акулы.

— Может, и так, Эми, — изуродованная щека Барри задергалась, заплясала страшным хороводом полузаживших рубцов. — А может, и не так. И скажу я тебе вот что: Пол твой замечательный одну руку высвободил и тыльной стороной ладони меня по морде, по морде... наотмашь. Хорошо еще, что я сознание сразу потерял. Доктор в Чарлстоне потом говорил: от болевого шока.

Барри машинально коснулся шрамов кончиками пальцев, по-прежнему глядя в пол.

— Очнулся я от стонов Чарли. Он на меня навалился и бормочет, как полоумный: «Барри, ты

живой? Ты живой, Барри?» Живой, отвечаю, а язык не поворачивается. И к левой щеке словно головню приложили. Не помню, как домой добрались. Родителям соврали, что в Серых скалах в расщелину сорвались. Они поверили — зря, что ли, у меня вся рожа перепахана, а у Чарли правое запястье сломано? Чарли мне уже потом рассказал: это его Пол за руку взял. Просто взял, пальцы сжал... вот как вы, мистер Джейкобс! Только у вас лапища, не приведи Бог, а Пол всегда хилаком был...

Тишина.

Люди молчали, переглядывались; время шло, а люди молчали...

— Может быть, мы все же вернемся к акуле? — наконец просительно сказал доктор Флакسمан, нарушив затянувшуюся дымную паузу, во время которой успели закурить чуть ли не все, исключая самого доктора, старого Лакембу и Эми. Дым сгушался, тек клубами, искажая лица, превращая их в лупоглазые рыбы морды, проступающие сквозь сизые потоки за стеклом гигантского аквариума.

— Барри говорил, что акула в итоге «сбежала». Как это случилось? В конце концов здесь не федеральная тюрьма, а *Carcharodon Linnaeus* — не террорист, готовящий подкоп!

Увы, мудреное название белой акулы в баре Кукера успеха не имело.

— Когда ваши «мозговые косточки» из Чарлстона даже не почухались в ответ на нашу с Хью депешу... — изрядно набравшийся Ламберт с трудом ворочал языком, и, произнеся эту фразу, он с

минуту отдыхал. — Так вот, мы неделю подождали — и отбили им вторую телеграмму. А надо было поехать лично и отбить почки! — потому что они соизволили отозваться! Дескать, хрена вам, рыбаки мокрозадые, а не денег, подавитесь своей раздербанной акулой — или пусть лучше она вами подавится!

— Идиоты!.. — пробормотал доктор Флакман, комкая край скатерти. — Бездельники! Если бы я узнал хоть на неделю раньше...

Однако рыбак не расслышал слов ихтиолога.

— Все вы, яйцеголовые, одинаковы! — рычал Малявка. — Ломаного цента от вас не дождешься! А потом в газетах про нас, простых людей, кричите: невежи, мол, тупицы! Из-за них пропала эта, как ее... уми... муми... уникальная научная находка! Не скупилась бы на хрустящие — ничего б и не пропадало! Все бы вам тащили, море вверх дном перевернули бы!..

— Вот это точно, — вполголоса буркнул ихтиолог.

— А так — что нам оставалось? Поперлись мы с Хью в бар...

RISPOSTA-3

— ...Я бы этим умникам... — Хьюго осекся, не находя слов от возмущения, и залил горечь внушительным глотком чистого, как и его ярость, «Гордон-джина». — Пошли, Лэмб, пристрелим чертову тварь! Плавники китайцам продадим — все лучше, чем ничего!

— Верно! — поддакнул изрядно подвыпивший Нед Хокинс, приятель братьев Мак-Эвансов.

Впрочем, Нед был скорее собутыльником и идеальным партнером для пьяной потасовки — нечувствительность Хокинса к боли была притчей во языцах всего острова.

— Охота тебе, Хью, тащиться невесть куда на ночь глядя! — лениво отозвался Малявка Лэмб. — Лучше с утра.

— Нет уж, Ягненок! — рыкнул, оборачиваясь, Хьюго. — Раз денежки наши накрылись, так хоть душу отведем! Одни убытки от этих, в белых рубашках, дьявол их сожри вместе с ихними акулами!

Хлопнула дверь. Околачивавшийся в баре сын Плешака Абрахама, который все пытался увести домой пьяненького папашу, выскочил наружу, но исчезновение придурка Пола никого не заинтересовало.

За гневной троицей увязался еще один рыбак — за компанию. Пока они ходили за ружьями, стемнело окончательно, так что пришлось еще раз возвращаться, чтобы прихватить фонари.

И запечатанную (до поры) бутыль с «молочком бешеной коровки».

Наконец вся компания, должным образом экипированная, воздвиглась на берегу бухты. Шакалом был подгулявший норд-ост, скрипели под ногами гнилые мостки, лучи фонарей лихорадочно металась между пенными бурунами, швырявшими в лица рыбаков пригоршни соленых брызг.

— Ну, где эта зараза?! — проорал Ламберт, с трудом перекрикивая вой ветра и грохот волн. — Говорил же: до утра подождем!

В ответ Хьюго только выругался, и луч его мощного галогенного фонаря метнулся к горловине бухты. Между «челюстями», стискивавшими вход в

«Акулю Пасть», была натянута прочная проволоочная сетка. Но свет галогена сразу вызвал сомнения в реальной прочности заграждения: коряво топорщилась проволока у кромки воды, да и сама сетка была то ли покорежена, то ли порвана — отсюда не разберешь...

Сразу три плотных пучка света уперлись в рукотворную преграду, заставив клокочущую тьму неохотно отодвинуться.

— Срань Господня! — только и смог выговорить Малявка Лэмб, чем выразил общее мнение по поводу увиденного.

Над водой, стремительно несущейся через сетку, виднелся край уходившей вниз рваной дыры, в которую свободно могла бы пройти и более крупная акула, чем проклятый Н'даку-ванга.

KONTRAPUNKT

— Прогрызла! — ахнул увязавшийся за братьями рыбак. — Во зубищи у твари!

— Или башкой протаранила, — предположил Нед Хокинс.

— Или кусачками поработала, — еле слышно пробормотал рассудительный Хьюго, но тогда на его слова никто не обратил внимания.

PROPOSTA-4

— ...Как же, как же! Когда вы вернулись сюда, мокрые и злые, как морские черти, Хьюго еще орал, что это работа мальчишки Абрахама! — гася сигарету, припомнил однорукий Кукер. — Только вряд ли: ночью, в шторм, нырять с кусачками в горловине «Акулей Пасть», чтобы сделать проход для бешеной зверюги, которая, того гляди, тебя же в

благодарность и сожрет?! Нет, парни, это уж слишком!

— Так она его потом и сожрала, Билли! В благодарность! — Ламберт коротко хохотнул, но все вокруг нахмурились, и Мак-Эванс резко оборвал смех.

— После Хью и Неда, — добавил он мрачно.

— Может, и так, — низкий голос капрала Джейкобса прозвучал чрезвычайно весомо. — Но запомни, Ламберт: перед тем, как мальчишку сожрала акула, кто-то, похоже, посадил в него заряд картечи.

— Да кому он был нужен? — буркнул Малявка Лэмб и присосался к новой порции джисина.

Набившиеся в бар стримайлендцы загалдели, спеша высказать свое мнение по этому поводу. Доктор Флакسمан близоруко щурился, растерянно вертя головой по сторонам, а Мбете Лакемба, про которого все забыли, сидел и возил кусочком хлеба по фольгированной сковородке. Нет, он не станет рассказывать этим людям о том, что произошло в ночь побега Н'даку-ванга.

RISPOSTA-4

Барабан-лали глухо пел под ладонями. Длинный ствол метрового диаметра, по всей длине которого прорезана канавка, а под ней тщательно выдолблено углубление-резонатор. Концы барабана были скруглены внутрь, и руки жреца неустанно трудились — правая, левая, правая, левая, пауза...

Лали-ни-тарата; похоронный ритм, плыл над Стрим-Айлендом.

Правая, левая, правая, левая, пауза... пока маль-

чишеское лицо не ощерилось из мглы острозубой усмешкой.

— Эйе, эйе, тяжела моя ноша, — тихо затянул старый жрец на языке своих предков, — лодка табу идет на воду! Эйе, эйе...

— Эйе, эйе, — прозвучало в ответ, — собачий корень! Светоносный шлет юношу к мудрому Мбете!

— Зачем? — ладони подымались и опускались; лали-ни-тарата, начало смерти, преддверье Тропы Туа-ле-ита.

— Для Вакатояза, Дарования Имени.

— Светоносный вкусил твоей плоти? Ответь, ты, желающий стать правильным человеком и большим, чем просто правильный человек!

Рука юноши поднялась в жесте, который здешние жители считали оскорбительным, только на месте презрительно выставленного пальца переливался блестящим кровавым сгустком короткий обрубок.

— Вкусил, мудрый Мбете, и я ответил Ему поцелуем.

— Что вначале: рана или иглы?

— Сам знаешь, мудрый Мбете...

— Какую татуировку ты хочешь?

Мальчишка не ответил. Только ослепительно улыбнулся матушке Мбете Лакембы, престарелой Туру-ноа Лакембе, матери явусы «Повелевающих акулами», которая уже стояла на пороге дома, держа в трясущихся руках котомку, привезенную с Вату-вара.

К утру ритуал был завершен. Пол натянул подсохшую футболку, скрыв от досужих глаз татуировку на левом боку, посмотрел на стремительно заживающий обрубок пальца — и, поклонившись, молча вышел.

KONTRAPUNKT

Нет, Мбете Лакемба не станет рассказывать этим людям о ночи Вакатояза, ночи Дарования Имени. Как и о том, что Плешак Абрахам, отец Пола, уже давно не спит, и прищуренный левый глаз пьяницы-эмигранта внимательно следит за происходящим в баре.

Как и о том, что шаги Предназначения слышны совсем близко, оно уже на подходе, и душный воздух, предвестник завтрашней грозы, пахнет скорой кровью — об этом жрец тоже не будет говорить.

Владыки океана мудры. Потому что умеют молчать.

PROPOSTA-5

— ...Житья от этих тварей теперь не стало! В море хоть не выходи: рыба попряталась, а сети акулы в ключья рвут, как специально, вроде приказывает им кто!

— Да *он* же и приказывает!

— Тише ты, дурень! От греха подальше...

— А я говорю — *он*!..

— Динамитом, динамитом их, сволочей!

— Можешь засунуть свой динамит себе в задницу вместе со своими советами! Вон, Нед Хоккинс уже попробовал!

— Куда правительство смотрит? Власти штата?

— Туда же, куда тебе посоветовали засунуть динамит!

— ДА ЗАТКНИТЕСЬ ВЫ ВСЕ!!! — трубный рык капрала Джейкобса заставил содрогнуться стены бара, и рыбаки ошарашенно умолкли.

— Вы что-то хотели спросить, доктор? — веж-

ливо осведомился капрал, сверкая белоснежными зубами. — Я вас внимательно слушаю.

— Как я понял, на Стрим-Айленде имели место человеческие жертвы... Мне очень жаль, господа, но не мог бы кто-нибудь внятно объяснить: люди погибли из-за акул?

— Нет, из-за Микки Мауса! — рявкнул Малавка Лэмб. — И что это вы, мистер, все выпрашиваете да вынюхиваете, будто какой-то говенный коп? Лучше посоветовали бы что-нибудь путное!

— Но для этого я хотя бы должен знать, в чем проблема! Не находите? — хитро сощурился Александер Флаксман.

— Ты и так уже слышал достаточно, — пробурчал, сдаваясь, Ламберт Мак-Эванс. — Ладно, док, уговорил. На следующий день, как сбежала эта грязнопузая мразь, мы с Хью вышли в море... Только море как сраной метлой вымело: ни трески, ни сельди — одни акульки плавники кишмя кишат! Ну, я и говорю Хью, вроде как в шутку: «Слышь, братан, это наша белая бестия подружек навела!» А Хью хмурится и чего-то под нос бормочет, словно псих. Поболтались мы туда-сюда — нет лова, хоть наизнанку вывернись!

Хор одобрительных возгласов поддержал последнее заявление Ламберта.

— Ну, плывем обратно, смотрим: болтается в миле от острова ялик. Мотор заглушен, на корме этот самый Пол сидит, глаза закрыты и вроде как улыбается, гаденыш, а вокруг акула круги наворачивает — только плавник воду режет. Я и опомниться не успел, а Хью уже ружьишко выдернул — и навскидку как шарахнет по твари!

— Это была та самая акула? — не удержался доктор Флакسمан.

— А кто его знает, док! Хрена отличишь-то, когда один плавник из воды торчит!.. Короче, пальнул Хью, а парень в лодке аж дернулся — будто в него попали! Глазищи распахнул, на нас уставился не по-людски... и снова зажмурился. Мы глядь — акулы уже и след простыл. То ли грохнул ее Хью с первого же выстрела, а скорее — просто удрала.

Ламберт крикнул от огорчения и расплескал джин себе на колени.

— На следующий день мы в море, смотрим: опять у острова ялик болтается, а в нем Пол-паршивец сидит. И опять акула вокруг него, навроде жеребца в загоне! Ладно, на этот раз Хью стрелять не стал, только обругал мальчишку рыбацким загибом, когда мимо проплывали. А с ловом та же история... одна морока! И акулы приманку не брали. Пару штук мы таки подстрелили — так их свои же в ключья порвали, какие там плавники! Вернулись ни с чем, глядь — а парень тут как тут, ялик к причалу швартует. Ну, Хью не сдержался и влепил ему затрещину. Ты, мол, говорит, паршивец, скотину эту выпустил! А теперь еще и пасешь ее! Из-за тебя весь остров без рыбы, половина сетей порвана, одни убытки...

Черноглазая Эми что-то хотела сказать, но Флакسمан выразительно посмотрел в сторону девушки, и она сдержалась.

Только губу закусил.

— А парень выслушал молча, — продолжил Малявка, — скоился на Хью, щеку потрогал и говорит: «Я бы не советовал вам, мистер Мак-

Эванс, завтра выходить в море. И тем более — охотиться на акул». Хью аж побелел, ка-а-к врежет сукину сыну — потом плюнул, повернулся и домой пошел. А на следующий-то день беда с братаном и приключилась...

RISPOSTA-5

Порывистый ветер гнал свинцовые волны прочь от острова, серая пелена наглухо затянула небо; дождь медлил, но набухшие тучи были готовы разразиться им в любую минуту.

Позади из горловины бухты выходил баркас Неда Хокинса — ветер, все время меняющий направление, то доносил до ушей тарахтение сбоевшего двигателя, то отшвыривал звук прочь. Кажется, сегодня только Мак-Эвансы и бесшабашный Хокинс решились выйти в море.

Погода погодой — выходили и в худшую. Но смутное облако гнетущего предчувствия висело над Стрим-Айлендом, заставив большинство рыбаков остаться дома. Вдобавок ночью над островом волнами плыл скорбный ритм барабана Старины Лайка, громче обычного, и в снах стримайлендцев колыхалась сине-зеленая равнина, сплошь поросшая треугольными зубами.

Сны, понятное дело, снами, а все душа не на месте...

Ламберт стоял у штурвала, а Хьюго тем временем деловито забрасывал крючки. Он даже не успел вывалить в воду ведро с приманкой — один из поводков дернулся, натянулся, леса принялась рыскать из стороны в сторону, и Хьюго довольно потер руки, запуская лебедку.

— *Есть одна!* — крикнул он брату. — *С почином, Ягненочек!*

Это была довольно крупная мако. «Футов десять будет», — прикинул на глаз Ламберт. Акула отчаянно вырывалась, но долго сопротивляться малочувствительной лебедке она не могла, и вскоре конвульсивно содрогающееся тело грохнулось на загудевшую палубу.

Хьюго не стал тратить патроны: несколько ударов колотушкой по голове сделали свое дело. Тварь еще пару раз дернулась и затихла. Малявка Лэмб заглушил двигатель, после чего спустился на палубу помочь брату.

Большой разделочный нож с хрустом вошел в светлое брюхо рыбы — обычно норовистая мако не подавала признаков жизни. Хьюго ловко извлек акулю печень, бросил сочащийся кровью орган в стоявшее рядом ведро и снова наклонился над тушей, намереваясь отрезать столь ценившиеся у китайцев плавники.

Жрут, азиаты, дрянь всякую...

И тут случилось неожиданное. «Мертвая» акула плавно изогнулась, страшные челюсти действительно мертвой хваткой сомкнулись на голени Хьюго Мак-Эванса — и не успел Ламберт опомниться и прийти на помощь к брату, как проклятая тварь пружиной взвилась в воздух и вывалилась за борт, увлекая за собой отчаянно кричащего Хьюго.

Выпотрошенная мако и ее жертва почти сразу исчезли в темной глубине, а потрясенный Ламберт стоял, вцепившись окостеневшими руками в планшир, не в силах сдвинуться с места, и лишь тупо смотрел, как среди кипени бурунов проступает клубящееся бурое пятно...

KONTRAPUNKT

«Я бы не советовал вам, мистер Мак-Эванс, завтра выходить в море. И тем более — охотиться на акул», — эхом отдавались в голове Малявки Лэмба слова проклятого мальчишки.

PROPOSTA-6

Доктор Флакسمан задумчиво пожевал губами.

— Бывает, — кивнул коротышка. — В анналах КИА зарегистрирован случай, когда выпотрошенная песчаная акула прямо на палубе откусила руку свежавшему ее рыбаку. И еще один, когда вырезав у акулы внутренности и печень, наживив их на крючок и спихнув рыбу за борт, рыболов из Пиндимара (это в Австралии) поймал на своеобразную наживку... ту же самую акулу!

— Вам виднее, док. Только на этом дело не кончилось, — Ламберт с трудом поднял отяжелевшую от выпитого джина голову и обвел слушателей мутным рыбьим взглядом. — Потому что Нед со своего баркаса видел все, что стряслось с Хью, и просто озверел. Он вытащил на палубу ящик динамита, стал поджигать фитили и кидать шашки в воду, одну за другой. Третья или четвертая взорвалась слишком близко от его баркаса, и Неда вышвырнуло за борт. Больше я его не видел. И никто не видел.

— А третьим был сам Пол, — прервал тягостную тишину, повисшую в баре, капрал Джейкобс. — Только если с Хьюго и Недом все более-менее ясно, то с парнем дело изрядно пованивает. Ладно, я вам обещал, док. Теперь моя очередь. В тот день мне выпало вечернее дежурство...

RISPOSTA-6

Ялик, медленно дрейфовавший прочь от острова, капрал заметил еще издали. Крикнув рулевому, чтоб сменил курс, Джейкобс с недобрый предчувствием взялся за бинокль.

Поначалу капралу показалось, что ялик пуст, но вскоре, наведя резкость, он разглядел, что на корме кто-то лежит. «Небось, парень просто уснул, а наш мотор его разбудил». — Джейкобс собрался уж было вздохнуть с облегчением, но всмотрелся повнимательнее и скрипнул зубами. Ялик на глазах заполнялся водой, проседая все глубже, и вода имела однозначно красный оттенок.

Такая вода бывает лишь при единственных обстоятельствах, предвещающих толпу скорбных родственников и гнусавое бормотанье священника.

— Быстрее, Патрик! — крикнул негр рулевому внезапно охрипшим голосом.

Но они опоздали.

С шелестом вынырнул из воды, разрезав надвое отшатнувшуюся волну, треугольный акулий плавник — и, словно в ответ, пришло в движение окровавленное тело в тонущей лодке, игрушке пенных гребней.

Юношеская рука, на которой не хватало среднего пальца, с усилием уцепилась за борт, мучительно напряглась — и капрал увидел поднимающегося Пола. Лицо парня было напряжено и сосредоточено, будто в ожидании чего-то неизбежного, но необходимого и не такого уж страшного. Подобные лица можно встретить в приемной дантиста — пациент встал и вот-вот скроется за дверью кабинета... На приближающийся катер Пол не обратил никакого внимания; взгляд его был прикован к

зловещему плавнику, разрезавшему воду уже совсем рядом. Мокрая рубашка Пола была вся в крови, и на мгновение Джейкобсу показалось: он отчетливо различает паленые отверстия от вошедшего в грудь парня заряда картечи.

Наверное, этого не могло быть. Такой выстрел должен был уложить юношу на месте — а тот явно был до сих пор жив, хотя и тяжело ранен.

В следующее мгновение длинное акулье тело приблизилось вплотную к лодке. Пол улыбнулся, будто увидел старого друга, протянул вперед беспалую руку — так хозяин собирается приласкать верного пса — и мешком перевалился через борт.

У капрала Джейкобса создалось впечатление, что юноша сделал это вполне сознательно.

KONTRAPUNKT

Море возле тонущего ялика вскипело, расплываясь багряным маревом, капрал бессильно закричал, и в следующий момент ялик с негромким хлюпаньем ушел под воду. Какое-то время буруны еще рычали и кидались друг на друга, тщетно борясь за каждую красную струю, но вскоре водоворот уgomонился, и только кровавое пятно расплывалось все шире и шире, будто норовя заполнить собой все море, до самого горизонта...

STRETTA

— Это вы убили его, мистер Мак-Эванс! — голос Эми зазвенел натянутой струной, и в углу тревожно отозвалась забытая мексиканцем гитара.

— Не мели ерунды, девка, — без обычной наглости огрызнулся Малявка Лэмб. — Твоего

Пола сожрала его любимая тварюка! Вот; капрал свидетель...

— Да, мистер Мак-Эванс. Только капрал Джейкобс упомянул еще кое-что! Что перед тем, как Пола съела акула, кто-то стрелял в него, тяжело ранил и, по-видимому, продырявил его лодку, чтобы замести следы, — слова Эми резали, как бритвы; и доктор Флаксман невольно поежился.

— Тебе бы прокурором быть, Эми, — неуклюже попытался свести все к шутке однорукий Кукер.

— Ну, Эми, под присягой я бы не взялся обвинять любого из присутствующих здесь людей, — протянул Джейкобс. — Ты же слышала: я сказал, что мне так *показалось*. В любом случае, улик теперь нет, так что концы в воду, и...

— И убийца останется безнаказанным? — девушка на мгновение обернулась к капралу, и огромный негр потупился.

— Что ж, поздравляю вас, мистер Мак-Эванс! — сквозь горький сарказм в голосе Эми проступали едва сдерживаемые слезы. — Вы все правильно рассчитали! Накачивайтесь джином в свое удовольствие — для правосудия вы неуязвимы, а совести у вас отродясь не было! Но помните, — мягкое лицо девушки вдруг страшно изменилось, заостенело, губы перестали дрожать и выгнулись в жуткой усмешке, напоминавшей акулий оскал, — рано или поздно Н'даку-ванга найдет вас! И *он* не станет дожидаться вердикта присяжных! Помните это, мистер Мак-Эванс, когда выведете в море «Красавчика Фредди», помните и ждите встречи на дне с покойным Хью!

— Ах ты, сука!..

Никто не успел помешать Малявке Лэмбу. С неожиданным проворством грузный рыбак оказался рядом с Эми и сгреб девушку в охапку.

— Да я и тебя, стерву языкатую, скормлю этой зубастой падали, вслед за твоим дружкой! — прошипел Ламберт ей в лицо, разя перегаром. — Только еще раз посмей... еще хоть раз...

Говоря, Ламберт раз за разом встряхивал девушку так, что у нее клацали зубы, а голова металась из стороны в сторону — но тут тяжелая лапа капрала Джейкобса ухватила Малявку за шиворот.

— Поговори-ка лучше со мной, ублюдок, коли собрался распускать руки! — прорычал капрал обернувшись к нему Ламберту, и могучий удар отшвырнул рыбака в другой конец бара.

Этот трюк с правой в свое время принес Джейкобсу известность в определенных кругах и прозвище «Ядерный Джи-Ай».

Ламберт пролетел спиной вперед футов десять, опрокидывая стулья, и тяжело грохнулся на стол, за которым сидел, уронив голову на руки, Плешак Абрахам.

И тут, казалось бы, спавший все это время Абрахам начал двигаться. Причем двигаться на удивление быстро и целеустремленно, чего никак нельзя было ожидать от безобидного пьянчужки.

Правая рука Абрахама как бы сама собой опустилась на горлышко стоявшей рядом бутылки изпод дешевого виски; в следующее мгновение бутылка, описав короткую дугу, со звоном разлетелась вдребезги, ударившись о торчавший из стены кусок швеллера с крючками для верхней одеж-

ды — и отец погибшего Пола завис над медленно приходившим в себя Мак-Эвансом. В правой руке его сверкало бутылочное горлышко с острыми стеклянными клыками по краям.

— Это ты убил моего Пашку, гнида, — просто сказал Плешак Абрахам и одним движением перерезал Ламберту горло.

Впрочем, никто, кроме Эми, не понял сказанного — потому что Плешак Абрахам, Абраша Залесский из далекого, неизвестного стримайленд-цам города, произнес это по-русски.

Зато все видели, как страшным вторым ртом раскрылось горло Малявки Лэмба, как толчком выплеснулась наружу вязкая струя и как забулькал, задержался на столе рыбак, свалился на пол и через несколько секунд затих.

Кровавая лужа медленно растекалась по бару.

— Жаль. Слишком легкая смерть для подонка, — еле слышно прошептала Эми, оправляя измятое платье.

— Абрахам... ты меня слышишь, Абрахам?

Плешак Абрахам поднял взгляд от затихшего Ламберта и посмотрел на капрала. Бутылочное горлышко, отливающее багрянцем, он все еще сжимал в руке.

— Слышишь. Я вижу, что слышишь. А теперь — положи свою стекляшку... положи, Абрахам, все нормально, никто тебя не тронет, положи горлышко и иди сюда... — Джейкобс говорил с пьяницей, как с ребенком, и в какой-то момент всем показалось, что гипноз успокаивающего тона и обволакивающие, туманящие сознание слова оказывают нужное действие: Абрахам даже сделал жест, словно и впрямь собирался поло-

жить горлышко на стол и послушно подойти к капралу.

Но довести это до конца Абрахам то ли забыл, то ли не захотел. Так и двинулся к негру, сжимая в пальцах окровавленную стекляшку.

— Положи, Абрахам! Я кому сказал? — чуть повысил голос капрал.

Перекрывая сказанное, раздался грохот. Из груди пьянчужки брызнуло красным, тонко закричал Барри Хелс, зажимая разодранное плечо — за спиной Абрахама стоял однорукий Кукер с дымящимся обрезом двустволки в единственной руке. Одна из картечин, прошив Плешака навывлет, угодила в Барри.

— Привет, Пашка, — отчетливо произнес Абрахам, глядя куда-то в угол. И на этот раз все прекрасно поняли незнакомые русские слова.

— Вот и я, сынок. Встречай.

И рухнул на пол лицом вниз.

— Идиот! — ладони Джейкобса помимо воли начали сжиматься в кулаки. — Я бы его живым взял! Скотина однорукая!

Капрал шагнул было к Кукеру — и застыл, заворуженно глядя на уставившийся ему в грудь обрез, один из стволов которого все еще был заряжен.

— Билли, ты... ты чего, Билли? Убери сейчас же! — растерянно выдавил капрал, и черное лицо негра стало пепельным.

И тут раздался смех. Издевательский, горький, но отнюдь не истерический; смеялась Эми.

— И эти люди называли Пола придурком, а его акулу — «проклятой мразью»?! Посмотрите на себя! Пол нашел общий язык с тупорылой зу-

бастой тварью; а вы — люди, двуногие акулы, изначально говорящие вроде бы на одном языке, готовы убивать друг друга по любому поводу! Так чем же вы лучше?!

«Лучше?... лучше...» — отголоски неуверенно прошлись по онемевшему бару, опасливо миновали лужу крови и присели в уголке.

— Просто вы никогда не пытались по-настоящему *вложить душу*, — добавила девушка еле слышно и отвернулась.

Хлопнула дверь, и люди начали плавно оборачиваться, как в замедленной съемке.

— Док, тут радиограмма пришла. — В заведение Кукера размашистым шагом вошел полицейский сержант Кристофер Баркович. — Кстати, какого рожна вы палите средь бела дня? По бутылкам, что ли?

Тут Баркович увидел трупы — сначала Абрахама, потом Ламберта — и осекся, мгновенно побледнев.

— Господи Иисусе... — пробормотал сержант.

CODA

Закат умирал болезненно, истекая в море кровавым гноем, и море плавилось, как металл в домне; но все это было там, далеко, у самого горизонта. Здесь же, близ пологого юго-западного берега Стрим-Айленда, струйками мелкого песка спускавшегося к кромке лениво шуршащего прибоя, море казалось ласковым и теплым, не пряча в пучине зловещих знамений. Разве что вода в сумерках уже начинала светиться — подобное явление обычно наблюдается в гораздо более южных широтах — да еще в полумиле от берега резал по-

верхность моря, искря и оставляя за собой фосфоресцирующий след, треугольный акулий плавник.

Доктор Флаксман с усилием оторвал взгляд от тонущего в собственной крови солнца и от призрака глубин, неустанно бороздившего море. «Н'даку-зина, Светоносный, — мелькнуло в голове. — Так фиджийцы иногда называют своего Н'даку-ванга, бога в облике татуированной акулы...» Мысли путались, из их толщи то и дело всплывали окровавленные трупы в баре, искаженные лица стримайлендцев — живых и мертвых...

Доктор перевел взгляд на пенную кромку прибоя. С холма, где стояли они с Мбете Лакембой, на фоне светящегося моря четко вырисовывалась фигура девушки. Белые языки тянулись к ее ногам и, не достав какого-то фута, бессильно тонули в песке. «Ждет, — Флаксман облизал пересохшие губы и ощутил, как он чудовищно, невозможно устал за последние сутки. — Чего? Или — кого?»

Вторая темная фигура, скрюченная в три погибели, медленно ковыляла вдоль полосы остро пахнущих водорослей, выброшенных на берег. Женщина. Старая. Очень старая женщина. Время от времени она с усилием нагибалась, подбирала какую-то дрянь, долго рассматривала, нюхала или даже пробовала на вкус. Иногда находка отправлялась в холщовую сумку, висевшую на плече старухи, но чаще возвращалась обратно, в кучу гниющих водорослей. Раковины? Кораллы? Крабы? Кто ее знает...

Матушка Мбете Лакембы подошла к Эми, и

пару минут обе молча смотрели вдаль, на полыхающее море и треугольный плавник. Потом старуха что-то сказала девушке, та ответила, Туруноа Лакемба удовлетворенно кивнула и с трудом заковыляла вверх по склону холма.

— Уважаемый Мбете, — Флаксман закашлялся, — вам не кажется, что сейчас наступила моя очередь рассказывать? Думаю, эта повесть — не для бара. Особенно после того, как я подверг сомнению слова Эми... Короче, покойный Ламберт Мак-Эванс был отчасти прав. Когда ляпнул, что я приплыл сюда верхом на ездовой мако. Он ошибся только в одном: это была не мако. Я боюсь утверждать, но мне кажется... это был Н'даку-ванга!

В первый раз за сегодняшний день в глазах старого жреца появилось нечто, что можно было бы назвать интересом.

— Н'даку-ванга не возит на себе людей, — глядя мимо Флаксмана, бесцветно проговорил Лакемба. — Для этого у него есть рабы.

— А Пол? Кроме того, я и не утверждал, что Н'даку-ванга возил Александера Флаксмана на себе. Когда меня, находящегося, к стыду моему, в изрядном подпитии, смыло за борт, и я начал погружаться под воду — я успел распрощаться с жизнью. Но тут что-то с силой вытолкнуло меня на поверхность.

Доктор передернулся — настолько живым оказалось это воспоминание.

— Я, конечно, не принадлежу к общине Наро-ясо, но в акулах все же немного разбираюсь... Не узнать большую белую акулу я просто не мог! Смерть медлила, кружила вокруг меня, время от

времени подныривая снизу и опять выталкивая на поверхность — плаваю я отлично, но после коньяка, да еще в одежде... Пару раз акула переворачивалась кверху брюхом, словно собираясь атаковать, и меня еще тогда поразили ярко-синие узоры на этом брюхе. Даже ночью они были прекрасно видны, будто нарисованные люминесцентной краской. Странно (доктор Флаксман произнес последнюю фразу очень тихо, обращаясь к самому себе), я в любую секунду мог пойти ко дну, вокруг меня наворачивала круги самая опасная в мире акула — а я успел заметить, какого цвета у нее брюхо, и даже нашел в себе силы удивиться...

Мбете Лакемба молчал и смотрел в море.

Возраст и судьба давили на плечи жреца, и ему стоило большого труда не сутулиться.

— Потом акула несколько раз зацепила меня шершавым боком, толкая в какую-то определенную сторону; и когда она в очередной раз проплывала мимо — не знаю, что на меня нашло! — я уцепился за ее спинной плавник. И тут «белая смерть» рванула с такой скоростью, что у меня просто дух захватило! Я захлебывался волнами, накрывавшими меня с головой, но все же мог дышать: акула все время держалась на поверхности, словно понимала, что мне необходим воздух. В конце концов я потерял сознание... дальше не помню. Утром меня нашел на берегу сержант Баркович.

— А исследовательское судно, на котором я плыл сюда, пропало без вести, — после паузы добавил доктор. — Вот, сержант передал мне радиogramму.

Флаксман похлопал себя по карманам одолженной ему рыбацкой робы и вдруг скривился, как от боли.

— Что там у вас? — почти выкрикнул жрец.

— Ерунда, не беспокойтесь. Царапины.

— Покажите! — голос Мбете Лакембы был настолько властным, что доктор и не подумал возражать. Послушно расстегнув робу, он представил на обозрение Лакембы странное переплетение подживавших царапин и кровоподтеков на левом боку, непостижимым образом складывавшееся в витиеватый узор.

— Я верю вам, — просто сказал Мбете Лакемба, отворачиваясь. — На вас благодать Светоносного. Можете считать себя полноправным членом явусы На-ро-ясо.

— И... что теперь? — растерялся Флаксман. — Нет, я, конечно, очень признателен Н'даку-ванга за оказанное доверие («Что я говорю?!» — вспыхнуло в сознании), он спас мне жизнь, но... в конце концов, погибли люди, рыбаки, и еще этот юноша, Пол...

— На вашем месте, доктор, я бы беспокоился не о мертвых, а о тех, кто остался в живых, — Лакемба понимал, что не стоит откровенничать с болтливым коротышкой, и в то же время не решаясь отказать в беседе посланцу Н'даку-ванга. Мсть Светоносного здесь, на Стрим-Айленде, свершилась. И тот, кто стал орудием судьбы, сейчас имеет право задавать вопросы.

И получать ответы.

— Почему? — удивленно поднял брови ихтиолог.

— Светоносный проснулся, и священная пе-

щера под Вату-вара опустела. Отныне дом Н'даку-ванга — велик. И бог нашел предназначенного ему человека: свою душу среди двуногих обитателей суши.

— Пол?! — ужаснулся Флакسمан, снизу вверх глядя на скорбную и величественную фигуру жреца. — Падре Лапланте в своих записках упоминал... Пол прошел обряд до конца?!

— Не будь в Н'даку-ванга человеческой души, он не стал бы спасать тебя. Пусть даже ты был нужен ему лишь как Посланец — все равно...

Мбете Лакемба вежливо улыбнулся. Светоносный выбрал себе очень странного Посланца. Может быть, бог решил испытать терпение своего жреца? Что ж, он будет терпелив.

— Ты жил среди нас, — продолжил Лакемба, наблюдая за тем, как его матушка медленно взбирается на холм. — Ты должен был слышать. Легенда об акульем царе Камо-боа-лии, как еще иногда называют Н'даку-ванга, и девушке по имени Калеи.

— Конечно, конечно! — радостно закивал доктор. — О том, как Камо-боа-лии влюбился в прекрасную Калеи, приняв человеческий облик, женился на ней, и она родила ему сына Нанауе. Уходя обратно в море, Камо-боа-лии предупредил Калеи, чтобы она никогда не кормила ребенка мясом, но со временем кто-то нарушил запрет, и Нанауе открылась тайна превращения. Многие люди после этого погибли от зубов оборотня, и в конце концов Нанауе изловили и убили. Очень печальная история. Но при чем тут...

— При том, что рядом с Нанауе не оказалось

правильного Мбете, который бы научил его правильно пользоваться своим даром, — прервал доктора жрец. — Иначе все бы сложилось по-другому. Так, как было предопределено изначально. В море появился бы Хозяин.

— Хозяин?! Вы хотите сказать...

Рядом послышалось тяжелое старческое дыхание, и Туру-ноа Лакемба остановилась в двух шагах от сына, с трудом переводя дух.

— Она беременна, — отдышавшись, произнесла старуха на диалекте Вату-вара.

Но доктор ее понял.

— Эми? — Ихтиолог невольно взглянул в сторону все еще стоявшей на берегу девушки. — От кого?

Туру-ноа посмотрела на белого посланца Н'даку-зина, как посмотрела бы на вдруг сказавшее глупость дерево, и ничего не ответила.

— Мне скоро предстоит ступить на Тропу Мертвых, сын мой. Я уже слышу зловонное дыхание двухвостого Туа-ле-ита. Так что присматривать за ее ребенком придется тебе. Справишься?

Мбете Лакемба почтительно склонил голову.

— Я сделаю все, чтобы он вырос таким, как надо.

Ноздри старого жреца трепетали, ловя запах умирающего дня, в котором больше не было обреченности — лишь покой и ожидание.

POSTLUDIUM

Теплые волны ласкали ее обнаженное тело, и ласковые руки опоздавшего на свидание Пола вторили им. Сегодня Пол, обычно замкнутый и

застенчивый, вдруг оказался необыкновенно настойчивым, и Эми, почувствовав его скрытую силу, не стала противиться.

Это произошло в море, и мир плыл вокруг них, взрываясь фейерверками сладостной боли и блаженства. Это казалось сказкой, волшебным сном — а неподалеку, в каких-нибудь двухстах футах от них, упоенно сплетались в экстазе две огромные акулы, занятые тем же, что и люди; Эми не видела их, но море качало девушку, вторя вечному ритму, и завтра не должно было наступить никогда...

Это было совсем недавно — и в то же время целую вечность назад, в другой жизни.

Наутро она узнала, что Пол погиб.

Вчера.

Эми понимала, что наверняка ошибается, что это невозможно, а может, ей все просто приснилось — но девушка ничего не могла с собой поделать: мысли упрямо возвращались назад, словно собаки на пепелище родного дома, и были над осиротевшим местом.

Она пыталась высчитать время — и всякий раз со страхом останавливала себя.

Потому что по всему выходило: *это* произошло, когда Пол был уже несколько часов как мертв.

...Она стояла на берегу, море таинственно отливало зеленым, и резал воду в полумиле от берега треугольный плавник, оставляя за собой фосфоресцирующий след.

Невозможная, безумная надежда пойманной рыбой билась в мозгу Эми.

Она стояла и ждала, глядя, как солнце вкладывает свою раскаленную душу в мерцающее чрево моря.

И почти никто еще не понимал, что это — только начало.

4

...на этот раз я вернулся гораздо быстрее.

Почти сразу.

Сознание поставило защитный барьер, преобразовав часть ощущений, способных превратить мозги в кипящий клейстер, структурировав их в привычную форму — форму текста, живущего по своим законам. Так мне было проще пережить все это наваждение, так мне было легче на время отсечь несущественное или существенное слишком, закрыться, защититься, переварить, усвоить нужное и отторгнуть продукты духовной дефекации.

Морщитесь, господа эстеты, тонкие натуры, любители высоких жанров?! Правильно делаете. Я и сам бы на вашем месте с удовольствием морщил высокий лоб... Одна беда — вы на своем месте, а я, увы, на своем, и никакие выверты этого не изменят.

Встав с кровати, я прошлепал к столу и равнодушно уставился на свежую распечатку. Которой я никогда не делал. Если залезть в компьютер, там наверняка обнаружится новенький файл в формате «*text only*». Которого я тоже не набирал. И тем не менее...

Вот именно.

Привет от Минотавра, твердо знающего, что рукописи горят.

Пашка, надеюсь, я не очень исковеркал этим твою новую судьбу? — хотя исковеркать ее больше, чем это сделала жизнь... каждый вкладывает душу как умеет и куда умеет: один — в пасть татуированной акулы Н'даку-ванга, другой — в эфемерное бытие слов и фраз, явившихся ниоткуда, в пасть новорожденного текста, идола, неустанно требующего жертв, зубастого вдвое против всех хищников на свете; о, вкладчик души наивней младенца, нам и в голову не придет рассчитывать на проценты со вклада — но они нарастают сами, медленно и неумолимо, пока в один мало прекрасный день ты не начинаешь исподволь понимать: тебе выпал случайный фарт расплатиться по счетам, своим и чужим, и впору разодрать глотку воплем: «Ну почему именно я?!»

Ведь сказано было гласом небесным:

— Скрой, что говорили семь громов, и не пищи сего!

Нет же, влез со своим уставом в чужой монастырь...

Хватит.

На сейчас — хватит.

Я спас самого себя; трубач — туш!

В соседней комнате было тихо. «Как на кладбище...» — мелькает вредная мысль, и я загоняю ее в самый дальний угол, откуда она подмигивает мне. Совсем рядом, на полу, привалясь плечом к боковому валику дивана, расположился Ерпалыч. Рука старика оказывается теплой, пульс бьется ровно, и цыплячья грудь дядька Йора вздымается

вполне пристойно. Валидолу ему дать, что ли? Ладно, обождем. Эх я их... аж самому страшно.

В углу улыбается Фол. С закрытыми глазами, нервно подергивая хвостом. Из уголка рта кентавра тянется вязкая ниточка слюны, теряясь в бороде.

Магистру повезло больше всех: он лежит на диване, глядя в потолок. Я вожу перед его лицом ладонью — никакого результата. У ножки дивана валяются магистровы очки, правое стекло треснуло, и сеть морщинок разбегается по линзе. Очков жалко.

Дорогие небось... по оправе видно.

Остановившись возле Ритки (друг детства зародышем скорчился прямо на полу), я наклоняюсь и поднимаю выпавший из кармана бравого жорика диктофон. Маленький такой, аккуратненький. Видать, тетя Эра надоумила. Перемотка работает вполне исправно, я жду, пока пленка отмотается чуть-чуть назад, и нажимаю кнопку контрольного воспроизведения.

А ну как там «Куреты»?!

Вместо «Куретов» из крохотного динамика плещет океан. Волны бьются о каменистый берег, с шумом уползая обратно, захлебываются воплями чайки, потом вдруг из ниоткуда наслаивается гул голосов, звон посуды...

— *Это вы убили его, мистер Мак-Эванс!* — девичий крик хлещет кнутом, в результате чего я едва не роняю диктофон. Кричат по-русски, и я сразу узнаю голос девушки, сообщившей мне о гибели отца с Пашкой.

Звон гитарной струны.

Течет, плавится...

— *Не мели ерунды, девка, —* рывкают в ответ, огрызаясь. — *Твоего Пола сожрала его любимая тварюка! Вот, капрал свидетель...*

Говорят опять по-русски, чего не может быть по определению, но я понимаю: запись не лжет, запись не морочит мне голову — просто мои заскоки, будь они прокляты, не прошли даром даже для магнитной пленки.

Полубуйтесь!

— *Да, мистер Мак-Эванс. Только капрал Джейкобс упомянул еще кое-что! Что перед тем, как Пола съела акула, кто-то стрелял в него, тяжело ранил и, по-видимому, продырявил его лодку, чтобы замести следы!* — я стою и слушаю, один в квартире среди бесчувственных людей, а девушка все кричит.

И наплывом плещется океан-свидетель.

— *Тебе бы прокурором быть, Эми, —* сипло бросают издалека.

Крики чаек.

Скрежещет колесико зажигалки — близко, совсем близко...

— *Ну, Эми, под присягой я бы не взялся обвинять любого из присутствующих здесь людей. Ты же слышала: я сказал, что мне так показалось. В любом случае, улики теперь нет, так что концы в воду, и...*

Этот бас я уже слышал по телефону.

— *Ask him, does he going to come to U.S.A.?* — вот что тогда спрашивал бас. Сейчас же он рокочуще произносит слова совсем другого языка, словно говорил на нем с детства, с младых ногтей, и я еле сдерживаюсь, чтоб не запустить диктофоном в окно.

Голоса стихают, захлебываются в воплях чаек,
в мерном рокоте волн...

— Алька? Ты в порядке?

Сперва мне кажется, что это снова запись.

— Ты в порядке, спрашиваю?!

— Да, Ритка. Я в порядке. А ты?

— И я... вроде.

Друг детства, кряхтя, встает и подходит ко мне.
Я молча протягиваю ему диктофон.

Океан.

Океан поет в руках Ритки.

— *И убийца останется безнаказанным?* —
вдруг спрашивает океан девичьим голосом, что-
бы ответить самому себе ветром над сине-зеле-
ной равниной.

Ритка ошалело смотрит на меня, выключает
аппарат и сует его в карман.

Океан молчит в кармане.

— Это следовательша велела, — оправдыва-
ясь, говорит Ритка. — Понимаешь, Алька... я так
решил: возьму, а потом тебе запись прокручу.
Если скажешь: нельзя — я сотру, а следовательше
совру, будто батарейки сели. Или еще что...

— Не надо, Ритка, — я улыбаюсь и с удоволь-
ствием слежу, как оттаивает ледяное лицо моего
служивого. — Отдай, как есть, тете Эре. Пусть
насладится сполна. Говоришь, она хотела знать,
что тут у нас происходит? Пусть знает, в подроб-
ностях. И еще...

Еще б понимать, зачем я все это делаю?.. Не
понимаю.

Делаю.

Бегу к рабочему столу, хватаю свежую, еще
тепленькую распечатку и возвращаюсь к другу
детства.

- Держи, Ритка. Это тоже отдашь.
— А-а... а что это? Что это, Алька?!
— Не знаю, — честно отвечаю я. — Но ты все-таки отдай, хорошо? Отдашь?
— Хорошо. Отдам.

На диване ворочается магистр — и сразу, забыв поздороваться, начинает сетовать по поводу разбитых очков.

Минута: и Ерпалыч принимается успокаивать гостя.

Я иду на кухню за водой, переступая по дороге через Идочку (уже явно свыкшуюся с частыми обмороками); я даю воде стечь, набираю доверху огромную, «сиротскую» кружку и тащусь обратно.

Мне очень интересно узнать — что же видели они все в тумане забвения?

Но спрашивать неудобно.

Внутри ворочается Пашка: вчерашний и завтрашний. Чувство одиночества, перерастающее в чувство Предназначения, ряды треугольных зубов милосердно рвут плоть, уже не нужную, как не нужна змее ее прежняя кожа, давая завершиться слиянию... бьют барабаны на берегу во славу Хозяина, во славу Н'даку-ванга, который обрел наконец открывшуюся ему человеческую душу, и ошарашенный радист местной радиостанции наскоро просматривает последние радиogramмы: градом сыплются сообщения с промысловых сейнеров о порванных сетях и полном исчезновении рыбы, а на побережье один за другим закрываются пляжи в связи с невиданной волной нападений акул... на пластмассовых панелях стрим-айлендских домов углем рисуются обе-

реги, свисают с форштейней сделанные Мбете Лакембой амулеты, а еще изредка выходит к немногим адептам из вод морских Пол Рыборукий, обучая и наставляя, после чего возвращается обратно в соленую колыбель, и снова, снова, вновь и опять — ряды треугольных зубов милосердно рвут плоть, уже не нужную, как не нужна змее ее прежняя кожа, давая завершиться очередному слиянию...

Пашка!.. Пашка...

Я чувствую его метания, чувствую противоестественную пуповину, связавшую нас кровью; я — вчерашний и завтрашний. Чувство одиночества, перерастающее в чувство Предназначения; треугольные зубы обстоятельств милосердно рвут сознание, уже не нужное, как не нужна змее ее прежняя кожа, давая завершиться очередному слиянию... кентавры колят асфальтовыми просторами, чалят просвиры на тысячах «алтарок», фермеры дерутся за право подставить буренку под Минотавра в джинсах, молчит душным аквариумом вездесущая Выворотка, в уверенности великой молятся пенсионеры-огородники об урожае огурцов равноапостольному царю Константину, а еще загуляла по Дальней Срани байка про крестника дядька Йора, кручельника знатного, из которого вышел толк пополам с бестолочью, и снова, вновь и опять — чувство одиночества, чувство Предназначения...

Абрамыч!.. ты это, Абрамыч... живот не болит?

Мы оба вздрагиваем внутри реальности, миллионлетнего монстра, высохшей мумии, плотного кокона, исполина, сжавшегося по собственной воле до размеров воробьиного яйца; мы,

птенцы-безумцы, пробуем скорлупу на прочность, и нам кажется, что она поддается, первый намек на трещину змеится наискосок и вверх, вверх, туда, где сидит и ухмыляется в бороду... верней, сидел и ухмылялся.

Все, молчу.

Молчу.

* * *

Нам.

Здесь.

Жить...

Конец первой книги

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вместо предисловия. ВТОРНИК, ТРИДЦАТОЕ ИЮНЯ, ИЛИ ОЛДИ ИМЕЮТ ПАРУ СЛОВ.</i>	5
Пролог	17
Книга 1. АРМАГЕДДОН БЫЛ ВЧЕРА	22

Литературно-художественное издание

**Генри Лайон Олди
Андрей Валентинов**

НАМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ

Книга первая
АРМАГЕДДОН БЫЛ ВЧЕРА

Книга опубликована в авторской редакции
Художественный редактор *И. Сауков*
Технические редакторы *Н. Носова, Л. Панина*
Корректоры *В. Видулкина, М. Белякова*

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 01.03.99.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 16,8.

Тираж 10 000 экз. Заказ 1623.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Книжный клуб "ЭКСМО" - прекрасный выбор!

Приглашаем Вас вступить в Книжный клуб "ЭКСМО"! У Вас есть уникальный шанс стать членом нашего Клуба одним из первых! Именно в этом случае Вы получите дополнительные льготы и привилегии!

Став членом нашего клуба, Вы четыре раза в год будете **БЕСПЛАТНО** получать иллюстрированный клубный каталог.

Мы предлагаем Вам сделать свою жизнь содержательнее и интереснее!

С помощью каталога у Вас появятся новые возможности! В уютной домашней обстановке Вы выберете нужные Вам книги и сделаете заказ. Книги будут высланы Вам наложенным платежом, то есть **БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ОПЛАТЫ**. Каждый член Вашей семьи найдет в клубном каталоге себе книгу по душе!

Мы гарантируем Вам:

- Книги на любой вкус, самые разнообразные жанры и направления в литературе!
- Самые доступные цены на книги: издательская цена + почтовые расходы!
- Уникальную возможность первыми получать новинки и супербестселлеры и не зависеть от недостатков работы ближайших книжных магазинов!
- Только качественную продукцию!
- Возможность получать книги с автографами писателей!
- Участвовать и побеждать в клубных конкурсах, лотереях и викторинах!

Ваши обязательства в качестве члена Клуба:

1. Не прерывать своего членства в Клубе без предварительного письменного уведомления.
2. Заказывать из каждого ежеквартального каталога Клуба не менее одной книги в установленные Клубом сроки, в случае отсутствия Вашего заказа Клуб имеет право выслать Вам автоматически книгу – "Выбор Клуба"
3. Своевременно выкупать заказанные книги, а в случае отсутствия заказа – книгу – "Выбор Клуба".

Примите наше предложение стать членом Книжного клуба "ЭКСМО" и пришлите нам свое заявление о вступлении в Клуб в произвольной форме

**По адресу: 101000, Москва, Главпочтамт, а/я 333,
"Книжный клуб "ЭКСМО"**

В заявлении обязательно укажите полностью свои фамилию, имя, отчество, почтовый индекс и точный почтовый адрес. Пишите разборчиво, желательно печатными буквами.

Отправьте нам свое заявление сразу же, торопитесь! Первый клубный каталог уже сдан в печать!

Книжный клуб «ЭКСМО»

**КНИГИ ПО ПОЧТЕ ПО САМЫМ
ДОСТУПНЫМ ЦЕНАМ:
издательская цена + почтовые
расходы!**

**ЗАЯВКИ ПРИСЫЛАЙТЕ ПО АДРЕСУ:
101000, г. Москва, а/я 333
«КНИЖНЫЙ КЛУБ «ЭКСМО»**

**ВНИМАНИЕ!
НОВЫЙ
АДРЕС!**

СТАРАЯ ДОБРАЯ ФЭНТЕЗИ

«Знак Единорога»

Как известно из мифологии, тому, кому удалось повстречать Единорога, непременно сопутствует удача во всех его начинаниях. Редким везением для ценителей фэнтези являются книги серии «Знак Единорога».

Лучшие мастера жанра открывают читателям врата в сказочные миры, населенные драконами и людьми, эльфами и гномами, орками, гоблинами и другими мифологическими существами. В этих мирах острый меч, меткий арбалет и горячее сердце могут стоять больше, чем ухищрения самого искушенного мага. Здесь любят и жертвуют, сражаются и ненавидят во имя единственной великой цели. Здесь силы Света и Тьмы сходятся в кровавых битвах, чтобы разрушить сложившееся вековечное Равновесие.

- 403001 Джон Р. Р. Толкиен «Властелин Колец», в 3-х томах.**
- 403002 Роберт Асприн «Мир Воров».**
- 403003 Роберт Асприн «Тени Санктуария»**
- 403013 Роджер Желязны «Театр одного демона»**
- 403005 Николай Толстой «Пришествие Короля»**
- 403006 Эрик Ластбадер «Закатный воин», в 2-х томах.**

Все книги объемом 500-650 стр.,
твердый, целлофанированный пе-
реплет, шитый блок.

Цена одной книги 30 р. 00 коп.

**КАЖДОМУ НАШЕМУ ПОДПИСЧИКУ – БЕСПЛАТНЫЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЦВЕТНОЙ КАТАЛОГ!**

Книжный клуб «ЭКСМО»

КНИГИ ПО ПОЧТЕ ПО САМЫМ
ДОСТУПНЫМ ЦЕНАМ:
издательская цена + почтовые
расходы!

ЗАЯВКИ ПРИСЫЛАЙТЕ ПО АДРЕСУ:
101000, г. Москва, а/я 333
«КНИЖНЫЙ КЛУБ «ЭКСМО»

«КНИГИ Ника ПЕРУМОВА»

ВНИМАНИЕ!
НОВЫЙ
АДРЕС!

НОВАЯ ЖИЗНЬ «СТАРОЙ ДОБРОЙ ФЭНТЕЗИ»

Не только американцы и англичане могут создавать шедевры настоящей классической фэнтези. У Джона Р.Р.Толкиена и Роджера Желязны появился достойный преемник в лице Санкт-Петербургского писателя Ника Перумова. Фэнтези Перумова сочетает в себе все традиционные достоинства жанра, обогащенные безграничными возможностями русского литературного языка. В его книгах волшебство кажется еще изощреннее, мечи – острее, а герои – неутомимее.

- 404001 «Алмазный меч,
Деревянный меч» в 2-х томах,
- 404002 «Разрешенное волшебство»,
- 404003 «Враг неведом»,
- 404004 «Черное копье»,
- 404005 «Эльфийский клинок»,
- 404006 «Адамант Хенны»,
- 404007 «Черная кровь»,
- 404008 «Рождение Мага»,
- 404009 «Черный смерч»,
- 404010 «Странствия мага»,
- 404011 «Хроника Хьерварда» в 6-ти томах.

Все книги объемом 500-650 стр.,
твердый, целлофанированный пе-
реплет, шитый блок.

Цена одной книги 30 р. 00 коп.

**КАЖДОМУ НАШЕМУ ПОДПИСЧИКУ – БЕСПЛАТНЫЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЦВЕТНОЙ КАТАЛОГ!**

Книжный клуб «ЭКСМО»

**КНИГИ ПО ПОЧТЕ ПО САМЫМ
ДОСТУПНЫМ ЦЕНАМ:
издательская цена + почтовые
расходы!**

**ЗАЯВКИ ПРИСЫЛАЙТЕ ПО АДРЕСУ:
101000, г. Москва, а/я 333
«КНИЖНЫЙ КЛУБ «ЭКСМО»**

«АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ»

**ВНИМАНИЕ!
НОВЫЙ
АДРЕС!**

Василий ГОЛОВАЧЕВ

На сегодняшний день Василий Головачев является самым популярным российским писателем-фантастом. Его книги пользуются бешеным успехом, любая новинка сразу же становится бестселлером. Отличительные черты его произведений:

- головокружительные сюжеты,
- яркие, запоминающиеся образы героев,
- впечатляющий поток информации, обогащающей даже самого эрудированного читателя.

- 401001 «СМЕРШ-2»
- 401002 «ПЕРЕХВАТЧИК»
- 401003 «РАЗБОРКИ ТРЕТЬЕГО УРОВНЯ»
- 401004 «БИЧ ВРЕМЕН»
- 401005 «СХРОН»
- 401006 «ИЗЛОМ ЗЛА»
- 401007 «ИСТРЕБИТЕЛЬ ЗАКОНА»
- 401008 «ПОСЛАННИК»
- 401009 «ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»
- 401010 «ХРОНОВЫВЕРТ»
- 401011 «ПИРАНИ»
- 401012 «РЕЛИКТ» в 2-х томах
- 401013 «ЧЕЛОВЕК БОЯ»
- 401014 «ПОЛЕ БОЯ»
- 401015 «ЛОГОВО ЗВЕРЯ»
- 401016 «КОРРЕКТИРОВЩИК»

Все книги объемом 450-700
стр., твердый, целлофанован-
ный переплет, шитый блок.

Цена одной книги 30 р. 00 коп.

**КАЖДОМУ НАШЕМУ ПОДПИСЧИКУ – БЕСПЛАТНЫЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЦВЕТНОЙ КАТАЛОГ!**

Книжный клуб «ЭКСМО»

КНИГИ ПО ПОЧТЕ ПО САМЫМ
ДОСТУПНЫМ ЦЕНАМ:
издательская цена + почтовые
расходы!

ЗАЯВКИ ПРИСЫЛАЙТЕ ПО АДРЕСУ:
101000, г. Москва, а/я 333
«КНИЖНЫЙ КЛУБ «ЭКСМО»

ВНИМАНИЕ!
НОВЫЙ
АДРЕС!

Книги Гарри ГАРРИСОНА

Гарри Гаррисон – живая легенда современной фантастики. Первые же строчки его книг служат пропуском в удивительный, полный загадок и тайн мир далеких планет, головокружительных, захватывающих дух космических приключений. Присущий автору тонкий юмор придает его бесстрашным и бесшабашным героям неповторимое обаяние. **Великий автор – великие книги!**

ЦИКЛ «СТАЛЬНАЯ КРЫСА»

- 402001 «Стальная Крыса отправляется в ад»
- 402002 «Стальная Крыса поет блюз»
- 402003 «Ты нужен Стальной Крысе»
- 402004 «Рождение Стальной Крысы»
- 402005 «Месть Стальной Крысы»
- 402006 «Стальная Крыса на манеже»

ЦИКЛ «МИР СМЕРТИ»

- 402011 «Мир смерти»
- 402012 «Возвращение в Мир смерти»
(в соавторстве с Антом Скаландисом)
- 402013 «Мир смерти против флибустьеров»
(в соавторстве с Антом Скаландисом)
- 402014 «Мир смерти и твари из преисподней»
(в соавторстве с Антом Скаландисом)

- 402015 «Чума из космоса»
- 402016 «Плененная Вселенная»
- 402017 «Фантастическая сага»
- 402018 «Кольца анаконды»
- 402019 «Запад Эдема»
- 402020 «Зима в Эдеме»
- 402021 «Возвращение в Эдем»
- 402022 «Планета проклятых»

Все книги объемом 400-550 стр.,
твердый, целлофанированный пе-
реплет, шитый блок.

Цена одной книги 30 р. 00 коп.

**КАЖДОМУ НАШЕМУ ПОДПИСЧИКУ – БЕСПЛАТНЫЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ ЦВЕТНОЙ КАТАЛОГ!**

ISBN 5-04-001669-7

9 785040 016693 >